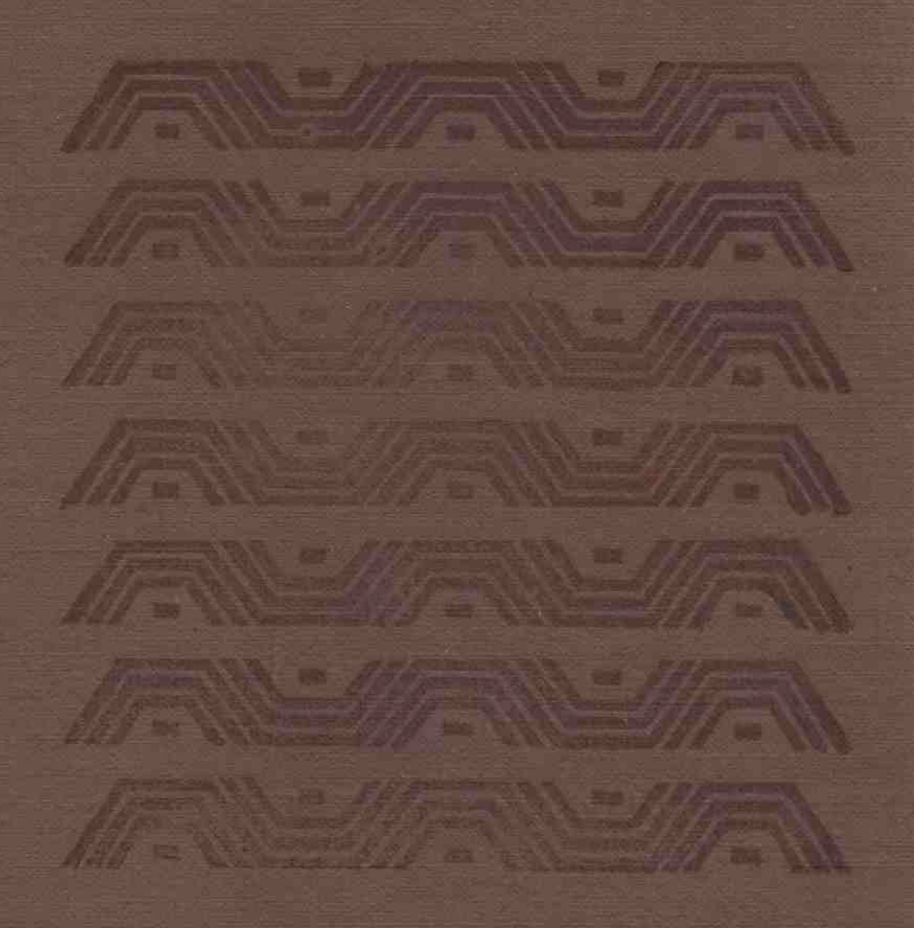
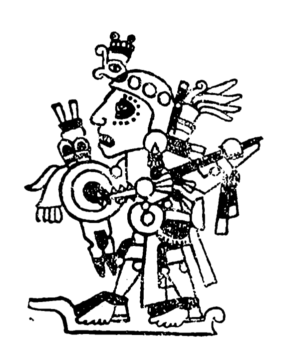
Дж. Вайян

История ацтеков

Д Ж. В А И Я Н

ИСТОРИЯ АЦТЕКОВ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

М. И. БАРАНОВИЧ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ

академика В. В. СТРУВЕ

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

Р. В. КИНЖАЛОВА

1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

И*Л

Издательство
иностранной
литературы

*

G. Vaillant

AZTECS OF MEXICO

NEW YORK

1941

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологическое изучение Мексики только еще начиналось, когда в конце минувшего века Ф. Энгельс писал свое классическое произведение «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако это не помешало Энгельсу со свойственной ему гениальной прозорливостью дать предельно четкое и ясное определение общества ацтеков, самобытную культуру которых в начале XVI в. безжалостно уничтожили испанские завоеватели.

Книга недавно умершего американского археолога Вайяна «История ацтеков» содержит обильный фактический материал, позволяющий конкретизировать указания Энгельса о социальном строе ацтеков.

Джордж Клапп Вайян (1901—1945), американский антрополог и археолог (получил специальное образование в Гарвардском университете), уже с 1919 г. принимал участие в раскопках и вплоть до 1936 г. ежегодно участвовал в археологических экспедициях в Мексике, сначала в качестве сотрудника, а потом и руководителя. В 1923—1924 гг. он выезжал в Египет и в Карфаген, где работали археологи Гарвардского университета. Однако древняя Мексика продолжала оставаться в центре интересов Вайяна, и он лично исследовал многие из тех поселений, о которых пишет в своей книге: Сакатенко, Тикоман, Эль-Арболильо, Теотиуакан, Гуалупиту, Аскапоцалко, Чиконаутлу, Ноноалко. Одновременно Вайян работал в Американском музее естественной истории и университетском музее Гарварда и вел преподавание в университетах: Гарвардском, Иельском, Пенсильванском и Колумбийском. Во время войны он работал в Институте по исследованию Андов, а затем был назначен атташе по культурным связям при американском посольстве в Перу. На этой должности он оставался почти до самой смерти.

Вайяну принадлежит значительное количество специальных статей и несколько книг, из которых «История ацтеков» (The Aztecs of Mexico, Garden City, 1941) может справедливо считаться его основным трудом. В ней он подвел итог своих исследований и исследований ряда других буржуазных ученых. Труд основан на изучении большого количества археологических и

письменных источников. Именно в этом большом фактическом материале и заключается ценность книги Вайяна.

Труд Вайяна «История Ацтеков», как уже отмечалось, включает обильный материал по истории культуры этого народа, однако книга охватывает не только историю культуры. Первые главы «Истории ацтеков» дают краткую систематическую сводку всего того, что известно о народах и племенах древней Мексики — предшественниках и соседях ацтеков. Автор определил последовательность этапов исторического развития Центральной Америки и установил некоторые до этого неизвестные факты. Таким образом, если не считать отдельных исправлений и дополнений, которые должны быть внесены в связи с открытиями, сделанными после смерти Вайяна *, его труд представляет собой сводку всех достижений буржуазной науки в области изучения прошлого ацтеков. Но методологические установки Вайяна нас ни в коем случае удовлетворить не могут, хотя в ряде случаев логика фактов наталкивает и его на некоторые правильные частные выводы и наблюдения, в особенности когда он пользуется исследованиями друга Л. Моргана — А. Банделье.

Приведенные в книге Вайяна факты, многие из которых стали известны лишь в течение последних десятилетий, убедительно подтверждают правильность предложенной Ф. Энгельсом более пятидесяти лет тому назад характеристики ацтекского общества. Мастерское владение марксистским методом дало возможность Энгельсу еще в конце XIX в. на материале повествовательных источников правильно определить закономерности развития доклассового общества и тем самым дать верную характеристику общественного строя древних ацтеков.

Как известно, Энгельс использовал в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» наблюдения, изложенные в знаменитом труде Льюиса Моргана «Древнее общество», содержащем, согласно подзаголовку, «исследование линии человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации». Оба основоположника марксизма чрезвычайно высоко оценивали заслуги Моргана в области изучения первобытного общества. «Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом 40 лет тому назад, и, руководимый им, пришел при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах, к тем же результатам, что и Маркс» **, — писал Энгельс в 1884 г. в предисловии к 1-му изданию названного выше труда.

* См. в конце книги статью Р. В. Кинжалова «Археологическое изучение Мексики за последние годы».

** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, М., 1948 г., стр. 160.

В противоположность Марксу и Энгельсу, буржуазная наука старательно замалчивала действительно великие открытия Моргана. Причину столь неприязненного отношения «официальной школы» к американскому ученому Энгельс указывает в предисловии к 4-му изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства», вышедшему в 1891 г. Он пишет, что Морган «не только подверг цивилизацию — общество товарного производства, основную форму нашего современного общества, — критике, заставляющей вспомнить о Фурье, но и говорит о грядущем преобразовании этого общества такими словами, которые мог бы сказать Карл Маркс» *. Заговор молчания по отношению к Моргану продолжается среди буржуазных ученых, как европейских, так и американских, до сих пор.

В этом заговоре молчания участвует и автор книги «История ацтеков» — Д. К. Вайян. В обширной библиографии, приложенной к английскому изданию, мы напрасно стали бы искать упоминание работы Моргана «Древнее общество», которую Энгельс назвал трудом, создавшим эпоху **. Вайян, отказавшись в угоду официальной буржуазной науке от предложенной Морганом характеристики ацтекского общества, пользовался, однако (и это положительным образом сказалось на его труде), работой другого американского прогрессивного ученого, друга Моргана, а именно А. Ф. Банделье, который, в противоположность Моргану, не делал из своих наблюдений страшных для капиталистического общества выводов о будущем возрождении, «в высшей форме — свободы, равенства и братства древних родов» ***. Поэтому он не был предан остракизму буржуазной наукой, и использование его исследований считается допустимым для благонамеренного американского ученого. Вайян довольно широко привлек работы Банделье в главах VI и VII («Люди и племя» и «Экономика») своей книги. Следуя Банделье, Вайян пишет: «И в теории и на практике ацтекское общество было демократическим, и его экономическую базу составляло общинное владение средствами производства» (стр. 89). Изучая исследования последователя Моргана — Банделье, Вайян невольно до некоторой степени перенял материалистическое толкование исторического процесса и иной раз верно освещал, опираясь на многообразный включенный в его книгу материал, некоторые стороны жизни древних ацтеков. Например, он правильно пытается понять религию ацтеков, исходя из исследования социальных обязанностей

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, М., 1948 г., стр. 132.

** Там же, стр. 172.

*** Там же, стр. 310.

и хозяйства (стр. 85). В главе, посвященной быту ацтеков, Вайян проводит резкую грань между бытом родовой знати и основной массы племен (стр. 102—103).

Тем не менее, считать Вайяна приверженцем материалистического метода в изучении истории нельзя. Это типичный представитель позитивистской буржуазной историографии. В его книге нередко проскальзывают характерные для буржуазного историка объективизм и модернизация исторического процесса.

Будучи типичным буржуазным ученым, Вайян не осознает качественного отличия производительных сил классового общества от производительных сил первобытно-общинного строя и поэтому без стеснения говорит о преимуществах архитектуры ацтеков по сравнению с архитектурой Египта рабовладельческой эпохи. Он отдает дань методологии буржуазной историографии и тогда, когда уделяет непомерно большое внимание миграции как фактору исторического процесса. Так, в I главе миграциями объясняется изменение в хозяйстве, а во II главе — перемены в стиле художественных изделий.

Все указанные недочеты книги Вайяна надлежит учесть для того, чтобы можно было использовать приведенный им обширный и разнообразный материал для создания подлинно научной, марксистско-ленинской характеристики общества ацтеков, которое было уничтожено бандой испанских авантюристов, возглавляемых Эрнандо Кортесом.

Каков же был строй ацтекского общества того периода его существования, когда оно играло столь значительную роль в истории племен Центральной Мексики, что испанские завоеватели сравнивали его с современными им феодальными государствами Европы?

Период расцвета ацтекского общества был непродолжителен. Он начинается с 1426 г., года заключения союза трех племен — ацтеков Мехико, тескоко и тлакопанцев, — и заканчивается 1521 г., годом вторжения испанцев, т. е. обнимает немногим менее столетия. Морган безусловно прав, когда заявляет, что «до 1426 г., когда возникла ацтекская конфедерация, в жизни племен долины произошло очень мало, что бы имело историческое значение» *. Теснимые более сильными племенами, ацтеки нашли себе убежище на небольшом острове площадью около 12 кв. км, находившемся в болотистой юго-западной части озера Тескоко. Здесь они основали два поселения — Теночтитлан и Тлалтелолко, — которые долго сосуществовали как два самостоятельных пуэбло (племенных поселка). Лишь в середине XV в. Теночтитлан победил своего соперника, и оба поселения слились в одно грандиозное пуэбло, носившее имя Мехико. Ацтеки Теночтитлана и Тлалтелолко принимали в

* *Л. Морган*, Древнее общество. Л., 1935 г., стр. 112.

свою среду многочисленных представителей других племен, так что их остров стал убежищем для беглецов с материка. Поэтому на ацтекском племени лежала печать искусственного образования, хотя оно по большей части и было создано из родственных элементов.

Объединенные в 1426 г. наступательно-оборонительным союзом, ацтеки, тескоканцы и тлакопанцы сломили господство мощного племени тепанеков и разрушили его главное селение Аскапоцалко на западном берегу озера Тескоко. Уничтожив гегемонию тепанеков, союз трех вышеназванных племен занял их место и стал в течение последующего времени, вплоть до прихода испанцев, вести постоянные войны с соседними племенами. В этих войнах очень скоро ведущую роль начали играть ацтеки. Они заняли главенствующее место в союзе племен. Для внешнего мира слава ацтеков и их громадного пуэбло Мехико полностью затмила и тлакопанцев и даже значительно более мощных тескоканцев, игравших в прошлом значительную роль среди окружающих племен. Поэтому вполне понятно, что некоторые из испанских историков были склонны преувеличивать численность населения пуэбло Мехико, основного поселения ацтеков, которые держали, казалось, опираясь лишь на свои собственные силы, в подчинении и страхе многочисленные племена вплоть до морского побережья на востоке. Современная буржуазная наука некритически подошла к явно преувеличенным численным данным испанских историков. Не является исключением в данном отношении и Вайян, слепо следующий за такими историками, как Гомара и Мартир, утверждавшими, что в Теночтитлане количество домашних очагов составляло 60 тысяч. Ваяйн заявляет, что город Мехико имел 200 тыс. жителей (стр. 96), забывая о том, что Суасо, посетивший Мехико в 1521 г., определил его население в 60 тыс. человек, и это же количество мы находим и у анонимного конкистадора, сопровождавшего Кортеса. Л. Морган считает, что данные последних двух авторов наиболее близки к действительному положению вещей *. Знаменитый американский исследователь обосновал это вполне закономерно указанием на то, что «те, кто принимают еще большее число, должны доказать, каким образом варварский народ, не имевший домашних животных и стад и не знавший полевого земледелия, мог прокормить на такой же территории большее число жителей, чем может содержать в настоящее время цивилизованный народ, вооруженный всеми этими преимуществами» **.

Вайян не понимает подлинного значения производительных сил и того основного положения единственно научной, марксистской методологии, что «в соответствии с изменением и разви-

* *Л. Морган,* Древнее общество. Л., 1935 г., стр. 114.
** Там же.

тием производительных сил общества на протяжении истории — изменялись и развивались производственные отношения людей, их экономические отношения» *. Главу, говорящую о строе ацтекского общества, он ставит перед главами, посвященными характеристике его производительных сил, и строй ацтеков у него не вытекает из этой характеристики. Между тем, следует сказать, что земледелие, основа хозяйства ацтеков и союзных с ними оседлых племен, велось у них с помощью самых примитивных орудий труда. Важнейшей особенностью, специфической для древней земледельческой культуры ацтеков Мехико, отличающей ее от земледельческих культур восточного полушария, является прежде всего отсутствие сельскохозяйственных животных. Испанские писатели говорят лишь о «немой собаке», которую они нашли на Вест-Индских островах, а также в Мексике. Кроме собаки, племена Центральной Америки знали лишь одомашненных птиц — индеек, особую породу мелких уток и некоторые виды дикой курицы. Все сельскохозяйственные работы производились вручную. Поэтому у ацтеков и не было подлинного полеводства, а они возделывали в искусственно орошаемых огородах (так называемых «чинампа») маис, бобы, тыкву, табак. Универсальным земледельческим орудием была простая палка-копалка, так называемая «коа». Основной земледельческой культурой был маис (именно в Центральной Америке нужно, по мнению некоторых ученых, искать родину этого растения). Морган указывает, что маис, благодаря «его пригодности к употреблению как в зеленом, так и в зрелом состоянии, его высокой урожайности и питательности, оказался более богатым даром природы, содействовавшим начальному прогрессу человечества, чем все другие хлебные злаки, вместе взятые» **. Маис, источник обильной мучной пищи, постепенно освободил ацтекское общество от людоедства, которое сохранилось, правда, «как религиозный акт или, что здесь почти равносильно, как колдовство» ***.

Ацтеки обладали довольно высокой строительной техникой, которая давала им возможность воздвигать из кирпича-сырца и камня похожие на крепость общинные дома. Они сумели посредством плотин и каналов окружить свое пуэбло обширным искусственным озером и благодаря этому укрепили свое положение среди прочих племен. Согласно Моргану, ацтекская «строительная техника... была одним из крупнейших достижений, без которого они, вероятно, не поднялись бы над уровнем окружающих их племен» ****.

---

* Краткий курс истории ВКП(б), стр. 119.

** *Л. Морган*, цит. соч., стр. 18.

*** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, М., 1948 г., стр. 178.

**** *Л. Морган*, цит. соч., стр. 112.

Эти достижения строительной техники ацтеков покоились, так же как и их достижения в области земледелия, на весьма примитивных орудиях труда. Ацтеки, правда, обрабатывали самородные металлы — золото, серебро и медь, — но только лишь способом холодной ковки. В противоположность перуанцам, ацтеки еще не знали бронзы, и поэтому они все еще не могли обходиться без оружия и орудий из камня. Не применяли технических усовершенствований и творцы великолепных нарядов из пестрых птичьих перьев, так же как и прядильщики хлопчатобумажных тканей превосходной работы. Простейшим ткацким станком и веретеном с пряслицем ограничивалось оборудование мастерской ткача. Искусным гончарам ацтеков не был известен гончарный круг. Тем не менее, ацтекские ремесленники добивались поразительных успехов виртуозным применением своих примитивных орудий труда. Особенно примечательны их достижения в прикладном искусстве. Кортес должен был признать, что ювелирные изделия мексиканцев превосходят по мастерству изделия испанских ювелиров. Правда, предводитель конкистадоров, знавший до того лишь индейцев Антильских островов, пребывавших на средней ступени дикости, был склонен к преувеличенной оценке всего того, что он видел во время своего похода в пуэбло Мехико. Но все же, как отмечает советский историк искусства А. А. Сидоров в своей книге, посвященной искусству древней Америки, золотые изделия мексиканцев, доставленные в Европу, «вызвали всеобщее удивление и восхищение таких знатоков, как Петрус Мартир, испанский хронист, и Альбрехт Дюрер, великий немецкий художник» *. Поражают мастерством и некоторые творения ацтекских ваятелей, как, например, голова воина, представленная на табл. 40.

Весьма примитивным было и пиктографическое (рисуночное) письмо ацтеков, служившее в основном для записи дани, получаемой с покоренных племен.

Достаточно примитивны были и семейные отношения, которые застали в XV в. у ацтеков испанцы. Ф. Энгельс пишет о семье в Америке: «Нет таких признаков, которые позволили бы заключить, что здесь до открытия и завоевания когда-либо существовала где-нибудь прочная моногамия» **. Вайян воздерживается от попытки дать характеристику семьи ацтеков, но данные, приведенные им на стр. 88—89, не противоречат заключению, что семья у ацтеков была парной. На основании данных, приводимых Вайяном, можно заключить, что ацтекское общество XV в. было обществом варварским, не знавшим еще государства, находившимся еще в рамках родового строя.

---

* *А. А. Сидоров,* Искусство древней Америки, М.—Л., 1933 г., стр. 56.
** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* цит. соч., стр. 201.

Испанские авторы не видели родов у ацтеков, так же как американские авторы до Моргана не видели ирокезских родов *. Только Морган вскрыл значение этой основной ячейки социальной системы, характерной для периода варварства. В главе о социальной организации ацтеков Вайян, как уже отмечалось, следовал взглядам личного друга Моргана — Банделье. Поэтому он смог достаточно полно отметить черты родового строя, существовавшего у ацтеков, и подчеркнуть демократичность их социальной организации. Каждый ацтек входил в состав рода, а через род — в состав племени, которое обычно состояло из 20 родов. Каждый род решал свои дела и выбирал руководителей из числа людей, выделившихся личной доблестью или осведомленностью в области культа. Дела, касающиеся всего племени, решались советом, в который входили руководители родов (стр. 86). Морган указывает и на наличие фратрий в родовой организации ацтеков. Здесь они назывались калпулли. Вайян также находит их в тех четырех подразделениях, на которые распадались 20 родов племени ацтеков. Фратрии эти выбирали четырех вождей, державших в своих руках исполнительную власть и руководивших военными силами (стр. 91). Морган приводит очень любопытную цитату из «Мексиканской хроники» туземного автора Тесосомока о том, что мексиканским вождем был поставлен вопрос, готовы ли выступить в поход «все мексиканцы, по правилам и обычаям каждого округа, каждый со своими вождями». Морган очень удачно сопоставил это место из хроники Тесосомока с советом Нестора Агамемнону построить войска по фратриям и племенам **. Каждой из упомянутых четырех фратрий соответствовал особый квартал в пуэбло Мехико ***, и каждый из четырех вождей вместе с тем был и начальником соответствующего квартала. Он разделял землю между родами, входившими в состав фратрии-квартала, а руководители родов распределяли ее между отдельными членами. Испанские писатели подчеркивают, что собственниками земли были фратрии и роды. Человек, обрабатывавший индивидуальный участок, являлся собственником только одного урожая. Поэтому прав Морган, заявляя, что «вывод о существовании у ацтеков родов вытекает также из их землевладения» ****.

Вполне закономерно Вайян отмечает демократичность родовой организации в Теночтитлане. Однако автору следовало бы также указать и на то, что принцип демократии при выборе четырех вождей фратрий несколько нарушался. На стр. 91

---

* *Л. Морган*, цит. соч., стр. 115.

** Там же, стр. 117.

*** Там же, стр. 116. Л. Морган отмечает, что эти четыре квартала Мехико существовали и в его время и назывались кварталами св. Иоанна, св. Марии, св. Павла, св. Себастиана.

**** Там же, стр. 117.

своей книги он говорит о том, что верховный военный вождь Теночтитлана — «тлакатекутли» («глава мужей»), называемый испанскими писателями «королем» или «императором», выбирался из четырех вождей племени. Если это утверждение автора соответствует действительности, то в таком случае следует допустить, что по крайней мере один из четырех вождей фратрий был тесно связан с определенным родом соответствующей фратрии. Это вытекает из того, что должность верховного военного вождя, занимаемая Монтесумой, его предшественниками и преемниками, была наследственна в одном определенном роду, одним из представителей которого она замещалась *. Верховный военный вождь представлял Теночтитлан перед внешним миром, и поэтому вполне понятно, что в глазах испанцев он затмил собой всех прочих должностных лиц родовой организации ацтеков. Современники завоевания Мексики неоднократно упоминают о каком-то совете, с которым Монтесума обсуждал требования, предъявленные испанцами. К сожалению, они ничего не сообщают ни о числе членов совета, ни о функциях его. Морган готов был видеть в нем племенной совет, представляющий собой «постоянное явление во всех частях туземной Америки» **. В связи с этим К. Маркс высказывает следующую гениальную догадку: «Не могли ли испанцы ошибочно принять за *племенной совет,* который состоял из родовых вождей, *главного военного вождя и, возможно, четырех других должностных лиц,* избиравшихся из определенного рода, совершенно так, как, например, у ирокезов, у которых хранители вампума выбирались из определенного рода? Должность могла стать наследственной *в этом роде»* ***. Я полагаю, что догадка Маркса правильно освещает вопрос о совете Монтесумы. В состав совета входили, наверное, четыре вождя фратрий, из которых, очевидно, каждый выбирался из определенного рода своей фратрии. В таком случае не только при выборе верховного вождя, но и при выборе вождя фратрии демократический принцип родовой организации нарушался. Во всех четырех фратриях среди прочих родов выделялся тот род, из представителей которого выбирался вождь фратрии. Среди этих четырех привилегированных родов первое место занимал род, представитель которого, будучи уже вождем фратрии, избирался затем в верховные военные вожди. Согласно Вайяну, верховный военный вождь, прежде чем вступить в должность, часто выполнял обязанности должностного лица — «змеи-женщины»

---

* *Л. Морган,* цит. соч., стр. 117.

** Там же, стр. 120.

*** Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, 1941 г., стр. 127 (подчеркнуто Марксом).

(«сиуа-коатл»), — руководившего делами гражданскими и религиозными (стр. 92). Таким образом, высшее руководство как на войне, так и в мирной жизни племени стало наследственным в одном, особо привилегированном роде.

Поэтому не совсем прав Морган, безоговорочно сопоставляя ацтеков с другими оседлыми племенами Центральной Америки, достигшими средней ступени варварства. Он готов даже утверждать, что «ацтеки представляют наилучшую иллюстрацию данного состояния древнего общества» *. Несколько иначе определяет уровень развития общества ацтеков Ф. Энгельс. Правда, в начале «Происхождения семьи, частной собственности и государства», в разделе, посвященном общей характеристике развития производительных сил периода варварства, он на первый взгляд как будто повторяет определение Моргана: «индейцы так называемых пуэбло в Новой Мексике, мексиканцы, обитатели Центральной Америки, и перуанцы стояли ко времени завоевания на средней ступени варварства» **. Однако в дальнейшем изложении Энгельс дает несколько иную характеристику ацтекского общества. В главе «Греческий род» Энгельс останавливается на определении басилевса героического периода, данном Аристотелем, и приходит к выводу, что «правительственной властью в позднейшем смысле он, следовательно, не обладал» ***. Это заключение Энгельс дополняет весьма ценным для решения интересующей нас проблемы примечанием: «как греческого басилевса, так и ацтекского военачальника подменяли современным владетельным князем.

Морган впервые подвергает исторической критике первоначально основанные на недоразумении и преувеличенные, а затем и прямо лживые сообщения испанцев и доказывает, что мексиканцы стояли на средней ступени варварства, но несколько опередили в своем развитии новомексиканских индейцев пуэбло и что их общественный строй, насколько можно судить по искаженным сведениям, соответствовал этому: это был союз трех племен, подчинивший себе и обложивший данью несколько других племен и управлявшийся союзным советом и союзным военачальником, которого испанцы превратили в «императора» ****. В связи с приведенным выше примечанием Энгельса следует подчеркнуть оригинальность его положения о том, что мексиканцы «несколько опередили в своем развитии новомексиканских индейцев пуэбло». Морган никак не выделял ацтеков среди оседлых племен других частей Мексики и Центральной Америки. Если же Энгельс, тем не менее, утверждал, что они

* *Л. Морган*, цит. соч., стр. 110.

** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 177.

*** Там же, стр. 248.

**** Там же.

несколько опередили окружающие их оседлые племена, то это было, очевидно, обусловлено более глубоким пониманием положения ацтекского военачальника, который уже управлял союзом трех племен, а не только руководил во время войны его боевыми силами. Подобное расширение обязанностей и прав военачальника характерно уже для высшей ступени варварства, когда, говоря словами Энгельса, «военачальник народа — rex, basileus, thiudans — становится необходимым, постоянным должностным лицом» *. Возвышению верховного военного вождя ацтеков содействовали, конечно, те длительные войны, которые вели пуэбло Мехико и его союзники с соседними племенами. Непрестанные войны создали благоприятные условия для превращения верховного военного вождя в постоянное должностное лицо.

Эти же войны содействовали разложению родового строя ацтеков. Ацтеки вели их теперь уже ради грабежа, и если раньше война могла привести к уничтожению враждебного племени, но не к его порабощению, то теперь ацтеки заставляли платить дань каждое покоренное селение. Вот что говорит о ней, так же как и о методах ее взимания, Маркс: «эта *дань*, которая налагалась планомерно и взыскивалась с жестокостью, состояла из *тканей* и *продуктов огородничества*» **. Его слова о жестокой эксплоатации ацтеками побежденных племен находят яркое подтверждение в свидетельстве хрониста XVI в. Фернандо де Альморадо Тесосомока, который рассказывает о жалобах, приносимых испанцам на ацтеков жителями местности Тлалманалко. Ацтеки, — сетовали эти туземцы, — «то и дело сгоняли их на барщину, на подвоз и переноску камней, леса, маиса, на обработку городских полей: собственными их полями завладели мексиканские храмы, а жен и детей уводили насильно, не говоря уже об обычной охоте на людей для жертвоприношений» ***.

В результате успешных походов в селения ацтеков и их союзников в громадном количестве пригонялись военнопленные. Правда, значительная их часть становилась жертвой кровавого ритуала ацтеков. Однако некоторые пленные, знакомые с каким-либо ремеслом или выделявшиеся своими способностями, становились домашними рабами или использовались на работах, проводимых родовыми общинами. Наряду с военнопленными рабами ацтеки уже владели рабами из числа своих соплеменников. Часть из них попадала в рабство за различные преступления, как, например, за предательство, кражу и т. д. Такие рабы,

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, цит. соч., стр. 296.

** Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, стр. 123 (подчеркнуто Марксом).

*** Цит. по книге *А. А. Сидорова*, Искусство древней Америки, М.—Л., 1937 г., стр. 31.

согласно Вайяну (стр. 93), часто передавались тем лицам, которым они причинили вред. Если порабощение как наказание за совершенное преступление может иметь место и при родовой организации, то самопродажа бедняка в рабство уже не совместима с подлинным родовым строем, когда еще «невозможно расслоение племени и рода на различные классы» *. Ацтекское родовое общество уже знало различие между богатыми и бедными, которое возникло в результате того, что более удачливые и искусные воины при дележе добычи получали бо̀льшую долю, нежели их сородичи (стр. 90). Потому здесь были люди, вынужденные за долги продавать в рабство своих детей или даже самих себя (стр. 93—94). В результате голода 1451—1456 гг. некоторая часть жителей Мехико, которая не смогла прокормиться, превратилась в рабов своих экономически более сильных сородичей, обладавших достаточными запасами или средствами, чтобы прокормить в тяжелые годы не только свои семьи, но и рабов (стр. 80—81). Этого факта не может от нас скрыть метод изложения Вайяна, всячески стремящегося сгладить противоречия между эксплоататорами и эксплоатируемыми. Он представляет самопродажу бедняков таким образом, что «они добровольно шли в рабство, чтобы попасть на содержание более обеспеченных» (стр. 80—81). Говоря о положении раба-ацтека, Вайян утверждает, что дети такого раба, имевшего свою семью, всегда рождались свободными. Однако это утверждение автора определенно противоречит приведенному им же самим материалу. На рисунке, взятом из Флорентинского кодекса (таблица 38, налево внизу), изображена семья рабов — отец, мать и двое детей. Все четверо носят ошейники, обычные для рабов. Связь раба-ацтека с его родовой общиной сказывалась лишь в постановлении уголовного права, определявшем смертную казнь не только за убийство свободного ацтека, но и за убийство ацтека-раба (стр. 95). В Мехико был целый невольничий рынок. Берналь Диас, описывая рынок в Теночтитлане, рассказывает, что «невольники имели на себе ошейники, которые были прикреплены к длинным гибким шестам, очень немногие могли двигаться свободно» **.

Войны, положившие начало, как мы видели выше, имущественному неравенству в родовом обществе Теночтитлана, способствовали, в частности, неравенству в распределении земельных наделов. Это обусловливалось тем, что воин, отличившийся своей доблестью, иной раз получал не только большую долю

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, М., 1948 г., стр. 292.

** *Д. Н. Егоров*, Записки солдата Берналя Диаса, т. I, стр. 147. Согласно свидетельству Диаса, в Теночтитлане «рабский рынок был нисколько не меньше португальского рынка гвинейских негров».

добычи, но и лишний земельный надел (стр. 90). Когда же воины Теночтитлана стали захватывать земли соседних племен, то территория последних разбивалась на наделы, которые передавались знатным воинам. Естественно, это усиливало расслоение ацтекского племени, что уже не характерно для средней ступени варварства. Обусловленные таким образом противоречия находят свое отражение в искусстве древней Мексики, как это было отмечено А. А. Сидоровым, подчеркнувшим, что «всякая противоречивость в искусстве отражает противоречия классовой действительности» *.

Не совсем соответствует признакам, характерным для общества, пребывающего на средней ступени варварства, и наличие у ацтеков мощного организованного жречества. Правда, Морган утверждает, что «организованное жречество появляется впервые у американских туземцев на средней ступени варварства в связи с изобретением идолов и человеческих жертвоприношений, служивших средством приобретения власти над человечеством при посредстве религиозных чувств» **. Однако индейцы пуэбло в Новой Мексике, безусловно стоявшие в своем развитии на средней ступени варварства, не имели столь влиятельной организации жрецов. Поэтому наличие последней у ацтеков, так же как и ряд других указанных выше обстоятельств, определяющих начало разложения родовых порядков в Теночтитлане, превосходно подкрепляет положение Ф. Энгельса, что ацтеки «несколько опередили в своем развитии новомексиканских индейцев пуэбло».

Опираясь на это определение, мы имеем право прийти к выводу, что ацтекское общество XV в. стояло на грани перехода от средней ступени варварства к высшей. Оно не успело полностью подняться на нее. Этим объясняется рыхлость племенного союза, возглавляемого ацтеками, которая обусловила его уничтожение несколькими сотнями испанских авантюристов.

Следует сказать в заключение несколько слов о принципах, положенных в основу издания настоящего перевода книги Вайяна. Редакцией были опущены обычные для автора необоснованные с научной точки зрения сравнения и сопоставления между фактами и событиями далекого прошлого и современностью. Произношение собственных имен, географических названий и ацтекских слов, приведенных автором в тексте, проверено путем сверки со специальными ацтекскими словарями. Отступление от более точной передачи ацтекского произношения допущено только в одном случае, а именно для названия самого народа, которое в действительности звучит «астеки».

---

* *А. А. Сидоров*, цит. соч., стр. 32.

** *Л. Морган*, цит. соч., стр. 113 (прим. 2).

Опущены, за редким исключением, примечания автора, имеющие, как правило, узкоспециальный, библиографический характер. Оставлены лишь те, которые содержат ссылки на наиболее интересные источники или дают фактический материал. Редакция дала свои примечания, указывающие и исправляющие наиболее важные, в первую очередь методологические, ошибки автора и некоторые его упущения.

Полностью переработана библиография по истории и культуре ацтеков, прилагаемая в конце книги. Прежде всего приведены названия трудов классиков марксизма, которые дают основные, руководящие указания для характеристики общества народов древней Америки. Затем перечислены работы отечественных ученых и другие книги на русском языке. При отборе книг и статей буржуазных авторов, а также изданий первоисточников, как письменных, так и археологических, в первом случае предпочтение отдавалось трудам, обобщающим материал, и публикациям результатов раскопок, а по второму — лучшим критическим изданиям, полнее представленным в основных книгохранилищах. Библиография дополнена перечнем трудов, вышедших после появления в свет книги Вайяна.

В течение последних шести-семи лет в долине Мехико и прилегающих районах непрерывно велись археологические исследования, давшие новый обильный материал по истории и культуре племен и народов, заселявших до испанского завоевания Центральную Мексику. Это заставило пересмотреть некоторые выводы автора и внести в его работу соответствующие исправления и дополнения, изложенные в статье, заключающей книгу.

Обильный иллюстративный материал приведен без сокращений. Приложены две карты. Они дают общее представление о распространении племен и народов Центральной Америки и основных археологических центрах.

Примечания и библиография составлены научным сотрудником Государственного Эрмитажа Р. В. Кинжаловым, который оказал содействие также в установлении транскрипции ацтекских собственных имен и слов. Доцент И. С. Кацнельсон принял участие в редактировании перевода книги и в собирании данных для настоящей статьи.

Академик *В. В. Струве*

Глава I

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ АЦТЕКСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Теоретический обзор социальных и экономических условий развития индейской культуры

Заселение Америки европейцами представляет собой всего лишь один из последних этапов истории человеческого общества на американском континенте. В летописях Америки выдающееся место занимает колонизация Нового Света из Азии, на много лет опередившая проникновение туда европейцев.

Американские индейцы пришли из Азии. До занятия Америки европейцами ресурсы континента были уже предварительно разработаны первыми поселенцами. Культура ацтеков и инков поразила воображение европейцев и открыла широкий простор для действий европейских завоевателей. В начале лета 1520 г. испанцы во главе с Кортесом завершили завоевание Мексики, разрушив ацтекскую культуру, наиболее передовую индейскую цивилизацию того времени. История ацтеков и их предшественников представляет как бы сжатый рассказ о расцвете и гибели индейской цивилизации в целом.

Ацтеками называлась многочисленная группа независимых индейских племен, живших в Центральной Мексике. История и общественное устройство ацтеков, вследствие того громадного значения, которое имело их покорение для европейцев, известны лучше, чем история их соседей. Испанские наблюдатели — военные, гражданские и духовные лица — тщательно записывали данные о жизни ацтеков, а поколением позже индейские авторы расширили эти сведения, пользуясь своими племенными преданиями, на которые христианство оказало незначительное влияние. Те немногие пиктографические рукописи, которыми мы располагаем, написанные как до завоевания, так и после него, являются ценным добавлением к ацтекским хроникам. Тем не менее, наши основные данные об индейской истории почерпнуты из археологии.

У большинства индейских племен не было развитой письменности, поэтому археология является единственным средством

для восстановления их прошлого; что касается ацтекских летописей, то они рассказывают нам всего лишь о нескольких веках жизни только одного племени. Прежде чем перейти к характеристике народа, нужно нарисовать широкую картину ацтекской культуры, причем следует иметь в виду, что земля должна будет служить нам архивом, а лопата — увеличительным стеклом и что природа, вечно разрушающая, чтобы созидать заново, разбросала необходимые нам материалы по горам, равнинам и лесам от Гренландии до Огненной Земли (см. табл. 1) *.

История ацтеков начинается с открытия американского континента. Задолго до того, как появились ацтеки, в конце последнего ледникового периода, ледники стали отступать на север. Животные, приспособившиеся к холодному климату, постепенно уходили на север, и небольшие кочевые группы охотников следовали за дичью, от которой зависело их существование. Некоторые из этих групп пересекли Сибирь и достигли берегов Берингова пролива. Так как большое количество воды тогда превратилось в лед, уровень моря был, вероятно, ниже, чем теперь, так что острова были больше и водная площадь между ними у́же. Зимой море, несомненно, покрывалось льдом, и продвигаясь по нему, и дичь и охотники могли достичь Аляски. Так человек открыл Америку, так возникли первые его поселения на этом материке.

Возможно, что некоторые охотники строили плоты и лодки и переходили с одного острова на другой, пока постоянные поиски дичи не привели их на континент. Этот процесс происходил, несомненно, медленно, и переселяющиеся племена были невелики. Мы можем воспроизвести тогдашние условия на основании наших знаний о современных охотничьих племенах, которые и поныне ведут свое необеспеченное существование на древний лад, представляя собой в социальном отношении живое свидетельство далекого прошлого. Первобытные охотничьи племена не имели сильных вьючных животных и передвигались пешком. Поэтому они не могли нести с собой много продовольствия и снаряжения и двигаться быстрее, чем шли самые дряхлые старики и старухи или маленькие дети. Даже в походе надо было добывать пропитание, а охота была тогда трудным занятием, требующим много времени. В силу этих обстоятельств племена охотников были немногочисленны, так как крупное скопление людей в походе не только потребовало бы большего количества пищи, но должно было распугивать тех животных, от которых зависело их существование.

Эта кочевая охотничья жизнь оказала влияние как на язык, так и на физический облик людей. Стремление охотников дро-

* Арабские цифры относятся к рисункам, римские — к текстовым таблицам в конце книги. — Прим. ред.

биться на мелкие отряды, как только увеличение их числа начинало угрожать равновесию между потреблением и имеющимися ресурсами доступного продовольствия, способствовало образованию небольших изолированных племен. Отсутствие соприкосновения между отдельными племенами охотников привело к увеличению различий в языке и психологии, так что в течение нескольких поколений возникли глубокие диалектальные различия *. Эти условия, уже существовавшие в Азии и перенесенные в Америку, вероятно, и породили как значительные лингвистические расхождения между индейскими племенами, так и большое разнообразие физических типов в пределах более или менее однородных признаков: черные глаза, прямые или волнистые черные волосы и желтоватый цвет кожи.

Точные даты проникновения охотничьих племен в Америку и длительность этого процесса еще не установлены. В Америке не было найдено следов палеолитических орудий Старого Света, но раскопки на территории университета Аляски обнаружили инструменты, аналогичные найденным в неолитических стоянках пустыни Гоби. Другие каменные орудия, именуемые археологами Фолсомской культурой, встречаются вместе с остатками вымершего бизона в некоторых местах в Колорадо и в Нью-Мексико **. В пещере на самом юге Аргентины был обнаружен помет вымершего ленивца, а также утварь и отбросы человека, охотившегося за американской лошадью исчезнувшего ныне вида и употреблявшего ее в пищу. Помет ленивца найден также в остатках стоянок охотников Невады. Исчезнувшие виды, возможно, относятся не к тому же времени, что в других местах, так что эти следы человеческого существования, может быть, и не обладают глубокой древностью геологического человека в Европе, но все же вполне возможно, что человек пришел в Америку от десяти до двадцати тысяч лет тому назад.

Таким образом, можно считать установленным, что на ранней стадии своего развития индейцы в Америке занимались охотой. Некоторые первобытные племена питались главным

* Автор исходит из идеалистического представления, свойственного буржуазной науке, о существовании единого праязыка, постепенно расщеплявшегося на отдельные племенные наречия и диалекты. Материалистическое новое учение о языке акад. Н. Я. Марра неопровержимо доказало, что развитие языка идет, наоборот, от множества племенных наречий к национальным языкам. — Прим. ред.

** Последние раскопки значительно расширили и углубили наши знания о жизни первобытного человека на американском континенте; из них наиболее интересны результаты изысканий, проведенных на Аляске. В местности Ипиутак Х. Ларсен и Ф. Рэней открыли новую археологическую культуру, названную ими по местности «Ипиутак». Уже в результате первых обследований можно установить, что эта культура, не связанная с остальными культурами Арктического побережья, является более древней, чем культуры, господствовавшие в течение многих веков в Западной Арктике.

По мнению Рэнея, данные раскопок в Ипиутаке позволяют предполо-

образом рыбой, которую они ловили сетями и лесой, а также собираемыми ими моллюсками. Большие скопления вскрытых раковин находят по всему побережью Атлантического и Тихого океанов, а также по берегам некоторых больших внутренних рек Северной Америки. В самом раннем слое одной из таких куч в Теннесси были обнаружены костные орудия, тогда как найденные в ней каменные орудия относятся к значительно более поздней эпохе. Мы не можем датировать эти скопления, так как не располагаем для этого ни геологическими, ни палеонтологическими данными, однако человек, повидимому, и на самой ранней стадии своего развития использовал этот обильный и относительно устойчивый источник пропитания.

Другие первобытные стоянки открыты по берегам высохших озер в Калифорнии и Техасе. Найденные ступки и жернова указывают, что обитатели этих стоянок размалывали орехи и зерна в муку, тогда как отсутствие хорошо сделанных каменных наконечников заставляет предположить, что они считали сбор растительной пищи более надежным способом пополнения своих запасов, чем преследование дичи. Эти культуры пустынь очень важны как ранние свидетельства о способе добывания пищи, приведшем в дальнейшем к развитию земледелия.

Указанные три способа обеспечения своего существования — охота, рыбная ловля и сбор диких плодов — нередко сочетались друг с другом, частично или полностью. На континенте Америки нет охотничьих племен, не употребляющих в пищу хотя бы в некоторой степени растительные продукты. Обитателям Северной Америки были известны свойства четырехсот видов растений, употреблявшихся в пищу. Но некоторые племена находили охотничий промысел настолько выгодным, что никогда его не оставляли. Другим народам, например эскимосам, вследствие географического положения нельзя было обойтись без охоты, и они вынуждены были охотиться под угрозой голодной смерти. Равнинные племена, занимавшиеся сельским хозяйством, обеспечивавшим им благополучное, хотя и не очень богатое суще-

---

жить, что эта культура происходит из Азии. Проводившиеся в 1945 г. раскопки под руководством Ларсена на Алеутских островах подтвердили эту теорию и показали, что упомянутые острова были густо заселены в доисторические времена.

Организованное в 1944 г. обследование субарктического района между озером Клуэн и долиной реки Танака (Аляска) («American Antiquity», 1944 г., т. XI, № 3, стр. 183—186; «Советская этнография», № 2, 1947 г., стр. 231) выявило ряд стоянок палеолитического человека и его орудия: ударники, грубо обтесанные топоры, наконечники; следы огня найдены лишь в одном месте. Результаты этих изысканий подтверждают, что Аляска была обитаема в очень отдаленные времена. Более точная датировка и подробное изучение этих стоянок будут возможны лишь после детальных раскопок.

О находке остатков ископаемого человека на территории Мексики см. заключительную статью в конце книги. — Прим. ред.

ствование, получив домашнюю лошадь из испанских колоний, занялись охотой за бродячими стадами бизонов и войной. Группы рыбаков, вроде племен северо-западного побережья, оседло жили в поселках и благодаря обилию средств существования, доставляемых лесом, рекой и океаном, создали сложную материальную и социальную культуру. Обитатели Калифорнии, одной из наиболее густо заселенных областей в Америке, поддерживали свое существование сбором диких орехов и фруктов, добавляя к этой пище моллюсков и дичь. Однако, несмотря на эти успешные, хотя и первобытные способы добывания пищи, индейцы никогда бы не достигли действительно высокой культуры, если бы не освоили земледелия.

В Новом Свете было два центра, где земледелие развивалось наиболее интенсивно — Центральная Америка * и область Анд; здесь же индейская социальная и материальная культура достигла своей наивысшей ступени. Ботаники ведут оживленные споры относительно того, в какой именно области впервые были освоены культурные растения (и проблема эта еще не разрешена). Возможно, что ответ на данный вопрос имеет большее значение для ботаники, чем для социальной истории, поскольку существует много областей, где главную роль играют культурные растения, не взращиваемые в Мексике и в Перу. Существование на ранней ступени истории Америки народов, живших главным образом собирательством, неизбежно повело к независимому развитию разных типов земледелия, присущих только тем или иным областям.

Так, основным продуктом Бразилии был маниок (тапиока) или кассава. До введения кукурузы в восточной части Северной Америки выращивались (с целью использования их семян) подсолнечник, гигантский крестовник и другие растения прерий и саванн. Нагорные области Перу производили белый картофель. Но ко времени завоевания главные продукты питания Америки — кукуруза и бобы — были распространены почти во всех земледельческих районах материка. Сейчас еще трудно сказать, где они были освоены впервые — в Перу или Центральной Америке; возможно, что каждый из этих видов имел свой самостоятельный центр. Как бы то ни было, не следует упускать из виду то основное положение, что ни одно из возделываемых американскими индейцами растений до заселения белыми Америки не было известно ни в Азии, ни в Европе, ни в Африке. Ввоз этих культур более чем удвоил пищевые ресурсы Старого Света.

Развитие сельского хозяйства завершило в Америке, как и в других местах, процесс освобождения человека от постоянных поисков пищи. Наличие определенного запаса пищевых продук-

* В понятие Центральной Америки (Middle America) у Вайяна в этой книге входят Мексика, Гватемала, Гондурас. — Прим. ред.

тов, увеличиваемого по мере надобности путем распашки целины, благоприятствовало росту численности племен; создались условия для образования больших человеческих объединений, достаточно обширных для того, чтобы отдельные лица в них могли специализироваться в соответствии со своими способностями, а весь коллектив — выполнять общественные работы, вроде сооружения ирригационных систем и храмов.

Успешное развитие земледелия не сопровождалось развитием скотоводства. Правда, собака, появившаяся, вероятно, вместе с племенами, пришедшими из Азии, была приручена почти повсеместно. На севере она служила тягловой силой; в Мексике собака употреблялась в пищу. Племена Мексики и пуэбло приручили индюков. Перуанцы ели морских свинок и разводили лам и альпаку как вьючных животных и для получения шерсти; в Центральной Америке и северо-западной Бразилии занимались пчеловодством; некоторые южные мексиканские племена разводили кошениль, употребляя ее для изготовления красок. Но местная порода лошадей, которая могла бы в дальнейшем оказаться столь же полезной, как и в Старом Свете, вымерла в Америке очень рано. Коровы и овцы в обеих частях Америки были неизвестны, а карибу и бизон, которые могли бы занять их место, если бы их приручили, водились главным образом в местностях, населенных первобытными племенами, довольствовавшимися охотой на них.

Отсутствие соответствующих домашних животных препятствовало передвижению больших масс людей, которые могли бы быть аналогичны переселениям азиатских орд, докатывавшихся до стен Рима. Первоначально кочевые племена Америки были незначительны и не могли серьезно угрожать оседлому населению. Поэтому и военная техника у индейцев развилась слабо *. Убийства и разбой, имевшие место во время колонизации белых, у индейцев раньше были необычны.

Введение земледелия не изменило, а скорее сделало еще более рельефными основные черты общественной организации

* Дело, конечно, не только в росте населения. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» указывает, что при переходе от варварства к цивилизации «...война и организация для войны становятся... регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность у народов, у которых приобретение оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападение, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, М., 1948 г., стр. 296—297).

Большинство же индейского населения Америки к моменту открытия ее европейцами находилось на низшей и средней ступенях варварства, поэтому и войны были у них редким явлением. — Прим. ред.

индейцев. Те племена, у которых постепенно основным занятием вместо охоты становилось сельское хозяйство, жили в малонаселенной местности. По мере роста населения они могли увеличивать свои поля, не ущемляя прав прежних жителей. Тем не менее с ростом населения дичи становилось все меньше, и жившие по соседству племена охотников вынуждены были откочевывать в новые места, где дикие животные и птицы водились в изобилии. Если удобной земли оказывалось недостаточно для всей общины, часть ее членов уходила, чтобы найти новое место для жительства.

В зависимости от того, была ли местность лесистой или засушливой и открытой, стали складываться два типа поселений. В сухой открытой местности необходимые для питания растений минеральные вещества находятся близко от поверхности земли, так что поля не истощаются, если даже ими пользуются в течение длительного времени. Это позволяло устраивать постоянные поселки. В лесных же районах люди каменного века встречались с условиями, представлявшими для них серьезные трудности. Чтобы расчистить землю для посева, деревья нужно было кольцевать и затем сжигать высохшие стволы. Почва там быстро истощалась и не могла приносить урожаев в течение долгого времени. Индейцы выходили из положения двумя путями: переселялись целыми деревнями или наделяли каждую родовую группу достаточным количеством земли, чтобы можно было ввести севооборот — истощенные поля пускались под пар. Этот последний метод привел к широкому расселению жителей. Исключение составляли только очень маленькие племена.

Изучение этих двух типов поселений чрезвычайно важно для установления происхождения индейской культуры. Злаки, использовавшиеся более высокими культурами Америки, произошли главным образом от видов, растущих в гористых, открытых местах, т. е. таких, где можно было основывать постоянные поселения. Возможность сохранять изготовленное оборудование в противоположность кочевникам, переносящим с собой ничтожный запас орудий, повела к специализации инструментов и производств. Изделия декоративных искусств приобрели определенный стиль, сформированный практикой племен. Стали возможными мероприятия, требовавшие приложения совместных усилий всего населения и приносившие пользу всей общине.

Пока еще не удалось проследить на какой-либо одной территории все ступени перехода от культуры первоначальной земледельческой группы до высокой культуры. Однако Северная Америка, где сохранились многочисленные племена на разных стадиях развития, дает нам хотя бы частично (на примере истории Анасази или культуры северных пуэбло) картину такого эволюционного процесса.

У основания лестницы мы находим остатки племен (археологи называют их «плетельщиками корзин»), занимавшихся охотой, собиранием плодов и возделыванием кукурузы. Они жили в неглубоких сухих пещерах небольшими группами от 20 до 30 человек и были искусными ткачами, изготовляя из волокон апоцина («индейской конопли») корзины, мешки и сандалии. Гончарное производство было им неизвестно, но они лепили из глины грубые фигуры, делали из нее блюда, промазывали ею корзины, а потом высушивали их на солнце. Незнакомы были им и луки; они бросали длинные дротики при помощи метательной дощечки, называвшейся мексиканцами «атл-атл». Их сети, а также орудия из камня, кости и дерева сделаны довольно хорошо. Позднее они научились изготовлять твердую глиняную посуду простейших форм и украшали ее орнаментом, заимствованным из их ткацких изделий.

Около 700 г. н. э. на юго-западе появился новый народ, сильно изменивший характер местной экономики. Были введены новые сорта кукурузы, а возделывание бобов восполняло недостаток протеина, явившийся следствием уменьшения потребления дичи. Для изготовления одежды вместо апоцина стали использовать хлопок, а на охоте лук заменил атл-атл. Подземное жилище уступило место комплексам соединенных прямоугольных комнат, хотя старый тип домов сохранился для мужских домов и помещений, предназначенных для нужд культа; форма и орнамент глиняных изделий значительно усовершенствовались. Имеется много данных, свидетельствующих о существенном увеличении населения.

Около XI в. количество поселений уменьшилось, зато размеры каждого из них значительно увеличились. Анасази строили обширные, делившиеся на квартиры общинные дома в два, три и даже в четыре этажа не только под открытым небом, но также и в неглубоких пещерах, расположенных высоко по скатам каньонов. Их искусства и ремесла менялись в стиле, но не по своему характеру; выработанный ими образ жизни сохранился до наших дней, несмотря на проникновение пришлых кочевых племен вроде апачей и навахо и вторжение белых завоевателей из Испании и Соединенных Штатов.

Самые ранние стадии открытых до сих пор в Центральной Америке и области Анд культур соответствуют тому уровню развития, на котором остановилась культура пуэбло. Следов первобытных охотничьих и оседлых форм жизни в этой области еще не обнаружено *. Находки в слоях, относящихся к последним столетиям перед началом нашей эры и первым столетиям нашей эры, свидетельствуют о том, что народы, оставившие эти памятники, находились тогда примерно на том же уровне, кото-

---

* См. заключительную статью в конце книги. — Прим. ред.

рого пуэбло достигли в XI в. В этих слоях открыты следы оседлого народа, жившего в деревнях и занимавшегося разведением кукурузы, бобов и овощей. Они возделывали хлопок и изготовляли из него ткани для одежды, а также делали глиняную посуду для хранения продуктов и для еды. Техника выделки инструментов из камня, кости и дерева получила свое дальнейшее развитие, так же как и узоры для одежды и орнаменты для утвари. Они выработали свою систему племенного управления и создали религию, которая обожествляла силы природы, обусловливающие произрастание растений.

Термин «Средняя культура» лучше всего характеризует этот уровень развития, являющийся как бы средней вехой между скудным бытом охотничьего племени и великолепием культуры ацтеков. Для обозначения этой фазы в Центральной Мексике Спинден и Минс применили широкий термин «архаическая»; автор настоящей книги предложил ранее не совсем удачный термин «ранняя культура». Оба эти названия создают трудности в обозначении более древних и первобытных культур, какие еще могут быть открыты впоследствии. Термин «Средняя культура» правильнее других определяет данное культурное состояние и менее определенно говорит о хронологическом месте этой культуры.

В Центральной Америке и Андах общество и производство развивались и процветали на базе «Средней культуры», но направления их развития были различны. Можно сказать, что народы Анд сосредоточили свои усилия главным образом на усовершенствовании материальных технических средств поддержания жизни; обитатели же Центральной Америки достигли высокого развития в области религиозной. В Андах, особенно в приморских долинах Перу, были построены громадные города; обширные сети каналов орошали поля. Ткацкое искусство достигло совершенства, а глиняные изделия по своему прекрасному качеству и богатству орнамента не имеют равных на всем американском континенте. Эта цивилизация достигла своего наивысшего развития в империи инков.

Напротив, жители Центральной Америки составляли независимые племенные или государственные объединения и создали непревзойденное в Америке религиозное искусство и архитектуру. Религиозная сторона жизни довлела над гражданским устройством, и мерилом минувшего великолепия служат остатки храмов, а не городов. Причины этого различия теряются в глубине веков, но явления, прослеживаемые в жизни более примитивных туземцев Северной Америки, позволяют предположить, что и здесь известную роль сыграли условия ведения сельского хозяйства.

Индейцы засушливых северо-западных районов, как мы видели, строили постоянные поселения, но не выработали

внушительной религиозной архитектуры. На юго-востоке нынешней территории Соединенных Штатов племена с более сложной культурой сооружали громадные земляные площадки для своих храмов и домов вождей. Эти площадки служили местом периодических собраний членов общин. Условия ведения сельского хозяйства в лесу не позволяли оседать в постоянных поселениях, какие построили пуэбло, и юго-восточным племенам приходилось переносить свои деревни, как только истощалась земля расчищенных ими полей. Значительную часть года трудоспособные мужчины и женщины проводили вне поселений, занимаясь охотой и сбором диких плодов, но все они собирались для совершения племенных обрядов в религиозных центрах и этим укрепляли социальные связи, ослабленные экономическими условиями их жизни. Эти религиозные центры возникли на поздней стадии развития юго-восточных индейцев и носили отпечаток влияния Мексики. Они отвечали весьма определенной потребности сохранения социального единства растущего населения лесистой местности.

Поскольку удовлетворение этой социальной и религиозной потребности сделалось доминирующим элементом мексиканской цивилизации, нам кажется вполне закономерным предположить, что в лесах, расположенных на равнинах Центральной Америки, религиозные центры возникли еще за несколько столетий до этого. Такое предположение приобретает еще большее значение, если принять во внимание широкое распространение мексиканской культуры Центральной Америки. До сих пор там еще не найдено следов подлинно первобытных общин. Самые ранние находки относятся к средней ступени между первобытным обществом охотников и смешанным обществом развитой культуры американских индейцев. От Сальвадора до Сакатекаса, от высокогорных долин до лесистого побережья мы встречаем искусно сделанные орудия из камня, кости и глиняную посуду, лепные глиняные фигурки — изображения богов — следы племенных культур, достигших значительного уровня технического развития, а также и общественного устройства. Плоские жернова и дробильные камни (еще и сейчас употребляемые в Мексике под названием «метатес» и «манос») доказывают, что кукуруза служила основным продуктом питания. Местные особенности в формах и украшениях статуэток, глиняных изделий и различной утвари свидетельствуют, что на этой стадии «Средней культуры» находилось несколько обособленных племен. Данная стадия продолжалась несколько веков, если судить по значительной толщине слоя отбросов в долине Мехико.

Между различными видами «Средней культуры» и сменившими их высокоразвитыми культурами существует преемственность в орнаменте и форме орудий, что служит верным признаком того, что создателями позднейшей техники были все те же

творцы различных видов «Средней культуры». Переход от «Средней культуры» к более поздним был не резким, а постепенным — различные культуры органически развивались в одной и той же местности. Мы не имеем никаких данных, которые заставили бы нас предполагать, что высокое развитие племен Центральной Америки было следствием какой-нибудь иной причины, помимо творчества и изобретательности местного населения.

Памятники этих высокоразвитых племен встречаются во всей области, граничащей с западным Гондурасом и Сальвадором с юго-востока и мексиканским штатом Сакатекас — с северо-запада. Основываясь на различиях стилей искусства и свидетельствах испанцев, мы можем установить несколько отличных друг от друга племенных культур. В низменностях Гватемалы находились грандиозные религиозные центры племен майя; такие же центры, но менее совершенные, были созданы и в гористых областях. В мексиканском штате Оахака сапотеки создали высокую культуру. В прибрежных районах штата Вера Крус также обнаружены памятники нескольких высокоразвитых культур, однако археологическое изучение их только начинается. Наиболее значительные из этих памятников приписываются олмекам и тотонакам. На северной границе вышеуказанной территории мы находим толтеков и ацтеков, создавших великие культуры Центральной Мексики. К северу и западу от них обнаружены памятники менее развитых племен — в одних случаях пережитки и остатки периода «Средней культуры», а в других — искаженные отражения более сложных культур. При этом в Центральной Америке имела место резкая стилистическая диференциация искусства и ремесла у отдельных племен, находившихся тем не менее на одном уровне культурного развития.

Эта культура, возникшая на основе «Средней культуры», характеризовалась такими элементами, свидетельствующими о высоком уровне, достигнутом ею, как политеизм, основанный на поклонении природе, живописные и скульптурные изображения разных божеств, сооружение в честь божеств храмов на возвышенных площадках, система письменности для записи религиозных и исторических дат, календарь и астрономия, приспособленные в основном к религиозным потребностям. Вряд ли все это было создано жителями Центральной Америки одновременно.

Чтобы удержать культуру на таком уровне, племя должно было быть достаточно многочисленным, прочным и обеспеченным экономически.

Майя Гватемалы, Юкатана, юго-восточной Мексики и западного Гондураса достигли очень высокого уровня культуры. Их храмы и жилища жрецов были выстроены из кирпича и

перекрыты с помощью кронштейнов или ложных арок. Скульптуры из камня и гипса, украшавшие здания, равно как и изображения богов и богинь отличались сложной тонкостью зрелого искусства. Майя обладали и письменностью — системой условных иероглифов, из которых удалось расшифровать только календарные тексты. Вызывает восхищение календарь майя, построенный на основе очень высоких математических и астрономических знаний (см. табл. 4—7).

Календарь майя мог бы явиться ценным пособием для восстановления их истории, но мнения о соотношении его дат с нашей хронологией расходятся. Существует несколько систем, выработанных для согласования календарей майя и григорианского, но они расходятся между собой примерно на двести шестьдесят лет при выражении дат календаря майя датами нашего летосчисления. Это отсутствие согласованности повело к совершенно расходящимся толкованиям истории майя, хотя основные ее вехи прочно установлены *.

Мы лишь поверхностно затрагиваем здесь культуру майя, сложность и тонкость которой возбудили воображение исследователей и ученых. Поэты и мечтатели создали фантастические теории относительно происхождения майя от населения погибших континентов вроде Атлантиды или Му. Более трезвые исследователи считают, что майя — американского происхождения и являются создателями и распространителями центральноамериканской культуры. Однако, поскольку вопрос о согласовании хронологии остается еще не решенным, правильнее будет считать, что майя развили дальше культуру, общую с их

* В различные периоды своей истории майя по-разному записывали даты исторических событий. Во время «Древнего царства» майя, в основном, употребляли так называемое «долгое счисление», состоявшее в том, что на памятнике записывалось количество годов и дней, истекших от начальной даты (повидимому, дня мифического сотворения мира) до момента воздвижения данного памятника. Прошедшее время отмечалось количеством истекших дней (кин), месяцев по 20 дней (виналь), годов по 18 месяцев (тун), периодов в 20 лет (катун) и циклов, состоявших из 20 катунов каждый (бактун), равняющихся 144 тыс. дней (приблизительно 400 наших лет). Таким образом, какая-нибудь дата, записанная по способу «долгого счисления», имела приблизительно следующий вид: «От начального дня прошло 8 бактунов, 10 катунов, 15 тунов, 2 виналя, 1 кин до дня сооружения этого здания». Эта запись носит у современных исследователей название «исходной серии» (чисел).

Если бы было известно соотношение даже только одной «исходной серии» с датами нашего календаря, то вычисление дат по хронологии майя не представляло бы никаких затруднений, и определение, на какое число нашего календаря падал этот исходный день, не вызывало бы осложнений. Но двойная запись дат по хронологической системе майя и по нашему летосчислению имеется только в документах, относящихся ко времени после испанского завоевания, т. е. к концу «нового царства» майя. В эту эпоху майя записывали свои даты посредством так называемого «краткого счисления», гораздо менее совершенного. Согласно этой системе одноименные даты могут повториться через 260 лет. Исходный момент «долгого счисле-

соседями, и оставить открытым вопрос о том, является ли их цивилизация более древней.

Раскопки и изучение археологических находок в ряде мест Центральной Америки свидетельствуют о том, что культура там развивалась непрерывно: начавшись на уровне «Средней культуры», она затем прошла через длинный этап местных стилизованных форм и была прервана резким упадком и вторжением чуждых культов из Центральной Мексики (табл. I).

Там, где на территории майя встречаются остатки «Средней культуры», уровень ее в разных местах неодинаков. Глиняные изделия и статуэтки настолько отличаются по стилю и качеству изготовления, что их можно приписать разным, не родственным между собой племенам. Эти формы «Средней культуры» становились постепенно более сложными, по мере того как индейцы стали строить храмы, воздвигать каменные столбы для исчисления времени и создавать зрелое религиозное искусство. Расхождения в стиле, наблюдаемые на уровне «Средней культуры», еще более углубляются в последующий период. Однако глиняная посуда, изготовленная в каком-нибудь одном месте, обнаруживается в других уже в качестве предмета торговли, из чего мы можем заключить, что эти местные культуры в основном относятся к одному и тому же времени. Находка большого числа зданий, а в некоторых местах толстых слоев отбросов свидетельствует о том, что указанный период охватывает длительный промежуток времени. Когда бы ни оформилась эта культура — в предшествующие ли нашей эре годы, в первых ли столетиях после нее или в V в. н. э. (ответ на этот вопрос зависит от способов пересчета даты календаря майя) — из преданий мы знаем, что около XII в. н. э. племена мексиканского происхождения продвинулись в страну майя и основали там несколько местных династий. Это движение отражено в археологических находках, говорящих о влиянии комплекса культуры Миштеки — Пуэблы и отражающих вырождение местной племенной культуры. До проникновения в XII в. на территорию майя племен из Мексики там проживали народы, говорившие на разных диалектах и выработавшие в своей материальной культуре четко отличающиеся друг от друга местные стили. Однако в основном религия и календарь были у них по всей стране

ния» современные ученые могли установить только при помощи «краткого счисления».

Поэтому исследователи расходятся в вопросе о выражении этой мифической начальной даты в числах нашего календаря. Одни (как, например, Г. Спинден) помещают ее на 13 октября 3373 г. до нашей эры; другие (М. Эрнандес, Дж. Э. Томпсон, С. Г. Морли) — на 260 лет позже. Большинство специалистов сейчас придерживается последней системы, однако и она не может объяснить целого ряда спорных моментов. См. *Linton Satterthwaite*, Concepts and Structure of Maya Calendrical Arithmetic, Philadelphia, 1947 г. — Прим. ред.

одинаковыми. В то же время в Центральной Мексике отдельные местные племена не только имели разные формы искусства, но и различные религиозные представления. Но и центральноамериканские культуры, как и цивилизация майя, уходили корнями в «Средние культуры» и под конец уступили влиянию культуры Миштеки — Пуэблы.

Недавние открытия в южной части Вера Крус и в Табаско подсказывают соблазнительное объяснение происхождения центральноамериканской культуры. В Трес Сапотес и Ла Венте обнаружены большие культовые центры с гигантскими каменными головами и религиозными и календарными формулами, начертанными на каменных косяках дверей и стенах. Маленькие глиняные фигурки ручной лепки следуют эстетическим принципам искусства «Средней культуры», но некоторые типы отражают более зрелые формы каменной скульптуры. Религиозное искусство изображает странные существа с раздутыми или детскими лицами или воспроизводит в гротескном виде морды тигроподобных чудовищ. Это искусство назвали «олмекским», по имени одаренного культурного народа, жившего, согласно преданиям, в этой области. Однако до сих пор еще не определено с полной достоверностью, какие предметы относятся к его материальной культуре (см. табл. 3—4).

Эта скульптура связана с другими племенными ремеслами, заставляющими относить ее к глубокой древности. Тигрообразная маска имеет много общего с лепными украшениями одного из древнейших храмов на территории народа майя в Уашактуне — здания, не обладающего ни одной из характерных черт искусства майя. Маски и детские лица обнаружены также в наиболее древних слоях на Монте Альбане в большом культовом центре сапотеков в Оахаке. Детское лицо повторяется на статуэтках, найденных при раскопках древнейших слоев верхней «Средней культуры» в долине Мехико, причем родственный этой фигурке тип встречается также в позднейших слоях «Средней культуры» в этой местности (см. табл. 3, 8).

Близость между олмекским искусством и уровнем ранних культур в области майя, Оахаке и долине Мехико позволяет предположить, что первые шаги к созданию более высоких культур были сделаны на юге Вера Крус и в Табаско. Однако такому заключению противоречит одна странная особенность: письменность и календарь этих культур те же, что и у народа майя, но изображенные даты относятся к более раннему периоду, чем те, которые начертаны на памятниках майя. Дальнейшие раскопки, безусловно, помогут разрешению этой загадки, являющейся в сущности повторением старого спора о том, что появилось раньше — яйцо или курица *.

* О дальнейших раскопках олмекских поселений см. заключительную статью. — Прим. ред.

Большинство ученых считает, что олмекское искусство относится к более позднему времени, чем искусство майя раннего периода, и что творцы его так плохо разбирались в сложном календаре майя, что, перенимая его, они наделали ошибок, создав ложное впечатление древности. Другие утверждают, что ранние скульптуры являются решающим аргументом в пользу древности олмекского искусства и что надписи современны им. Далее, они говорят, что положение олмеков в окружении майя, сапотеков и других племен с разными стилями искусства и системами календаря указывает, что они представляют собой центр, откуда распространялись все эти элементы культуры. Дальнейшие раскопки должны окончательно ответить на этот вопрос.

Исследования в Трес Сапотес показывают, что после первого периода обитатели этого поселения создали совершенно определенный местный стиль, стоящий в связи с так называемыми тотонакскими культурами, развивавшимися к северу от побережья Вера Крус. Этот период, повидимому, длился долго, если судить по количеству созданных курганов и по числу выкопанных статуэток и глиняной посуды. На заключительном этапе сюда проникло мексиканское влияние, что свидетельствует о распространении народов Центрального плоскогорья, говорящих на языке науа. Поскольку работы в Трес Сапотес еще продолжаются, рано делать окончательные заключения в отношении исторических и культурных связей обитателей этой местности. Тем не менее общий характер развития следовал по путям, очерченным нами выше (см. табл. 10).

На юго-западе от страны олмеков, в нагорной местности штата Оахака, процветала другая местная культура — народа сапотеков. Их основной культовый центр на Монте Альбане был тщательно исследован. Это — небольшая гора, вершина которой выравнена и превращена в гигантскую естественную площадку, на которой размещены искусственные сооружения меньших размеров вроде храмов и зданий для игр в мяч. Все пять периодов, в течение которых сапотеки жили на этой горе, характеризуются уже обрисованным нами прежде историческим процессом развития культуры, но стиль искусства сапотеков и их письменность совершенно отличаются от стилей и письменности их восточных соседей.

В самый ранний период культуры Монте Альбана там обитал народ, чьи глиняные изделия и статуэтки относятся к «Средней культуре». Представители этого народа были настолько развиты, что возводили площадки для своих храмов и вырезали рельефные человеческие фигуры, напоминавшие стиль олмеков, для украшения зданий. Вместе с рельефами иногда встречались иероглифы, что также позволяет заключить о связи с Вера Крус. На культовых вазах этого периода изображались два

ольмекских божества — детоподобный бог и бог-тигр. Однако на более поздней фазе развития происходит постепенное освобождение от ольмекского влияния. Надписи на камнях стали делать другими письменами, календарные вычисления были продолжены, но не по системе счета народа майя с его длинными периодами, а по сокращенной системе, устанавливавшей даты на основании 52-годичного цикла. Искусство этого периода вызывает смутное предположение о влиянии народа майя, так как форма посуды иногда напоминает формы, встречающиеся на ранних этапах истории майя (см. табл. 8—9).

Третий и четвертый периоды Монте Альбана длились долго. Сапотеки стали менее восприимчивыми в отношении посторонних влияний и создали свои резко обособленные местные религиозные представления и искусство. К концу четвертого периода они, очевидно, находились в соприкосновении с северными народами, как, например, с тольтеками из Центральной Мексики. В пятый, последний период их культура подверглась новому изменению. В долине Оахака появился другой народ — миштеки, принесший с собой новое искусство, новых богов и новый тип календаря и письменности.

Эта позднейшая культура была распространена в стране майя членами совершенно другой языковой семьи — науа — и достигла своего апогея у ацтеков Центральной Мексики. Данные наших исследований еще не позволяют нам назвать создателей этой культуры. Центр ее зарождения, повидимому, окончательно локализуется в стране миштеков — в северной Оахаке и на территории племен науа в Пуэбле. Чтобы согласовать данные истории культуры и истории политической, нам представляется целесообразным обозначить эту культуру именем Миштеки — Пуэблы, но последних представителей этой культуры называть по имени их племен (см. табл. 9, 11, 12).

В Центральной Мексике, на северо-западной границе зоны высоко развитой культуры, мы находим такую же последовательность развития, которая была установлена для майя, ольмеков и сапотеков. Вначале здесь имело место длительное господство «Средней культуры», затем характер культуры изменился; другая группа, в основном тоже принадлежавшая к «Средней культуре», начала вести более цивилизованную жизнь — об этом говорят могильные насыпи и скульптуры одного или двух богов. Из ответвления этой верхней «Средней культуры» развилась третья фаза — величественная культура, называвшаяся «теотиуаканской» или «классической тольтекской» культурой. Ее современники на юге превзошли эту культуру лишь по скульптуре и религиозному календарю. Четвертый период истории долины Мехико известен под названием «чичимекского периода» и обнимает время упадка, когда союз теотиуаканских тольтеков распался и кочующие племена стали соперничать между собой.

Наконец, пятый период был свидетелем введения культуры, развитой народами Миштеки — Пуэблы и достигшей кульминационного пункта во время господства ацтеков.

Ацтеки и их предки развивались на границах области, характеризующейся высокой культурой и населенной разными народами, история которых представляет много сходных черт. После длительного периода опытов, фазы которого нам приходится восстанавливать, основываясь на наших знаниях археологии и этнографии современных племен Северной Америки, некоторые из них выработали оседлый образ жизни, основанный на сельском хозяйстве и типичный для «Средних культур». Такое экономическое устройство сохранялось веками, а в отдельных местах так никогда и не изменилось. Но зародившаяся где-то в Гватемале или Южной Мексике практика устройства культового центра нарушила этот более старый уклад жизни. Как мы уже отмечали, возникновение таких центров было прежде всего следствием условий, господствовавших в лесистых местностях. Однако они распространились и в нагорной местности.

Религиозная архитектура способствовала более точному определению образов богов для надобностей ритуала и распространению календарных систем разной степени сложности, тесно связанных с их почитанием. Ход развития изменялся в зависимости от племени, создавались местные стили в искусстве, местные отличия в религии. Повидимому, между эволюцией этих племенных стилей и расселением увеличивающегося населения существует известное соответствие. Тем не менее, следует полагать, что первоначально племена не соприкасались достаточно близко, чтобы изменить какие-либо конкретные черты уклада жизни и стиля искусства друг у друга. В конечном счете эта продолжавшаяся длительное время стадия сосуществования обособленных культур завершилась распространением народов Центральной Мексики и их идей — этот процесс продолжался последние четыре столетия до испанского завоевания.

Трудно устанавливать периоды и эпохи при отсутствии точных дат. Однако при всей осторожности можно считать, что эти независимые культуры существовали не меньше восьми веков. Точно так же допустимо предположить, оставаясь в пределах правдоподобия, что столько же времени заняли различные этапы «Средней культуры». Но между появлением человека в Америке и основанием оседлых земледельческих поселений типа «Средних культур» могло пройти несколько тысячелетий.

Темпы развития были, очевидно, неодинаковы в разных местностях. Природные условия оказывали глубокое влияние на развитие индейских племен; подъем и падение рождаемости под влиянием различных причин также сыграли роль в их истории. Изобретение и разработка технических средств, общественное устройство разных племен и многие другие факторы,

несомненно, оказывали влияние на ход этой исторической эволюции. Однако все эти условия почти невозможно восстановить посредством немого свидетельства археологических памятников.

Поскольку история ацтеков и их предков изучена лучше, чем история любых других индейских племен, интересно установить, насколько точно можно воссоздать социальные, экономические и природные силы, влиявшие на их развитие. Индейские и испанские источники освещают ацтекский период, а смутные предания бросают тусклый свет на упадок и крушение толтеков Теотиуакана. Лишь в отношении народов «Средней культуры» нам приходится основываться исключительно на материалах раскопок. Но и тут глубокие слои отбросов, накопившихся в течение веков в долине Мехико, представляют свидетельство более подробное и более пригодное для интерпретации, чем все, что мы имеем где-либо в других местах Центральной Америки. Таким образом, история ацтеков и их предков дает в малом масштабе картину основных тенденций, обусловивших подъем культуры в этой области.

Глава II

«СРЕДНЯЯ КУЛЬТУРА» В ДОЛИНЕ МЕХИКО

Попытка восстановления на основании археологических данных истории и социального устройства народов, населявших в древности Центральную Мексику

Первые народы долины Мехико, о которых мы имеем сведения, на протяжении веков, непосредственно предшествовавших началу нашей эры и первых веков нашей эры, жили на уровне «Средней культуры». Они обитали оседло в деревнях, существуя главным образом за счет урожая своих полей, изготовляли хорошие орудия из камня, кости и глины и лепили маленьких идолов из терракоты. Уровень их развития находился на полпути между первобытным охотничьим или земледельческим обществом и более сложными в социальном и техническом отношении культурами. В долине Мехико различимы два периода этой стадии развития. Мы их можем назвать верхней и нижней «Средней культурой». Народ верхней «Средней культуры» ввел сооружение курганов или платформ для культовых целей и изготовлял изображения богов в соответствии с правилами своего ритуала, тогда как представители нижней «Средней культуры» придерживались более простой обрядности (см. табл. 13).

Долина Мехико в то время обладала прекрасными условиями для жизни. Горные цепи высотой в 2 100 м над уровнем моря защищали плодородную долину, в которой находилось большое соленое озеро Тескоко, питаемое с юга двумя пресноводными лагунами — Шочимилко и Чалко; с северо-запада к нему примыкали две других лагуны — Халтокан и Сумпанго, а на северо-востоке в него впадала река с медленным течением, Аколман, орошавшая плодородную долину Теотиуакан. Озера были мелки, и их болотистые берега, густо заросшие камышом, изобиловали дичью. На лесистых склонах гор водилось множество оленей. В период дождей горные потоки откладывали на берегах озера толстые слои наносов, незаменимые для первобытного сельского хозяйства.

Народы «Средней культуры» выбирали для своих селений места на берегах озера, где они могли лучше всего использовать его естественные ресурсы и леса и где им было легче всего

выращивать урожаи кукурузы, хлопка и других растений. Раз осевши где-нибудь в подходящем месте, они не меняли его долго, столь долго, что, например, у селения Эль-Арболильо накопился слой отбросов в 7,5 м толщины, а у Сакатенко — в 4,5 м.

Дома этих народов были непрочной конструкции, и от них не осталось никаких следов — ни фундаментов, ни полов, ни очагов. Найденные небольшие кусочки обожженной глины со следами вдавленных в нее прутьев наводят на мысль, что их жилища были построены из плетней, обмазанных глиной и покрытых тростниковой крышей, как дома в современных индейских селениях той же самой долины. Тут же, у порогов своих хижин, жители этих домов выбрасывали отбросы: черепки различной глиняной утвари, кости животных, всякий безыменный мусор, накапливающийся у человеческого жилья, но более всего в них содержится кукурузных стеблей, не находивших применения в хозяйстве, лишенном домашних животных. Эти растительные остатки, быстро распадавшиеся, вызывали усиленный рост таких холмов из отбросов, что косвенным образом облегчило труд археолога, так как предмет, попавший в эту кучу, был для индейцев безвозвратно потерян, как иголка в стоге сена. Даже мертвецы попадали в эти кучи отбросов, потому что деревянными орудиями было легче выкапывать могилу в мягкой, рыхлой земле мусорного холма, нежели в плотном грунте.

Мексиканские мифы и предания не дают нам ключа для определения того, кто были эти люди и на каком языке они говорили. На основании изучения остатков скелетов мы видим, что там жили люди среднего роста и различных физических типов. Однако накопленного материала еще недостаточно, чтобы можно было точно установить, с кем они находятся в родстве. Тем не менее кучи отбросов, как бы грязны они в свое время ни были, представляют собой подлинные исторические документы. Постепенно откладывавшиеся в течение столетий и следующие один за другим слои обнаруживают различные типы и стили инструментов и утвари.

Археологи называют эти находки нижней «Средней культуры» долины Мехико «копилко-сакатенкской культурой», по имени тех местностей, где они были впервые найдены и изучены. Следующие за этой культурой стили также получили свои названия от мест, где они были впервые открыты. Образцы как нижней, так и верхней «Средней культуры» упоминались под разными названиями вплоть до 1917 г., когда под лавовым карьером в Копилко были сделаны первые настоящие раскопки, определившие характер и основные черты нижней «Средней культуры». Раскопки в Сакатенко зимой 1928/29 г. показали, что остатки в Копилко относятся к поздней стадии истории нижней «Средней культуры» в долине Мехико. Два года спустя

раскопки в Эль-Арболильо обнаружили глубокие наслоения раннесакатенкского материала, после чего представилась возможность различить три стадии, из которых самая ранняя — Эль-Арболильо I — предшествует раннему Сакатенко (см. табл. I).

Археология имеет дело, таким образом, как с народами прошлого, так и с их материальной культурой; обозначения, используемые для определения одного из них, не всегда являются подходящими для другого. Стиль какого-нибудь глиняного сосуда может послужить чрезвычайно полезным и ценным указанием для определения присутствия народа в данном месте в определенную эпоху, но он дает только косвенные данные восстановления его истории. Создание стиля еще не представляет само по себе значительного исторического факта. Специальная археологическая литература поневоле занимается методами восстановления истории индейцев, однако обычно читатель совершенно резонно хочет знать эту историю в чистом виде.

Мы надеемся, что это отступление послужит объяснением к табл. II, в которой подытожены материальные свидетельства истории народов нижней «Средней культуры» долины Мехико, создателей копилко-сакатенкской культуры. История их жизни как будто отмечена печатью миролюбия. Внешних указаний на войны или перевороты не обнаружено. Они изготовляли множество каменных орудий; форма последних настолько удовлетворяла эти народы, что оставалась почти неизменной на протяжении столетий. В качестве материала они использовали для самых разнообразных целей обсидиан, или вулканическое стекло. От этого твердого, но хрупкого материала можно было откалывать наконечники для метания и скребки, его можно было расщеплять на длинные узкие лезвия. Выброшенные осколки годились для непосредственного использования без всякой ретуши, так как кромки свежеотломанного куска остры, как лезвие бритвы. Наконечники метательных снарядов, требовавшие тщательного оттачивания, постепенно меняли форму и становились более совершенными. Например, резчики по камню позднейших периодов стали делать зарубки на толстом конце наконечников для стрел, что позволяло прочнее привязывать их к древку (см. табл. 16, середина).

«Метате» или «мано» — жернова и песты, применяемые для размола зерен кукурузы, изготовлялись из застывшей лавы, и разработанная в соответствии с этим их применением конструкция не изменялась в течение столетий. Топоры и кельты встречаются редко. Найденные образцы сделаны из змеевика, порфира и нефрита — минералов, отсутствующих в долине Мехико. Случайные находки великолепно отделанных украшений из нефрита, вроде серег или подвесок, указывают на наличие

торговли и существование более передовых культур к югу от границ долины.

Люди этих племен широко применяли оленьи рога и кости для изготовления инструментов разных видов, например долот для расщепления обсидиана, шильев для плетения корзин и т. д.; иногда они делали зарубки на лопаточной кости оленя и производили ритмичные звуки, проводя по зубцам палкой. Незначительное количество грубых украшений из раковин, принадлежащих к тихоокеанской фауне, свидетельствует о торговых связях с южными и западными районами. Деревянные и плетеные изделия совершенно истлели, так что мы не можем сказать, пользовались ли эти люди луком или атл-атлом и какова была их техника тканья. Однако мы знаем, что они занимались тканьем и, возможно, даже выделывали одежды из коры, так как некоторые из их маленьких глиняных фигурок представлены в тюрбанах. Кроме того, чудом сохранился крошечный обрывок материи, вытканной из хлопчатобумажных ниток по основе из волокон апоцина.

Эти люди были искусными гончарами, но их не очень беспокоили требования эстетики. Девяносто процентов их сосудов представляют прочно сделанные кувшины всех оттенков от светлого рыжевато-коричневого цвета до красновато-рыжего для хранения и изготовления пищи. Первоначально они изготовляли черные чаши на трех маленьких ножках и вырезали на них грубый геометрический рисунок, в который втиралась красная краска. Позднее, прежде чем накладывать жидкую краску, они наносили узор в виде выемки, что повело, в конце концов, к появлению красивых резных рисунков. Впоследствии они отказались от этого способа, изменили форму сосуда и после обжига чаши куском обсидиана гравировали на ней непрерывный узор, имеющий такое же отношение к предшествующему жесткому геометрическому рисунку, как рукописный шрифт к печатному (см. табл. 16, вверху; 17, второй и третий ряды).

Роспись красками не была распространена. В одном селении Сакатенко в ранний период существовало обыкновение наносить белые геометрические узоры на красную глину. Позднее этот стиль видоизменился и посуду стали покрывать белым ангобом *, по которому наносился простой сплошной рисунок красного цвета. Производились дальнейшие опыты по испытанию ангоба разных типов. Наиболее сильно изменилась в позднейший период форма чаш, которая очень отличалась от ранних форм.

* Ангоб — белое или цветное покрытие основного изделия тонким слоем более ценной глиняной массы другого цвета. Ангобирование является одним из способов дешевого украшения простых глиняных изделий. Ангоб наводился чаще всего в виде мути на сырой необожженной глине, либо накладывался на ней после предварительного обжига. Чем тоньше слой ангоба, тем он прочнее. — Прим. ред.

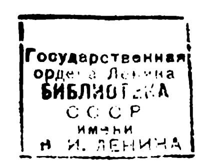
В изобилии изготовлялись маленькие фигурки из обожженной глины. Эти статуэтки обычно представляли женщин; возможно, что это изображение богини-матери, символизирующей рост и плодородие, — образ, весьма распространенный в религиозных представлениях человечества. Сами по себе подобные фигурки не ценились, так как большинство их находят сломанными и выброшенными в мусорных кучах. В разных областях, повидимому, развились различные стили. Среди многочисленных статуэток местного производства встречается незначительное количество фигурок иного рода, составляющих стандартный тип в других местностях. Нужно думать, что если эти маленькие идолы не были предметом торговли, их приносили с собой паломники *. Сопоставляя указанные (тщательно, хотя и наивно, сделанные) фигурки с глиняными идолами, изготовлявшимися в позднейшие периоды и изображавшими тех или иных богов, мы должны заключить, что они имели религиозное значение даже в это раннее время.

Скульпторы раннего периода не работали по камню и дереву, а использовали только глину. Их статуэтки были маленькими, величиной редко более 15 см. Сначала лепились голова и торс, а затем прибавлялось остальное — руки, ноги, нос, глаза и уши путем налепливания маленьких кусков глины. В таком виде статуэтка обжигалась, и нередко после этой операции лицо и тело покрывались узорами. Скульптор стремился главным образом к натуралистическому эффекту, мало следуя каким-либо закрепившимся условностям. Все же стандартные способы изготовления предмета повели к выработке стилей, различных у разных племен и менявшихся в соответствии с обычаем, развитием или упадком техники (см. табл. 14, вверху).

Фигурки ранней «Средней культуры» кажутся нам топорными и грубыми. Короткие толстые тела, мясистые носы, выпученные глаза и похожие на обрубки руки и ноги мало отвечают современному идеалу красоты. Однако держа в руках одну из таких статуэток и задумываясь над каждым этапом ее изготовления, мы проникаемся впечатлением исходящей из нее чрезвычайной серьезности и постигаем целый мир мысли, скованной техническими возможностями выражения. Человек, одаренный интуицией, нередко угадывает богатый мир искрящейся фантазии за жалкими каракулями ребенка. В этих статуэтках ощущается суровое восприятие сложных ритмов рождения, роста и смерти в природе (см. табл. 14, внизу).

---

* Замечание автора о «паломниках» — обычная в буржуазной науке вульгарная модернизация; в эпоху «Средней культуры», конечно, «паломников» не было. Наличие иного типа статуэток в том или ином поселении доказывает только существование в данное время сношений между различными местностями. — Прим. ред.

Процесс исканий и экспериментирования продолжался в течение ранней фазы нижнего «Среднего периода». Внимательный наблюдатель может подметить, что в разное время интересы скульптора привлекали разные методы изображения. Работы одной группы поселений разнятся от работы другой, и можно предположить, что общины обменивались статуэтками между собой. Видимо, наиболее изящный тип глиняных фигурок этого периода распространялся из Пуэблы и Морелоса, и он настолько нравился жителям северной части долины Мехико, что небольшое количество подобных статуэток можно почти всегда найти в каждом селении. Статуэтки этого типа (в противоположность обычному характеру местных изображений, похожих на матрон) обладают девичьей грацией. Они настолько характерны и настолько резко отличаются от форм северной части долины, что их никак нельзя принять за копии, сделанные местными ремесленниками (см. табл. 15).

Однако с течением времени внесенный извне новый стиль (тип «А») послужил стимулом для местных подражаний. В скульптурах этого типа воспроизводились в сравнительно правильных пропорциях округленные очертания лица человека, населявшего Центральную Америку. Художник, проводя бороздки по комочкам глины, научился точнее передавать изгибы носа и губ, воспроизводить их соотношения к плоскостям лица. В долине Мехико не обнаружено прототипов этого нового стиля — он был, очевидно, первоначально выработан скульпторами Трес Сапотес во время раннего периода пребывания там ольмеков. Его проникновение в долину внесло заметные изменения в форму и орнамент некоторых видов глиняных чаш и оказало существенное влияние на местные традиции лепки *. Кропотливые методы раннего периода были заброшены: им предпочли кое-как обработанные плоские мишурные формы в грубом традиционном стиле. Один из стилей того времени настолько груб, что наводит на мысль о преднамеренном желании дать гротескную форму. Другой странный образ, созданный в то время, представляет двуглавое существо, олицетворявшее, вероятно, какое-нибудь божество или мифологический персонаж (см. табл. 17, вверху, внизу).

Таким образом, если судить по обнаруженным находкам, народы нижней «Средней культуры» существовали самостоятельно в течение нескольких столетий и другие народы в этот период не оказали на них сколько-нибудь сильного влияния. Затем вдруг обнаружились признаки воздействия на них каких-то племен, у которых они заимствовали стиль искусства и новые типы глиняных изделий. Очень трудно истолковать социальное значение этого типологического изменения (см. табл. 17).

* Это предположение автора подтверждается стилистическим анализом статуэток из Трес Сапотес, произведенным Ф. Друкером. — Прим. ред.

История искусства является одновременно и историей самих художников. В первобытной общине последние не составляли обособленной прослойки, это был сам народ. Когда искусство служит удовлетворению религиозных потребностей, эволюция содержания религии и формы ритуала приобретает такое же значение, как и эволюция художественной техники. Эти маленькие статуэтки представляют слабые и неумелые отражения социального процесса, который мы привыкли называть в настоящее время эстетическим процессом. Как вскрытие лягушки ведет к пониманию биологии высших организмов, точно так же и мы можем видеть, как пластическое искусство нижней «Средней культуры» прошло путь от периода условности к экспериментам и затем снова вернулось к условности и остановилось на ней. Соприкосновение с какими-то внешними факторами, послужившими источником вдохновения, внесло новую манеру изображения и, возможно ослабило интерес к более древней технике.

Религиозное значение статуэток расшифровать сложнее. Для религии земледельческих народов довольно обычным является представление о женском начале или производящей силе, связанное с ростом и плодородием. Очень часто это верование олицетворяется в образе богини, поскольку человек нередко наделяет явления природы своими собственными побуждениями и свойствами. Маленькие глиняные фигурки из Сакатенко и Эль-Арболилью всегда изображают женщин; некоторые из них. держат в руках ребенка, однако нельзя найти двух фигурок в совершенно одинаковых одеждах. У некоторых редко встречающихся статуэток имеются две головы.

Трудно что-либо заключить на основе этих данных, но это все, чем мы располагаем. Нам не известно, что говорят указанные фигурки и в смысле мифологических представлений, мировоззрения и ритуала.

Единственным другим указанием для суждения о религиозных обычаях этого периода служат погребальные обряды. Покойников предавали погребению, но это редко делалось по какому-либо одному образцу. Некоторых хоронили скорченными, других вытянутыми. Обычно каждого умершего укладывали в отдельной могиле, однако практиковались и групповые захоронения, причем нахождение в одной могиле умерших разного возраста и пола позволяет предположить, что мы имеем дело с семейными погребениями. На выкопанных скелетах не видно следов насильственной смерти — на войне или при жертвоприношениях. Мы не видим также следов каких-либо болезней, однако более четверти всего количества погребенных — дети; вообще очень мало лиц, достигших старости. В могилы вместе с умершими нередко укладывались приношения вроде горшков, инструментов, оружия и украшений, повидимому, в зависимости

от достатка. Так, в Эль-Арболильо в могилах половины всех умерших, независимо от возраста и пола, положены приношения, а в Сакатенко, менее чем в 7,5 км оттуда, такой почести удостоен только один покойник из восемнадцати. При погребении некоторых умерших тела покрывались красной краской, изготовленной из гематита (красного железняка). В одном случае мужчина похоронен с мозаичными украшениями из бирюзы, а маленький ребенок — с двумя нефритовыми подвесками для ушей и двумя глиняными чашами. Так как подобного дара мы больше нигде не встречаем, это заставляет предполагать, что горе родителей было очень велико или что они были очень богаты. Некоторых покойников укладывали в неглубокие колодцы, тогда как других хоронили в настоящих могилах, облицованных и покрытых каменными плитами с полом из чистого речного песка.

Все эти полученные путем раскопок сведения ничего не говорят о том, как управлялись народы нижней «Средней культуры». Так же мало освещается и их экономика, характеризующаяся в основном охотой, земледелием и незначительным обменом с югом. Какая-то диференциация в общественном положении, повидимому, существовала, поскольку погребения разнятся друг от друга своим богатством и устройством, а большинство народов, как известно, воздает мертвым почести в такой мере, в какой признает престиж живых. Природа несколько раз вторгалась довольно бурно в мирную жизнь этих племен. В Сакатенко как раз в начале позднего периода внезапно резко повысился уровень озера *. Вопрос о том, были ли изменения художественных стилей занесены беженцами, изгнанными из своих домов выступившими из берегов водами озера, или же их обусловили обычаи и образцы, проникшие издалека, до настоящего времени не разрешен. Некоторые поселения, в которых в конце этого периода жили люди, были покинуты вследствие местных наводнений, похоронивших остатки их под слоем ила глубиной около метра и более.

Народы нижней «Средней культуры» исчезли внезапно, и их стилистические традиции не были никем переняты в позднейшие периоды. Место этих народов заняли переселенцы, создатели верхней «Средней культуры» — куикуилко-тикоманской культуры, названной так по Куикуилко — большому холму, воздвигнутому в честь их богов, и Тикоману — их наиболее полно исследованному поселению (см. табл. III).

Верхняя «Средняя культура» пышно расцвела в долине Мехико, в Морелосе, Пуэбле, Мичоакане и Вера Крус. Уже в последние фазы нижней «Средней культуры» верхняя «Средняя культура» существовала в Морелосе, к югу от долины Мехико.

* Археолог де Терра, вычислив изменение уровня озера Тескоко в различные исторические эпохи, предложил новую датировку раннего Сакатенко. См. об этом в заключительной статье. — Прим. ред.

В отличие от стилей Копилко — Сакатенко, исчезнувших внезапно, техника периода верхней «Средней культуры» перешла в позднейшую культуру Теотиуакана, а также в высоко развитые культуры Западной Мексики. Искусство верхней «Средней культуры» имело значительные местные расхождения, в отличие от монолитного искусства нижней «Средней культуры». Верхние «Средние культуры» послужили теми лесами, с помощью которых была воздвигнута теократическая цивилизация толтеков Теотиуакана, в силу чего они занимают значительное место в истории Мексики (см. табл. 13).

Скудный перечень различных предметов, найденных в земле, составляет все наши исторические источники о верхних «Средних культурах», но сравнение горшков и орудий этого периода с выделывавшимися в предыдущее время указывает на развитие известных социальных процессов. В Тикомане — наиболее тщательно изученном поселении — жители насыпали террасы на скалистом полуострове и на выравненных таким образом площадках строили жилища, слишком непрочные, чтобы от них остались следы, по которым их могла бы восстановить археология. В кучах отбросов кости оленя встречаются реже, чем в соседних, более ранних поселениях, что указывает на постепенное исчезновение дичи. Каменные инструменты, изготовляемые обитателями Тикомана, были разнообразнее как по форме, так и по их назначению; они же стали применять мелкие осколки обсидиана, которые было легче обработать, чем массивные куски его, использовавшиеся во времена нижней «Средней культуры». Усложнявшаяся техника способствовала проявлению различных способностей у людей. Мы обнаружили две могилы кожевников, погребенных с инструментами их профессии: один из них тщательно отделывал свои орудия, тогда как другой довольствовался осколками и отбитыми кусками камня (см. табл. 16, внизу).

Такое же стремление к улучшению быта проявляли и гончары. Процент изготавливаемой ими тщательно выделанной посуды для еды значительно выше, чем у их предшественников нижней «Средней культуры». Форма и отделка более привлекали их внимание, чем орнаментация. Не довольствуясь маленькими треножниками, придававшими сосудам устойчивость, они тщательно формовали ножки и нередко заполняли их полости шариками, мелодично дребезжавшими при употреблении сосудов. Вначале гончарам не удавалось получить красочные узоры, так как краска во время обжига стекала. Тогда они стали исправлять растекшийся узор, обводя его после обжига острием из обсидиана. Позднее они нашли, что нарисованный широкий белый контур придает поверхности сосуда приятный вид, но в конце периода отказались и от этого способа, заменив его простой полировкой (см. табл. 19—20, внизу).

Гончары также производили опыты освоения нового процесса, так называемой негативной росписи, аналогичной по технике с «батиком» *. Сосуд покрывали слоем воска или камеди, по которому выцарапывался узор. После этого порошок покрывался краской, и, когда камедь (или воск) во время обжига выгорала, окрашенным оставался только рисунок, процарапанный по покрывавшему ее слою воска или камеди. Этот способ украшения возник, повидимому, в Центральной и Южной Америке. Там он практиковался гораздо шире, и техника его, переходя в эту раннюю пору от одного племени к другому, достигла, очевидно, и долины Мехико — правда, в очень несовершенном виде. Археология не обнаруживает применения аналогичного метода для тканей, но уже в очень раннюю пору индейцы Перу великолепно красили по методу «батик» свою одежду.

Торговля в этот период приобрела значительный размах по сравнению с торговлей периода нижней «Средней культуры». Раковин стало больше, и обрабатывали их теперь тщательнее, но в противоположность раковинам, оставшимся от предшествовавшей эпохи и собираемым на западном побережье, эти виды принадлежали вера-крусской фауне. Украшения и топоры из нефрита, порфира и змеевика, повидимому, также восточного происхождения. Однако черепки глиняных изделий говорят о том, что радиус торговой деятельности был весьма значителен.

Культ статуэток продолжал сохранять свое значение, и человек с воображением может по этим маленьким ритуальным фигуркам прочесть историю искусства забытого народа. Еще до распространения верхней «Средней культуры» в долине Мехико в нынешнем районе Гуалупиты в Куэрнаваке находилось небольшое поселение. Жители его делали глиняных божков, таких же неуклюжих и топорных, как и фигурки нижне-среднего периода долины, но несколько иного стиля. По случайным экземплярам, попавшим из одной области в другую, можно заключить, что ранняя Гуалупита была современна нижней «Средней культуре» долины Мехико. Эти гуалупитские формы, очевидно, принадлежат искусству, достигшему более широкого распространения. Позднее они выкристаллизовались в очень удачный местный стиль, в котором условность трактовки лица возмещалась разнообразием головного убора и позы. Этот тип фигурок выделывали народы верхней «Средней культуры» в период их проникновения в долину Мехико (см. табл. 19, вверху).

Волна технических исканий, захватившая ремесленников, задела и скульпторов. Последние стали разрабатывать форму и лепить не только гротескные, но и реалистические образы, стараясь воспроизвести различные позы и даже движения. Они стали прибегать к полировке поверхности, чтобы подчеркнуть

---

* Батик — метод нанесения цветных украшений, применявшийся ремесленниками Малайского архипелага. — Прим. ред.

форму блеском отделки. Результаты этих усилий не производят на наш современный взгляд особенного впечатления, но они знаменуют новую ступень в развитии техники искусства. В конечном счете из этого хаоса в миниатюре развились два стиля, очевидно, удовлетворившие скульпторов, поскольку именно эти стили распространились широко и оттеснили все остальные. В одних случаях статуэтки покрывались белой краской, иногда слегка подправленной красным цветом, и полировались. Фигурки изображались в сидячей или стоячей позе, поправляющими волосы, закрывающими руками глаза, держащими чашу или делающими другия действия. В других фигурках скульпторы вернулись к старому способу: налепливали кусочки глины, желая передать мелкие подробности, тщательно воспроизводя украшения, головные уборы, конечности и черты лица. Хотя большинство статуэток продолжало воспроизводить существа женского пола, некоторые из них, очевидно, все же представляли мужчин. Это наводит на мысль, правда, недостаточно веско обоснованную, что к этому времени стали усложняться религиозные представления.

В пользу этой теории говорит воспроизведение двух резко индивидуализированных образов, переданных с известным мастерством. Одно из них представляет лицо со скошенным ртом и чертами ребенка. В долине Мехико этот персонаж изображался грубо условно, но в Гуалупите какой-то скульптор сильно увеличил его и сделал настолько хорошо, что далеко превзошел средние художественные нормы. Его произведения представляют подлинное отражение в глине знакомых нам странных детоподобных существ, высеченных из гигантских валунов или вырезанных на каменных плитах, преобладавших в религиозном искусстве олмеков в Вера Крус (см. табл. 20, вверху).

Другое существо, воплощенное как в глине, так и в камне, представляет старика, сидящего с наклоненной головой и держащего на голове и на спине чашу для курения ладана. Этот бог не утратил своего значения в культуре Теотиуакана и во времена ацтеков, когда его правильно звали Уэуэтеотл, или старый бог, а иногда Шиутекутли, т. е. Владыкой огня. Образ такого божества представляется особенно уместным в вулканической местности, а его изображение в виде старика символизирует, очевидно, древность гор. Непрерывное почитание этого Уэуэтеотла в течение многих столетий говорит, повидимому, о том, что это был самый старый бог, нашедший воплощение в ритуальных фигурах в Центральной Америке, хотя представление о богине-матери, богине кукурузы и роста, может быть, и древнее (см. табл. 18, вверху, налево).

Однако наиболее полно значение среднеамериканской религии для земледельческого населения Центральной Мексики символизирует большой глинобитный курган на отрогах вулканиче-

ской гряды в Куикуилко. Племена, населявшие юго-западную часть долины Ахуско, воздвигли массивный курган овальной формы, около 111 м в диаметре и 18 м высоты. К вершине его вел широкий скат. Склоны были облицованы речными валунами для предупреждения размывания в период дождей, а может быть, и для усиления впечатления сурового величия. На вершине холма не было воздвигнуто храма. Вместо него под открытым небом на виду у всех молящихся стоял алтарь. Алтарь составляет прямой контраст с храмом: его поднятые прямолинейные стены и несколько ступеней с низкими балюстрадами по бокам как бы предвосхищают развитую архитектуру позднейших времен. Стены алтаря облицованы гладкими адобами *. Строители стремились этим путем как можно ближе воспроизвести штукатурную отделку, принятую в других местах в более развитой культовой архитектуре.

Народ Куикуилко дважды перестраивал это сооружение, увеличивал его и заменял алтарь новым, находившимся над старым. Один раз была обновлена облицовка сооружения. Материалом для нее послужили куски лавы вместо ранее применявшихся валунов. Отбросы беспрепятственно накапливались у подножия холма и заполнили узкий проход из камней, поставленных на ребро, устроенный для неизвестных целей первыми строителями вокруг холма. Со временем сооружению стали уделять меньше внимания, дожди ослабили каменную облицовку, и склоны его стали сползать. Затем произошло извержение вулкана Шитли, и расплавленная лава стекла по склонам и залила окружающую местность, превратив ее в вулканическую пустыню, известную ныне под названием Педрегаля. Охладившись, лава образовала каменный покров толщиной более метра и замуровала нижнюю треть платформы. Поток лавы был остановлен озером, после того как он залил несколько покинутых селений, вроде Копилко. Непосредственно лава задела лишь незначительную часть долины Мехико.

Добываемая ныне из застывшего потока лава служит основным строительным материалом Центральной Мексики и балластом для полотна железных дорог и автострад. В процессе ее добывания было открыто поселение Копилко. Затем возвышающийся над пустырем искусственный холм привлек внимание д-ра Гамио, и он попросил археолога Б. Кэммингса предпринять раскопки Куикуилко. Обнаружение следов человека под непроницаемым слоем камня заставило предполагать наличие культуры глубокой древности. Когда произошло извержение вулкана? Вопрос этот неразрывно связан с определением времени существования «Средних культур» — времени первого появления человека в Центральной Мексике.

---

* Адобы — глинобитные необожженные кирпичи, высушенные на солнце. — Прим. ред.

К изучению этой проблемы были привлечены обширные и точные материалы геологии, и представители этой науки сошлись на том, что извержение произошло недавно, и определили его возраст прозаической цифрой от двух до десяти тысяч лет — цифрой, кажущейся ничтожной по сравнению с теми миллионными и многомиллионными величинами, какими они обычно пользуются для измерения времени. Однако срок от двух до десяти тысяч лет представляется огромным, когда им измеряется история человека. Самая древняя, почти легендарная история Мексики не уходила далее V—VII вв. н. э. (основание Теотиуакана). Что произошло до этой даты, но после катастрофы в Педрегале? Эту проблему должны были разрешить в меру своих возможностей археологи.

Сначала были сопоставлены находки, обнаруженные на месте двух погребенных поселений — Копилко и Куикуилко, — и оказалось, что они неодинаковы. Затем изделия тех же стилей были найдены в других частях долины, на открытых местах, не задетых местными извержениями, образовавшими Педрегаль. После нескольких лет раскопок в этих открытых поселениях было установлено, что Копилко не только старше Куикуилко, но что копилко-сакатенкская культура представлена кучами отбросов в два раза толще, чем кучи Куикуилко — Тикомана. Неизвестно, как быстро накоплялись подобные кучи. Однако, основываясь на одном наслоении в Пекосе, в Нью-Мексико, начальная и конечная даты образования которого более или менее известны, можно с достаточной достоверностью определить длительность копилко-сакатенкской нижней «Средней культуры» в шесть или семь веков и срок существования верхней «Средней культуры» в Куикуилко — Тикомане в три века или около того (см. табл. 13).

Следующей задачей было согласование куикуилко-тикоманской культуры с позднейшими фазами индейской истории в Мексике. Куикуилкские и тикоманские находки по стилю похожи на гончарные изделия и статуэтки, найденные на склонах холма в Пуэбле и Морелосе; это заставляет предполагать, что громадное святилище Куикуилко в долине было их аванпостом. Божество с детским лицом уводит нас к культуре олмеков в Вера Крус, с высоко развитым религиозным культом, а Владыку огня встречают не только в Тикомане, Куикуилко и в селении Халапаско в Пуэбле, относящемся к верхней культуре, но очень часто и в Теотиуакане.

В Гуалупите и Тикомане обнаружены подлинные образцы теотиуаканской культуры. Но гораздо более значительным было открытие, сделанное в Теотиуакане. Оказалось, что на самом раннем этапе развития этой культуры был выработан стиль, родственный стилю гончарных изделий и статуэток, обычно встречающихся в Куикуилко, Тикомане и Гуалупите. Следова-

тельно, зарождение теотиуаканской культуры составляет часть того же культурного явления, которое мы обозначали термином верхней «Средней культуры». Затопление Педрегаля лавой должно быть отнесено к периоду, охваченному историей племен долины Мехико. Куикуилко был покинут прежде, чем произошло извержение, и, если судить по разрушениям, задолго до него. Следовательно, VI или VII век нашей эры вряд ли будет слишком поздней датой для извержения (см. табл. 21).

Таким образом, мы должны заключить, что за одно или два столетия до начала нашей эры в долине Мехико жило оседлое земледельческое население. Его культура удовлетворяла его потребностям, и внешние влияния ее почти не задевали. К концу этого периода обнаруживаются какие-то новые влияния в искусстве или, выражаясь точнее, в религиозных представлениях, которые и обусловливают изменения в культуре этого поселения. Позднее, в III или IV веке нашей эры, население, повидимому, покинуло долину, уступая напору нового народа.

Возможно, что новые пришельцы появились из областей, расположенных к югу и востоку от долины Мехико и ныне составляющих штаты Морелос и Пуэблу, и что они дали толчок новым техническим и религиозным исканиям. Эти племена проявили больший, нежели их предшественники, интерес к лепке и ремеслам. Их селения обладают до известной степени независимыми художественными стилями. Наиболее внушительным вкладом пришельцев в культуру было введение культовой архитектуры и начал искусства определенно ритуального характера. Они, повидимому, находились в торговых и культурных связях с народами восточного побережья, но художественный стиль их вполне самобытен и самостоятелен. Некоторые племена сооружали группы холмов. Возможно, что эти новые племена покинули Куикуилко, где ими были возведены самые обширные платформы, в предвидении надвигающейся катастрофы, вследствие которой позднее образовалась Педрегальская пустыня. Другое поселение, находящееся за 75 км от него по другую сторону озера, со временем развилось и превратилось в великий религиозный центр Теотиуакан, первый и самый мощный из храмовых городов Центральной Мексики.

С основанием этой новой столицы границы центральноамериканской культуры передвинулись с юга и востока долины Мехико в северные и западные ее части. Из убежища племен, находящихся на уровне начальной стадии теократической культуры, долина превратилась в величавое владение толтеков, согласно традиции основателей культуры Центральной Мексики, сделавших Теотиуакан своей столицей.

Глава III

ТЕОТИУАКАН И КЛАССИЧЕСКИЕ ТОЛТЕКИ

Описание культуры, которой Мексика обязана своими поразительными памятниками, и попытка восстановления истории создателей этой культуры по имеющимся скудным и искаженным источникам

Первым народом, о котором упоминается в анналах долины Мехико, являются толтеки — мастера-строители. Их обычаи и творения окутаны той таинственностью, какую мифы набрасывают на исторические факты, и сведения о них настолько сбивчивы и нелепы, что один видный специалист однажды подверг сомнению самое существование толтеков *. Факты же, очевидно, сводятся к тому, что в последний период переселений X—XIV вв. разбойничьи племена называли толтеками любое встречаемое ими оседлое население, а впоследствии сами стали присваивать себе это имя в знак того, что они также стали более культурными (см. табл. 21).

Одни летописи сообщают о высокой культуре, создателей которой мы назовем толтеками из Теотиуакана, по имени их величественной столицы. Другие хроники приводят родословные предков вождей разных племен, которых мы обозначим термином «династические толтеки».

Толтеков Теотиуакана характеризовали как великих строителей, плотников и механиков. Они были не менее искусны и в земледелии — сеяли кукурузу и хлопок, разводили бобы, перец и другие известные в Мексике сельскохозяйственные растения. Из хлопка они изготовляли пряжу и выделывали ткани — от тонкого полотна до таких плотных, как бархат. Мужчины облачались в плащи и набедренные повязки, в холодную погоду надевали куртки без рукавов и обувались в сандалии из энекена — волокна одной из разновидностей агавы. Женщины одевались в «уипилес» — кофты без рукавов и «энагуас» — юбки, сделанные из длинного куска хлопчатобумажной материи, обернутой вокруг талии и ног. Этот вид одежды все еще сохраняется в индейских деревнях современной Мексики. Воины носили стеганые хлопчато-

* *D. G. Brinton,* Essays of an Americanist, 1890, Philadelphia, pp. 83—100. — Прим. автора.

бумажные панцыри и щиты и были вооружены копьями и деревянными дубинами, в которые вставлялись куски обсидиана. Иштлилшочитл повествует о солдатах, носивших медные шлемы, хотя следов этого металла в теотиуаканско-толтекских селениях, согласно официальным данным, не обнаружено. Жрецы носили более сложное одеяние, состоявшее из головного убора и длинной черной туники, спадавшей до земли (см. табл. 24, внизу).

«Цари» облачались в такие же мантии, как и жрецы, и носили украшения в виде ожерелий и серег. Они ходили в носках и сандалиях. «Цари» отличались от своих подданных не только одеждой, но и образом жизни. Они вставали рано и ели только на рассвете и в сумерки. «Царь» имел одну жену, и никто из царской четы, овдовев, не имел права вторично жениться или выйти замуж, хотя простым членам племени разрешалось жениться дважды или трижды. «Царица» наследовала царство от своего мужа, а ей наследовали только ее законные сыновья.

Толтеки строили свои дома и дворцы из камней, скреплявшихся цементом. У них был «темаскал», или паровая баня, существующая до сих пор у современных индейцев. Каждые двадцать дней, что согласно центральноамериканскому календарю равнялось одному месяцу, устраивались базары, которые происходили в местностях Тула, Теотиуакан, Тулансинго, Куэрнавака, Чолула, Тултитлан и некоторых других. В этих местностях до сих пор можно видеть остатки памятников того периода. Тот факт, что базары происходили через двадцать дней, дает еще одно указание на то, что у толтеков, как и у их преемников, было принято летосчисление по священным циклам в 52 года, и год содержал 260 дней.

Очень трудно разобраться в религии людей этой давнишней эпохи, так как христиане XVI в. и поздние ацтекские религиозные учения исказили ее истинную сущность. Иштлилшочитл рассказывает о высшем существе Тлоке Науаке, стоявшем над всеми другими богами. Однако два самых больших сооружения в священном городе Теотиуакане, согласно твердо установленному преданию, были посвящены богу солнца и его жене — богине луны. Тлалок — бог дождя — упоминается в качестве первостепенного божества, а богиня-лягушка была удостоена пышного храма. Кецалкоатл, «пернатый змей», почитался как основоположник культуры. Это же имя давалось как титул главным жрецам. Устойчивые и надолго закрепившиеся мифологические представления повествовали о распре между старым и новым культом, символически отраженной в борьбе между Кецалкоатлом и богами войны и неба позднейшей ацтекской религии.

Поклонение природе, лежавшее в основе этой религии, со временем было, очевидно, превращено в сложную политеисти-

ческую систему. Позднейшая история рассказывает о борьбе между почитателями различных богов. Присвоение какому-либо богу роли покровителя племени вело к господству его почитателей в общине и имело для древних мексиканцев такое же значение, какое имеет господство той или иной экономической или политической системы для современных народов *.

Об истории толтеков Теотиуакана мы знаем так же мало, как и об их общественном строе и о религии. Два основных источника — Иштлилшочитл и «Хроника Куаутитлана» относятся к двум разным местностям — первый к Теотиуакану, а второй — к району, расположенному западнее озера, в окрестностях Аскапоцалко. История восточной части долины, написанная Иштлилшочитлом, начинается, как полагается, с сотворения мира и истории четырех или пяти солнц или эр, в течение которых последовательно развивалась жизнь. Первая эра — «Солнце вод» — знаменует создание мира высшим божеством Тлоке Науаке. По прошествии 1716 лет потоп и молнии разрушили этот мир. Вторая эра — «Солнце земли», — была свидетельницей заселения мира великанами — кинамецинами, почти исчезнувшими после землетрясения, снова уничтожившего землю. Наступившая затем третья эра — «Солнце ветров» — связана с появлением на земле человеческих племен — олмеков и шикаланков. Они истребили уцелевших великанов, основали Чолулу и распространились вплоть до Табаско. В эту эру появилось волшебное существо, называемое одними Кецалкоатлом, а другими — Уэмаком, которое якобы явилось основателем культуры и общественной морали. Народы остались глухи к его поучениям, и Уэмак удалился на восток, предсказав, что сильные ветры разрушат землю и люди обратятся в обезьян, что и не преминуло произойти. Нынешняя, четвертая эра называется «Солнцем огня» и закончится всеобщим пожаром **.

---

* Наоборот, укрепление политической власти в общине или государстве почитателей культа какого-либо бога влечет за собой возвышение культа этого бога над всеми другими богами. — Прим. ред.

** Автор излагает миф об эрах крайне упрощенно. Дошедшие ацтекские источники значительно отличаются друг от друга не только в определении числа эр, но и в передаче их содержания. Комментатор Ватиканского пиктографического кодекса А-3738 утверждает, что первая эра была царством воды. Она продолжалась 4008 лет и закончилась огромным потопом; люди превратились в рыб, называющихся «Тлакамичин» («Рыбы-люди»). Вторая эра, длившаяся 4010 лет, завершилась неистовыми ветрами, разрушившими мир; люди были превращены в обезьян. В конце третьей эпохи, в 4801 году, начался всеобщий пожар, а в четвертую, занявшую 5042 года, почти все люди были уничтожены страшным голодом. Настоящая эпоха — по этому кодексу — пятая.

Иштлилшочитл в своей «Истории чичимеков» называет первую из эр Атонатиу — «Солнце вод». В конце ее все люди погибли от огромного наводнения. Вторая — «Тлачитонатиу» («Солнце земли») — закончилась гигантскими землетрясениями. Земля была тогда населена «кинамес» —

Все эти четыре эры относятся к области мифологии, в их описание вкраплено лишь очень незначительное количество исторического материала (табл. IV).

Ацтекские варианты мифов, повествующие о пяти солнцах, носили чисто религиозный характер. И все же эти мифологические потопы и пожары, вероятно, отражают действительно происшедшие катастрофы, вроде наводнений и вулканических извержений, поразившие жителей Мексики, как свидетельствуют находки поселений «Средней культуры».

По окончании мифологического периода толтеки предстают перед нами уже как исторический народ, кочующий по Мексике. Предводительствуемые жрецом-астрологом Уэмаком толтеки основали город Толлан и избрали царя, длительность царствования которого была определена в пятьдесят два года *. Эта ацтекская единица летосчисления играла у них роль века. В табл. V перечисляются девять правителей толтеков. Вплоть до окончания толтекского периода события в жизни племени отмечаются редко. Уэмак умер якобы в возрасте трехсот лет, в царствование второго правителя, составив книгу с записью исторических событий и пророчеств. Это предание, может быть, отражает введение твердо установленной религиозной и обрядовой системы, включая календарь, а также разработку форм культовой архитектуры. Шестой правитель — Митл — нарушил правило длительности правления, расширил свое царство, построил великолепный «Храм богини-лягушки» и много

гигантами. В конце третьей эпохи, носившей название «Экатонатиу» («Солнце ветра»), ужасные ураганы смели все с лица земли; немногие оставшиеся в живых люди были превращены в обезьян.

Последней, текущей эпохе Иштлилшочитл не дает названия ни в этом произведении, ни в другом («Реласьонес»), где он, более подробно описывая прошедшие эпохи (Вайян заимствует свое описание из «Реласьонес»), помещает, однако, третью эру на второе по порядку место.

Камархо в «Истории Тлашкалы» следует в основном версии Иштлилшочитла, но полагает, что завершились только две эры. Гама и Гомара передают о четырех прошедших эрах и называют текущую — пятой, а Мендиета сообщает даже о пяти прошедших эрах.

Однако мы имеем более солидный источник, показывающий, какая версия мифа была распространена в Теночтитлане. Это так называемый «Календарный камень», повествующий о мифической истории мира. Согласно ему, первая эпоха, во время которой в образе солнца был бог Тескатлипока, называлась «Науи Оселотл», или «Четыре оцелота». Она закончилась истреблением оцелотами племени гигантов, населявших тогда землю. Вторым солнцем стал бог Кецалкоатл, а эра, называвшаяся «Науи Ээкатл» («Четыре ветра»), закончилась ураганами и превращением людей в обезьян. Третьим солнцем стал Тлалок, и его эра «Науи Киауитл» («Четыре дождя») имела концом всемирный пожар. В четвертой эре — «Науи Атл» («Четыре воды») — солнцем была богиня Чалчиуитликуэ; эта эра завершилась потопом, во время которого люди превратились в рыб. Современная эпоха — пятая — должна закончиться землетрясением. — Прим. ред.

* Об ацтекском летосчислении см. ниже, главу XI (стр. 138 и сл.). — Прим. ред.

других пышных сооружений. Возможно, что эта связь имени Митла с широкой деятельностью в области архитектуры зиждется на фактах. Мы увидим это дальше, при описании храма Кецалкоатла.

До нас дошли сведения о выдающихся событиях, происшедших в царствование последних правителей. Восьмой из них владычествовал над Толукой, Куэрнавакой, Йолотепеком, Чолулой и Халиско. Почитание старых богов осталось неизменным, но к нему прибавился культ двух новых богов —Тескатлипоки — великого бога неба и Уицилопочтли — бога войны. В царствование этого восьмого правителя одна женщина, по имени Шочитл, ввела в употребление хмельной напиток, называемый «пульке». Он изготовлялся из перебродившего сока агавы и поныне является наиболее распространенным спиртным напитком в нагорной Мексике *.

В царствование девятого царя Топилцина, учредившего ритуальные игры в мяч, произошел ряд катастроф. Царство толтеков распалось на части вследствие местных восстаний, вторжений неприятеля и бедствий, вызванных голодом и чумой. Теотиуакан был покинут. Все, кто мог, откочевали на юг — в Табаско и Гватемалу. Оставшиеся жители растворились среди новых племен, и правящие дома последующего периода чичимеков или династических толтеков считали для себя честью называться их потомками. Такова история восточных толтеков в изложении Иштлилшочитла.

Современный посетитель Теотиуакана, несомненно, ощущает благоговейный трепет, которым предания окружили имя толтеков. Долина Теотиуакана — обширная площадь в 5 км длины и около 3 км в ширину — была некогда застроена внушительными зданиями. Вся долина вымощена гипсовыми плитами, причем не один, а несколько раз. Теотиуакан был не обычным населенным пунктом, а большим религиозным центром, в котором находились храмы и дома лиц, связанных с отправлением культа. Отбросов, обычно накапливающихся в поселениях, в нем немного (см. табл. 22, вверху).

Архитекторы расположили Теотиуакан в виде нескольких примыкающих друг к другу кварталов, тянущихся к югу от мощной «Пирамиды луны». Последняя представляла собой пирамиду с усеченной вершиной, на которой был выстроен храм. По сторонам пирамиды располагались уступы в виде террас. С широкого прямоугольного двора с южной стороны пирамиды кверху вела широкая лестница. К площади примыкали другие здания, а на расстоянии в несколько сот метров на восток и на запад были симметрично расположены два квартала меньших размеров.

---

* Пульке — слово аргентинского происхождения. У ацтеков этот напиток носил название «октли». — Прим. ред.

От «Площади луны» к югу протянулись два ряда монументальных зданий. Раскопки одного из них обнаружили превосходную стенную роспись, по своей тематике заставляющую предположить существование тут «Храма земледелия». Дальше на восток находится группа небольших холмов, а прямо к югу — второй большой ансамбль храмов, названный, по найденным рядом основаниям колонн, «Группой колонн». Храмы эти еще не раскопаны *.

«Пирамида солнца» своими размерами превосходит все соседние здания. Эта громадная усеченная пирамида, имеющая почти двести десять метров в основании, поднимается четырьмя террасами на высоту свыше шестидесяти метров. Чтобы создать впечатление большей массивности, строители пирамиды придали ее сторонам разный уклон. Стены пирамиды облицованы камнем и оштукатурены, но сама пирамида сложена из необожженного кирпича, материалом для которого послужили пласты отбросов более ранней эпохи. Черепки гончарных изделий, фрагменты статуэток и инструментов, погребенные внутри пирамиды, относятся к культуре, представляющей переходную стадию от высокоразвитой культуры Теотиуакана к верхним «Средним культурам» (см. табл. 22, внизу).

«Пирамида солнца» окружена широкой платформой, застроенной квадратными камерами со стенами из адобов, заполненными отбросами и мусором. За пределами ограды находятся дома жрецов. К югу тянутся холмики меньших размеров, еще не исследованные. Они доходят до другого большого сооружения, окруженного кирпичными домами. Украшенные пилястрами дверные проемы комнат выходят на внутренние дворики. Двухэтажных зданий нет, но некоторые комнаты с помощью платформ подняты выше других.

На юге площадь замыкается естественной границей — рекой. По ту сторону реки возвышается величественная платформа со стенами, облицованными тесаными каменными глыбами. Однако венчающий ее храм исчез. Господствующим декоративным мотивом служит пернатая змея; большие грубо высеченные головы этих змей выдаются над балюстрадами и по фасаду. Головы эти были первоначально выкрашены. Некоторые из них до сих пор глядят на посетителей глазами из блестящего обсидиана. Вдоль фасада головы змей чередуются с головами странного существа — возможно, Тлалока, бога дождя. Стена позади фасада покрыта барельефами, изображающими извивающиеся тела змей, а пространства между ними заполнены морскими раковинами, целиком относящимися к видам, встречающимся в Карибском море. От всего сооружения веет внушительностью и массивностью. Орнамент хотя и не обладает изяществом и

---

* О дальнейших раскопках Теотиуакана см. заключительную статью. — Прим. ред.

гибкостью рельефов майя, обличает зрелое искусство. В манере многочисленных мастеров, из года в год обрабатывавших эти камни, чувствуются уверенность и опыт. Описанное сооружение, называемое современными исследователями «Храмом Кецалкоатла», пернатой змеи, бога мудрости, настолько великолепно, что мы вправе предположить, что это и есть здание, прославившее Митла. Древнее название — «Храм богини-лягушки» — возникло, возможно, вследствие символической связи лягушки с Тлалоком, богом дождя (см. табл. 23).

После того как постройка города была завершена во всем его мощном ансамбле, он подвергся коренной реконструкции. Каждое здание, начиная от «Пирамиды луны» на севере и кончая храмом Кецалкоатла, было перестроено. Все внутренние помещения засыпали и фасады их заделали для того, чтобы подготовить платформы для новых храмов. Даже к гигантским массивам «Пирамиды луны» и «Пирамиды солнца» были пристроены новые ступени и фасады. Из всех зданий храм Кацалкоатла подвергся самой значительной перестройке. Первоначальное святилище послужило основанием для высокой платформы, господствовавшей над обширным пространством, окруженным широкой стеной. Этот вал поддерживал по четыре платформы меньших размеров на каждой из трех сторон. А на восточной стене, позади главного здания, находились фундаменты трех таких же храмов.

Позднейшее здание менее массивно, чем прежнее. Тесаные камни применяются реже, зато более обычным становится употребление щебня. Хотя перестройка охватила в конце концов решительно всю священную территорию, судя по непрерывной эволюции стиля гончарных изделий и статуэток, нет оснований для предположения, что имело место завоевание города какими-то новыми племенами. Новая архитектура носит все признаки изменений в религиозных представлениях, низвергнувших один культ, чтобы возвысить новый. Более того: в одной части города промежуток между прежней и более поздней вымосткой содержит множество обгорелого мусора, вроде древесного угля, адобов, черепков гончарных изделий. Это заставляет предположить, что материалом для фундаментов служили остатки разрушенных пожаром сооружений. В событиях, изложенных в летописях, можно как будто найти отражение этих изменений в архитектуре, и вполне вероятно, что новая религия Уицилопочтли и Тескатлипоки заменила старый культ Кецалкоатла и Тлалока. Совершенно ясно, что реконструкция Теотиуакана ложилась настолько тяжелым бременем на население в результате потребности в рабочей силе и материалах, что одно это могло вызвать серьезные народные волнения и беспорядки.

Однако религии меняются и царства рушатся, а народ продолжает жить. Точно так же остаются незыблемыми и основные

технические средства, нужные для поддержания жизни. Поэтому в орудиях и гончарных изделиях, которые служат руководством для изучения истории народа, видна бо́льшая преемственность, чем в хронике его вождей или в культовой архитектуре *. История материальной культуры Теотиуакана — существенная сторона истории ранних толтеков. Контраст между домашней утварью и принадлежностями культового обихода обостряется по мере достижения культурой Теотиуакана наивысшего расцвета. Быстрота изменений в разных областях не всегда совпадает, и мы различаем в теотиуаканской культуре два строительных периода, три фазы в выделке керамики и пять последовательных стилей глиняных статуэток.

Начатки культуры Теотиуакана обнаруживаются в материале, из которого сделаны адобы «Пирамиды солнца». Черепки глиняной посуды и статуэтки заставляют предположить, что имело место слияние четырех культурных потоков, один из которых идет от верхней «Средней культуры», другой содержит зародыши позднейших теотиуаканских периодов, третий — связан с племенами Западной Мексики и четвертый — неизвестного происхождения. Маленькие глиняные статуэтки сделаны от руки и похожи на статуэтки верхней «Средней культуры». Ранний стиль Теотиуакана выработал новый тип идола, сделанного из грубо высеченного камня. Применение техники вытравливания цветов к трехцветной керамике, подобной тикоманской, создало полихромные четырехцветные изделия с весьма характерными отличительными признаками. Ушные украшения из глины столь же обычны в Теотиуакане, как и в поселениях «Средней культуры». Хотя утварь ранних обитателей Теотиуакана не совпадает в точности по стилю и разнообразию предметов с той, которую выделывали их современники в Тикомане, Куикуилко или Гуалупите, их материальная культура все же содержит специфические элементы, присущие каждой из этих местностей, поскольку ранние теотиуаканцы были участниками того же переселения периода верхней «Средней культуры» (см. табл. 21).

Ко времени, когда теотиуаканцами были предприняты первые крупные постройки, их изделия приобрели более условный характер и стали отличаться единством стиля. Полихромные гончарные изделия уступили место простым двуцветным (черным с коричневым) глянцевым сосудам, а также вазам и большим кувшинам, раскрашенным красным по желтому. Возникла и достигла широкого распространения торговля ввозной тонкой посудой оранжевого цвета, достигавшей порой тонкости яичной скорлупы. Для своих культовых надобностей теотиуаканцы

* В этом замечании Вайяна проявляется его идеалистическое мировоззрение. Изменения различных идеологических надстроек происходят, в конечном счете, в результате изменения орудий производства, а не независимо от него, как утверждает автор. — Прим. ред.

изготовляли цилиндрическую посуду — черную или коричневую — и наносили на нее резной узор ритуального содержания, применяя простейшие способы, вроде насечки, выемчатой эмали и, очень редко, углубленной резьбы.

Их инструменты из камня и кости не поддавались достаточно тщательной отделке. Но поскольку богатые залежи обсидиана находились под рукой, теотиуаканцы широко использовали этот материал, изготовляя из него тонкие, наподобие скальпелей, лезвия и отбивали от больших глыб обсидиана куски для инструментов самого разнообразного назначения. Теотиуаканцы вырезали из этого твердого и ломкого материала маленькие изображения зверей или шлифовали его поверхность до зеркальной гладкости, а затем отполированные куски вставляли в глазные впадины больших каменных статуй богов. Кроме того, они использовали лаву, из которой не только высекали большие глыбы для облицовки своих зданий, но и делали разные рисунки и скульптуры. Значительным достижением толтеков Теотиуакана была выработка формального культового искусства. Глиняные статуэтки, отражавшие во времена «Средней культуры» основное направление художественного развития, приобрели традиционную форму, превратившись в простые маленькие фигурки мужчин и женщин, в лицах которых были переданы чисто анатомические черты. Женщины изображались одетыми в «уипилес» и «энагуас», мужчины — в «маштли» или набедренные повязки. Скульпторы раскрашивали лица и одежду как мужских, так и женских фигурок. Развитие отличительных признаков в передаче культовых изображений прослеживается также в изображении бога-старика, божества в человеческой коже, известного позднее под именем Шипе (владыки в ободранной коже), и в комбинированных фигурах, обладавших признаками людей и животных, среди которых на первом месте стоит ягуар.

Мастерство толтеков в области скульптуры из камня более всего проявилось в храме Кецалкоатла, где характер изображения подчинялся декоративным требованиям архитектурного орнамента. Скульпторы делали курильницы для ладана в виде сидящего бога-старика с чашей на согнутых плечах. Некоторые художники пользовались для своих работ порфиром и нефритом и изготовляли из этих твердых материалов превосходные маски и фигуры, представляющие шедевры среднеамериканской скульптуры. Бóльшая часть каменных скульптур погибла — их разбили испанские священники; они были также использованы в качестве камней для построек, но два огромных образца уцелели до наших дней. Один из них — трехметровая статуя так называемой «богини вод», находящаяся ныне в Национальном музее. В ней воспроизведены все украшения из нефрита, а также уипил, энагуа, сандалии — вообще каждая деталь, но все это не подчеркивает натурализм статуи, а является орнаментом

для архитектурного произведения. Эта статуя богини — монумент, своего рода монолитное сооружение, символизирующее неумолимую силу природы. Вторая статуя не была закончена. Она до сих пор находится в овраге недалеко от Тескоко и не отделена от скалы, из которой ее высекли. Этот идол, изображающий божество Коатлинчан, пострадавший от стихий больше, чем статуя «богини вод», производит на современного посетителя сильнейшее впечатление. Замысел его грандиозен, но технические возможности того времени оказались недостаточными, чтобы отделить статую от ее основания (см. табл. 24, вверху, справа).

Графика и живопись также нашли применение для удовлетворения требований культа. По фрескам Храма земледелия можно судить о внимании (сочетавшемся, однако, с чувством реальности), уделявшемся декоративному узору. Одна исчезнувшая ныне роспись (к счастью, скопированная при ее открытии) изображает церемонию, выполняемую перед двумя божествами, похожими на «богиню вод», и подтверждает описание толтекского костюма, данное Иштлилшочитлом. Резные вазы воспроизводят со всеми ритуальными деталями атрибуты богов-оцелотов и других божеств, и маленькие определительные значки показывают, что у жрецов была в ходу какая-то письменность. К сожалению, никаких священных книг не уцелело (см. табл. 24, внизу, 58, вверху).

В культовом центре, подобном Теотиуакану, было, несомненно, сосредоточено лучшее, что могла создать культура. Что касается поселений, то они еще мало исследованы. Всего в нескольких милях от священного города были выстроены обширные общинные жилища. Пятьдесят-шестьдесят комнат, расположенных вокруг внутренних двориков, связаны между собой переходами. Стены сделаны из адобов и щебня, покрытых штукатуркой; жить в них было удобно и безопасно. На видном месте стоит алтарь; отправление религиозных обязанностей, очевидно, не ограничивалось местами культа.

Второй крупный населенный пункт расположен в Аскапоцалко, по другую сторону озера. Земля здесь очень плодородна, и поэтому все старые здания снесли, чтобы на их месте разбить нынешние поля. Из карьеров, сделанных для добычи глины, идущей теперь на кирпич и черепицу, извлечено множество предметов; за несколько дней раскопок иногда находят сотни разных вещей. Обилие вещей, находившихся во владении людей, дает нам возможность судить о степени зажиточности во времена толтеков.

В Аскапоцалко и в Шолалпане, по соседству с Теотиуаканом, под полами домов погребены сотни скелетов. Взрослых людей обычно хоронили в сидячем положении. Количество захороненных вместе с ними глиняных сосудов говорит об увеличе-

нии благосостояния в этот период. В Аскапоцалко иногда происходили большие пиры, после которых участники выбрасывали всю посуду в приготовленные для этой цели ямы. Поскольку туда же сбрасывались глиняные идолы, мы можем с уверенностью заключить, что эти празднества носили религиозный характер. В одной из таких ям нашли большую красно-желтую чашу. В ней сохранились остатки главного блюда пира — бедра человека — самого лакомого куска праздничного угощения. Существуют и другие свидетельства человеческих жертвоприношений. По углам храма Кецалкоатла были закопаны люди — как жертвы при закладке. Найденные в Теотиуакане и Аскапоцалко плоские чаши, вырезанные из верхней части черепа, свидетельствуют о других обрядах, влекших за собой убийства и человеческие жертвоприношения.

Владения толтеков были наиболее обширны во время господства первого стиля архитектуры и второго стиля керамических изделий. Найденные в долине Толука, в штате Морелос, и главным образом в Пуэбле остатки поселений подтверждают данные летописей. В Чолуле толтеки построили огромный храмовый город. Позднейшее население воздвигло на месте города пирамиду, поражающую своими размерами. В этом толтекском селении нет резных украшений, но один из храмов был украшен росписью, изображавшей бога-бабочку, мифическое существо, игравшее большую роль в религии Теотиуакана.

Третий период истории Теотиуакана характеризуется грандиозной перестройкой города, за которой последовал упадок искусства. Архитектурная деятельность не способствовала усовершенствованиям в обработке камня или в керамике, за исключением производства глиняных фигурок. Лепка божков этого периода по своей тонкости превосходит все когда-либо достигнутое в Мексике. Лица вылеплены так тщательно, что некоторые исследователи считают их портретами. Сделанные от руки оригиналы затем размножались формовочным способом, и эти копии подвергались тщательной отделке, доводившей все мелочи до совершенства. Но в конце концов и этот портретный стиль, как все другие искусства и ремесла, пришел в упадок и его сменили формованные головы более грубой работы. В это время — в период распространения четвертого стиля статуэток — Теотиуакан перестал уже играть роль священной столицы.

Иштлилшочитл рассказывает, что падение Теотиуакана было вызвано религиозными распрями, восстанием и недородом. Мы можем археологическим материалом до некоторой степени подтвердить эти сведения. Если первоначально город развивался постепенно, то позднейшая перестройка города была, по всей видимости, произведена единовременно. Теотиуакан был перестроен наспех, при максимальном использовании существовав-

ших зданий. Внезапное изменение стиля статуэток позволяет предположить, что этим видоизмененным изображением обозначали нового бога. Для строительства в таких крупных масштабах неизбежно требовалось большое напряжение сил народа, что легко могло повести к восстанию.

Следствием вырубки лесов и вызванного этим пересыхания рек мог быть недород. Во времена существования Теотиуакана все здания были покрыты известковым цементом и им же пользовались для мощения. Современные индейцы майя при обжиге извести тратят дров в десять раз больше того количества извести, которое им нужно получить, причем рубка дров производится стальными топорами. Вполне логично предположение, что толтекские каменщики, не имевшие никаких металлических орудий, предпочитали добывать древесный уголь, выжигая окружающий лес, а не заготовлять нужное им топливо рубкой дров каменными топорами. Если это предположение верно, естественно, что на окружающих землях леса были в значительной степени истреблены, а от этого мелели реки и размывалась почва на полях. Кроме того, можно предположить, что в оголенности холмов, окружающих ныне Теотиуакан, повинно не только обосновавшееся здесь после завоевания население, которое использовало леса в качестве строительного материала и топлива. Этому истреблению лесов, несомненно, сильно содействовали также толтеки и их преемники — чичимеки, аколуа и ацтеки.

Каковы бы ни были основные причины оставления Теотиуакана, предание относит это событие к X—XI вв. Тем не менее, теотиуаканцы все еще жили в селениях около города, а по другую сторону озера продолжал процветать огромный город Аскапоцалко. Но сам Теотиуакан превратился в «город теней». Во времена чичимеков создатели масапанской культуры иногда пробирались к его развалинам для захоронения там покойников, но они уже никогда не нарушали безмолвия этой местности постройкой домов. Существует распространенная легенда о том, что ацтекский правитель Монтесума посещал Теотиуакан для жертвоприношений, но никаких следов таких посещений в виде остатков каких-нибудь предметов культа здесь не сохранилось. Три или четыре черепка ацтекских горшков, найденные среди сотен тысяч теотиуаканских обломков, не могут, конечно, служить доказательством выполнения здесь пышных обрядов ацтекского культа.

Аскапоцалко был громадным городом с большим населением. С упадком Теотиуакана и постепенным запустением восточных селений количество его жителей должно было значительно увеличиться. Однако население Аскапоцалко не придерживалось архитектурных традиций более ранних времен и не оставило после себя никаких монументальных сооружений. Этот

город был, вероятно, основан во время первого великого строительного периода в Теотиуакане, поскольку в обоих городах господствовал один и тот же стиль посуды и глиняных статуэток ручного производства. Изменение потребностей культа в Теотиуакане, вызвавшее перестройку города и изготовление божков «портретного» типа, не оставило никаких следов в Аскапоцалко. Среди тысяч фигурок, найденных в западном районе города, нет ни одной подлинно «портретной» головы.

Старую технику ручной лепки заменили статуэтки, изготовленные с помощью форм. Этот способ в Теотиуакане не практиковался. В Аскапоцалко, в меньших масштабах, сохранялись более древние традиции Теотиуакана. Тем не менее культ статуэток достиг здесь своего предельного развития. Применение форм повело к массовому производству статуэток мастерами-специалистами. Благодаря этому были твердо установлены детали одежды и украшений, определяющие то или иное божество. Теперь каждый дом можно было снабдить принадлежностями культа, прежде отправлявшегося в специально предназначенных для этого центрах. Тщательно отделанные кадильницы для ладана, снабженные лепными украшениями, воспроизводили алтарь главных храмов с их ритуальными узорами. Возможно, что этот обычай зародился в Оахаке у сапотеков, которые не только изготовляли превосходные курильницы подобного типа, но и продавали свои глиняные изделия северным народам, что подтверждается нахождением черепков оахакской посуды в толтекских городищах.

Эти археологические данные помогают разобраться в противоречиях хроник, над которыми долго ломали голову современные исследователи. Список толтекских правителей, приводимый хроникой Куаутитлана, лишь частично совпадает с перечнем теотиуаканских правителей Иштлилшочитла в отношении имен и совершенно расходится с ним в отношении дат (табл. V). Представляется в высшей степени вероятным, что родословные Куаутитлана имеют в виду вождей этого западного города, сохранившегося после оставления метрополии. Область Аскапоцалко была защищена озерами от вторжений с востока. Население ее не несло такого бремени повинностей, как жители Теотиуакана, которым пришлось вынести тяжесть изменений религиозных представлений, обусловивших перестройку культовых сооружений. Поэтому здесь, на западе, вплоть до следующего столетия не действовали ни внутренние, ни внешние причины, которые привели к крушению Теотиуакана.

Междоусобная война, религиозные распри и замена культа Кецалкоатла поклонением Тескатлипоке содействовали падению западных толтеков в конце XII в. Этому мог способствовать также и голод, увеличивший детскую смертность, о чем свидетельствует большая группа детских погребений в Эль-Кор-

рале, в районе Аскапоцалко. Но завоеватели западной долины первым делом поспешили присвоить имя покоренного племени и приписать себе очень древнее происхождение. Искусства и ремесла толтеков исчезли вместе с ними, а выработанный ими стиль не был усвоен сменившими их позднее народами. Осталось лишь имя народа и очень древний обычай изготовления божков, хотя новые пришельцы поклонялись изображениям других богов.

Толтекская эра, или классический период строителей Теотиуакана, совпадает с зарождением одной из центральномексиканских культур. Местные племенные культуры слились в единую культуру, распространявшуюся, повидимому, увеличивающимся населением. В основных чертах этой культуры — в доминирующем значении культа и подчинении ему технической мысли — отразилась вся культурная история Центральной Америки.

Глава IV

ЧИЧИМЕКСКИЙ ПЕРИОД И ДИНАСТИЧЕСКИЕ ТОЛТЕКИ

Политические, социальные и культурные события, способствовавшие созданию цивилизации ацтеков

Классический период теотиуаканских толтеков был временем культурного единства. В течение столетий население Центральной Мексики изготовляло одинаковые предметы, вело один и тот же образ жизни и чтило одних и тех же богов. Как только голод, религиозные распри и вторжение чужеземных племен подточили основы теотиуаканской культуры, наступил распад. Последующие столетия мексиканской истории (1100—1300 гг.) представляют собой период хаоса, впоследствии завершившийся тем сочетанием культурного единства и политической независимости, которое мы называем культурой ацтеков.

Разные религии, общества и народы боролись за господство в долине Мехико. Некоторые племена, достигшие могущества ко времени европейского завоевания, сложились именно в эту смутную пору, и на основании их племенных хроник мы можем составить довольно отчетливую картину того, что происходило в те времена. Поскольку каждое племя отмечало в хронике лишь события своей жизни, сравнительно мало заботясь о делах соседей, мы редко наталкиваемся на взаимно перекрещивающиеся свидетельства. Истории в современном понимании, как науки, устанавливающей связь и зависимость между прошлым, настоящим и будущим, в древней Мексике не существовало, и предания о последовательных переселениях племен запутаны и противоречивы (табл. IV). Этот период охватывает историю пяти поселений: Кулуакана, Тескоко, Аскапоцалко, Чолулы и Теночтитлана (табл. VI).

Согласно «Хронике Куаутитлана» — длинного и путаного повествования, касающегося истории Кулуакана, Теночтитлана и Куаутитлана, не имевшего политического значения,— кулуа покорили толтеков и некоторое время жили в их древней столице — городе Тула. Местоположение этого толтекского центра точно не выяснено, но находился он на западном берегу озера и,

возможно, что это и был позднейший толтекский город Аскапоцалко или же современная Тула. В последней находятся остатки позднетолтекского периода, однако более всего в ней обнаруживается следов длительного пребывания масапанов *.

Позднее народ кулуа переместился на юг к Кулуакану, где и основал династию вождей. Длительность царствования каждого из них тщательно регистрировалась летописью. В середине XIII в. воцарилась новая династия, которую историки назвали «чичимеками», сменившая старую династию, именуемую ими «толтеками». Имеются указания на борьбу с другими племенами, главным образом в районе северных берегов озера, однако столкновения происходили и с южными поселениями (табл. VI).

В конце XIV в. разразилась междоусобная война, и жители покинули Кулуакан, отчего город утратил свое былое могущество и значение. Появление новой силы — тепанеков, имевших союзниками сильное, но неорганизованное племя теночков, — содействовало падению Кулуакана. Но члены правившей в Кулуакане династии, прежде чем подчиниться, дважды пытались основать династию в Теночтитлане.

Судя по документальным свидетельствам, Кулуакан был значительным городом-государством. Его вожди правили без перерыва, со времени падения государства западных толтеков до образования могущественного ацтекского государства в Теночтитлане. Кулуакан был центром цивилизации и в течение трех столетий являлся ведущей силой в долине Мехико. Но при посещении современного города, основанного на его месте, мы не увидим величественных развалин, так как древнее поселение снесено до основания. Только храм на «холме Звезды», поднимающийся позади города и господствующий над озерами, напоминает о его былом величии. Именно здесь, даже и после того, как кулуа утратили свое могущество, совершался обряд «Нового огня» — церемония, повторявшаяся в начале каждого 52-годичного цикла и воплощавшая дух ацтекской религии.

Тескоко, расположенный на восточном берегу Мексиканских озер, был наиболее культурным городом долины Мехико во времена европейского завоевания. Иштлилшочитлу, потомку правящего рода, были доступны архивы его города, и он оставил нам полную его историю, которую умышленно исказил, чтобы поставить свой род наравне со знатными кастильскими фамилиями. Однако этот автор обладал хорошим историческим чутьем. Его предки принадлежали к кочевому племени, жившему, в основном, охотой и занявшему в дальнейшем под пред-

* Последние раскопки в Туле выяснили этот вопрос. См. заключительную статью в конце книги. — Прим. ред.

водительством Шолотла территорию вокруг Теотиуакана. Затем эти кочевники продвинулись на запад, к Тенаюке, и там постепенно научились земледелию и перешли к оседлому образу жизни. Во время своего пребывания в этих местах они соприкасались с другими племенами, стоящими на различных культурных уровнях, и усвоили обычай избирать главу всегда из одного рода, вместо того чтобы выбирать его непосредственно из вождей всех родов.

Около 1300 г. претендентами на верховную власть в племени оказались два брата, и один из них, Тлоцин, не будучи избранным, ушел обратно в Тескоко и там основал свою династию. После его смерти трон перешел к его сыну Кинацину. В это время на территории Тескоко поселились два новых племени, пришедшие из области миштеков, — одно из Северной Оахаки, другое из Южной Пуэблы. Они принесли с собой культ бога Тескатлипоки, письменность и ряд других полезных знаний. Этот народ настолько изменил жизнь в Тескоко, что в пиктографических рукописях местное население изображается одетым в звериные шкуры, а пришельцы — в тканые одежды, что свидетельствует о более высокой культуре пришельцев.

Кинацин, оказавшийся поразительно способным правителем, значительно расширил свои владения, завоевав много соседних общин. Принцип поглощения покоренных городов государством-победителем был неизвестен мексиканцам в те времена. Потерпевшие поражение города сохраняли местную автономию. Они лишь платили ежегодную дань, а их вожди должны были делать официальные визиты победителю, подтверждая этим свою зависимость. Около семидесяти городов платили Кинацину дань; его владения простирались до побережья Вера Крус. Преемнику Кинацина, Течотлале, удалось объединить все наречия долины в один ацтекский язык.

Между Тескоко и Кулуаканом дело никогда не доходило до открытых конфликтов, так как они были расположены на противоположных берегах озера Мехико. К тому же имеются указания на то, что в то время еще не вся долина была заселена, так что в середине XIII столетия теночки смогли пройти на юг до Чапултепека, не вступая на своем пути в серьезные столкновения с оседлым населением.

Но в середине XIV в. все же произошла серьезная стычка. Племя тепанеков, жившее в Аскапоцалко, переросло свои границы. Под предводительством Тесосомока — способного, но злобного вождя — оно начало расширять свои владения. В первую очередь это почувствовал Кулуакан. Начались внутренние раздоры. Часть племени кулуа двинулась вдоль восточного берега к Тескоко, жители которого заимствовали у пришельцев их достигшие высокой ступени развития ремесла. Тепанеки, запертые между густо заселенными районами с юга и

высокими горами с запада, повернули на север и на восток, чтобы захватить территории тескокцев. Племена отоми, заселявшие острова и южный берег озера Халтокан, оказались зажатыми между двумя враждующими племенами, не признававшими нейтралитета. Они двинулись на север, и две великие силы — тепанеки и тескокцы — вступили в непосредственное соприкосновение. Началась война. Тесосомок одержал крупную победу, сломил мощь Тескоко и подчинил себе зависимые от него поселения. Затем он быстро покорил остальные города долины и почти стер с лица земли самую память о прежнем господстве Кулуакана. Этому могучему и безжалостному завоевателю в 1427 г. наследовал его сын Маштла. Владея всей северной частью долины, он стал притеснять покоренные племена и вмешиваться во внутренние дела прежних союзников, например теночков. Однако ему удалось пожинать плоды своих завоеваний всего лишь в течение двух лет.

Индейцы взимали дань с покоренных племен. Но они не знали, как заставить другие племена платить дань, не объявляя им новой войны и не предпринимая новых походов. Вследствие этого между общинами, обычно враждовавшими между собой, завязались дружеские отношения, как между товарищами по несчастью. Теночтитлан и Тлакопан, города, находящиеся в глубине тепанекской территории, заключили договор с Тескоко, расположенным на противоположной стороне озера; союзники внезапно восстали и свергли новую власть. Маштла был умерщвлен, его город сожжен, а его народ, вопреки обычаям того времени, присоединен к союзным племенам. Землю раздали воинам, отличившимся во время войны. Поражение тепанеков было настолько серьезным, что от всей их истории уцелела лишь память о Тесосомоке и Маштле да еще о нескольких наследовавших им незначительных местных вождях.

После этой войны тескокцам удалось на некоторое время восстановить свой престиж, но теночки, начавшие войну в качестве простых помощников, сумели так быстро укрепить свое могущество, что к приходу испанцев они, как мы это увидим в следующей главе, совершенно затмили своих прежних владык.

Описанные события отражают процесс роста населения и вытекающей из него межплеменной борьбы. Культура этих племен вначале не обладала какими-либо ярко выраженными чертами, но постепенно она выкристаллизовалась в единое прочное целое — ацтекскую цивилизацию. Данный процесс завершился раньше, чем Теночтитлан достиг своего могущества, так что вопреки требованиям академического педантизма термин «ацтекский» применяется для обозначения культуры, а народ, породивший и прославивший эту культуру, именуется «теночками».

Новые племена появились уже после распада цивилизации Теотиуакана. Эти упоминаемые в хрониках кочевые племена не

оставили после себя таких следов, которые можно было бы им приписать с уверенностью. Обычно охотники располагают не бо́льшим количеством предметов обихода, чем они могут переносить на своих спинах, и не оставляют поэтому сколько-нибудь существенных следов своего пребывания. Вслед за ними явились пришельцы из оседлых общин, которые стали строить дома и изготовлять глиняную посуду, вернувшись, таким образом, к своей прежней жизни оседлых земледельцев. Здесь возникли две совершенно отличные друг от друга культуры этого типа, которые именуются «масапанской» и «койотлателкской», по названиям мест, где были впервые обнаружены их остатки. Все храмы и города, сооруженные создателями этой культуры, исчезли во время архитектурных перестроек ацтекского периода. Поэтому нам приходится обратиться к глиняной посуде и пощаженной временем утвари, чтобы восстановить их племенные связи и значение в истории Мексики.

Можно с уверенностью сказать, что масапанская культура принадлежит к более позднему времени, чем Теотиуакан, так как могилы этого периода выкопаны в полах теотиуаканских жилищ, а отбросы лежат выше теотиуаканских. Находки памятников масапанской культуры сосредоточены главным образом в северо-западной части долины Мехико, однако их находят и в западных районах. Хотя большинство отложений отбросов встречается в деревнях, их находят также и в культовом центре, в Туле. В современной Туле сохранились каменные скульптуры своеобразного стиля, отличного от теотиуаканского и ацтекского: по методу исключения их можно приписать масапанскому. Погребения людей масапанской культуры поражают своим богатством, из чего можно заключить, что этот народ процветал и жил в довольстве. Население Чиконаутлы, пограничного города, подчиненного Тескоко, принадлежавшее к масапанской культуре, непосредственно заимствовало ацтекский стиль (однако без всякого переходного периода) (см. табл. 25).

Глиняные изделия этих народов можно подразделить на три основных типа, достаточно отличных друг от друга, чтобы дать место предположению, что здесь были объединены три независимые группы. Один тип посуды представляют глубокие, полусферические чаши с узорами в виде волнистых параллельных линий, сделанных как будто гребнем. По типу им родственны другие чаши, с едва очерченным рисунком каштанового цвета. Второй вид сосудов состоит из тяжелых чаш на трех ножках: дно их исцарапано вследствие употребления в качестве ступок, так как в них толкли перец. К третьему типу принадлежат плоскодонные чаши с отделкой яркобелого или оранжевого цвета. Эта посуда сбывалась в Пуэблу, вывозилась в местности, лежащие у склонов вулканов, и в другие пункты, соседние с долиной.

В обмен на свои изделия народы масапанской культуры получали посуду из более отдаленных мест. В Пуэбле и Вера Крус они приобретали очень распространенную тогда тонкостенную глиняную посуду оранжевого цвета. Ее вывозили в Чичен-Ицу (Юкатан), в Гватемалу и даже дальше к югу, в Сальвадор. У них была также стекловидная посуда, называемая археологами «плумбате», широко распространявшаяся путем торговли. Центры ее изготовления были в Сальвадоре и Гватемале, область ее распространения на юге доходила до Панамы, на востоке — до Вера Крус, на западе — до Тепика и на севере — до Тулы. Этот вид посуды никогда еще не был обнаружен в классических центрах майя, но появляется в более поздних поселениях. В долине Мехико она не встречается у теотиуаканских толтеков, а во времена ацтеков распространение ее прекратилось окончательно. Народом масапанской культуры также очень ценилась посуда, украшенная эмалью клуазонэ, единичные образцы которой встречаются далеко от основного места ее производства, в северном Халиско (см. табл. 26, вверху; 27).

Народ масапанской культуры выделывал или приобретал путем торговли очень красивые пряслица с глянцевитыми поливными узорами и рисунком, нанесенным посредством штампа. Этот народ умел превосходно обрабатывать обсидиан, и изготовленные им ножки типа скальпелей, сделанные путем отжима пластинок обсидиана, — самые тонкие в Мексике. Статуэтки изготовлены формовочным способом, но плохо отделаны; они изображают богиню-мать и воинственного бога, предвосхищающих богов ацтекского периода Тонанцина и Тескатлипоку. Наряду с ними существовало также поклонение богу Шипе, изображавшемуся в содранной человеческой коже. Ради него масапанцы вышли за пределы ограниченных технических возможностей глиняной скульптуры, чтобы воспроизвести этого бога в человеческий рост, и создали два монументальных образца гончарного искусства. Фигура меньших размеров, держащая в руке маленькую вазу сапотекского типа, вылеплена более тщательно. Таким образом, археологические данные подтверждают традиционное представление о том, что культ Шипе возник в Оахаке, на территории сапотеков и миштеков (см. табл. 28).

Масапанская культура пользовалась всем, что производила тогда культура Мексики. Основные виды посуды носят отпечаток западного происхождения. Предположение о слиянии в глиняных изделиях элементов племенных стилей подтверждает сведения Иштлилшочитла об объединении племен, приводимые им в рассказе об истории чичимеков из Тескоко. В этом случае данные археологии дополняют племенные предания и позволяют отнести этот период к XII—XIII вв., когда мексиканское влияние распространилось к югу, на территорию сапотеков и майя.

Койотлателкская культура была сосредоточена главным образом на западных берегах озера Мехико. Раскопками до сих пор не удалось обнаружить поселений, бесспорно принадлежащих к этой культуре. Вероятно, она древнего происхождения, так как в Тенаюке непосредственно под посудой, принадлежащей ко времени существования керамики Койотлателко, были найдены черепки простых сосудов; такие же остатки, относящиеся к периоду, предшествующему масапанцам, находятся и на территории распространения масапанской культуры. Находящаяся в Американском музее естественной истории коллекция, собранная неподалеку от Тулы, заставляет предположить перекрестное влияние этого раннего стиля посуды с элементами вырождающегося стиля периода упадка Теотиуакана, в результате чего выработался новый тип, возможно, ставший в дальнейшем основой развитого койотлателкского стиля. Примерами последнего могут служить чаши с искусно выполненными красной краской узорами, обнаруживающими мастерство рисунка.

Хронология этой культуры не вполне ясна. Слои остатков Койотлателко найдены в Аскапоцалко и на «Холме звезды», позади Кулуакана. Д-р Тоззер нашел эту посуду в одном слое с поздним теотиуаканским материалом в Койотлателко, тогда как мы с женой раскапывали теотиуаканское поселение того же периода и не обнаружили ни одного черепка такой посуды среди просмотренных нами 200 тысяч обломков. В одном или двух местах западнее Тенаюки койотлателкские черепки были открыты вместе с масапанским материалом. Ногере удалось найти в Тенаюке койотлателкские фрагменты, относящиеся к самой поздней фазе, так как здесь они оказались перемешанными с ацтекскими остатками второго периода. Сопоставление географических и хронологических данных заставляет полагать, что эта посуда принадлежала народу кулуа или тепанекам.

Кулуакан, имевший, судя по летописям, очень важное значение в качестве резиденции знаменитого рода правителей, не обладает ныне почти никакими признаками своего былого величия. Однако раскопки, предпринятые 25 лет тому назад в этом месте, доказывают, что историческая роль Кулуакана не была переоценена, так как он являлся, очевидно, центром распространения ацтекской культуры. Нам рассказывают об этом процессе гончарные изделия, такие неинтересные, когда о них читаешь, и приобретающие такое исключительное значение при восстановлении истории исчезнувших племен.

Ацтекская керамика встречается по всей долине Мехико, а так как ацтеки имели обычай уничтожать всю домашнюю утварь в конце каждого 52-годичного цикла, то эти изделия можно довольно точно датировать по таким циклам. IV цикл охватывает годы 1507—1519 (дата испанского завоевания, помешавшего празднованию циклического периода в 1559 г.); III-б — 1455—

1507; III-а — 1403—1455; II-а и II-б — около столетия перед 1403 г.; I период — предшествующее время. Образцы III и IV периодов обнаружены повсеместно. Материалы II периода часто встречаются на материке и реже в Теночтитлане, не имевшем политического значения вплоть до XV в. I период поныне представлен большим количеством остатков только в Кулуакане. Стандартная посуда II—IV периодов прошла через ряд последовательных изменений, сохранив, однако, на протяжении всего этого времени сходство в своих основных чертах, тогда как гончарные изделия I периода более похожи на тонкую оранжевую посуду из Пуэблы, находившую широкий сбыт по всей юго-восточной Мексике. В I ацтекский период имеются следы торговых связей с Масапаном (см. табл. 25, 29).

В кратко изложенной (на стр. 65—68 этой книги) истории Кулуакана был отмечен факт, что вначале существовала толтекская династия, которую сменила чичимекская или иноземная династия. Мы не слишком злоупотребим правом историка истолковывать события, если предположим, что одновременно со сменой династии народ кулуа принял другую культуру. Койотлателкская керамика, отдаленно напоминающая теотиуаканские глиняные изделия, представляет, может быть, материальную культуру толтекской династии, тогда как изделия I ацтекского периода, совершенно чуждые предыдущим стилям, являются как будто материальным свидетельством нового господства.

Наглядное подтверждение указанного предположения дают исследования поселения в Тенаюке, где мексиканские археологи — покойный Хосе Рейгадас Вертис, Игнасио Маркина, Альфонсо Касо, Эдуардо Ногера и другие — произвели чрезвычайно интересные раскопки одного из храмов. Оказалось, что этот храм подвергался полной перестройке пять, а может быть шесть раз. Требования культа обусловливали такую полную перестройку и переоборудование в начале каждого 52-годичного цикла для исправления и восстановления всех разрушений, производившихся в конце предшествующего цикла. Поскольку Тенаюка была еще населена во времена завоевания, можно предположить, что перестройки совпадали с религиозными церемониями циклов 1507, 1455, 1403, 1351 и 1299 гг., а первоначальный храм был воздвигнут несколько ранее этой последней даты. Четвертая, пятая и шестая постройки выполнены в чисто ацтекском стиле (1403, 1455, 1507 гг.). Храм третьей постройки (1351) представляет переходную ступень к ацтекскому стилю от более старых и простых способов, применявшихся в двух предшествующих постройках (постройка 1299 г. и первоначальный храм). Три храма вполне законченного ацтекского стиля полностью соответствуют распределению керамики между III и IV ацтекскими периодами в 1403—1519 гг. Храм переходного

стиля и второе здание наводят на мысль, что обычай обновления в конце цикла в 52 года был принят повсеместно там, где была распространена керамика II ацтекского периода XIV в. Постройку первой платформы для этого храма в Тенаюке можно отнести к любому времени в пределах XIII в., поскольку сооружение святилища не было обязательно приурочено к празднованию начала 52-годичного цикла (см. табл. 25, 26, внизу; 29).

Ацтекская цивилизация проникла в долину Мехико через Кулуакан и постепенно вытеснила охарактеризованные выше местные культуры. Где же, в таком случае, находился ее истинный источник? Наиболее вероятным местом представляется Чолула, в штате Пуэбла, где до сих пор существует самое большое по размерам архитектурное сооружение в мире. Группа мексиканских археологов, чьи совместные труды помогли внести ясность в богатое прошлое индейского народа, в течение многих лет изучала этот памятник путем раскопок и архивных исследований. Их работы привели к очень важным результатам (см. табл. 26, вверху, в середине).

Первоначально Чолула была занята племенем верхней «Средней культуры», уступившей впоследствии господству теотиуакан-толтекской культуры. В тот период ее жителями была сооружена в религиозных целях обширная ограда, заключавшая целый лабиринт храмов, платформ и лестниц, построенных из булыжника, облицованного штукатуркой. Со временем пришельцы задались грандиозной целью (по преданию, в честь бога Кецалкоатла) — превратить сооруженную толтеками группу храмов в одну обширную платформу. Подобное титаническое предприятие потребовало засыпки адобами всех существовавших зданий и дворов. На созданной таким образом площадке они воздвигли алтари и помещения для служителей культа. Под одним из алтарей — «алтарем черепов» — были захоронены два человека с погребальными дарами в виде глиняных сосудов, из которых многие напоминают отчасти стиль I ацтекского периода, тогда как другие имеют сходство с масапанскими типами посуды.

Впоследствии чолулцы отказались от этих форм и перешли к богато украшенным полихромным изделиям с чрезвычайно тщательной отделкой декоративных рисунков и ритуальных узоров. По мастерству обработки и количеству продукции, ввезенной из Пуэблы и с юга, они превзошли племена долины Мехико, хотя работы тех и других по разнообразию и тематике аналогичны. Поэтому можно с полным основанием предположить, что истоки ацтекской цивилизации следует искать в Пуэбле.

Немногие сохранившиеся хроники повествуют, главным образом, об этом периоде, и листы их посвящены истории родословной теотиуаканцев-чичимеков и толтеков-чичимеков. Они рассказывают о том, как, откалываясь от своих материнских

общин, отдельные группы уходили, чтобы поселиться на новых территориях. Иногда они оседали в ненаселенных областях, но обычно подчиняли себе какое-нибудь туземное племя и становились правящим классом. Завоеватели нередко именовали себя гордым именем толтеков, именем носителя основной цивилизации, которую они сами же разрушили. Отсюда и возникли противоречия у ранних историков, которым нелегко было без сопоставления с археологическими данными отличить сведения о классических толтеках из Теотиуакана от рассказов о воинственных захватчиках, присвоивших себе имя побежденной цивилизации.

Большинство этих кочующих групп говорило на языке науатл, родном наречии ацтеков и многих других народов Западной Мексики. Некоторые из них, например завоеватели Оахаки, изъяснялись на миштекском языке, не принадлежавшем к упомянутой выше ветви. Но каково бы ни было их наречие, общим результатом появления этих племен было распространение по Южной Мексике, в Гватемале, Сальвадоре и даже Никарагуа родственных по культуре элементов, которые мы объединяем понятием культуры Миштеки — Пуэблы, характеризующейся наследственной формой правления вождей *, упорядочением законов войны, диференциацией богов и особым культом. Другие племена продвинулись на север, оставив глубокий отпечаток на культурах Синалоа на северо-западе, а некоторые черты их религии имели влияние даже на дальние племена, вплоть до юго-востока нынешних Соединенных Штатов ** (см. табл. 11—12).

Это переселение народа, в противоположность передвижениям его более культурных предшественников, не было освоением свободных областей. Его наиболее вероятной причиной представляется перенаселенность. Побежденные народы, предки которых заняли в предшествующие времена пустующие территории, не имели стимула для развития военной техники, и благодаря этому чичимекам нетрудно было подчинить их своему господству. Однако ввиду тесной зависимости между управлением и культом, существовавшей в древнем мексиканском обществе, такое завоевание влекло за собой вместе с подчинением новым правителям и поклонение новым богам. Весьма возможно, что некоторые племена приняли новые культы раньше, чем они вошли в фактическое соприкосновение с пришельцами, и это усилило их сопротивляемость вторжению. Но тем не менее именно завоевание племенами, говорящими на языках науатлском и миштекском, оказало огромное влияние на распространение культуры Миштеки — Пуэблы.

---

* См. прим. к стр. 24 и к стр. 99. — Прим. ред.

** См. заключительную статью. — Прим. ред.

Глава V

АЦТЕКСКИЙ ПЕРИОД

Изложение истории теночков и характеристика политической стороны культуры ацтеков

В чичимекский период в долину Мехико вторглись разные племена; среди них постепенно укрепились культура и образ жизни, зародившиеся, повидимому, в Пуэбле и Северной Оахаке. Основную политическую единицу представляло племя, живщее оседло в своем селении и удовлетворявшее свои жизненные потребности обработкой земли. Эти ресурсы, по возможности, дополнялись данью покоренных народов. Во главе племени стоял наследственный вождь, одновременно выполнявший жреческие функции. Ремесла достигли высокого уровня развития, и торговля, с помощью которой мастера получали сырье, процветала. Религиозные представления характеризовались сложной политеистической системой, основанной на поклонении природе, с выделением почитания одного или нескольких богов в особые культы. Но при этом человеку в его земной жизни помогал весь сонм божественных сил, запечатленный в тоналпоуалли, или священном календаре.

История теночков, ацтеков города Мехико, показывает процесс развития народа от племенной группы до могущественного государства. Судя по их собственным хроникам, теночки начали свои скитания в 1168 г. н. э., хотя эта дата взята произвольно и отражает момент изобретения распространенной в Центральной Мексике календарной системы. Первоначально теночки жили на острове среди озера, расположенного в Западной Мексике, и пользовались лодками, чтобы переплывать на берег. В пещере на склоне горы они нашли статую Уицилопочтли («волшебника-колибри»), обладавшего весьма полезной способностью давать хорошие советы. Относительно дальнейших событий сведения разноречивы. По некоторым источникам, исходным местом странствий теночков совместно с некоторыми другими племенами была группа пещер, откуда они и ведут свое происхождение. Редко можно встретить в двух летописях названия союзных племен, которые совпадали бы, но всегда все эти наименования

относятся к крупным племенным единицам, существовавшим в момент написания истории, в которой это название упоминалось (см. табл. VII). Данные свидетельства можно рассматривать как мифы, преследующие цель объяснить происхождение народа, но не имеющие значения исторических документов (см. табл. 62, посередине, слева).

Отправляясь в свои скитания, теночки захватили с собой изображение нового бога. На каждой стоянке они устанавливали его изображение и поклонялись ему, а он за это продолжал давать им советы. У теночков было в обычае оставаться на одном месте около года или несколько дольше. За этот срок передовые отряды разыскивали новое место для следующей стоянки и засевали там землю, чтобы урожай поспел ко времени прибытия всего племени.

Список мест подобных остановок весьма недостоверен, и различные предания противоречат друг другу. И лишь по достижении Мексиканских озер перечисляемые названия легко отождествляются, и расхождений между различными источниками уже не обнаруживается.

Теночки подошли к озерам с северо-запада, пройдя через Тулу и Уампанго. Поэтому есть известное основание верить, что их колыбелью был Мичоакан. Во время своих странствований теночки, повидимому, всеми способами избегали вооруженных столкновений, для чего старались обходить населенные области. В одном месте они разделились на две группы; в другом они принесли в жертву трех человек по всем правилам ритуала, т. е. со вскрытием брюшной полости и вырыванием сердца; в третьем — они научились делать пульке.

Летописи теночков мало упоминают о племенах, с которыми они сталкивались в долине, и проникновение их туда тоже осталось почти незамеченным. Тем не менее иероглиф Тесосомока в одной из рукописей дает основания считать, что им пришлось заручиться разрешением тепанеков на проход через Аскапоцалко и поселение в Чапултепеке, в том месте, где теперь разбит большой парк. Здесь они благополучно жили в течение почти целого поколения. Их соседями были, повидимому, мелкие, но с течением времени увеличивавшиеся общины, так что столкновение с ними было неминуемым. Враждебные действия открыли теночки: их молодежь поднималась по озеру к Тенаюке для грабежа и похищения жен; таков был обычный у североамериканских индейцев способ завоевания славы. Более сильные соседи предприняли в отместку карательную экспедицию, в которой приняли участие тепанеки, кулуа и шочимилки. Последовала катастрофа: вождь теночков Уицилуитл и большинство племени были уведены на кулуаканскую территорию и обращены в рабство; лишь немногим удалось спастись бегством через озеро и укрыться на нескольких низменных островах.

Основная группа беглецов обосновалась в Тисапане, недалеко от теперешнего Сан-Анхеля, и тут очутилась под контролем Кошкоша, вождя Кулуакана. Теночки возненавидели пустыню, населенную одними ядовитыми змеями и насекомыми. Статуя Уицилопочтли все еще хранилась в своем храме, но уважение к нему пало настолько, что люди из племени кулуа приходили поносить его в его собственном святилище и забрасывали алтарь нечистотами.

Но в конце концов счастье повернулось лицом к теночкам. Кошкош оказался втянутым в войну с шочимилко и призвал на помощь подвластные ему племена. Прибыв на поле сражения, теночки ринулись в бой и взяли в плен не менее тридцати человек и, прежде чем отослать их в тыл, отрезали ножами из обсидиана у каждого из них по одному уху. После битвы Кошкош произнес речь, в которой восхвалял доблесть своих воинов, взявших множество пленных, и поносил теночков, вернувшихся с пустыми руками. Последние выждали конца его речи, а затем задали ему вопрос, почему у пленных нехватает одного уха. Привлекши внимание кулуасов к этому поразительному обстоятельству, теночки развязали свои сумки и показали недостающие уши — бесспорное доказательство своего геройства. Очевидно, обычай жертвоприношения военнопленных проник к этому времени в долину, поскольку подчеркивание факта захвата в плен указывает на то, что добыча пленных была одной из главных целей войны *. Существует рисунок, изображающий жертвоприношение пленных после сражения, — обычай, из-за которого остальные племена по всей Мексике страшились ацтеков.

Престиж теночков вырос настолько, что они направились к своему повелителю Кошкошу и стали просить его отдать их вождю в жены для основания династии свою дочь. Кошкош исполнил их просьбу, и теночки были так преисполнены признательности, что принесли эту злополучную девушку в жертву, а в ее кожу облекли жреца, который должен был в таком одеянии олицетворять одну из богинь природы — Тоси. На это торжество они пригласили отца, что вряд ли было тактичным поступком с их стороны. Приготовившись к празднованию свадьбы своей дочери, он пришел в ужас от представившегося зрелища и приказал своим воинам истребить теночков, которые не замедлили бежать к озеру, где присоединились к уже находившимся там своим сородичам.

---

* К. Маркс, конспектируя книгу Л. Моргана «Древнее общество», отмечает следующее положение Моргана: *«Отношение к пленным прошло через три последовательные стадии*, соответствующие *трем ступеням варварства; в первый период* варварства их сжигали *на костре*, во второй — *приносили в жертву богам;* в третий — *превращали в рабов»*. (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, 1941, стр. 122). — Прим. ред.

В середине XIV в. на этих островах располагались две общины: Теночтитлан, возникший, повидимому, в 1325 г., и Тлалтелолко, основанный примерно в то же время. Обе общины служили убежищем для недовольных беглецов с материка, и к середине столетия и та и другая оказались достаточно многочисленными, чтобы просить у материковых племен вождя для основания династии. Тлалтелолко получил вождя от тепанеков, а теночки снова убедили дать им предводителя кулуасов. Кулуа направили к ним Акамапичтли. По некоторым сведениям, он был еще мальчик, и его сопровождала мать. В «Хронике Куаутитлана» рассказывается, что к этому времени теночки строили уже каменные дома.

Во времена Акамапичтли теночки были данниками и союзниками тепанеков и успешно воевали против Тенаюки и Кулуакана. Но поле их деятельности ограничивалось столь крохотной территорией, что интересующийся ими современник может в течение утренней прогулки в автомобиле осмотреть всю местность, где развертывалась история теночков. По смерти Акамапичтли ему наследовал Уицилуитл II. Он предусмотрительно обеспечил будущее нарождающегося государства женитьбой на дочери Тесосомока. В его правление произошла решающая битва между двумя главными соперниками на озере — тепанеками и тескокцами. Эта война закончилась смертью предводителя последних, Иштлилшочитла, и отпадением подвластных ему владений.

Уицилуитлу наследовал его сводный брат Чималпопока; царствование последнего ознаменовалось бедствиями. Тесосомок умер, и власть захватил его сын Маштла, убивший своего брата. Маштла открыто проявил свое властолюбие и интригами и притеснениями возбуждал постоянные волнения в городах-государствах долины. В конце концов он умертвил Чималпопоку и вождя соседнего города Тлалтелолко и одновременно увеличил дань, чем, по понятиям индейцев, усугубил обиду оскорблением.

Возмущенные жители Теночтитлана нашли себе сочувствующих сторонников в населении небольшого материкового города — Тлакопана (Такубы). Несауалкойотл, законный преемник власти в Тескоко, после поражения своего народа скрылся в горы и призывал народ на борьбу против врага. Он подговорил теночков с их новым вождем Ицкоатлом напасть на Аскапоцалко с тыла — из Тлакопана — и одновременно объединил тескокцев и подчиненные им племена, войска которых должны были переправиться через озеро на лодках и пройти по суше в обход озер. После войны, продолжавшейся несколько недель, союзники победили (см. табл. 63).

Несауалкойотл, несомненно, стремился возвратить своему государству прежнее господствующее положение в районе северных озер. Но он не предвидел, что, образуя тройственный союз

для совместной обороны и успешного наступления, тем самым закладывает основу могущества соперничающего государства, которое в дальнейшем превзойдет Тескоко. Согласно условию, теночки и тескокцы должны были получать по две доли любой добычи, а тлакопанцы — одну долю. Однако эта пропорция, по всей вероятности, толковалась произвольно тем из трех союзников, кто в момент дележа оказывался наиболее сильным. Теночки завладели территорией на берегу озера, что дало им прочную базу для дальнейших завоеваний. Поскольку новые земли были раздарены самым выдающимся воинам, образовалась влиятельная, богатая, привилегированная каста. Таким образом, внешним следствием победы было превращение теночков из подвластного племени, обложенного данью, в независимое государство. В сознании народа произошел перелом, и чувство приниженности сменилось чувством превосходства. Ицкоатл, четвертый теночкский вождь, выразил эти изменения в народном самосознании тем, что велел сжечь все исторические иероглифические рукописи, «поскольку их не ценил простой народ» *.

Начиная со времени Ицкоатла, в летописях обнаруживается почти полное совпадение в изложении событий, тогда как в хрониках, написанных до его воцарения (1428), много противоречий, причем расхождения нередко достигают целого 52-годичного цикла и более. Я полагаю, что эти противоречия произошли вследствие нарушения преемственности в истории племени после чапултепекского поражения в 1300 г. Часть племени укрылась на островах озера, и в 1325 г., или около этого времени, основала город, управлявшийся племенным советом и главным вождем. Другая часть жителей была уведена в Тисапан и там усвоила культуру кулуаканцев. С точки зрения этой группы теночков, основание Теночтитлана произошло лишь после их возвращения и присоединения к первоначальной колонии на озере, где, как только представилась возможность, они и начали воздвигать каменные храмы и попытались основать династию.

Ицкоатл дал теночкам возможность воспринять ацтекскую цивилизацию. Его исторические реформы, несомненно, совпали с введением преобразований в области культа, так как он предпринял постройку храмов и учредил жреческую иерархию. Он упорядочил распределение должностей в гражданском управлении, руководил строительством города и сооружением дамб, соединивших остров с материком для обеспечения удобной связи с ним. Ицкоатл занялся систематическим подчинением независи-

---

* *B. de Sahagún*, Historia General de las Cosas de Nueva España, 1938, México, t. 3, lib. 10, cap. XXIX, pp. 137—138. — Прим. автора.

мых племен долины, не подвластных Тескоко. Он также одержал победу над могущественными чалками и шочимилками и добился признания ими его верховной власти. В культурном отношении эти племена были более тесно связаны с группами Пуэблы, нежели с племенами северной части долины. Для демонстрации своей независимости Ицкоатл спровоцировал столкновение с тескокцами, подчиненными Несауалкойотлу, вследствие чего мир между прежними союзниками стал довольно непрочным.

После смерти Ицкоатла в 1440 г. ему на смену пришел Монтесума I, прозванный Илуикамина, что значит «гневный». Этот вождь, уже проявивший себя способным военачальником во время войн Ицкоатла, еще больше расширил область господства Теночтитлана. Он с успехом воевал с чалками, ненавидевшими племена северной части долины, на востоке перешел через горы, совершив набеги на Пуэблу и Вера Крус, а на юге, с целью покорения городов, проникал в Морелос и Герреро. Очевидно, между Тескоко и Теночтитланом существовало довольно тесное военное сотрудничество, так как победы, приписываемые Теночтитлану историками этого города, в тескокских хрониках присваиваются Тескоко. Злополучный Тлапокан исчез со сцены; может быть, он сохранил свою независимость, но уже, конечно, не принимался в расчет при дележе добычи.

В царствование Монтесумы I продолжается дальнейший мощный культурный рост Теночтитлана. Этот правитель заботился о благосостоянии своего народа и предпринял постройку акведука от родников в Чапултепеке, снабдив город в изобилии пресной водой. Он окружил восточную окраину своей столицы молом для защиты от наводнений в период дождей.

Завоевания в Пуэбле привели теночков в соприкосновение с высоко развитой религией этой области, и это дало основание для сооружения новых храмов в честь богов и богинь, почитаемых покоренными племенами. В относительно мирные периоды Монтесума I возобновил обычай «войны цветов», представлявшей религиозный турнир между воинами двух племен или групп племен, имевший целью захват пленников для жертвоприношений без экономических трудностей, связанных с настоящей войной *. Этот обычай существовал в долине с давних пор; уже в 1376—1384 гг. теночки участвовали в таких состязаниях с чалками, однако теночки находились почти непрерывно в состоянии войны и потому привыкли добывать себе пленных более трудным путем. 1451—1456 годы были вследствие сильных бурь и морозов неурожайными. Много народу погибло, иные же, не будучи в состоянии прокормиться самостоятельно, добровольно шли в рабство с тем, чтобы попасть на содержание более

* О «войне цветов» см. в гл. XII. — Прим. ред.

обеспеченных*. Голодовки обычно вели к активизации военной деятельности, направленной на пополнение пустых кладовых за счет обложения данью побежденных. Но в тогдашних обстоятельствах положение было настолько тяжелым и теночки так ослабли, что им приходилось довольствоваться «войной цветов».

В 1469 г. Монтесуме I наследовал его сын Ашаякатл. Он еще больше расширил господство Теночтитлана путем экспансии на западе до района Матлацинки и на юге — до Оахаки и Теуантепека. Он руководил походом на территорию Тараско, но потерпел полное поражение, что обеспечило независимость племен Мичоакана до момента завоевания их испанцами. Эта неудача была единственным серьезным поражением теночков вплоть до черных дней 1519 г.

Ни Ашаякатл, ни его преемники не были в состоянии превратить свое господство над областью в подлинную власть над нею. Однако Ашаякатл все же сумел подчинить соседний город Тлалтелолко; он умертвил его вождя и не признал за его советом права обсуждать вместе с теночками дела общеплеменного значения. Этот город сохранял свою независимость вплоть до описываемого времени и развивался наравне с Теночтитланом, помогая последнему в ряде походов. Он славился своей торговлей, и рынок его оставался самым большим в Мексике, даже после его покорения. Однако это местное соперничество не вызывало войны до тех пор, пока оба города не стали состязаться в постройке храмов богу войны Уицилопочтли. Открытый разрыв был вызван оскорбительным поведением тлалтелолкских женщин, делавших непристойные жесты перед разъяренными теночкскими посетителями.

При Ашаякатле религиозное искусство достигло своего высшего развития. В его правление был сооружен большой календарный камень, весящий свыше 20 тонн и имеющий около 3,5 метра в диаметре. Камень был высечен на материке, и все союзные правители прислали людей для перетаскивания гигантской глыбы по дамбам. Этот памятник, задуманный как символ ацтекской вселенной, представляет поразительный пример произведения, детали которого не только не умаляют, но даже подчеркивают грандиозность всего замысла (см. табл. 52, сверху).

В 1472 г., в начале царствования Ашаякатла, скончался Несауалкойотл, игравший значительную роль в истории индейцев Америки. Зрелость этого тескокского вождя началась в изгнании, так как он вынужден был укрываться от мести тепанеков; однако борьбой и интригами он сумел снова пробиться к власти.

---

* Конечно, вовсе нельзя предположить, что ацтеки добровольно отдавали себя в рабство. Дело было в том, что тяжелое экономическое положение племени в 1451—1456 гг. усилило процесс классового расслоения в ацтекском обществе и привело к закабалению самых бедных его членов. — Прим. ред.

Ему даже удалось восстановить былое могущество своего народа, соперничавшего в предшествовавшем столетии, в годы становления ацтекской цивилизации, с кулуаканцами. Несауалкойотл обладал незаурядными законодательными способностями, и это дало ему возможность упорядочить административное устройство в своих обширных владениях. Так как тескокцы еще до тепанекского завоевания в 1419—1428 гг. уже заставили многочисленные племена уплачивать им дань, то установление господства над ними в последующие годы нельзя расценивать как новое завоевание, а скорее как принудительное осуществление законных прав.

Несауалкойотл живо интересовался постройкой храмов и общественных зданий, так что Тескоко был в те времена одним из самых грандиозных городов Центрального Нагорья, хотя теперь он пришел в упадок. Дворец Несауалкойотла, рядом с городом, и бассейн, высеченный в твердой скале Тескоцинго, — наглядные доказательства былого великолепия.

Несауалкойотл уделял много внимания религии и искусствам. Он создал целую религиозно-философскую систему и ввел поклонение одному богу, олицетворявшему силу, в которой проявляется сущность самой природы и которой обязаны своим бытием и могуществом другие боги *. Он поощрял искусства и сам был широко известен как поэт и оратор. Его привлекала наука о звездах, и он достиг глубоких для своего времени познаний в астрономии, связанной тогда с астрологией. Если теночкские правители известны как мрачные и суровые владыки, то деятельность Несауалкойотла представляет образец мудрого правления. Не последней его заслугой было поддержание мира с дерзким островным союзником — Теночтитланом, всегда готовым путем интриг, убийств или открытой войны увеличить свое богатство и власть.

Несауалкойотлу наследовал сын его Несауалпилли, правивший до 1516 г. Продолжительность его царствования указывает на то, что он обладал такими же административными способностями, как и его отец. Им был с успехом предпринят ряд завоеваний, однако они менее прославлены в хрониках, нежели военные подвиги теночкских вождей.

Несауалпилли интересовался астрологией, религией и магией, как и подобало вождю, чьи религиозные обязанности были не менее обременительными, чем гражданские и военные. Последние годы его правления были омрачены раздорами с

* Вайян повторяет здесь идеалистические измышления испанских монахов-историков, пытавшихся создать образ идеального правителя и философа, основателя монотеистической системы. Несколько поэтических произведений, дошедших до нас под именем Несауалкойотла, показывают явное влияние католической религии и, очевидно, представляют собой фальсификацию, созданную после испанского завоевания. — Прим. ред.

Теночтитланом. Он был женат на сестре Монтесумы II, и так как она чрезвычайно щедро одаряла своими милостями молодых придворных, то в 1498 г. он воспользовался своим законным правом и убил ее. Соотечественники последней сочли это за тяжкое оскорбление и пытались всеми средствами убрать своего прежнего союзника, не прибегая, однако, к войне.

Правитель Теночтитлана Ашаякатл умер в 1479 г., еще в самом начале правления Несауалпилли, и ему наследовал брат его, Тисок, бывший до того военачальником. Самым выдающимся деянием Тисока явилось начало перестройки большого храма бога войны — Уицилопочтли и бога дождя — Тлалока. В память своих побед он велел высечь так называемый жертвенный камень. Этот гигантских размеров сосуд для сжигания человеческих сердец покрыт по кромкам рельефом, изображающим Тисока в виде бога войны и хватающего пленников, олицетворяющих подвластные племена. Следует, однако, сказать, что большинство городов было завоевано им не впервые, а вторично, так как их названия фигурируют в списках завоеваний его предшественников. Поэтому нас не должно удивлять имеющееся в некоторых хрониках указание на то, что Тисок был отравлен вождями, возмущенными его военными неудачами.

В 1486 г. Тисоку наследовал его брат Ауицотл. Первый заботой Ауицотла было завершение постройки большого храма, начатого его предшественниками. Церемония освящения храма требовала значительного количества пленников для жертвоприношений. Ауицотл обратился за помощью к Несауалпилли, и они совместно предприняли двухгодичный поход в Северную Оахаку, забрав при этом не менее 20 тысяч пленных. Это количество обреченных представляет собой кульминационный пункт жертвенного культа Мексики. Освящение храма началось с того, что пленных поставили в два ряда и оба вождя занялись страшным делом вырывания сердца у жертвы. Вождей сменяли в порядке старшинства должностные лица, пока эта отвратительная бойня не была завершена.

В своих военных походах Ауицотл доходил до Гватемалы, а на севере достигал области Уаштеки в штате Вера Крус. Ему приходилось постоянно усмирять восстания, особенно в Пуэбле, где тлашкалцы и чолулцы не хотели подчиняться господству теночков. Столица Ауицотла тем временем настолько разрослась, что ему пришлось построить второй акведук; это указывает на то, что уже только увеличение населения Теночтитлана было одной из важных причин его военных подвигов. В 1503 г. необычайных размеров наводнение причинило городу крупные разрушения, и Ауицотлу пришлось послать за помощью в Тескоко для восстановления дамб. Во время руководства работами он был ранен в голову и умер. Ауицотл был человеком энергичным, но порочным. Он страстно любил войну, был

мстительным и безжалостным воином. Он увлекался женщинами и очень любил все показное.

Ауицотлу наследовал его племянник, сын Ашаякатла, злополучный Монтесума II, прозванный Шокойоцином, что значит «Младший». Ему не только нужно было удерживать в повиновении подвластные племена, но и непрерывно заботиться о пленниках для жертвоприношений. Этот кровавый культ, способствовавший, по мнению теночков, их могуществу, следовало поддерживать любой ценой, чтобы не навлечь бедствий. Однажды Монтесума, не уступая в религиозном рвении своему дяде, принес в жертву богу войны двенадцать тысяч пленников, добытых в одной восставшей провинции в Оахаке.

В последний раз торжество «Нового огня» было совершено в 1507 г. Непосредственно предшествующие ему годы были особенно зловещими и предвещали неминуемый конец мира, поскольку помимо землетрясений и иных грозных знамений в страну проник слух о белых чужеземцах, появившихся на страшных кораблях и рыскавших вдоль морского берега. Церемониальный обряд, однако, был выполнен (см. табл. 29, вверху).

Монтесума вел неудачную войну против Тлашкалы, но в то же время сумел отомстить своим тескокским союзникам за смерть сестры, допустив, чтобы враги заманили их войско в засаду и уничтожили. В 1516 г., по смерти Несауалпилли, он назначил ему преемника, не пожелав признать выбора совета тескокцев. Вождь, которого он не признал, поднял восстание, и союз, без того уже непрочный, был порван окончательно.

Через год после этого Грихальва высадился в Вера Крус, а в 1519 г. Кортес начал свой поход к Мехико. Монтесума умер зимой того же года. Согласно испанским источникам, его побили камнями его подданные, а по индейским версиям — он был удавлен испанцами. Ему наследовал Куитлауак, умерший через четыре месяца от оспы, а героическую защиту Теночтитлана возглавил последний независимый вождь Куаутемок, повешенный спустя четыре года Кортесом во время похода на Гондурас.

Этим оканчивается голый перечень событий истории теночков. Мы не давали описания самого народа, его образа правления, его законов, богов и искусств, как и описания столкновения между двумя цивилизациями: ацтекской и испанской. Но многочисленные свидетельства дают возможность воссоздать живую картину того времени. Прежде чем перейти к рассмотрению сущности ацтекской культуры и причин ее падения, повторим вкратце историю племен долины до завоевания.

Все изложенные нами события ясно показывают, что теночки не были творцами ацтекской культуры — они лишь разработали культ жертвоприношений. Во время своих скитаний, с 1168 по 1248 г., они представляли собой простое первобытное племя.

В период оседлости, от 1248 г. до избрания Акамапичтли в 1376 г., теночки деятельно перенимали культуру своих соседей и покорителей, особенно кулуа. В период 1376—1428 гг. они находятся под властью тепанеков, выплачивая им дань и перенимая во всех деталях ацтекскую организацию города-государства. Лишь с 1429 г., с приходом к власти Ицкоатла, Теночтитлан вступает в период своего настоящего подъема и включается в общий процесс мощного расцвета всей ацтекской культуры.

Кулуакан, со своей стороны, связан с самой ранней фазой развития ацтекской культуры в долине и был современником таких характерных стилей, как Койотлателко и Масапан. Искусство керамики, отражавшее рост ацтекской культуры, вытеснило и уничтожило более ранние народные искусства и было распространено и принято во всей долине Мехико, когда теночки не играли никакой политической роли.

Исторические сведения о Кулуакане вполне совпадают с археологическими данными, хотя первый кулуаканский период не является, повидимому, самостоятельным и ведет свое начало из Пуэблы и от миштеков.

Наличие хроник и материал раскопок таких городов, как Теночтитлан, Тескоко и Кулуакан заставили нас уделить особое внимание данным о народах северной части озер.

Возможно, что Чалко и Шочимилко, хроники которых не сохранились и поселения которых почти не раскапывались, занимали в истории долины гораздо более значительное место, чем обрисовано здесь. Во всяком случае, влияние Пуэблы в этих южных городах-государствах сказалось значительно сильнее.

Ацтекская культура представляла собой, таким образом, развивающееся единство, состоящее из многих составных частей. Некоторые из них возникли под влиянием внутренних потребностей племен, а другие влились в нее в результате соприкосновения с чужеземными народами. Как и во всяком другом человеческом обществе, здесь имели место постоянные изменения вследствие непрерывной потребности человека приноравливаться к новым условиям. Следующие главы мы посвятим человеку того времени, и на основании изучения его социальных обязанностей и хозяйства дадим картину организации племени, его религии, а затем, наконец, перейдем к испанскому завоеванию и его последствиям.

Глава VI

ЧЕЛОВЕК И ПЛЕМЯ

Основные принципы воспитания, управления, права и социальных установлений ацтеков

Социальное устройство ацтекских племен теоретически было демократическим *. Человек являлся членом семьи, которая в свою очередь принадлежала к группе семей, составлявших род. Двадцать таких родов обычно образовывали племя, и каждый из них вершил свои собственные дела, но вопросы, имевшие значение для племени в целом, решались совместно с другими родами в совете, состоявшем из старейшин всех родов. Совет назначал одного вождя племени для ведения гражданских и религиозных дел и второго — для руководства военными действиями. Первоначально это устройство предназначалось для простых земледельческих общин и возникло, вероятно, еще во времена «Средних культур», но затем оно преобразовалось в сложную систему многочисленного и высоко развитого города-государства **.

Роль и значение общины нагляднее всего выявляется положением в ней каждого отдельного члена, охарактеризованным в третьей части кодекса Мендосы. Как только ребенок рождался, его обмывала и пеленала повивальная бабка. Поскольку судьбой человека на земле управляли боги, родители обращались к жрецу, и тот по тоналаматлу, или «книге судеб», определял, являлся ли счастливым или несчастным день рождения ребенка. Через четыре дня семья новорожденного устраивала торжество, во время которого ему давалось имя. Если день рождения оказывался несчастливым, обычай допускал религиозную фикцию, в силу которой обряд наречения имени ребенку откладывался на более

* Вайян совершенно неверно рассматривает ацтекское общество как статичное, неизменяющееся. Если в начале истории ацтеков имелся равноправный союз всех членов трех племен, то ко времени испанского завоевания выступает уже общество, стоящее на рубеже высшей ступени варварства с наличием у отдельных лиц собственности на землю и на рабов. — Прим. ред.

** Термин «род» употреблен здесь для обозначения племенного подразделения безотносительно к вопросу о счете происхождения по мужской или женской линии. — Прим. автора.

благоприятное время. Во время пира гости бросали в священный огонь остатки блюд и кропили его пульке. Этот огонь зажигался во время родов в виде жертвы богу огня, богу-старику, чей культ восходит к временам «Средних культур». Если рождался мальчик, ему вкладывали в руки игрушечное оружие и инструменты и помогали ему размахивать ими. Девочек родители заставляли прясть и ткать игрушечными принадлежностями. Именно в это время ребенку давали его имя. Мальчиков часто называли по дню рождения: «Первый день тростника», «Второй день цветка», или именем животного, например «Несауалкоуотл», что значит «голодный койот», или в честь предка, например «Монтесума Младший», или, наконец, по событию, происшедшему в день его рождения. Нередко название дня сочеталось с именем животного. Женские имена чаще всего составлялись со словом «цветок» — Шочитл.

Воспитание начиналось после отнятия ребенка от груди, т. е. на третьем году его жизни. Целью воспитания было как можно скорее ввести ребенка в круг тех навыков и обязанностей, из которых складывался обиход взрослых. Так как все делалось при помощи ручного труда, то дети имели возможность очень рано приобщиться к деятельности взрослых. Отцы наблюдали за обучением сыновей, матери учили дочерей. Вплоть до шестилетнего возраста их воспитание ограничивалось только нравоучениями и советами, они обучались обращению с домашней утварью и выполняли незначительные работы по дому.

Главным видом питания служила «тортилья» — плоская лепешка из несеяной кукурузной муки, достигавшая порой 30 см в диаметре, если судить по размерам глиняных сковород, на которых их выпекали, в противоположность современным тортильям, не превышающим 10—15 см. В три года ребенку давали пол-лепешки в день; в четыре и пять лет его паек равнялся целой лепешке; от шести до двенадцати — полагалось полторы тортильи, а в тринадцать — две. Это питание, дополненное бобами и дичью, было сытным и здоровым.

Рукопись Мендосы отражает основные представления ацтеков о детской психологии. Увещевание было основным методом воздействия вплоть до восьми лет. С этого возраста непокорного ребенка ожидали суровые телесные наказания. Степень их варьировала от покалывания руки шипом агавы до выставления связанного и голого ребенка на улицу. Его оставляли лежать в грязи, в луже на всю ночь — а ночь в этих гористых местах холодна. Свойственное почти всем родителям-индейцам нежное отношение к своим детям заставляет предположить, что они редко прибегали к этому чрезвычайно жестокому наказанию за детские проступки.

Подобное воспитание непосредственно вводило подрастающее поколение в быт дома. Ребенок получал удовлетворение,

участвуя, как взрослый, в создании благосостояния семьи. Прежде чем стать равноправными мужчинами, мальчики с пятнадцати-шестнадцати лет проходили специальное обучение, которое иногда начиналось и в более раннем возрасте. Существовало два рода школ: телпучкалли, «дома молодежи», для общего обучения и калмекак (слово с неясной этимологией), где подготовляли к выполнению жреческих обязанностей. Школы первого типа предназначались для усвоения гражданских обязанностей, владения оружием, искусств и ремесел; в них преподавали историю и давали элементарные религиозные навыки. Школы калмекак являлись чем-то вроде семинариев для специальной подготовки к обязанностям жрецов и вождей. Несколько таких школ было учреждено при храмах главных богов. Нужно предполагать, что школы калмекак представляли необходимое, в связи с усложнением ритуала, дополнение к общей подготовке, тогда как в телпучкалли, в отведенных им особых помещениях, детям давали более упрощенное образование. Существовали отдельные школы для молодых женщин, воспитывавшие жриц; женщин также обучали ткацкому искусству и искусству изготовлять из перьев жреческие одежды (см. табл. 39, вверху, налево).

Юноши считались достигшими брачного возраста в двадцать лет, девушки — в шестнадцать. Родители устраивали браки с согласия юноши и девушки. Чтобы узнать, насколько благоприятны судьбы будущей четы, обращались к жрецам. Существовали законы против кровосмешения, однако с дополнительным ограничением, состоявшем в том, что браки разрешалось заключать только вне рода. Выбрав для сына невесту в соответствии с этими обычаями, отец посылал пожилых женщин своего рода с подарками к ее отцу. Последний, также по обычаю, сначала отвергал сватовство. Старухи возвращались вторично и приступали к деловому обсуждению вопроса с родителями намеченной невесты. Все эти переговоры были весьма сложны, так как они касались вопроса приданого невесты, которое должно было компенсироваться подарками жениха.

В вечер свадьбы одна из свах переносила невесту на своей спине через порог дома жениха. Каждый из присутствующих произносил искусные речи, после чего полы одежды невесты и жениха связывались вместе в знак их союза. Затем старики и старухи опять выступали с длинными нравоучениями; свадьба заканчивалась пиром с обильным употреблением пульке. Утомленные жених и невеста удалялись на четыре дня для покаяния и поста, и лишь по истечении этого срока могли завершить свой брак.

Как часто бывает у воинственных племен, страдающих от недостатка мужчин, и здесь преобладала полигамия. Однако первая жена пользовалась старшинством над другими, и только

ее дети имели право наследования. Разрешалось иметь наложниц, существовала и проституция. Оставление семьи порицалось, однако при некоторых обстоятельствах суд разрешал развод. Муж имел право выгнать жену, если она была бесплодна, если у нее был дурной характер или если она пренебрегала домашними обязанностями. Жена также могла быть освобождена от мужа, если он не содержал ее, не воспитывал детей или бил ее. Разведенной женщине разрешалось вновь выйти замуж по своему выбору, но вдова должна была итти за брата своего покойного мужа или одного из членов его рода.

Женщины обладали известными правами, однако меньшими, чем мужчины. Они имели право собственности, могли заключать сделки и обращаться в суд. В отношении половой морали девушкам предписывалось нравственное поведение, а жены должны были соблюдать верность своим мужьям. Считалось, что мужчина нарушает брачные законы только тогда, когда он вступает в незаконную связь с замужней женщиной. В противном случае жена не могла формально требовать его верности. Хотя юридическое положение женщин и было приниженным, но личное влияние их было очень значительным и известно несколько случаев, когда женщины правили за своих несовершеннолетних сыновей, слишком юных, чтобы принять на себя обязанности вождя. Что касается браков между членами различных племен, то мы уже видели, как выход дочери или сестры вождя замуж за правителя другого племени скреплял союз между племенами. Устройство свадьбы составляло предмет тщательных забот обеих семей, и грубое нарушение мужем прав жены наносило ущерб если не этикету, то во всяком случае общественным порядкам. Возможно, что, вступая в число жриц, женщины тоже получали скромное поле деятельности, где они могли добиться влияния. Однако исторические документы не упоминают ни о каких преимуществах, проистекающих из службы в храмах.

Мужчина обладал гораздо большими возможностями. Ранние историки под влиянием представлений испанского средневековья говорят о наследственных классах. По всей вероятности, если судить по индейским общинам в целом, у них существовали ранги, а не наследственные классы. Мужчина мог достичь высокого положения благодаря личной деятельности, и его дети могли воспользоваться его возвышением для собственного устройства в обществе. Тем не менее занять положение отца они могли только благодаря равноценным заслугам перед племенем. Богатство, несомненно, существовало, и собственность в форме прав на пользование землей, орудиями и другим имуществом породила социальное и экономическое расслоение. Но и в теории и на практике ацтекское общество было демократическим, и его экономическую базу составляло общинное владение средствами производства.

Мужчина достигал того или иного положения в зависимости от заслуг перед племенем. Предусмотрительный земледелец, добычливый охотник, смелый воин или искусный ремесленник пользовались уважением своих соплеменников за мастерство и одаренность. За выдающиеся знания, опыт и мудрость они могли быть выбраны представителями рода в племенном совете или даже вождями. Точно так же человек, посвятивший себя изучению магических обрядов для умилостивления богов, мог сделаться знахарем или жрецом. Тем не менее в густо населенных и развитых городах-государствах неизбежно происходила специализация человеческой деятельности, а увеличивающиеся возможности вели к установлению более тонких социальных прослоек (см. табл. 33—36).

Женатый человек получал надел земли непосредственно от рода или брал поля своего отца, если последний уже не мог по старости сам обрабатывать свой надел. Занятие земледелием, изготовление каменных инструментов, глиняных изделий или производство предметов для обмена могли в совокупности обеспечить удовлетворительный уровень жизни. Холостые мужчины помогали своим отцам и могли выдвинуться, принимая участие в многочисленных военных походах.

Так как военная слава приобреталась главным образом путем захвата пленных для жертвоприношений, ловкий воин, способный одолеть своих врагов и доставить их живыми, был в большом почете. От количества захваченных пленных зависело право ношения пышной одежды. Воины, воевавшие с постоянным успехом, имели право вступить в какой-либо орден, как ордена рыцарей Орла и Оцелота (часто называемого Тигром), где выполнялись культовые танцы и особые ритуальные действия *. Иногда воин исключительной доблести награждался дополнительными участками земли или чаще всего — прибавкой к его доле дани, получаемой родом. Упрочив таким путем свое положение, воин приобретал больше веса перед советами рода и мог сам стать членом совета. Таким людям присваивался почетный титул «текутли» (дедушка), соответствующий обращению «вождь» у североамериканских индейцев. Этот титул обозначал высокое общественное положение, но не должность. Но именно таких людей, отличившихся своей честностью, храбростью и благочестием, выбирали и назначали на общественные должности.

Для подобных лиц существовало много почетных и влиятельных должностей. Люди, отправлявшие эти обязанности, всегда

* Автор модернизирует ацтекское общество, вводя характерные для феодального общества понятия «военного ордена» и «рыцарей». В действительности эти «военные ордена» являлись полуритуальными военными союзами, восходящими к тайным мужским союзам первобытного общества, где в определенные праздники члены такого союза надевали маски с изображением своего тотема для участия в культовых танцах. — Прим. ред.

одновременно с этим занимались какой-нибудь другой деятельностью, обеспечивающей их средствами существования. Имелись чиновники, поддерживавшие порядок на рынке, и суды, улаживающие споры по делам рода. Некоторые мужчины, известные своей мудростью и опытом, обучали юношей в телпучкалли («домах молодежи»). Другие вели запись дани и имущества, имевшегося в амбарах рода, или наблюдали за раздачей общинной собственности, контролировали доходы общины даже за пределами своего города.

Каждый род имел своих выборных должностных лиц, стоявших во главе управления племени. Один из этих чиновников — калпуллек — исправлял обязанности секретаря-казначея и поддерживал экономический порядок в роде, прибегая в случаях нужды к административной помощи других должностных лиц. Равным ему по положению был теочкаутин, выполнявший должность надзирателя, устанавливавший общественный порядок и следивший за его соблюдением. В военное время он возглавлял военные силы рода. Связующим звеном между родом и племенем были тлатоани («ораторы»), члены верховного совета, состоявшего из представителей всех родов — от каждого по одному — и отправлявшего судейские и административные обязанности. От них зависело благосостояние всего племени, и поэтому членами верховного совета избирались наиболее выдающиеся и достойные его представители (см. табл. 39, вверху, справа).

Точно так же, как каждый род имел своих чиновников, так и племенной совет избирал четырех должностных лиц, ведавших вооруженными силами четырех фратрий, между которыми были разделены поровну все двадцать родов. Они поддерживали порядок в отношениях между родами и представляли высшую инстанцию в случае разборов споров и преступлений, превышавших компетенцию внутри родовых инстанций. Два чиновника специально занимались судебными делами; третий был палачом, а четвертый служил посредником между военными и гражданскими ведомствами.

Эти четыре должности были пробным камнем для испытания способностей кандидатов в верховные вожди и руководители культа. В Тлашкале лица, отправлявшие эти должности, очевидно, вместе осуществляли исполнительную власть. В Теночтитлане верховный вождь, тлакатекутли — «вождь людей» — всегда избирался из их числа и часто занимал до этого должность «Змеи-женщины» (это название давалось также важному божеству — богине плодородия Сиуакоатл). Весьма трудно обрисовать функции этих высших сановников при помощи наших понятий. В общих чертах «вождь людей» может быть охарактеризован как представитель племени во внешних делах, в войне или союзах. В этом смысле указанная должность имела громадное значение в глазах испанских наблюдателей, которые считали того,

кто ее занимал, вождем племени. «Змея-женщина» обладал высшей исполнительной властью во внутренних делах племени, т. е. в области, где почти всякий поступок регулировался гражданскими обычаями и требованиями религии. Но важно иметь в виду, что совет мог в любое время низложить этих начальников, если их деятельность была неудовлетворительной.

Гораздо труднее дать объяснение тому, что этих высших должностных лиц постоянно избирали из членов одной и той же семьи или рода, тогда как во всем остальном был принят демократический принцип. В первобытных общинах сила традиции столь велика, что семью, породившую однажды полезного человека, считают способной произвести такого же и в следующем поколении. Совет в Теночтитлане выбирал своих следовавших один за другим вождей из сравнительно широкого круга родственников; суровому испытанию на поприще общественного служения подвергались братья, сыновья, племянники и сводные братья. Кроме того, опытный в делах верховный совет всегда имел возможность, используя свои громадные полномочия, сделать из марионеточного «вождя людей» авторитетного представителя во внешних делах. Но даже человек высокого происхождения должен был, прежде чем выставить свою кандидатуру на выборах, пройти длинный ряд испытаний, открывавших доступ к власти и влиянию.

Перед ацтекской молодежью были открыты еще два поприща: торговля и ремесла. Первая представляла новшество в племенной экономике, основанной на доходах от земли. Соприкосновение между племенами, вызванное оседлым образом жизни и войнами, равно как и рост материальных и культовых потребностей повели к возникновению новой группы — почтеков, представители которой разъезжали по всей Мексике, выменивая местные продукты на иноземные. У них был свой особый бог, и они, очевидно, жили в отдельном квартале. Из долины почтеки вывозили обсидиан, ткани и веревки, выменивая их в субтропических областях на раковины, перья тропических птиц, нефрит, какао и другие местные товары. Порой они выполняли важные политические функции, собирая в качестве лазутчиков сведения о намеченных к покорению поселениях и донося о том, какую дань можно взять с того или иного племени (см. табл. 38).

С развитием техники ремесла стали, несомненно, привлекать многих лиц, для которых одни лишь сельскохозяйственные работы были невыгодны. Гончары, ювелиры, ткачи, а также мастера по выработке изделий из перьев занимались своим ремеслом уже как специалисты, не выполняя более никакой другой работы. Необычайная усложненность культа требовала почти непрерывной деятельности скульпторов, каменщиков и художников. Рынок занимал большое место в мексиканских общинах и имел существенное социальное значение, так как он был центром, где

индеец мог не только так или иначе выменять свои продукты, но и услышать новости и расширить свой умственный и социальный кругозор (см. табл. 34—35).

Жречество представляло собой особый вид деятельности. Религия проникала во все детали повседневной жизни, и каждый человек принимал участие в торжественных и сложных обрядах. Возвышение на гражданском поприще в значительной мере зависело от соблюдения обрядов, и вожди возглавляли проведение религиозных церемоний. Поэтому трудно отделить от жречества функции административных должностей: и то и другое находилось во взаимной зависимости. Существовала, правда, жреческая иерархия, но входившие в нее, вероятно, занимали известное положение на гражданском поприще. Возможно, что были созданы постоянные духовные должности, но в главах о религии мы более подробно покажем, насколько сферы религии и государства тесно сплетались у народов древней Мексики.

Мексиканское общество было построено на принципе, что каждый его член призван приносить пользу племени и вносить свой вклад в дело защиты интересов общины. Но в ацтекском обществе возник также класс людей, утративших свои гражданские права и превратившихся в рабов. Попасть в рабство они могли добровольно, в качестве военнопленных, в наказание за совершенные преступления или будучи проданы своими родителями. Обращение с ними разнилось в зависимости от обстоятельств их порабощения (см. табл. 38, внизу, слева).

Военнопленные, как правило, приносились в жертву, но тех, кто обнаруживал незаурядную одаренность, иногда выкупали, чтобы использовать для домашних услуг или для работы в каком-нибудь общинном предприятии. Теряли свободу люди, не донесшие об измене, и люди, принадлежавшие к семье изменника. Лишался свободы и тот, кто похитил свободного человека с целью продажи, кто продал чужое имущество без согласия владельца, кто совершил кражу в возрасте старше десяти лет и не возвратил краденого, и тот, кто воспрепятствовал рабу скрыться в дом вождя, который служил убежищем. Рабы-преступники находились в частном владении лиц, которым они нанесли вред, как бы в качестве возмещения за причиненный ущерб.

В добровольное рабство шли бедняки и безземельные, нуждающиеся в пропитании, лентяи, слишком беспечные, чтобы самим позаботиться о своем содержании, игроки и проститутки, нуждавшиеся в нарядах *. Часто родители продавали своего

* Перечисленные автором источники приобретения рабов показывают постепенное развитие рабства в ацтекском обществе. Если рабство у ацтеков носило еще патриархальный характер (раб мог иметь семью, собственность, дети его рождались свободными), то порабощение бедняков за их долги богатому соседу, отдача в рабство за воровство или ущерб, нанесенный иму-

ребенка, когда следующий за ним подрастал настолько, что мог помогать в семье. Иногда нуждающиеся люди отдавали раба более удачливому соседу, в вознаграждение за заем. Если раб умирал на работе или хозяин незаконно присваивал себе какую-либо собственность должников, долг считался погашенным. Во избежание такой случайности владелец не позволял рабу отлучаться из дома и пользовался им только для личных услуг. Рабство, если не считать рабства военнопленных, не было слишком тяжелым. Раб мог распоряжаться своей семьей, владеть собственностью и даже, в свою очередь, иметь рабов. Его дети всегда считались свободными. Зато раб утрачивал право быть избранным на официальные должности — такое избрание зависело, как мы видели, от оказанных обществу услуг, и право на него терялось лицами, зависевшими от посторонней щедрости или совершившими антиобщественные проступки.

Чрезвычайно важной стороной законодательства ацтеков является утрата гражданских прав в результате вопиющих антиобщественных проступков. Человеческое поведение регулировалось и управлялось в основном обычаем. Жизнь в общине обеспечивала безопасность и давала средства к существованию. Отколоться от нее или быть изгнанным означало смерть от руки врага или жизнь одинокого скитальца, подстерегаемого рыскающими зверями. Соперничество в должностях и почете осуществлялось путем служения обществу, а не на поприще приобретения богатства.

Постепенное разрастание общины до размеров, когда члены ее могли хорошо знать лишь значительных людей, вероятно, ослабляло чувство сопричастности у отдельных ее членов. По мере уменьшения сознания общей ответственности стали учащаться кражи и другие преступления *. Усложнение жизненного уклада и связанных с ним обязанностей человека вело к распрям и несправедливости. Естественно, что у воинственного племени, где всякий умел владеть оружием, личная неприязнь влекла за собой кровопролитие. Тогда были учреждены упомянутые выше суды, ведавшие правосудием в делах рода и племени и призванные усилить значение общественного порицания и одобрения (см. табл. 35, 41).

ществу владельца, — все это доказывает зарождение частной собственности, постепенно раскалывавшей организованное еще по принципу военной демократии общество ацтеков, «...имущественные различия в одном и том же роде вызвали вместо прежней общности интересов антагонизм между его членами» (*К. Маркс*, Конспект книги Моргана. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, 1941 г., стр 153—154). Домысел Вайяна о лентяях и проститутках, шедших добровольно в рабство, не находит подтверждения в источниках. — Прим. ред.

* Увеличение числа краж и других уголовных преступлений связано не с разрастанием общины, как думает автор книги, а с ростом частной собственности у одних общинников и с обеднением других. — Прим. ред.

Преступления против религии, вроде богохульства или ограбления храмов, случались редко; считалось, что немилость богов навлекает беду не только на отдельного человека, но и на всю общину. Религия, однако, не касалась морали, и грешника не ожидало никакое посмертное наказание. Правда, для воинов, женщин, умерших во время родов, и некоторых других существовали особые небеса, но это верование было связано с милостью специальных богов. Глубоко разработанной системы посмертных наград и возмездий не существовало.

При рассмотрении антиобщественных поступков основным принципом служило возмещение пострадавшему, в противоположность нашему обычаю наказания виновного. Уделом преступника, навлекшего опасность на общину, были изгнание и смерть. Клетки и загоны для заключенных, правда, применялись, но обычно в них содержались пленники до суда или жертвоприношения (см. табл. 34).

Сделанная наудачу выборка преступлений и наказаний вполне объяснит сущность ацтекского законодательства и покажет, почему ацтекам не было нужды прибегать к тюремному заключению как к средству искупления преступлений. Воровство наказывалось или обращением в рабство до возвращения краденого, или штрафом, вдвойне превышающим стоимость похищенного: одна половина его шла пострадавшему, другая — вносилась в казну рода. Грабежи на дорогах наказывались смертью; мелкая кража на рынке каралась смертью на месте — вора побивали камнями, так как его мелкое преступление вредило обмену. Воровство основного продукта, кукурузы, растущей в поле, считалось тяжким проступком, требующим смертной казни или обращения в рабство, но вместе с тем путник мог безнаказанно утолить свой голод, срывая початки кукурузы, растущей по краям дороги. Хищение золота, серебра или нефрита, драгоценных материалов, обычно предназначавшихся для культовых украшений, тоже считалось тягчайшим преступлением.

Убийство — даже раба — влекло за собой смертную казнь. Та же мера ожидала бунтовщиков и предателей, а похищение человека каралось обращением в рабство. Пьянство также считалось серьезным проступком, за исключением случаев, предписанных обрядами. Общественное порицание, общественная опала, даже смертная казнь путем избиения камнями или палками — таковы были кары, постигавшие человека, несдержанного в употреблении спиртных напитков. Однако старым людям обоего пола, уже выполнившим свой долг перед племенем, разрешалось пить довольно много.

Колдуны приносились в жертву; такой же участи подвергался тот, кто выдавал себя за высокопоставленное лицо. Клеветникам отрезали губы, а иногда и уши. Ссоры и драки на базарной

площади карались строго, но при обычных побоях нападавший уплачивал стоимость лечения пострадавшего и возмещал причиненный убыток. Прелюбодеяние наказывалось очень сурово, вплоть до предания смерти, если оно выходило за рамки законов о разводе. Казнь через повешение была обычным наказанием за нарушение законов о кровосмешении, а содомия наказывалась с отталкивающей жестокостью.

Ацтекское право, сводившееся к перечисленным примерам, просто и сурово. Человек с детства приучался к надлежащему общественному поведению. Нарушителя существовавших норм постигали серьезные наказания. Все владели каким-либо видом личной собственности, но земля принадлежала племени, и только урожай с нее — частным лицам. Поэтому не было нужды в сложном законодательстве.

Как ни велики были некоторые города — население города Мехико достигало 300 тысяч человек,— чувство принадлежности к единой общине было сильным. Свобода мысли, личная свобода, индивидуальное богатство — всего этого не существовало, но народ жил в соответствии с законами, успешно и постоянно действовавшими в течение столетий *.

---

* Автор идеализирует ацтекское общество, замалчивая существовавшие в нем противоречия. Его утверждения о том, что «экономические заботы мало тревожили мексиканцев» и что все они жили одинаково, — неверны. В XV в. у ацтеков уже отчетливо выявились черты зарождающихся противоречий в недрах родового строя, например закабаление и порабощение бедняков, продажа в рабство детей, ограничение гражданских прав массы общинников-землевладельцев и т. п. Распространение воровства также связано с появлением классов. Наказуемыми считались преступления не только против всего общества, но и против господствующих слоев его.

Автор связывает свободу мысли с индивидуальным богатством. Но если в Мексике не было свободы мысли, то это произошло именно вследствие роста индивидуального богатства и начавшегося расслоения общества. — Прим. ред.

Глава VII

ЭКОНОМИКА

Экономика семьи и племени ацтеков

Социальная система ацтеков предоставляла возможность большому числу людей жить согласно друг с другом. Их домашнее и племенное хозяйство давало им пищу, кров, инструменты и одежду, благодаря которым человек занимает господствующее положение на земле. Ацтекская экономика покоилась на такой же простой основе, как и их социальная организация: она, как и последняя, обладала гибкостью, так что могла всегда приспособляться к растущим нуждам увеличивающегося населения.

Земледелие составляло основу ацтекской жизни и кукуруза — «zea mays» — ведущую сельскохозяйственную культуру. Земледелие обеспечивало ацтеков постоянным запасом продовольствия, не подверженным случайностям, как, например, при охоте за дичью, и тем самым давало человеку возможность подумать о завтрашнем дне. Родовая система признавала землю и плоды основным средством, обеспечивающим существование племени. В силу такой системы племя, естественно, владело и распоряжалось землей, кормившей его членов (см. табл. 38).

Племенной совет делил землю между родами, а предводители каждого из них, в свою очередь, пропорционально распределяли наделы между главами семейств. Выделялись также участки для содержания вождя и служителей храмов, для военных запасов и уплаты дани; они обрабатывались коллективно с частичным применением рабского труда. По смерти держателя участка последний переходил к его сыновьям. Если держатель участка умирал без потомства или не обрабатывал своего участка в течение двух лет, участок возвращался роду для передела. Установленный порядок мог быть справедливым и выгодным для всех лишь до тех пор, пока общество оставалось в более или менее статичном состоянии и располагало достаточным количеством удобной земли. В долине же Мехико эта система привела к неравенству.

Растущее население племен долины использовало все свободные земли, и семьи и роды были лишены возможности увеличивать свои сельскохозяйственные участки. Надел, дававший обильный запас продуктов для небольшой семьи, мог обеспечить лишь очень скромное и даже голодное существование более крупной семье. Обычные различия в плодородии почвы приводили к таким же несправедливостям. В подобных условиях вожди и жрецы, получавшие продукты общественной земли, естественно, становились обеспеченней рядовых граждан, чьи наделы уменьшались из поколения в поколение. Отсюда неизбежно происходили трения, приводившие к войнам (и восстаниям в том случае, если племя не было в состоянии расширить свои территориальные границы, чтобы обеспечить нужды всего населения). Такие значительные переселения, как переселение кулуа в Тескоко и Теночтитлан или задолго до них миштеков в то же Тескоко, были вызваны насущной экономической необходимостью.

Теночки, позднее других пришедшие в долину, когда земля уже была в большом спросе, пережили, как мы видели, большие трудности, сопротивляясь напору своих голодных соседей. Вынужденные отступить на острова озера, они разрешили земельную проблему тем же остроумным путем, что и чалки, шочимилки, а также племена, жившие на северо-западе, у озера Сумпанго.

Их метод состоял в создании чинамп, так называемых «плавучих садов». В сущности эти чинампы представляли маленькие искусственные островки, образованные путем вычерпывания грязи по топким берегам озера и складывания ее в кучи, укрепляемые на первых порах плетнями из камышей, а затем деревьями, своими корнями прочно связывающими землю. Вода между ними текла по узким канавкам. Перед посадкой земля всегда удобрялась свежим илом, и плодородие ее таким образом постоянно обновлялось.

Так теночки и их соседи превратили большие площади бесплодных болот, затоплявшихся в дождливый сезон, в участки, покрытые сетью каналов и полей, с чьим плодородием могут сравниться лишь затопляемые земли в дельте Нила. Хозяйство с помощью чинамп применяется и по сей день в районах Шочимилко и Чалко, где выращивается бо́льшая часть овощей, поставляемых нынешней столице Мексики. Жители этих районов до сих пор говорят на языке ацтеков и занимают те же земли, что и их предки, возобновляя каждый год плодородие этих земель методами, какие применялись во времена ацтеков. В этих районах еще и сейчас виднеются контуры прежних гряд на большой площади, так как современная осушка озера Тескоко значительно сократила водную площадь долины Мехико (см. табл. 37, внизу).

Поселившись на озере, теночки получили площадь для жилья. По мере роста город захватывал окружавшие его огороды под площадки для новых домов, а увеличивающееся население могло прокормиться путем устройства новых чинамп, прибавляемых к уже возделанной земле. Таким образом, значительная доля успехов этого народа может быть приписана отсутствию внутренних раздоров, обусловленному сравнительно неограниченными возможностями расширения сельскохозяйственной площади посредством устройства «пловучих садов» *.

У теночков существовал и другой способ удовлетворения земельного голода. На покоренных землях отличившиеся воины получали наделы, обрабатываемые членами завоеванных племен. Иногда на этих землях для предупреждения восстаний селились небольшие колонии. Такая собственность переходила от отца к сыну, но в случае отсутствия наследника земля возвращалась не роду, к которому принадлежал держатель, а племенным властям. Такие же участки, повидимому, выделялись в пользу культовых организаций. Центральная власть в Теночтитлане, да, вероятно, также и в Тескоко, обладала значительной собственностью, нужной для того, чтобы не слишком обременять членов племени и выполнять пышные религиозные и гражданские церемонии.

Могущественное ацтекское племя располагало еще одним средством для увеличения своих доходов: взиманием дани. Чаще всего последняя взималась в виде продуктов питания и сырья, как туземного происхождения, так и ввозимых в долину, включая такие предметы, как одежда воинов и жрецов, плащи, гончарные изделия и другие предметы производства. Собранная дань распределялась между всеми членами общины (см. табл. 62, внизу, справа; 64).

Ремесло и торговля начали также играть значительную роль в ацтекской экономике. Ремесло, не перешагнувшее еще ступени ручного труда, составляло побочное занятие населения, поскольку его основным делом было разведение сельскохозяйственных культур. Большинство хозяйств имело замкнутый характер, поскольку все нужные инструменты, утварь и одежда вырабатывались дома. Но некоторые селения имели доступ к естественным богатствам, недосягаемым для других, и специализировались на их разработке. Например, у одного селения оказывались хорошие глиняные карьеры, и его гончарные изделия были

---

* Расширение полезной площади только тогда могло удовлетворить земельный голод, когда внутренний строй ацтекского союза племен был демократичен. Когда же началось социальное расслоение общества, расширение площади обрабатываемой земли стало доступным только его господствующей прослойке. Отсутствие раздоров было, таким образом, следствием демократичности общества, а не наличия свободных земель. — Прим. ред.

поэтому много лучше, чем у окрестных общин. В иной деревне особенно успешно выращивался перец, тогда как на территории другой имелся обсидиан или кремень хорошего качества для изготовления каменных орудий. Такие продукты обменивались одним селением на продукцию другого и тем же путем распространялись дальше. Раковины из Караибского моря, переходя из рук в руки, достигали центральной части нынешних США; керамические изделия из Сальвадора переносились до далекого Тепика в Мексике; золотые украшения из Панамы появлялись в качестве приношений по обету в «Священном колодце» Чичен Ицы в Юкатане (см. табл. 38).

Такая специализация по районам сопровождалась вполне естественным стремлением отдельных лиц использовать чрезвычайно искусно изготовляемые ими товары. Вместе с развитием технических знаний возрастала и специализация; огромное значение приобретал также рынок. Каждое селение через определенные промежутки времени устраивало базар, привлекавший народ из самых отдаленных мест. Ежедневный рынок в Тлалтелолко представлял невиданное для европейца зрелище; обилием и разнообразием своих товаров он возбуждал восхищение и зависть испанцев. Базары до сих пор играют крупную роль в индейских общинах; так, в Гватемале народ приходит за много километров для обмена своих продуктов; рынок становится таким важным социальным фактором, что торговец порой отказывается продать свои товары вне рынка — даже по цене, значительно превышающей их рыночную стоимость *.

Меновая торговля была единственным видом обмена, и стоимость устанавливалась в зависимости от спроса на товар и от его редкости. Деньги как средство обмена определенной ценности не существовали. Однако надо было найти что-либо, что уравновешивало бы разницу при обмене и было бы достаточно дешевым, чтобы служить мелким разменным средством, и одновременно пользовалось бы повсеместным спросом. Такому требованию отвечали бобы какао, к тому же удобные для переноски. Ацтеки чрезвычайно любили шоколад (само это слово — ацтекского происхождения), так что бобы повсюду употреблялись для изготовления этого народного напитка. Иногда средством обмена служили стержни перьев, наполненные золотым песком, а также тонко выкованные медные ножи в форме серпа. Спрос на эти ножи не был всеобщим, и они не являлись таким же общепри-

* Конкистадор Берналь Диас (род. ок. 1495 г., ум. ок. 1580 г.), сподвижник Кортеса, в своих записках «Истинная история завоевания Новой Испании» подробно описывает рынок в Тлалтелолко (русск. пер. Д. Н. Егорова, Л., 1924, т. I, стр. 146—148). О рынках в современной Гватемале см. *W. McBride*, Solola, a Guatemalan Town and Gakchiquel Market-Center (Tulane University, Publ. № 5, стр. 43—152), New Orleans, 1933. — Прим. ред.

нятым и полезным товаром, как бобы какао, но все же и они были ценны и удобны для переноски.

Наибольшей ценностью у ацтеков были нефрит и камни, напоминающие его по цвету и структуре. В Новом Свете встречается как жадеит, так и нефрит, и американская разновидность их отличается от азиатских пород (см. табл. 3).

Как ацтеки смотрели на относительную ценность различных материалов, очень точно иллюстрирует свидетельство конкистадора Берналя Диаса. В ночь отступления из Мехико Кортес взял свою часть сокровищ, а остальное роздал войскам. Многие солдаты, перегруженные золотом, бесславно утонули в каналах. Диас же, подметивший, каковы были обычаи у индейцев, ограничился четырьмя кусками нефрита. Впоследствии он смог их обменять, и они, по его словам, «хорошо послужили мне при лечении ран и добывании пищи» *.

У ацтеков золото не было в слишком большом почете, и испанцы на первых порах доставали его с большим трудом. В ответ на требования испанцев дать им самые драгоценные предметы, мексиканцы предлагали нефрит и бирюзу, наиболее ценимые ими минералы. Готовность ацтеков отдать свои сокровища, но не те, которые от них требовали, крайне раздражала Кортеса и его людей. Золото употреблялось ацтеками только для изготовления украшений, а серебро, возможно, представляло бо́льшую ценность, так как рудные самородки его встречались редко, а индейцы не знали техники плавки руды (см. табл. 46—47).

Ацтеки обогатили мировые ресурсы питательных продуктов. Помимо нескольких сортов кукурузы, они вывели много видов бобов, составляющих чрезвычайно питательное добавление к пище человека, благодаря высокому содержанию в них белков. Мексиканские земледельцы выращивали кабачки, тыквы, чию **, камоте ***, зеленый и красный перец, вест-индскую грушу и помидоры. Благодаря торговле с Вера Крус ацтеки имели шоколад, ваниль и ананасы.

Агава (или магей) использовалась в ацтекском домашнем хозяйстве из-за своего сока, из которого путем брожения изготовляли род браги — пульке. Пульке употреблялось не только как алкогольный напиток и опьяняющее средство при совершении обрядов, но представляло существенный продукт питания, восполняя недостаток в зелени. Агава находила и много других

---

* *Берналь Диас*, т. II, стр. 48—49 (в дальнейшем все ссылки на записки Диаса относятся к русскому изданию в переводе Д. Н. Егорова). — Прим. ред.

** Чия — растение, зерна которого употреблялись ацтеками для выделки масла и приготовления освежающего напитка. Известно несколько сортов; один из них, с белыми зернами, употребляется для приготовления сладкого блюда: поджаренные зерна смешиваются с медом. — Прим. ред.

*** Камоте — ацтекское название растения из семейства вьюнковых, корень которого употребляется в пищу. — Прим. ред.

применений. Из волокон агавы свивались бечевки и канаты; из них ткали мешки и даже одежду. Шипы ее представляли превосходные иглы, они служили также и для самоистязаний во время религиозных обрядов. Листьями агавы иногда покрывались навесы и хижины. Не удивительно поэтому, что у ацтеков был культ богинь, олицетворявших агаву и кукурузу.

Ацтеки возделывали много разновидностей хлопка. Табак они курили большей частью в полых стеблях тростника, наподобие папирос. На более позднем этапе своей истории ацтеки пользовались изогнутыми (в виде локтя) трубками. Ацтеки потребляли большое количество копаловой камеди в качестве ладана при совершении религиозных обрядов, они получали каучук из Вера Крус, а также добывали его из карликовой гваюлы, растущей на севере Мексики. Ацтеки считали этот продукт насущно необходимым. Из него делали мячи для обрядовых игр — тлачтли; его использовали в качестве клея для прикрепления перьев и других украшений к одежде. Битумы, добываемые из нефти, просачивающейся на поверхность в Вера Крус, употреблялись, как связывающий материал и краска для тела. В Западной Мексике индейцы приготовляли прочный лак и покрывали им бутылки из тыквы и деревянные подносы. Этот неполный список растений и веществ, культивировавшихся и использовавшихся ацтеками и их соседями, дает представление о том, чем мы обязаны этой исчезнувшей культуре. Имена изобретателей и новаторов не сохранились в памяти людей.

В противоположность богатству в растительном мире ацтеки были очень бедны в отношении домашних животных. У них водилось несколько пород собак, одна из которых шла в пищу, но они никогда не пользовались собаками как тягловой силой, подобно индейцам северных равнин США. Наиболее распространенным видом домашней птицы были индюки, хотя есть указания, что ацтеки имели и гусей, и уток, а также перепелов. На плантациях нопального кактуса они усердно разводили кошениль из-за добываемого из нее красителя темномалинового цвета. Другое насекомое — слизняк агавы — до сих пор не утратило своего значения изысканного лакомства мексиканской кухни; оно подавалось с другим типичным ацтекским блюдом — уакомоле, густой кашицей из помидоров, вест-индской груши и перца.

Ацтеки занимались и охотой, но уже ко времени верхней «Средней культуры» олень был почти целиком истреблен. Во время ежегодных перелетов птиц, до сих пор посещающих озера Мехико, ацтеки убивали множество гусей, уток и другой дичи. В пищу шла мелкая рыба, выловленная сетями или острогой, а из яичек мухи особой породы, откладываемых ею на озерах, приготовляли специальное тесто, еще до сих пор идущее в пищу в мексиканских общинах. Высшие сановники, которых содержали общины, имели значительно более богатый стол, чем бедняки,

питавшиеся скудными плодами своих полей; повседневные трапезы Монтесумы описываются испанскими завоевателями как лукулловы пиршества.

Орудия мало изменились со времени «Средних культур». Коа попрежнему служила основным земледельческим орудием, а метате и мано до сих пор применяются для размалывания зерен кукурузы на муку. Для резания и размалывания продолжали служить каменные инструменты, а в качестве материала для игл, топоров и украшений начала применяться медь холодной ковки. Орудия из вулканического стекла (обсидиана) благодаря его обилию и острым кромкам, которые получались при обработке, были столь же хороши, как и большинство металлических режущих инструментов ацтеков. Простой ткацкий станок и веретено с пряслицем — вот все оборудование их ткацкого производства; гончарные изделия находили разнообразное применение для хранения продуктов и изготовления пищи. Основными видами оружия были лук, метательная палка, копье и дубина. Вообще говоря, у ацтеков не было сколько-нибудь значительного количества механических приспособлений, зато ремесла благодаря умению работать простейшими инструментами достигли высокой степени развития, что будет видно из следующей главы (см. табл. 35, внизу, слева; 38).

Большие города ацтеков возникли на месте прежних примитивных поселений оседлых племен. Их планировка так же проста, как и социальное устройство и экономика этого народа, они похожи на поселения некоторых оседлых североамериканских племен. Дома на удаленных чинампах представляли самый примитивный тип ацтекского жилища. Это были хижины с тростниковыми крышами и стенами из плетня, обмазанного грязью, — тип жилья, вероятно, существовавшего в эпоху «Средних культур» и сохраняющегося вот уже две тысячи лет вплоть до нашего времени, когда мы находим его в индейских деревнях современной Мексики (см. табл. 42).

В старых частях города можно было встретить строения более внушительного вида, так как сменяющие друг друга поколения их обитателей, подновляя и перестраивая свои дома, содействовали развитию их архитектуры. Каждый дом был возведен на возвышенной площадке, облицованной камнем, что несколько защищало его от наводнений. Вокруг внутреннего двора располагались по прямоугольному плану различные комнаты — спальни, кухни, кладовые и помещения для рабов. Стены дома возводились на каменном фундаменте и отделывались камнем или же адобами — в зависимости от достатка и вкусов хозяина. Крыша сооружалась из настила, состоящего из тонких жердей, уложенных по поперечным балкам и плотно связанных вместе. По ним накладывался слой известковой штукатурки. Отсутствие окон заставляло делать дома узкими. Обычно здания

имели в ширину две комнаты, что давало доступ свету и воздуху, а длина их зависела от вкуса и богатства владельца. Задняя комната с очагом для стряпни была закрыта со всех сторон и имела всего один выход — дверь в комнату, выходящую во внутренний двор, которая была с этой стороны открыта, причем стропила укладывались на столбах или коротких боковых стенах. До завоевания, вероятно, не существовало двухэтажных домов, но в некоторых случаях в целях вентиляции и лучшего освещения возводился задний двор с прилегающими к нему комнатами на платформе, достигавшей уровня крыш помещений, сгруппированных вокруг переднего дворика (см. табл. 41).

Недавние раскопки во дворце вождя Чиконаутлы, подвластной правителю Тескоко, обнаружили интересные данные о росте жилища вождя. Этот дворец постоянно перестраивался и расширялся в соответствии с нуждами растущего населения и развивающейся экономики. Внутренние дворики сооружались на разных уровнях, согласно описанному выше плану. Комнаты самой ранней постройки не отличаются от обычных теотиуаканских жилищ, но позднейшие помещения более просторны и открыты для солнца и воздуха. С каждой переделкой увеличивалась площадь под зданием, и если считать, что на каждый очаг приходилось в среднем по семье в пять человек, то окажется, что вокруг вождя за столетие с четвертью стало концентрироваться в три с лишним раза больше человек, чем вначале (см. табл. 43).

Планировка ацтекских городов обнаруживает, в общем, стремление к прямоугольной схеме, поскольку при разделе земли между родами нарезались участки более или менее прямоугольной формы. Центральная площадь имела первостепенное значение как место народных собраний. На этой площади находились базар и основные здания — главный храм и резиденция вождя. В Теночтитлане, насчитывавшем, по некоторым сведениям, 60 тысяч домов или очагов, или, согласно приведенному выше подсчету, 300 тысяч жителей, у каждого рода была своя площадь, так же как и у всех четырех больших фратрий, на которые был разбит город и которые представляли основные административные единицы * (см. табл. 37, вверху).

До нас дошло описание ацтекского города, сделанное в 1524 г. испанским монахом, братом Торибио де Бенавенте, прозванным индейцами «Мотолиния», что значит «бедный». Вот что он пишет под свежим впечатлением виденного:

---

* Л. Г. Морган считал, что «из общего количества населения на пуэбло Мехико приходилось, вероятно, 30 тысяч человек» (*Морган*, Древнее общество, Л., 1934 г., стр. 114—115). В примечании Морган подробно аргументирует это вычисление: «При исчислении населения Мексики испанские историки расходятся, но ряд их сходится в определении числа домов, указывая, как это ни странно, цифру в *шестьдесят тысяч*. Суасо, посетивший Мехико в 1521 г., пишет: «шестьдесят тысяч жителей»...; Анонимный завоеватель, сопровождавший Кортеса, тоже пишет: «шестьдесят тысяч жите-

«Они называли эти храмы теокалли; мы обнаружили, что по всей стране они разбивают в лучшей части города прямоугольный двор, величина которого в самом большом поселении достигает от угла до угла примерно расстояния арбалетного выстрела, тогда как в меньших поселках он не был так велик. Этот двор они окружают оградой, причем многие из этих оград снабжены зубцами. Входы обращены к главным дорогам и улицам, которые все заканчиваются у двора. Чтобы еще более почтить свои храмы, они подводят к ним дороги по прямой линии на расстоянии от двух до трех лиг (11—16,5 км). С вершины главного храма представлялась великолепная картина — было видно, как дороги от всех кварталов и второстепенных площадей вели по прямой линии к дворам теокалли... дьявол не удовольствовался этими упомянутыми теокалли, и в каждом поселении и в каждом квартале на расстоянии четверти лиги (около 1,3 км) находились другие маленькие дворы иногда с одним, а иногда с тремя и четырьмя теокалли» *.

Улицы Теночтитлана представляли собой каналы с пешеходными дорожками по сторонам. Перекинутые через них во многих местах мосты позволяли легко попасть в любую часть города. Три больших дамбы вели на материк на север, запад и юг и примыкали соответственно к Тепеяку (ныне Гвадалупе), Тлакопану (ныне Такуба) и Койоакану. В пределах самого города параллельно этим главным дорогам шли каналы, вплоть до главной площади. Город соединялся также двумя акведуками с материком. Акведук, ведущий в Чапултепек, был построен, повидимому, исключительно в целях водоснабжения и имел два канала, так что их можно было чистить и чинить попеременно. Построенный позднее Ауицотлом койоаканский акведук был, очевидно, проложен вдоль большой южной дамбы. Проблемы санитарии стояли весьма серьезно. Но в ацтекских городах и важных пунктах были устроены специальные вместилища

лей»...; но Гомара и Мартир пишут: «шестьдесят тысяч домов», каковое исчисление было принято Клавигеро... Эррерой... и Прескоттом. Солис говорит: «шестьдесят тысяч семейств...». Такое исчисление дало бы население в 300 000, тогда как Лондон в то время насчитывал всего 145 000 жителей... Наконец, Торквемада, цитируемый Клавигеро... смело пишет: «сто двадцать тысяч домов». Едва ли можно сомневаться, что дома этого пуэбло были преимущественно большие общинные дома, как и в Новой Мексике того же времени, достаточно обширные, чтобы в каждом могло удобно поместиться от пятидесяти и даже до ста семейств. Любое из приведенных чисел представляет собой грубую ошибку. Суасо и Анонимный завоеватель подошли наиболее близко к приемлемому исчислению, так как увеличили вероятное количество не намного больше, чем вдвое». К. Маркс в своем конспекте книги Моргана называет данные испанцев «фантастическими числами» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, 1941 г., стр. 122—123). — Прим. ред.

* *B. T. Motolinia*, Historia de los Indios de la Nueva Espana, Barcelona, 1914, книга I, глава XII. — Прим. автора.

для нечистот. Когда они наполнялись, содержимое их продавалось для удобрения полей. В домах находились глиняные сосуды для хранения мочи — ацтеки применяли ее как протраву при окраске тканей. Солнечный свет и простые методы снабжения свежей водой и ассенизации предохраняли ацтеков от эпидемий, свирепствовавших в этих городах во времена господства испанцев, когда эти методы уже не применялись.

Расположение города было настолько выгодным в стратегическом отношении, что он не нуждался в искусственных укреплениях, и настоящие военные сооружения были очень редки. Храмы, господствовавшие над городом, представляли естественные цитадели, и характерно, что иероглиф, обозначавший покорение города, изображал сожжение храма — надругательство, которого не допускал никакой народ, если врагу не удавалось выбить его защитников из этого последнего опорного пункта.

Стены храма, возведенные из камня или булыжника, увенчивались высокой крышей, сооруженной из наложенных крест-накрест балок, покрытых соломой или штукатуркой. В каждом храме имелись одна комната и притвор, а в некоторых случаях на одной платформе возводилось два и даже три святилища. Такая платформа или фундамент делали храм высоким и массивным. Обычно сооружалась усеченная пирамида из нетесаных камней, уложенных в адобы или в известковый раствор. По сторонам ее устраивались три узкие уступа и крутой скат, ведущий наверх. Поверхность пирамиды была облицована тонкими каменными плитами, а по скату укладывались тесаные глыбы, превращавшие его в лестницу. Последнюю окаймляли широкие балюстрады, нередко оканчивающиеся гигантскими змеиными головами. Ацтекские сооружения представляли простейший вид строительного искусства, но совершенное художественное чутье зодчих и их великолепное мастерство позволяли им создавать величественные архитектурные эффекты (см. табл. 50—51).

Архитектуре жилищ и храмов ацтеков не уступало их искусство одеваться. Одежда ацтеков не только предохраняла человека от непогоды, но выполняла очень важную социальную функцию. Она служила указателем пола, возраста, сословия, занятия, положения и даже характера ее владельца. Ацтеки, как и многие народы мира, стремились подчеркнуть своей одеждой социальные различия между людьми, и их наряд отличался пышностью. Варварское великолепие одежды высших сановников меркло перед фантастической мишурой наряда жрецов и жриц, олицетворявших божества ацтекского пантеона со всеми их сложными атрибутами и украшениями.

Масеуал — рядовой член племени — не носил головного убора. Обычно он надевал маштли, набедренную повязку; в холодную погоду — плащ, застегнутый на одном плече, и сандалии из кожи или из сплетенных волокон агавы. Женщины носили

на бедрах полосу тонкой ткани, стянутой узким поясом. Костюм их довершался уипилом — туникой без рукавов. Волосы они заплетали в косы, иногда вплетая в них ленты, и завязывали их вокруг головы. Этот костюм можно до сих пор видеть в ряде мест в индейской Мексике (см. табл. 33—36).

Бедняки делали свою одежду из волокон агавы или низкосортного хлопка. Богатые люди носили такую же одежду, но сшитую из более тонких тканей и украшенную замысловатыми вышивками. Множество названий плащей разного покроя показывает, как ими интересовались и какое им придавали значение. Шерстяными тканями для изготовления одежды не пользовались, так как ацтеки имели только собачью шерсть. Очень высоко ценились плащи из перьев. Вожди носили узкую кожаную головную повязку, с которой свисали две кисточки, а старшие должностные лица — нечто вроде диадемы из золота, нефрита или бирюзы, знак своего положения.

Одежда воинов отличалась необыкновенной пышностью и составляла предмет их гордости. Некоторые воины не удовлетворялись богатыми плащами и головными уборами из перьев и возводили на плечах целое сооружение из ивовых прутьев, на котором укреплялась сложная мозаичная конструкция из перьев. Другие носили одежду, долженствующую походить на оцелота или орла. В некоторых случаях жрецы подражали одежде богов и богинь, отличавшейся пышностью и множеством украшений и ритуальных знаков различия (см. табл. 61).

Ювелирные изделия состояли из украшений, сделанных из меди, золота и серебра, раковин, разноцветных камней — нефрита, бирюзы, изумрудов, опала или лунного камня — и мозаики, выложенной по глине, на дереве или тростнике. В мочки уха мужчины и женщины вставляли большие серьги. Мужчины часто носили украшения, подвешенные к перегородке носа или к разрезу в нижней губе. Тонкой работы ожерелья и подвески, браслеты на руках и кольца на ногах придавали пышность наряду во время официальных церемоний. Ацтеки не скупясь раскрашивали лица и тела красной, синей, желтой и черной красками, которые с яркостью спектра усиливали нежные тона их смуглой кожи (см. табл. 46—47). Их домашняя утварь и предметы роскоши и культа были отделаны с любовной старательностью искусных ремесленников, и действительно, редки были вещи, не отмеченные хотя бы самым незначительным украшением, делавшим приятной самую обыкновенную утварь. Ремесла ацтеков заслуживают сами по себе отдельной главы.

Глава VIII

РЕМЕСЛО

Как ацтеки достигли в ремесле высокой ступени искусства при помощи ограниченных технических средств

Домашнее производство предметов повседневного обихода стимулировало мастерство, поскольку благополучие и могущество заключались в имуществе человека, а не в абстрактном владении правом на работу других. Таким образом, преуспевающий человек жил в хорошо выстроенном доме, носил нарядное платье красивого покроя, употреблял тщательно отделанные орудия и инструменты, собирал урожай с хорошо обработанных и плодородных полей, тогда как неудачник располагал недостаточным и жалким имуществом. И если мы не будем говорить о вмешательстве стихийных бедствий, разница между людьми была в значительной мере обусловлена способностью человека и его семьи собственными руками создавать свое богатство и благополучие или обменивать свой специализированный продукт на столь же хорошие по качеству предметы, выработанные другими *. Предпринимателю или посреднику почти не оставалось места в производстве и распределении ценностей.

Поклонение богам также побуждало к искусному мастерству. В каждом доме стоял алтарь, и каждое действие человека требовало содействия и милости какого-нибудь божества. Для умиротворения этих стражей сил природы часто организовывались культовые церемонии. Таким образом, употребление символов, олицетворявших того или иного бога, чьи милости в данном случае испрашивались, оказывало сильное влияние на искусство. Ацтеки стремились выразить свое благочестие развитием высоких этических добродетелей и принесением в дар богам лучших вещей из своего имущества, каждая ацтекская семья старалась превзойти самое себя в прославлении богов. В силу

* Вайян извращает факты, следуя буржуазной концепции развития экономики. На самом деле, конечно, «право на работу другого», присвоение продуктов труда одного человека другим как следствие социального расслоения и влекло за собой рост частной собственности, а вовсе не стихийные бедствия или личные способности того или иного члена племени. — Прим. ред.

этого в оформление культа вкладывалось все лучшее, на что были способны местные мастера.

Работа по камню, этому самому долговечному естественному материалу, представляет обычное мерило человеческих способностей. Долговечность каменных орудий позволяет сравнивать технические способности народов на протяжении огромного отрезка человеческой истории. Однако в отношении основного оборудования, вроде наконечников, стрел и копий, топоров, жерновов и т. п., вполне удовлетворительные формы вырабатываются на сравнительно раннем этапе развития и в дальнейшем уже не изменяются, хотя общее культурное развитие народа в других областях ушло вперед. Так, наконечники стрел и дротиков во времена ацтеков были сделаны технически не лучше тех, которыми пользовались народы «Средних культур». Однако технические потребности жертвенного культа вызывали надобность в тяжелом кремневом ноже с широким лезвием, чтобы можно было одним ударом вонзить его в человеческое тело, и производство ножей такого типа, не известного на ранних ступенях развития, получило широкое распространение в более позднее время, причем его чрезвычайно тщательно обтесывали (см. табл. 60).

Метате — нижний жернов на трех ножках — изготовлялся во времена ацтеков не лучше, чем до них. В период «Средней культуры» и у толтеков он делался с кромкой, так что метлапил (т. е. сын метате — мано, верхний жернов) изготовлялся со скосом и был пригнан к своему месту. У ацтеков же метате был плоским, а к мано приделывались выпуклые рукоятки, выступавшие по обе стороны рабочей поверхности метате.

Для ритуальных надобностей требовались каменные коробки для сжигания и хранения в них человеческих сердец. Они выдалбливались из лавы и изнутри и снаружи богато украшались рельефными рисунками, символически изображавшими тех богов, которым приносились жертвы. Некоторые из этих «орлиных ваз» (куаушикалли) вполне заслуживают, чтобы их отнесли к тому разряду высшего мастерства, который мы в своей культуре обозначаем термином «изящные искусства». Большая круглая чаша, заказанная Тисоком и неправильно называемая «жертвенным камнем», достигает монументальных размеров — 2,4 м в диаметре и 75 см в толщину. Каменные курильницы для ладана, часто делавшиеся в образе бога-старика, распространенные в толтекские времена, редко встречаются в эпоху верхних «Средних культур». Увеличение количества культовых скульптурных изображений, выполненных, если судить по стилю, главным образом, в последний ацтекский период, не повело к ухудшению их качества, и это показывает, насколько сильно мастерство обусловливалось религиозными и социальными факторами (см. табл. 55, внизу справа).

Обсидиан, несомненно, представлял большую экономическую ценность для народов долины, а поскольку вулканическое стекло портативно и его острая режущая кромка делает его очень полезным, его в изобилии продавали племенам, населявшим невулканические районы. Техника обработки этого материала была известна еще во времена «Средней культуры». Теотиуаканские толтеки умели полировать обсидиан и изготовляли из него глаза для идолов храма Кецалкоатла. Культовое самоистязание требовало постоянного запаса тонких лезвий (сделанных путем отжима), и некоторые из них поразительно длинны и узки. Однако не уступающие им по тонкости скальпели выделывались уже во времена толтеков и Масапана. В сущности, главным нововведением ацтеков была выделка ваз из обсидиана — дело очень нелегкое, принимая во внимание твердость этого материала.

Немалой изобретательности требовало изготовление зеркал. Они встречаются очень редко и, видимо, употреблялись исключительно для ритуальных целей. Иногда полировались целые глыбы обсидиана, отражение в которых должно было производить жуткое и таинственное впечатление. Чаще для изготовления зеркал применялся железный колчедан, соответственно отполированный и обработанный. Реже встречаются тонкие пластинки колчедана, выложенные мозаикой и приклеенные к деревянной основе или к раковине. Другой способ, известный на побережье, состоял в том, что мастер откалывал слой колчедана от сланцевой жилы и затем полировал одну его сторону и покрывал резьбой другую, получая зеркало с резной спинкой. Было найдено одно зеркало из марказита (белого пирита) с поверхностью, отполированной так, что оно дает увеличенное отражение.

Мы коснемся скульптур из камня в главе об искусстве. Здесь мы лишь укажем, что и массовая продукция тесаного камня для строительства требовала недюжинного терпения и искусства. В Центральной Америке обработка камня производилась без помощи металлических инструментов. Твердые камни раскалывали на пластинки путем отжима, более мягкие долбили и обрабатывали молотом — таковы были во всех случаях методы предварительной отделки. Окончательная полировка делалась с помощью какого-нибудь простого средства (вроде воды с песком), и часто на этом обработка заканчивалась. Повидимому, иногда некоторые твердые породы камня откалывались от основной породы при помощи того же точильного порошка или отпиливались жгутом из сыромятной кожи или инструментом из более твердой породы камня. Народы Центральной Америки пользовались также трубчатыми сверлами из кости или тростника, вращая их при помощи лука и подсыпая точильный порошок; этим же инструментом высверливали вазы и пользовались в тех случаях, когда нельзя было применить громоздкие орудия того времени.

Разрушения, произведенные временем и человеком, оставили нам очень мало образцов ткацкого искусства ацтеков, и мы знаем о них большей частью по описаниям и рисункам. Ткацкое производство в том или ином виде известно с глубокой древности, и нет на свете ни одного народа, который не знал хотя бы какого-нибудь вида плетения. Ткани вырабатываются, как правило, уже более развитыми племенами, но на американском континенте ткачество составляет часть материальной культуры народов, еще не научившихся делать глиняную посуду. Образчик древней ткани из хлопковых ниток, сплетенных с какими-то волокнами, похожими на юкку, был найден в Сакатенко, в слое нижней «Средней культуры».

Длительная практика тканья должна была иметь и имела значительное влияние на украшения, и ограничивающий ткача прямоугольный узор повлиял на индейское искусство континентальной Америки в целом. Рисунок и расположение его элементов стояли в индейском искусстве на первом месте, отодвигая на задний план форму. В изображениях ацтекской одежды встречается много геометрических орнаментов, однако тонкая вышивка могла создать впечатление криволинейных узоров или даже натуралистических мотивов, заимствованных из местной флоры. Батик и раскрашивание также разнообразили украшение ацтекской одежды. Ацтеки умели имитировать бархат и парчу, а в некоторых одеждах воспроизводили даже фактуру и узор меха животных. Если судить по внешнему виду, рисунки на ацтекской одежде отнюдь не уступают прославленному ткацкому искусству индейского Перу. Однако у нас нет убедительных доказательств того, чтобы техническое развитие его у ацтеков достигло уровня перуанского — древние ткачи Южной Америки знали и применяли все известные человечеству способы тканья и даже выработали несколько своих способов, известных им одним * (см. табл. 33—36; 62, внизу, справа; 64).

Составление мозаичных уборов из перьев представляет, очевидно, древнее искусство, поскольку существуют доказательства, что оно было известно уже во времена верхней «Средней культуры». В Северной Америке одежда из перьев и технически родственная ей меховая обнаруживается уже на ранних ступенях развития. Технически этот процесс состоял в том, что стержни перьев заделывались в ткань в процессе ее производства. Пользуясь этим способом, мастера украшали щиты, располагая перья так, чтобы изобразить животных или воспроизвести декоративные мотивы. Они делали плащи и пышные уборы, надеваемые на голову или на спину. В этих украшениях из перьев подбор красок был настолько нежным и совершенным,

* См. *J. H. Steward,* Handbook of South American Indians, vol. 2. The Andean Civilizations, Washington, 1946 (Bureau of American Ethnology, Bulletin 143). — Прим. ред.

что соперничал с живописью. Вплоть до XIX в. мексиканцы умели создавать при помощи перьев пейзажи и бытовые картинки, и хотя это искусство пришло в упадок, но еще и поныне они делают недурные открытки для туристов из картона, перьев и клея (см. табл. 45).

Вместе с мозаикой из перьев очень рано появилась мозаика из камня и раковин; нами была найдена мозаика из бирюзы в погребении нижней «Средней культуры». Этим способом иногда украшались деревянные рукоятки ножей, употребляемых при жертвоприношении, а также маски, щиты и даже мелкие золотые украшения. Совершенным чудом мозаичной работы является деревянный щит из Миштеки, на котором маленькие куски бирюзы образуют рельефную скульптуру, изображавшую религиозную сцену (см. 48; 60, внизу, слева).

Мастера мозаики подбирали камни разных цветов и различные раковины. Из них обычно составлялись чистые узоры, но при украшении деревянных или каменных фигур с помощью мозаики передавался костюм или раскраска тела. Крупная мозаика часто применялась в архитектуре, и неотделанные камни платформ или зданий облицовывались тесаными каменными пластинами. В храмах в Митле (в Оахаке), отражающих влияние той же культуры Миштеки — Пуэблы, которой обязана своим происхождением ацтекская цивилизация, сохранились превосходные образцы этой техники: поверхность отдельных глыб обработана так, что все они, сложенные вместе, образуют сложный геометрический рисунок (см. табл. 11, внизу).

Образцов искусства деревообделочников осталось мало ввиду недолговечности материала, но немногие сохранившиеся деревянные маски, идолы, барабаны и атл-атлы — метательные дощечки — служат достаточным свидетельством их поразительного мастерства. Уже одно то обстоятельство, что им приходилось обрабатывать дерево каменными орудиями, показывает, что их работа заслуживает высокой оценки. Их медные орудия были тупы и непригодны для обработки даже самых мягких пород дерева, но и эти орудия стали входить в обиход в сравнительно позднее время господства ацтеков (см. табл. 54, внизу).

Дерево широко применялось для потолочных перекрытий и дверных косяков. Одна из балок дворца в Тескоко была около 6 м длины и 1,5 м толщины; ее обработка и переноска были, очевидно, нелегким делом. Доски, повидимому, мало применялись в ацтекском строительстве, поскольку их было трудно изготовлять теми примитивными инструментами, которыми располагали ацтеки. Им было гораздо легче выделывать адобы и штукатурку, которые были не менее удобны. Однако деревянные челноки были необходимы приозерным жителям. Некоторые из них были выжжены огнем, но другие, если судить по типу лодок, используемых нынешними индейцами Шочимилко, пред-

ставляли, очевидно, плоскодонки, сделанные из досок. Во времена господства ацтеков доски, повидимому, связывались вместе, а не скреплялись деревянными колышками, как это делается теперь. Переносные мосты для перехода через каналы также представляли простые сооружения из одних досок или из досок, уложенных на балки (см. табл. 35, внизу, слева).

Мебель, столь прославившая европейских деревообделочников, была мало распространена в Мексике. Кроватями и сидениями служили цыновки. Правда, сановники усаживались на своего рода деревянный трон с ножками и нередко со спинкой, называемый икпалли. От этого слова происходит современное мексиканское «экипале», обозначающее плетеный стул с кожаным сидением. Имеются упоминания о ширмах и шкафчиках, а также орнаментированных панелях для комнат, но образцов этих изделий не уцелело, и мы не в состоянии судить об их достоинствах (см. табл. 39, сверху, направо).

Деревянные барабаны, ритмичными звуками которых обычно сопровождались культовые церемонии, украшались красивой резьбой, в соответствии с их религиозным назначением. Имелись два типа барабанов: один — вертикальный цилиндрический (уэуэтл) с натянутой сверху кожей, и другой — горизонтальный барабан, также цилиндрической формы (тепонастли), на котором сверху имелось два желобка, образующих язычки. Хотя высота звуков была разная, интервалы между ними при ударе по язычкам получались обычно одинаковыми. Достигнуть достаточной высоты звука было, очевидно, очень трудным делом, так как сердцевину приходилось сначала выжигать, а потом уже обрабатывать стенки до определенной толщины. Иногда художники придавали этим барабанам форму человека на корточках или животного. Когда нужно было олицетворять божество в храмовых церемониях, употреблялись маски и особые церемониальные жезлы. Из дерева изготовлялись метательные дощечки, или атл-атлы, с помощью которых воины метали дротики: благодаря им удлинялся размах руки и увеличивалась движущая сила. Некоторые из этих атл-атлов покрыты тонкой резьбой, воспроизводящей излюбленные у ацтеков узоры (см. табл. 54, внизу).

Металлургия у ацтеков была в зачаточном состоянии. Медь обрабатывали холодной ковкой; искусство изготовления бронзы еще не проникло в Мексику с юга, но золочение меди и сплав золота с медью практиковались мексиканскими золотых дел мастерами. Из меди отливали колокольчики и украшения по методу, применявшемуся и для золотых изделий. Требуемая форма лепилась из глины и посыпалась тонким слоем толченого угля, на который накладывался ровный слой воска. Последний вторично посыпался древесным углем, и затем вся фигура покрывалась глиной. В форме делались два отверстия —

вверху и внизу. Расплавленный металл вливался в верхнее отверстие, после того как воск плавился и вытекал через нижнее отверстие, которое затем закупоривалось. Когда металл остывал, форма разламывалась и отливка из нее вынималась (см. табл. 46—47).

Хотя большинство туземных золотых изделий было переплавлено в испанских тиглях, небольшое количество превосходных украшений уцелело. В 1932 г. количество их более чем удвоилось после открытия д-ром Альфонсо Касо нетронутой могилы миштекского предводителя. Рисунок и форма этих ожерелий, серег и колец, сложность и филигранность их выполнения свидетельствуют о том, что испанские описания добычи Кортеса не дают полного представления о необычайном искусстве ацтекских золотых дел мастеров.

Родиной обработки металлов в Америке были, несомненно, Эквадор или Перу. Оттуда это искусство постепенно распространялось по тихоокеанскому побережью и достигло Панамы и Костарики, где значительное место занимала золотообработка *. В промежуточных областях почти не было металлического производства, но в миштекские времена в Оахаке образовался второй центр. Оахакские украшения, хотя по технике изготовления кое в чем и уступают южным, по рисунку и мастерству превосходят лучшие образцы золотых изделий Перу или Эквадора более раннего времени.

Металлургия стала известна в Мексике, очевидно, не раньше XI века. Упоминания о меди у толтеков относятся, вероятнее всего, ко времени династических толтеков, а не к Теотиуакану. Нам неизвестно о находках меди или золота, относящихся к ранним или средним периодам великих мексиканских культур, хотя найденные полые глиняные колокольчики, принадлежащие к позднему толтекскому периоду в Аскапоцалко, невольно вызывают догадку о существовании металлического прототипа подобных глиняных изделий. Во времена, предшествующие испанскому завоеванию и особенно господству культуры Миштеки — Пуэблы, металлические предметы встречаются уже часто.

Методы эксплоатации рудников были еще примитивны. Ацтеки собирали самородки или получали золото путем промывки золотоносного песка. Медь также добывалась в виде конкреций. Серебро, редко встречающееся в природе в чистом виде, поэтому мало использовалось для украшений. Плавильные горны нагревались древесным углем, а тягу создавал человек, дуя через трубку на горячие угли. Мы уже описывали процесс литья. Все процессы обработки золота, более всего поразившие завое-

---

* О металлургии в странах древней Америки см. в томе V справочника Стюарда: *J. H. Steward*, Handbook of South American Indians. — Прим. ред.

вателей, производились такими же простыми способами, как и все прочие ручные работы ацтеков, и представляли подлинное торжество ремесла.

Изготовление глиняных изделий составляло величайшее искусство Нового Света, и, вероятно, ни на одном континенте не было такого разнообразия форм и рисунков керамических изделий, как в Америке *. Пластичность глины делала ее обработку легким делом, обжиг также не представлял особых трудностей, и поэтому гончарная продукция составляла значительную отрасль ремесла индейцев. Мы уже указали на то, что каждое племя (почти каждая деревня) выработало свой особый стиль, постепенно изменявшийся под влиянием медленных сдвигов в народных вкусах. Стили глиняных изделий занимают место отсутствующих памятников письменности, и археологи смогли воспользоваться ими для определения соотношения этих древних и забытых племен между собой во времени и пространстве и таким образом заложить основу для истории Нового Света.

Ацтеки, как и все прочие народы Нового Света, не пользовались гончарным кругом, но изготовляли свои сосуды из полосок глины, полагаясь на свое острое зрение и чувствительность пальцев, чтобы получить нужную форму. Они также не применяли опок для формовки своих сосудов, как это иногда делалось в поздний теотиуаканский период. Очевидно, они не знали и «кабала» — камня, поворачиваемого ногами, на который юкатанские гончары укладывали ком сырой глины, формуя сосуд.

Ацтеки располагали обильными запасами мелкозернистой глины, приобретавшей оранжевый цвет после обжига, и из нее изготовляли свои сосуды для хранения продуктов и приготовления пищи. Первыми применили эту глину горшечники Кулуакана, делая из нее блюда с плоским дном, поставленные на цилиндрические ножки. Дно разрисовывалось криволинейным рисунком, иногда несколько натуралистического характера. Во второй период, когда применение этой глины стало уже широко известно по всей северной части долины, сосуды начали изготовляться более грубо, а полые ножки превратились в массивные удлиненные конусы. Узор приобрел характер абстрактного комбинирования криволинейных «мотивов». Вряд ли можно считать простым совпадением тот факт, что введение этого стиля, противоположного обычному прямолинейному характеру мексиканских узоров, приходится на начало XIV в. — традиционную дату распространения пиктографического письма миштекскими племенами (см. табл. 29, третий ряд).

* Это заключение автора неверно. Керамические изделия ряда стран Старого Света не уступают, а иногда и превосходят гончарные изделия американского континента. Достаточно вспомнить хотя бы древнегреческие расписные вазы. См. прим. к стр. 122. — Прим. ред.

Третья фаза этого стиля, относящаяся к XV в., отличается постепенным превращением линейного рисунка в резкие сплошные узоры, однако качество изготовления самих сосудов стало много выше. Небольшая часть гончаров отказалась от этой неряшливой манеры украшения и покрывала свои изделия сложным геометрическим узором. Частые параллельные линии на сосудах этого типа, проведенные от руки на кривой внутренней поверхности чаш, свидетельствуют о высоком мастерстве рисунка. В то время в долину проникало множество ваз иноземного происхождения, может быть благодаря торговле или в уплату дани, и это побуждало местных горшечников вырабатывать свои собственные, новые стили.

В четвертый период, приходящийся на правление Монтесумы, гончары отказались как от мелочной детализации рисунка, так и от неряшливых линейных орнаментов. Начали распространяться мотивы натуралистические: появились изображения птиц, рыб и растений, служившие узором, выполненным в свободной изящной манере. После завоевания рисовальщики, привыкшие работать в этом стиле, смогли точно копировать такие элементы испанских рисунков, как двуглавый орел Карла V и дворянские гербы (см. табл. 52, вверху).

Полихромная глиняная посуда была местного производства. Она обычно покрывалась тонким слоем поливной глазури красного цвета и украшалась геометрическим рисунком, выполненным в двух цветах — белом и черном. Глиняные изделия XIV в. характеризуются грубой формой, старательно выполненным, но все же грубым рисунком. В XV в. горшечники так набили себе руку, что могли украсить свою посуду любым самым замысловатым рисунком, и их изделия наиболее тонки и изящны из всех когда-либо выполненных в Америке. Керамические изделия других местностей первоначально поступали в небольшом количестве, главным образом из Пуэблы, но в XV в. качество их повысилось и количество увеличилось, очевидно, под влиянием торговли и в связи с уплатой дани. Исторические сведения о том, что Тескоко стоял в культурном отношении выше Теночтитлана, подтверждаются и археологическими данными; глиняная посуда тескокцев хотя и принадлежит к тем же стилям, что и теночкская, но сделана лучше и обладает бо́льшим разнообразием рисунка; судя по некоторым сведениям, и торговля с другими племенами была там более оживленной (см. табл. 30—32).

Из глины изготовлялись кружки для пульке, терки для перца, делались всевозможные глиняные сосуды для других надобностей. Небольшая овальная тарелка с углублением для соуса напоминает специальные подносы современных ресторанов. Круглая сковородка с ручкой для выпекания тортильи появилась вместе с масапанской культурой и оставалась во всеобщем

употреблении в течение всего ацтекского периода. Нижняя поверхность этих сковород делалась шероховатой, чтобы жар быстро и равномерно подогревал тесто на верхней гладкой стороне.

При тканье также использовались приспособления из глины. Ацтекская пряха упиралась концом своей прялки в маленькую чашечку изящной формы, нередко красиво украшенную. Пряслица веретен также были сделаны из обожженной глины. В XIV в. их делали тяжелыми, с широким отверстием, очевидно, для большого веретена. Нередко их полированная черная или красная поверхность была искусно украшена штампованным или резным рисунком, представлявшим какой-либо традиционный узор или фигуры человека и животных. В XV в. пряслица для веретен значительно уменьшаются в объеме, так что их трудно отличить от бусин; возможно, что это уменьшение размера отражает распространение пряжи из более тонких хлопчатобумажных ниток.

Этот грузик, или пряслице, веретена играет существенную роль в спорах о знакомстве ацтеков с колесом. Ролик имеет назначение махового колеса, ускоряющего вращение веретена прялки. Ученый Шарне, очевидно ошибочно, принял пряслица для веретен за колесики, которые приделывались к игрушечным животным из глины.

Однако позднейшие исследования доказали, что как в толтекские, так и в ацтекские времена существовали шарнирные куклы. В полость туловища этих кукол пропускались веревки, прикрепляющие руки и ноги, сделанные также с отверстием. В 1940 г. д-р Стирлинг обнаружил несколько глиняных животных, поставленных на ролики — последние представляли глиняные трубочки, очевидно, насаживаемые на деревянные оси, вставленные в отверстия лапок этих животных. Но знакомство с колесом, повидимому, не нашло применения для практических целей *.

Во времена ацтеков каменная скульптура была обычным средством воспроизведения человеческой фигуры. Культ статуэток, воплощавший в период «Средней культуры» и толтеков высшее развитие пластического искусства, отошел на задний план. Введение формовки не поощряло мастеров к тому, чтобы они лепили хотя бы оригиналы. И все же в этих грубых вос-

* Дальнейшие находки показали, что колесо было распространено шире, чем пишет Вайян. Детские игрушки, имеющие колеса, были найдены вблизи реки Пануко, в Трес Сапотес, Тененепанго, Оахаке, Мичоакане и в Панаме. См. *G. F. Ekholm*, Wheeled Toys in Mexiko, American Antiquity, vol. XI, № 4 (1946), стр. 222—228; *A. Caso*, Conocieron la rueda los indígenas mesoamericanos? Cuadernos Americanos 25, № 1, Mexico, 1946.

О возможном употреблении гончарного колеса в странах древней Америки см. статью *G. W. Brainerd*, Wheel-Made Pottory in America, Masterkey, vol. 20, № 6, pp. 191—192, Los Angeles, 1946. — Прим. ред.

произведениях богов и богинь иногда проскальзывает умение схватить черту подлинной жизни, столь характерное для этой области искусства в более ранние времена (см. табл. 29, нижний ряд).

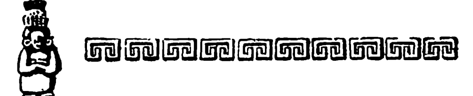
Изготовление глиняных изделий не ограничивалось домашней утварью; для украшения храмов делались из обожженной глины большие орнаменты для кровель. Для постройки жилищ обычно применялись высушенные на солнце кирпичи. Иногда они все же обжигались, и из них выкладывались задние стенки очагов или же ими заменялись тесаные камни в углах зданий. В одном храме в Тисатлане пилястры перед алтарем возведены из кирпича, но вообще для храмов предпочитали большие глыбы, облицованные тесаным камнем. Перед большими храмами устанавливались жаровни в человеческий рост. Эти сооружения ритуального назначения составляли одновременно архитектурное украшение храмового ансамбля. Конусы из обожженной глины выполняли роль дранки для укрепления штукатурки на стенах храма и одновременно служили их украшением.

У мексиканских ремесленников находились под рукой богатые залежи хорошей гончарной глины, уже в самые ранние эпохи служившей для всевозможных опытов в области пластических искусств. Опыт, приобретенный в лепке глины, дал ацтекским мастерам ту уверенность в своем мастерстве, которая так ярко отразилась в позднейших мексиканских скульптурах из камня и дерева.

В первобытных обществах, если судить по произведениям их труда, нет резкой разницы между искусством его членов. Чтобы возвести любое ремесло до степени искусства, требовался только соответствующий общественный спрос. Искусства развивались на основе ремесл.

Творения ацтекского религиозного искусства, отражающие дух этого народа, по своему мастерству и духовному подъему не уступают грандиозным памятникам таких древних культур, как египетская или месопотамская.

Глава IX

ИЗЯЩНЫЕ ИСКУССТВА

Рассмотрение элементов ремесла ацтеков, которые мы относим к области «изящных искусств»

У ацтеков не существовало термина «изящные искусства», они не углублялись в размышления об эстетике и не производили предметов, созерцаемых лишь из-за одной их красоты. Но ацтеки признавали ценность высокого мастерства и использовали его продукцию для прославления своих богов, бывших посредниками между человеком и беспредельными силами вселенной.

Ацтекское искусство достигло высокого совершенства в архитектуре и скульптуре и оказалось беспомощным в живописи и графике. Танцы были более развиты, чем музыка, а литература в связи с отсутствием удобной письменности свелась к недолговечным творениям риторики. Годы и стихии оставили нам только то, что могло противостоять их разрушающему действию; и у нас есть только один способ выяснить отношение ацтеков к их творениям в тех областях человеческой деятельности, которые мы, современные люди, называем искусством,— провести аналогию с живущими теперь племенами.

Наиболее ярким выражением архитектуры ацтеков являются храмы. Если и можно подметить в других зданиях случайную красоту пропорций, основное их назначение все же сводилось к тому, чтобы служить жильем. Публичные здания светского характера, например дома рода или резиденции вождя, воспроизводили в сущности ту же архитектуру жилищ, но только в бо́льших масштабах. Наличие множества добавочных помещений для прислуги и наложниц, бассейн для плавания и зверинец, отличавшие дворец Монтесумы, не изменяли ни конструкции, ни планировки схемы прямоугольных комнат, расположенных вокруг внутреннего дворика.

Наряду с этим архитектура храмов поражает подлинным величием. Великие боги жили на небе, поэтому естественно, что их святилища и изображения были вознесены над уровнем мирских дел. Климат косвенно содействовал созданию тех внушительных художественных форм, которые были порождены

культовыми потребностями ацтеков. Не было надобности защищать молящихся от непогоды или предоставлять им кров. На возвышение следовало поднять только алтарь или святилище, а молящиеся могли оставаться внизу на площади. Таким образом, храм венчал основание и представлял завершающую точку гармонического ряда восходящих плоскостей, рассчитанных на усиление впечатления высоты путем подчеркивания эффектов перспективы.

Вряд ли эти эстетические каноны были сформулированы в виде законов — они создались на основе многовекового опыта, выработавшего стандартные приемы. Самый ранний храм в долине обнаружен в Куикуилко — он датируется верхней «Средней культурой». Алтарь его установлен на массивном холме овальной формы. Здесь нет следов храмовых стен, а применение огня во время богослужения препятствовало перекрытию храма кровлей. Однако в Теотиуакане в классический толтекский период открытый алтарь был заменен храмом; по всей вероятности, он же служил помещением для деревянного или каменного изображения бога. Во всей Мексике нельзя встретить более гармонического сочетания гигантских масс и плоскостей, чем в основании «Храма солнца» (см. табл. 18, внизу; 22, внизу).

Полы этого храма целы, но крыша и стены его уже давно разрушены, и все же иллюзия бесконечной высоты и пространства сохранилась до сих пор. Плоскости между террасами пирамиды сооружены с таким расчетом, чтобы наблюдатель, стоящий у подножия большой лестницы, не мог видеть людей на вершине пирамиды. Перед ним лишь уходящий ввысь массивный подъем, исчезающий в пространстве. Нужно полагать, что когда по этой лестнице подымалась пышная и красочная религиозная процессия, впечатление должно было получаться потрясающее.

Весь план священного города Теотиуакана рассчитан на создание этой иллюзии массивности и высоты. Здания были возведены группами вдоль северо-южной оси; в поперечном направлении к ней примыкало несколько зданий, обнесенных оградой, ориентированных на восток и на запад. Под каким бы углом ни приближаться к Теотиуакану, расположение плоскостей и масс направляло взгляд так, что он всегда устремлялся к нужной точке. Этим путем было устранено уменьшающее влияние расстояния. Внутри каждой группы зданий окружающие ее стены изолировали наблюдателя от остального города и подчеркивали массивность и высоту храма в главной ограде. Еще и современный посетитель лежащего в развалинах Теотиуакана проникается убеждением древних о том, что чем величественнее храм, тем могущественнее должно быть его божество (см. табл. 22, вверху).

Теотиуакан был, очевидно, сооружен в результате совместных усилий общин, заселявших значительную часть долины. Какая-нибудь одна оседлая община не смогла бы выполнить строительство таких масштабов и такого размаха. Во времена чичимеков, когда не было центральной власти, каждая община строила, в меру своих возможностей, храмы, из которых уцелели лишь немногие. В Тенаюке все еще стоит святилище того периода с поднимающимися почти вертикально стенками основания. На вершине его, очевидно, находились храмы двух богов. А в это же самое время по ту сторону гор, в Пуэбле, обитатели Чолулы нагромождали один высушенный на солнце кирпич на другой, воздвигая искусственный холм. Это сооружение настолько огромно, что на верхней площадке одной из платформ были размещены не только храм, но и помещения для жрецов. Сооружение во времена колонизации большой церкви на вершине пирамиды совершенно уничтожило следы древнего храма, посвященного, по преданию, Кецалкоатлу. Вполне логично предположить, что дома жрецов были расположены ниже, чем святилища, поскольку принципы ацтекской архитектуры требовали, чтобы земное жилище богов занимало господствующее положение (см. табл. 26).

Тем временем общины в долине Мехико росли и население их умножалось. По мере увеличения средств, имевшихся в распоряжении человека, воздвигались более обширные храмы и число их возрастало. И все же разрушения, произведенные испанцами и новообращенными индейцами, превратившими не один храм в приходскую церковь, были настолько основательны, что нынешнему посетителю почти ничто уже не может дать представления об архитектуре прошлого. Однако археологические данные, хотя они и отрывочны, полностью подтвердили восторженные описания завоевателей.

Две последние перестройки Тенаюки свидетельствуют о совершенной пропорциональности ацтекской архитектуры. Раскопки холма возле железнодорожной станции в Куэрнаваке обнаружили храм, сохранившийся в полной неприкосновенности, за исключением крыши. Храм в Тепостеко, сооруженный высоко в горах над Тепостланом, представляет второй образец ацтекской архитектуры малых размеров почти во всем ее совершенстве. Канава, прорытая на участке напротив собора в Мехико, обнаружила угол между лестницей и западной стеной большого храма Уицилопочтли, бога войны ацтеков. Монументальные размеры его и богатство орнаментов доказывают, что испанцы в своих восхищенных описаниях все же не смогли оценить должным образом этого гигантского памятника. Недавние раскопки в скале у Малиналко, возле Тенансинго, в штате Мехико, открыли ансамбль храмов, в значительной своей части высеченных в скале, по сравнению с которым знаменитые

египетские скальные гробницы в Абу-Симбеле — не более чем декорации провинциального оперного театра* (см. табл. 28, внизу; 37, вверху; 50—51).

Ацтекский храм возводился на основании, наклонные стены которого обычно возвышались тремя террасами. Крутая широкая лестница, с двумя балюстрадами по краям и иногда разделенная надвое третьей, вела к вершине. Резные каменные глыбы, рядами выступавшие по бокам платформы, изображали змеиные головы, черепа или иные символические образы культа.

Громадные головы змей с открытой пастью, которыми оканчивались балюстрады внизу, служили завершением архитектурной композиции и внушали суеверный ужас зрителю. Перед ним поднималась лестница, широкая и крутая, заставляя сосредоточивать все внимание на жертвенном камне наверху, на котором распластывали жертву, ожидавшую ножа жрецов.

За этим камнем стоял храм или храмы, со святилищем для идола и передней комнатой для жрецов. Стены их обычно были из тесаного камня, иногда украшенного резьбой или барельефами. Крыша бедных, а также и ранних храмов была из стеблей кукурузы, но в крупных храмах она делалась из балок — более длинных внизу и более коротких вверху. Штукатурка, положенная на прутья или жерди, делала кровлю водонепроницаемой. Последняя покрывалась резными рисунками, символами находящегося под ней бога. Внутри храма воздух был зловонный и спертый, стены помещения были покрыты копотью и кровью, потому что здесь в изобилии сжигались ладан и сердца приносившихся в жертву пленников. Известные пропорции между террасами, между храмами и платформой, лестницей и фасадом соблюдались независимо от размеров всего сооружения. Эти пропорции были рассчитаны на то, чтобы создать впечатление высоты и массы, ни в коей мере не умалявших значительности как самого храма, так и платформы. Это чувство пропорции наблюдается во всех видах ацтекского искусства и ремесла.

Некоторые храмы были цилиндрической формы и стояли на квадратных или круглых площадках. Они были посвящены Кецалкоатлу, часто изображавшемуся в виде Ээкатла, бога ветров. Иногда дверь подобного храма была сделана в виде

---

* Пренебрежительное отношение автора к памятникам древнеегипетского искусства не является случайным. За последние годы в работах ряда американских археологов ясно проявляется тенденция доказать, что культура и искусство народов древней Америки стоят гораздо выше культур древнего Востока и античности. Эта распространяющаяся сейчас в Америке «теория» является отражением экспансионистских взглядов, проповедуемых ныне некоторыми политическими деятелями США. Критику упомянутой панамериканской теории см. в статье Р. В. Кинжалова в журнале «Советская этнография», № 2 за 1949 г. — Прим. ред.

головы змеи, а круглое здание должно было представлять ее тело. Великолепный храм такого типа составляет часть упомянутого выше Малиналкского ансамбля, целиком высеченного в скале. Дверь покрыта с обеих сторон барельефами, изображающими голову змеи в профиль, а весь храм можно также рассматривать как змеиную голову спереди, — раскрытая пасть змеи составляет дверной проем. Стены внутри храма окаймляет скамья, а вырезанные на стенах рельефом оперения орлов и шкуры оцелотов, эмблемы восходящего и заходящего солнца точно спадают вниз, драпируя их. Алтарь посередине комнаты также изображает орла. Вся эта сложная композиция высечена в твердой скале и представляет великолепное сочетание архитектурного замысла со скульптурным мастерством.

Ацтекские скульпторы с одинаковым искусством выполняли как скульптуры, так и рельефы монументальных и миниатюрных размеров; в равной степени они владели символическим и натуралистическим стилями, воплощая свои замыслы в любом из имевшихся у них материалов. Нам трудно сейчас должным образом оценивать их работу — этому препятствует преобладание религиозных мотивов, своим нагромождением деталей и гротескной фантазией очень часто скрывающих чистые линии основных пропорций. Ацтекское искусство никогда не было чисто светским. Зато как бы в возмещение этой односторонности ацтеки умели там, где было возможно, оформлять чисто религиозные темы элементами живо переданной природы.

Со времени «Средней культуры» мексиканцы широко пользовались обожженной глиной для скульптурных произведений и разрабатывали на ней свои художественные нормы. Несколько уцелевших деревянных скульптур указывают на то, что дерево обрабатывалось методами резьбы по камню, а не служило, как в Египте и в Греции, пробным материалом для образцов, позднее воспроизводимых в камне *. Как бы то ни было, методы пластического искусства в Мексике выработались в результате длительного и непрерывного обращения с глиной. При применении этих двух материалов особое внимание уделялось обработке поверхности и контурам. Если технический процесс ваяния из камня (путем долбления и полировок) более труден, то в конечном счете он не очень отличен от завершающей стадии обработки скульптур из глины — заглаживания и отделки. Таким путем скульпторы достигли тонкого понимания контуров и линий человеческого тела.

---

* И в Египте и в Греции дерево не являлось обязательно только материалом для моделей последующего изготовления скульптур из камня. Достаточно указать на такие великолепные произведения, как деревянные статуи вельможи Каапера («Сельский староста») и Перхерноферта времени «Древнего царства» (Египет). — Прим. ред.

Ацтекские художники изображали свои фигуры в пассивных позах, и притом чаще в сидячем, чем в стоячем положении — отчасти благодаря традициям прошлого, отчасти потому, что изображения богов помещались в храмах. Суровость жизни ацтеков побуждала их наделять своих богов свойственным им самим характером, у них совершенно отсутствует мягкая эмоциональность. Поэтому ацтекская скульптура кажется нам еще более непривлекательной и мрачной, чем другие виды искусства Центральной Америки (см. табл. 40, 49, 52—56).

Чувство пропорций, столь ярко проявившееся в ацтекской архитектуре, придало монументальность их скульптуре. В самом незначительном произведении сквозит то же чувство достоинства, что и в самых монументальных лепных украшениях храмов. По фотографиям нельзя судить о впечатлении, производимом размерами подлинника, но нам известен случай, когда голова одной богини была вырезана совершенно одинаково в маленьком куске нефрита и в глыбе базальта свыше 1 м, и от этого не пострадала ни пластичность одного изображения, ни монументальность другого.

В рельефных скульптурах оформление сюжета, расположение и соподчинение деталей обнаруживают мастерство компановки — наследие многовекового опыта тканья. В резьбе, покрывающей громадную глыбу четырехметрового «календарного камня», проявляется то же тонкое понимание соотношений пространства и размеров, что и в аналогичных рисунках, нанесенных на глиняные сосуды или гравированных на нефрите (см. табл. 52).

Самыми изящными произведениями ацтекской скульптуры являются изображения молодых богов и богинь, покровительствовавших урожаю. Здесь тело ацтека, с его длинным туловищем и короткими конечностями, мягко округленное, мускулистое и сильное, воспроизведено просто и точно, с присущей ему пассивной грацией. Спокойные и полные покорности перед судьбой черты ацтеков давали прекрасный сюжет для скульптора, и их легко было передать в материале, которым он располагал. Некоторые боги могли принимать вид животных, и тут скульпторы пользовались возможностью, чтобы проявить свое глубокое знание природы, высекая шакалов с настороженными ушами или изображая злого кузнечика из красного базальта в монументальных размерах.

Очень часто встречается изображение змеи — эмблемы Кецалкоатла, символа года и времени, представляющей могущество таинственных сил. Воспроизведение изгибов тела, оканчивающихся суровой симметрией головы, представляло трудную задачу для мастерства скульпторов, но они блестяще с ней справлялись, и их изображения создают представление о таинственном ужасе вселенной, как ее представляли себе ацтеки (см. табл. 53, 56).

Нашему современному глазу эти гротескные боги кажутся страшными и абстрактными. Коатликуэ, «Владычицу в змеином платье», мать Уицилопочтли, считали могучей и вселяющей ужас богиней, и задачей скульпторов было воплотить эти свойства в камне. Большая статуя Коатликуэ в Мехико обладает двумя змеями вместо головы, ожерельем из человеческих рук и сердец, ноги и руки ее вооружены острыми когтями, а платье сплетено из корчащихся змей — в ней динамически воплощены все многообразные ужасы вселенной. Такое же впечатление производит другая фигура этой богини, меньших размеров, более простая и менее перегруженная деталями. Это показывает, что для ацтеков самая сущность чувства страха и была предметом поклонения и почитания. Алтарь из красной лавы, погребенный под улицей за собором Мехико, украшен зловещими рядами черепов, но рисунок их чрезвычайно гармоничен (см. табл. 54—55).

«Календарный камень» воплощает в своей ограниченной форме бесконечность ацтекской вселенной. В центре его находится лицо бога солнца Тонатиу; по четырем сторонам от него — четыре орнаментальных завитка, из которых каждый изображает дату одной из четырех предшествующих эпох мира, а все вместе представляют дату нашей теперешней эры. Вокруг этой центральной композиции расположены кольцом двадцать названий дней; они в свою очередь окаймлены полосой из повторяющихся иероглифов, обозначающих нефрит или бирюзу, символизирующие небо и его цвет. За этой полосой идут знаки звезд, пронизанные рисунком, изображающим лучи солнца. Две громадные огненные змеи, символизирующие год и время, охватывают весь круг по краю и встречаются головами у его основания. Эти формы и символы представляют собой грандиозную концепцию величия вселенной (см. табл. 52, вверху).

За последние годы под дворцом президента в Мехико был найден монолит около метра высотой, представлявший площадку с высеченной в ней лестницей, увенчанной наверху таким же солнечным диском. Рельефы по бокам изображают Уицилопочтли, бога войны, и Тескатлипоку, «бога курящегося зеркала», символизирующих священную войну между днем и ночью. Весьма вероятно, что «календарный камень» был установлен на таком же постаменте, и невольно сожалеешь об утраченных барельефах, объяснявших и украшавших большой диск, когда он стоял на месте (см. табл. 52, внизу).

По имеющимся историческим данным «календарный камень» был сделан в 1479 г., а большая ваза Тисока с орлом — в правление этого вождя (1481—1486). Желобок, идущий от углубления вазы к ее кромке, был принят за жолоб для стока крови. Однако рисунок на вазе не вяжется с этим назначением жолоба — чаша предназначена для сжигания сердец, а не для собирания крови. Поэтому можно предположить, что жолоб

был сделан испанцами, которые хотели использовать вазу в качестве нижнего жернова или же безуспешно пытались ее расколоть, как орудие идолопоклонства.

Датировка этих двух памятников указывает на то, что они относятся ко времени полного расцвета ацтекской цивилизации. Нужно отдать должное ацтекским художникам; хотя первоначально они были ограничены скромными задачами ремесленного производства, громадный экономический, социальный и религиозный стимул, данный им внезапным возвышением их народа, способствовал повышению качества их искусства.

Ацтеки не создали сами своих художественных форм, как и своей религии: они получили их извне, по всей вероятности из области Миштеки — Пуэблы. Там религиозные записи и ритуальные знаки, высеченные на камнях и нарисованные на сосудах, были сложнее и исполнены лучше, чем у ацтеков. К сожалению, археологические исследования до сих пор обнаружили всего лишь несколько образцов этой потенциально богатой области мексиканской культуры. Народ долины, как только представилась возможность, с готовностью воспринял эти формы, которые были изменены на новой почве * (см. табл. 57, вверху; 58, 59).

Черты, присущие каменным памятникам, повторяются и в малых предметах. Деревянные барабаны и атл-атлы были покрыты точно такой же рельефной резьбой, как и украшения храмов, только в меньших размерах. Те же божества гравировались на кости по фону из бирюзовой мозаики. Золотых дел мастера воспроизводили в миниатюре изображения богов и богинь и символы своего культа, отражая в орнаментах одежды характерные черты тех культов, с которыми они были связаны. Гранильщики превращали нефрит, обсидиан, горный хрусталь, опал, лунный камень и аметист в тончайшие скульптуры, обладавшие той же эмоциональной силой, что и монументальное искусство. Количество первоклассных работ огромно. Создается впечатление, что этот переход от племенного ремесла к настоящему искусству носил массовый характер. За ничтожный срок группа первобытных деревень превратилась в ряд великих творческих центров ** (см. табл. 45—48, 55 внизу, слева).

Ни живопись, ни графика не отразили этого превращения. Правда, нами было найдено несколько образцов этих видов искусства, но у них те же источники, что и у художественной скульптуры. Рисунки в рукописях и старинных кодексах ничуть

* См. работу *M. H. Saville*, Tizoc, Great Lord of the Aztecs, 1481—1486 (Contributions, Museum of the American Indian, Heye Foundation, vol. 7, № 4), 1929, New York. — Прим. ред.

** Конечно, здесь имел место не «переход от племенного ремесла к искусству», а переход от культуры средней ступени варварства к культуре высшей ступени варварства. — Прим. ред.

не уступают сохранившимся в Тисатлане и Малиналко фрескам. Эти фрески богаты красками, но рисунок их запутан и условен, он сводится скорее к добросовестному вырисовыванию культовых символов, чем к передаче путем сочетания композиции, перспективы и цвета какого-либо значительного эмоционального переживания. Все же рисунок представлял неотъемлемый элемент украшения плоскости, и с этой точки зрения симметричное расположение фигур позволяет простить анатомические ошибки и скованность изображения (см. табл. 57, вверху).

Маленькие исторические сценки, иллюстрирующие пиктографические летописи, часто бывают просто восхитительны. Графика ацтеков оказалась более долговечной, чем их скульптура, и удержалась до конца XII в. Индейцы переписывали старые рукописи, и некоторые хроники велись по прежним образцам до 1560 г. Монахи использовали индейских художников для иллюстрации своих отчетов о местных делах, и существует несколько рукописей, в которых тесно и грациозно переплетаются приемы индейского и европейского рисунка. Иллюстрированная история всегда обладала особой привлекательностью, что в значительной мере обусловливается тем, что в ней, в соответствии с графическими канонами, подчеркиваются все существенные черты и устранено все второстепенное (см. табл. 62, 63).

. Туземная музыка почти вовсе исчезла. Монахи быстро приспособили европейские песни и танцы к потребностям индейцев и заменили их религиозные обычаи христианскими, используя при этом пение и танцы, которые легко могут понять первобытные народы. Судя по инструментам, музыка ацтеков была разработана в ритме, но ей недоставало тона. Двухнотные и однонотные барабаны были пригодны для воспроизведения звучных ритмов, но костяные и глиняные флейты издавали лишь жалкий писк и не были приспособлены для передачи какой-либо определенной гаммы. Из раковин можно было исторгать разные звуки, в зависимости от силы воздушной струи, но они более подходили для сигналов сбора, чем для музыки. Глиняные свистки и трещотки, бутылки из тыквы, звонки и колокольчики из раковин усиливали эффект тщательно регулированных ритмов. По костям с зазубринами (часто человеческим) проводили палками, извлекая довольно приятные звуки. Существовал своеобразного типа барабан, повидимому туземного происхождения; это была перевернутая тыквенная бутыль, плавающая в большом сосуде с водой; удары по ней давали приятный резонанс (см. табл. 39, внизу, справа; 61, середина, справа).

Танцы занимали у ацтеков выдающееся место, но народные танцы не сохранились нигде, за исключением самых отсталых, глухих районов, так как монахи переделали их на христианский лад. Летописцы описывают много различных танцев, в которых

принимали участие массы народа. Нельзя себе представить, чтобы ацтеки, с их глубоким чувством рисунка и формы, не разработали сложных культовых церемоний, в которых бы большие людские массы двигались в трудных фигурах в такт многообразным ритмам. Для усиления торжественности обряда применялось хоровое пение, и слова некоторых песен дошли до наших дней, к сожалению, без нот. Эти танцы, воспроизводившие мифические события, относящиеся к жизни богов, представляли собой, вероятно, в высшей степени сценичное зрелище. Таким образом, у ацтеков, как и у других народов древности, религиозные обряды выполняли функцию драмы (см. табл. 62, внизу, слева).

Пиктографическое письмо ацтеков было слишком простым, и литературные произведения с его помощью не могли быть записаны. Все же многочисленные ссылки на риторическое искусство, богатство образов и синонимов, относящихся к богам и богиням, позволяют заключить о богатой фантазии и поэтическом воображении ацтеков. Преобладание устной речи, в первую очередь, а также и иные причины не могли, конечно, содействовать возникновению сухой точной прозы. Обычай обрядовых песнопений должен был породить полупоэтическую, в высшей степени образную символическую речь. Так, у ацтеков были в ходу ритмические и многословные выражения, служившие формулой вежливого обращения, которые, будь у ацтеков развита система письма, могли бы превратиться в литературу.

Однако чтобы лучше постигнуть природу культуры ацтеков, необходимо понять сущность их религии, ее роль в жизни и общественном строе этого народа.

Глава X

РЕЛИГИЯ

Краткий обзор вселенной и населявших ее богов по представлениям ацтеков

Ацтекская религия старалась привлечь на помощь силы природы, благоприятствовавшие человеческому существованию, и оттолкнуть пагубные силы. Этические нормы и духовное совершенствование входили в сферу социальных обычаев, и поэтому моральная догма христианства почти вовсе отсутствовала в ацтекской религии. У них не существовало спасителя человеческого рода, равно как и неба и ада, призванных вознаграждать или карать людей за их поведение на земле.

Ацтеки и их предшественники полагали, что силы природы действуют, руководствуясь теми же мотивами добра и зла, что и люди, поэтому с их точки зрения было вполне логично олицетворять стихии в виде богов и богинь. Богам поклонялись путем подношения подарков, возглашения молитв и выполнения символических действий — все это должно было склонить божественные силы действовать на пользу общества. Духовные силы племени были как бы обращены на классификацию явлений природы, определение их действия и изобретение магических обрядов, способных заставить эти силы служить на благо человека.

Природные явления периодически повторяются, что создает впечатление ритма. Рождение, созревание и смерть неуклонно чередуются в человеческой жизни; ночь сменяется днем; времена года бесконечно повторяются в круговороте весны, лета, осени и зимы; на небе в вечной последовательности движутся планеты. Для того чтобы обеспечить счастливое существование общины, необходимо, согласно представлениям ацтеков, познать эти ритмы и следовать их сложной, но регулярной последовательности.

Общий рост культуры, ведущий к усложнению социальных функций и развитию материальной культуры, вызвал также и более сложное представление о вселенной, находившее свое выражение в иерархии божественных существ и специализации их функций. Это, в свою очередь, влекло за собой более строгое соблюдение обрядов, поглощавших теперь значительную часть материальных и духовных сил племени.

Ацтекская религия вытекала из признания сил природы и страха перед ними и была попыткой их смирить. Процесс определения этих сил и их значения представляет такую же составную часть эволюции культуры, как искусство, техника или социальное устройство. Ацтеки разработали свою концепцию роли сверхъестественных сил в мироздании.

Согласно ацтекским верованиям, мир прошел через четыре или пять периодов, или «солнц». В деталях существуют расхождения, но схема «календарного камня» может быть принята за официальную версию этих верований, существовавшую в Теночтитлане. В первую эру — эру «Четырех оцелотов» — главным богом был Тескатлипока. Под конец этой эры он обратился в солнце, в то время как оцелоты пожрали людей и великанов, населявших тогда землю. Божественным правителем второй эры — «Четырех ветров» — был Кецалкоатл. В конце ее бури разрушили землю, а люди были обращены в обезьян. В третью эпоху — «Четырех дождей» — бог дождя Тлалок дал миру свет. Эта эпоха закончилась огненным дождем. Чалчиуитликуэ — «Владычица в бирюзовом платье» — была богиней вод и соответственно правила четвертым периодом — «Четырех вод», когда произошло наводнение, превратившее людей в рыб. Наша нынешняя эпоха — «Четырех землетрясений» — подвластна богу солнца Тонатиу и закончится в свое время землетрясениями (см. табл. 52).

Хотя в разных местах Мексики существовали несколько отличные друг от друга версии этой схемы, факт тот, что в ней мы видим воспоминание об огромных бедствиях (наводнениях, вулканических извержениях, ураганах и землетрясениях), которые испытывали общины древней Мексики. В ней отражена также та очередность, в которой тот или иной бог достигал господства в местных культах. В отдельных городах велась борьба за преобладание между последователями двух различных культов.

Вся вселенная считалась скорее религиозным, чем географическим целым и была разделена в горизонтальном и вертикальном направлениях на области, имевшие религиозное значение. Представление о горизонтальном делении вселенной, отображавшее более древние верования, признавало пять направлений — четыре части света и центр. Бог огня — старейший бог мексиканской религии — господствовал над центральной зоной. Восток был посвящен богу дождя Тлалоку и богу туч Мишкоатлу («змея туч») и считался областью изобилия. В этом случае географические понятия сочетались с религиозными, поскольку необычайно плодородная равнина побережья Вера Крус в действительности является источником сезонных дождей, вызванных конденсацией влажного воздуха в период, когда Мексиканский залив подвергается действию холодных ветров, дующих с Центрального плоскогорья. Юг считался областью зла, воз-

можно, из-за засушливых зон к югу от Морелоса и Пуэблы, но главными божествами его были боги, связанные с весной и цветами, Шипе и Макуилшочитл («бог пяти цветков»). Запад имел благоприятное значение, так как служил домом планеты Венеры, вечерней звезды, сопоставляемой и даже отождествляемой с Кецалкоатлом («пернатая змея»), богом знания. Север был мрачным и неуютным местом, подвластным Миктлантекутли («владыка мертвых»), хотя последнего, в силу противоречия, довольно обычного в мексиканской религии, иногда связывали также и с югом (см. табл. 10).

Вертикально мир делился на небо и преисподнюю; ацтеки не связывали представление об этих частях вселенной с идеями добра и зла: это были только надземный и подземный миры. Количество небес колебалось, достигая тринадцати, — каждое небо было обиталищем тех или иных богов, в соответствии с их рангом в божественной иерархии, причем бог-родоначальник жил на самом верхнем небе, а под ним все остальные, по нисходящей линии. Одно небо принадлежало Тлалоку, принимавшему к себе утонувших, убитых молнией или умерших от других причин, как-либо связанных с водой. Согласно одному верованию, небо делилось на восток и запад, в соответствии с прохождением солнца. Восток был обиталищем воинов (солнце питалось воинами, погибшими в бою или принесенными в жертву), а запад — обиталищем женщин, умерших во время родов, т. е. пожертвовавших собой, вынашивая будущих воинов (см. табл. 57).

Остальные умершие попадали в Миктлан, подземный мир. Прежде чем достичь его, они должны были преодолеть ряд опасностей. Для борьбы с ними их снабжали в дорогу дарами и магическими символами. Путь длился четыре дня (четыре было священным числом). Путнику предстояло пройти между двумя горами, грозившими раздавить его, избежать нападения змеи и затем гигантского аллигатора, пересечь восемь пустынь, подняться на восемь гор и вынести морозный ветер, метавший в него камни и ножи из обсидиана. Затем он достигал широкой реки и пересекал ее на спине маленькой красной собаки (поэтому собаку иногда клали в могилу покойника). Наконец, добравшись до места назначения, скиталец подносил владыке мертвых дары, и тот посылал его в одну из девяти преисподних. По некоторым версиям, мертвые проводили в них испытательный период, длившийся четыре года, прежде чем начать свою жизнь в Миктлане, в котором, как в Аиде у греков, равно находились все: и добрые, и злые.

Как мы уже указывали, ацтеки считали, что вся вселенная простирается горизонтально в стороны и вертикально вверх и вниз. Горизонтальное деление мира предполагало связь

божественных сил с климатическими и географическими явлениями. Вертикальное деление небес отражает скорее небесную иерархию, чем восприятие явлений природы. Иерархия христианских святых, с присущим ей признанием степени их авторитета и разницы в положении, весьма приближается к точке зрения, принятой ацтеками в отношении своих богов. Ацтекская и христианская религии, поскольку речь идет об их обрядовой стороне, почти одинаково смотрят на различия между мировоззрением и практикой, между точкой зрения ученого теолога и скромных верующих.

Во главе ацтекского пантеона, по религиозным представлениям, стояло верховное и непостижимое божество, Тлоке Науакс; однако культ его был как будто сосредоточен только в одном храме, в Тескоко, сделавшемся центром религиозной философии под влиянием великого вождя Несауалкойотла. Ступенью ниже этого отвлеченного представления о божественной силе стояла божественная чета Тонакатекутли и Тонакасуатл («владыка существования» и «владычица существования»). С точки зрения религиозных верований, эти боги имели большое значение, так как были родоначальниками всех других богов. Однако поклонение им не было широко распространено, поскольку они управляли природой лишь косвенно. Равнозначащее существо — Ометекутли («владыка двойственности») занимал аналогичное положение и являлся плодом домыслов жрецов о первоначальном происхождении богов, управлявших человеческой судьбой. Бог солнца, Тонатиу, также выполнявший функции владыки неба, был, однако, теснее связан с обрядовой стороной ацтекской религии.

Кроме того, было несколько богов, принимавших непосредственное участие в человеческих делах, и их почитали больше всех остальных. Обычно один бог из этой группы являлся духом-покровителем какой-либо общины, и ему присваивалась верховная власть. Такому богу отводился главный храм, в нем синтезировалось отвлеченное представление о богах, выдуманных жрецами, и он же был сопричастен верховной власти главных богов других общин. Вся эта группа без исключения состояла из богов неба.

Тескатлипока — «курящееся зеркало» — иногда выступал в роли соперника толтекского божества Кецалкоатла, «пернатой змеи». Культ его был широко распространен, и могущество его разделяли другие главные боги. По атрибутам Кецалкоатла, воспроизведенным в священных рукописях и часто приписывавшимся племенным божествам других мест, можно судить об изменчивости его образа. Миштекская рукопись, происходящая, по всей вероятности, из центра культа Тескатлипоки, показывает, как этот бог господствует над четырьмя направлениями, но в каждом случае ему посвящаются разные цвета. Власть и одея-

ния этого великого бога перешли к местным племенным божествам одновременно с распространением миштекской религии и культа Тескатлипоки в долине Мехико (см. табл. 59, сверху; 61, сверху).

Красный Тескатлипока запада принял имя Шипе или Камаштли — бога-покровителя Тлашкалы. Уицилопочтли, великий бог войны теночков, воспринял функции и одеяние синего Тескатлипоки юга и был одновременно богом солнца, однако его противник — божество ночи — удержал имя Тескатлипоки и изображался как черный Тескатлипока севера. Кецалкоатла иногда изображали в виде белого Тескатлипоки, связанного с востоком в качестве утренней звезды и с западом — в качестве вечерней. Под названием «пернатой змеи», но с атрибутами и властью Тескатлипоки, он распоряжался судьбами Чолулы. Тескатлипока в качестве бога области добра, заместителя солнца и главного бога первоначального культа, являлся верховным божеством среди всех богов, почитаемых в Тескоко.

Тлалок, бог дождя, — древнее божество, восходящее ко временам толтеков. Кольца вокруг глаз, клыки и завиток над губами позволяют легко отличить этот образ от прочих членов мексиканского пантеона. Главные храмы в Теночтитлане были посвящены ему совместно с Уицилопочтли, и умилостивление его было жизненно необходимо для всего Мексиканского плоскогорья, поскольку ему был подвластен дождь (см. табл. 59, наверху слева).

Почитание Кецалкоатла — «пернатой змеи», бога культуры и планеты Венеры — было, повидимому, широко распространено; но ему поклонялись в разных видах. В противоположность Тескатлипоке, чьими функциями и внешностью наделялись местные боги с разными именами, Кецалкоатл обладал несколькими образами, разделяемыми им с различными божествами. Скульптуры в Теотиуакане и Чичен Ице показывают, что там почиталась «пернатая змея», а в местных рукописях упоминаются Кецалкоатл и Кукулкан (его имена на языках науатл и майя, имеющие одинаковое значение) *. В Теночтитлане сохранилось много свидетельств существования культа «пернатой змеи», но летописи упоминают о Шиукоатле — «огненной змее», как и об обычном боге-змее. Наименование Кецалкоатл также присвоено бородатому богу с выступающей нижней частью лица, называемому одновременно и Ээкатл, т. е. «бог ветра». В некоторых частях территории Миштеки — Пуэблы и в долине Мехико, как мы уже видели, находятся подтверждения того, что «белый» Тескатлипока носил имя «Один тростник», обозначав-

* Мексиканское имя Кецалкоатл («кецал» — перо, «коатл» — змея) является, вероятно, переводом имени этого бога у майя — Кукулкан («кукул» — перо, «кан» — змея). — Прим. ред.

шее дату, являющуюся синонимом к имени Кецалкоатл (см. табл. 23, 53; 59, наверху, справа).

Помимо этой путаницы с Кецалкоатлом, богом культуры, в хрониках и мифах повествуется о Кецалкоатле — великом царе, принесшем культуру толтекам и удалившемся на восток с тем, чтобы вновь возвратиться впоследствии. Монахи решили использовать этот миф, как доказательство того, что апостол Фома посетил в свое время Мексику и обратил в христианство жителей, затем вновь вернувшихся к язычеству. Стремясь оправдать завоевание, монахи придавали огромное значение мифу о белокуром боге, обещавшем, при прощании со своим народом, вернуться к нему с востока по морю. Однако Кецалкоатл летописей долины Мехико никогда не был белокурым. Его обычно изображали с черной бородой и раскрашенным лицом, если только и он не был представлен в виде бога ветров в маске — Ээкатла.

Уже одной этой путаницы между человеком и богом, принимавшим такое множество видов, достаточно, чтобы поставить втупик историка. Но мало этого: мы, к нашему великому удивлению, обнаруживаем, что титул Кецалкоатл давался не только правителям теотиуаканских толтеков, но был также присвоен в Теночтитлане главным жрецам, хранителям учености того времени. Видными авторитетами поддерживалась гипотеза о некоем мексиканце, по имени Кецалкоатл, поселившемся в Юкатане, достигшем там высокого положения и усвоившем культуру майя. Впоследствии он будто бы возвратился в Мексику, показал народам плоскогорья один из вариантов календаря и научил их также многим другим полезным искусствам. Другие, более романтически настроенные историки готовы видеть в Кецалкоатле ирландца, древнего скандинава или даже выходца из Атлантиды, внезапно появившегося в Мексике, распространяя вокруг себя благодать и свет. Я лично думаю, что введение элементов более высокой культуры, как и создание местных ремесл, могло не только повести к выдумке бога культуры, но даже к присвоению отдельным преобразователям и новаторам имени этого бога. Противоречивые данные о Кецалкоатле наводят меня на мысль, что его имя и понятие о нем не имеют своим источником предание о каком-нибудь одном человеке, — это, скорее, объединение сложившихся за продолжительный период времени представлений о причинах введения усовершенствований, способствовавших физическому благополучию и духовному благосостоянию ацтеков.

Великие боги неба отражали дуалистические взгляды ацтекской религии на строение мира, служившего театром никогда не прекращавшейся символической борьбы между светом и тьмой, жаром и холодом, севером и югом, восходящим и захо-

дящим солнцем. Даже звезды делились на две армии — востока и запада. В культе это мировоззрение выражалось гладиаторскими боями, нередко смертельными; великие военные ордена — «рыцарей Орла» Уицилопочтли и «рыцарей Оцелота» Тескатлипоки также отражали этот конфликт между днем и ночью. Идеей священной войны были проникнуты весь ритуал и представления ацтекской религии (см. табл. 39, посредине слева; 40).

В то время как великие боги, верховные божества племен, были в основном связаны с небом, существовало много других богов, покровительствовавших и росту и плодородию. У этих богов нередко были жены и подруги-богини, что свидетельствует, повидимому, о зарождении в ацтекской религии идеи о мужском и женском началах. Тлалок, бог дождя, управлял ростом и произрастанием, а его подруга — Чалчиуитликуэ («владычица в бирюзовом платье») — ведала озерами и реками. Эта богиня была центром важного культа; ее изображали в виде прекрасной девушки в роскошном платье. Шипе («ободранный») символизировал весну, а его отличительная одежда — человеческая кожа — означала новый растительный покров, которым земля одевается каждый год. Жрецы Шипе во время церемоний в его честь соблюдали этот символизм в своей одежде и одевали кожу, снятую с пленников (см. табл. 28, вверху слева; 59, вверху слева; 61, посредине слева).

Богини кукурузы были молоды и красивы, и, вероятно, представления о них восходят к богиням «Средней культуры»; Чикомекоатл («семь змей») была богиней урожаев и пищи и отождествлялась с кукурузой, главным продуктом питания ацтеков. Шилонен — «мать молодой кукурузы» и Шочикецал — «птица-цветок» — были воплощением роста и, по аналогии, молодости и игр. Их мужскими двойниками были такие боги, как Синтеотл, «бог кукурузы», Шочипилли, «вождь цветов» и Макуилшочитл «четыре цветка», функции которых, связанные с ростом, молодостью и играми, почти одинаковы (см. табл. 31; 56 наверху слева; 57 внизу справа).

С агавой сопоставлялся другой культ, относившийся к богине Маяуэл, представлявшей агаву, и ее 400 сыновьям, ассоциировавшимся с пульке. По некоторым сведениям, разные степени опьянения обозначались именами этих богов или принадлежавшего им животного — кролика. Четыреста кроликов обозначали полное опьянение, тогда как пятнадцать или двадцать — всего лишь веселое настроение. Старший среди этих богов пульке назывался «два кролика», по его дню в календаре, а другой — Тепостекатл — был племенным богом Тепостлана, и в честь его высоко в горах Морелоса был воздвигнут храм.

Очень важное место занимали боги земли и смерти, поскольку все растет из земли и та же земля принимает мертвых. Вос-

ходящее солнце кажется родившимся в земле, а заходящее солнце как будто скрывается в ней и переходит в царство мертвых. Боги и богини, связанные с землей, почитались как в культе солнца, так и в культе богов роста и плодородия.

Тлалтекутли — владыка земли — изображался чудовищем мужского пола, ужасающего вида, обладающим чертами жабы и аллигатора. Его открытая пасть могла проглотить даже солнце, поскольку заходящее солнце, в соответствии с астрономическими представлениями ацтеков, садясь, уходило в землю. Но культ богинь земли был распространен шире, и глиняные изображения в их честь продолжали непрерывную традицию фигурок «Средней культуры». Коатликуэ («владычица в змеином платье») была матерью богов, изображаемых в виде звезд, но почиталась и как мать Уицилопочтли. О том, насколько она была важна, можно судить по изображающей эту богиню большой статуе, находящейся в г. Мехико, шедевру религиозного искусства. Ей был, несомненно, посвящен отдельный храм. Коатликуэ также представляли в виде матери с ребенком на руках. Ее изображение в виде богини-матери было повсеместно распространено — его можно было найти чуть не в каждом доме в долине Мехико. Богине Тонанцин («наша мать»), являвшейся, быть может, лишь одним из проявлений той же самой богини, или Сиуакоатл («женщина-змея») был посвящен храм в Тепеяке, где сейчас находится храм Гвадалупской богоматери. Первые миссионеры перенесли культ Тонанцин на богоматерь — это показывает, как умно они действовали при обращении ацтеков в христианство. Широко был распространен культ богини Тласолтеотл («пожирательницы грязи», известной также в качестве «матери богов»). Первоначально она была богиней земли, а затем представление о ней, единственной из всех богинь, приобрело этическое значение, так как пожирание ею отбросов означало уничтожение грехов человечества. С ее культом связано развитие обряда исповеди (см. табл. 54—55).

Из многочисленных божеств, связанных со смертью, выделялись Миктлантекутли и Миктлансиуатл («владыка области смерти» и «владычица области смерти»). Они носили маску из человеческого черепа, и украшением им служили человеческие кости или их изображения. Эти два божества правили севером, а также преисподней. Они не несли никаких карательных функций, поскольку в их владение попадали все умершие, за исключением погибших на войне, принесенных в жертву, утонувших и умерших во время родов (см. табл. 55, внизу слева).

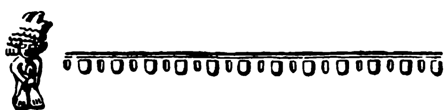
Это неполное описание богов и богинь, населявших ацтекский пантеон, дает представление о разнообразии их назначения и характеров, более подробно освещенных в табл. X. Человек, который попытался бы поклоняться такому количеству богов,

мог бы оказаться в невыносимом положении. Но даже современные навахо проводят треть своего времени в совершении обрядов, хотя они не пользуются и половиной тех экономических благ, которыми располагали ацтеки. Древние мексиканцы отводили обрядности еще больше места, чем это делают христианские секты с наиболее сложным ритуалом, хотя отношения ацтеков к их богам не слишком отличаются от отношения христиан к их святым, как бы ни разнились между собой конечные цели обеих религий.

Жрецы устанавливали обряды и руководили их выполнением, верующие поклонялись преимущественно тем божествам, от покровительства которых непосредственно зависела их жизнь. Но ацтеки думали о своих богах главным образом как о существах, наделенных большой физической силой, и мало думали об их духовном облике.

Культ ацтекской религии был таким же сложным, как и их представления. Организация жречества отражала пирамидальную структуру социального устройства, а обряды были выработаны в соответствии с ритуальными требованиями календаря и времени года. В следующей главе мы опишем жречество, обряды, а также ацтекские методы счисления времени.

Глава XI

КУЛЬТ

Религиозная организация празднества и связь между культом, календарем и письменностью

Жречество играло очень важную роль в руководстве жизнью общины. В ранних примитивных общинах имелось два вождя: один, ведавший делами войны, другой — делами религиозными. Нам неизвестно, входили ли в состав жречества рядовые члены племени, выполнявшие ритуальные действа при совершении тех или иных обрядов, или же жрецы представляли собой отдельную касту людей, чья жизнь была целиком посвящена отправлению культа. Весьма вероятно, что первоначально религиозные обряды выполнялись избранными членами племени, наряду с несением племенных обязанностей, но впоследствии, по мере усложнения ацтекской культуры, многообразие их функций выделило жрецов в корпорацию постоянных должностных лиц.

В Теночтитлане «вождь мужчин» и «женщина-змея» руководили и гражданскими и религиозными делами, причем первый непосредственно управлял церемониями, а второй — наблюдал за храмами, формальной стороной выполнения обрядов и внутренними делами жречества. Два верховных жреца возглавляли отправление культа в честь бога войны Уицилопочтли и бога дождя Тлалока, главных божеств, почитавшихся в Теночтитлане. Жрецов называли Кецалкоатл Тотек-тламакаски и Кецалкоатл Тлалок-тламакаски. Имя Кецалкоатла присваивалось им, вероятно, как почетный титул в память бога культуры и знаний, являвшегося высшим идеалом для жрецов. Вторые имена относятся к богам соответствующих культов, третье слово означает жрец. Ниже этих двух лиц стоял третий жрец — Мешикатл-Теоуацин — ведавший религиозными делами города и завоеванных селений. Два помощника наблюдали за воспитанием в школах для граждан-воинов и жрецов. Другие чиновники следили за обрядами, связанными с пульке.

Следующими по чину были жрецы, ведавшие культом, храмом и ритуалом каждого отдельного бога или богини. Во время совершения обрядов они облачались в одежды своего божества и

воплощали его на земле. Эти жрецы в свою очередь располагали толпой подручных, а у последних были помощники в лице кандидатов на жреческие должности, составлявшие низшую ступень жреческой иерархии. Существовали, очевидно, и жрицы, поскольку при некоторых храмах были открыты школы для их обучения. Как легко можно предположить, религия с таким сложным культом, стоявшим значительно выше понимания масс, должна была породить широкое распространение колдовства, практикуемого знахарями обоих полов. Несомненно, корни многих из этих не получивших официального признания обрядов восходят к ранним стадиям развития ацтекской культуры, и в наше время, хотя формально ацтекская религия почти полностью выкорчевана, у туземного населения все еще распространены многие из древних обрядов врачебной магии.

Жрецы ацтеков руководили духовной жизнью племени. Они вырабатывали культовые обряды и умели внушить народу ощущение могущества и близости богов. Сложные астрономические и математические вычисления, при помощи которых солнечный и религиозный календарь приводился в согласие с ежегодной сменой времен года, также входили в круг обязанностей жречества. Жрецы руководили танцами, представлявшими подобие массовой драмы с сюжетом, заимствованным из мифологии. Жизнь ацтеков под руководством жрецов превратилась в своего рода чередование ритуальных обрядов, и это непрерывное выполнение последних еще более упрочивало положение жрецов как исполнителей божественных велений.

Создается впечатление, что жрецы никогда открыто не проявляли своей светской власти. Располагая средствами для толкования воли богов, они находились в положении, обязывавшем их выполнять чрезмерные требования культа гораздо строже, чем это делал народ. Если бы нужно было одним словом охарактеризовать ацтекский образ правления, его следовало бы назвать теократией. Боги правили; жрецы толковали волю богов и были посредниками между ними и народом; последний подчинялся, но не жрецам, а тому жизненному ритму, в котором проявлялась сущность божества.

Основой культа являлся календарь. Он состоял из двух разделов: ритуальной последовательности дней — тоналпоуалли (табл. XI—XVI) и солнечного календаря (табл. XVII), разделенного на восемнадцать двадцатидневных месяцев и пятидневный несчастливый период. В этом календаре названия месяцев были связаны с разными сельскохозяйственными культурами, что указывает на происхождение счета времени от земледельческих работ. Комбинация обеих систем позволяла вести летосчисление не по системе бесконечно нарастающих лет, как у нас, а разделять его на 52-годичные циклы.

Тоналпоуалли, иногда ошибочно называемый тоналаматл

(по названию содержащей его книги), представляет собой священный календарь. Он обнимал период в 260 дней, либо имевший магическое значение, либо основывавшийся на каких-то астрономических явлениях (каких именно — до сих пор не выяснено). Этот период складывался из двадцати названий дней ацтекского месяца, сочетавшихся с числами от единицы до тринадцати (табл. XI). Когда цифровой ряд исчерпывался, он начинался снова; список дней по окончании повторялся опять. Таким образом, четырнадцатый день из двадцатидневного ряда названий дней обозначался цифрой один, пятнадцатый — цифрой два, и так далее до семи для двадцатого дня. Затем, когда возобновлялась серия названий дней, первый из них получал порядковое число восемь. Этим путем в 260-дневном периоде каждый день имел свое особое обозначение, достигаемое в результате сочетания одного из двадцати названий дней с одним из тринадцати чисел. По окончании одного периода следовал без перерыва следующий, как показано на табл. XI.

Далее этот священный период подразделялся на двадцать недель по тринадцати дней в каждой (табл. XII). Каждая неделя начиналась числом один и с того названия дня, какое приходилось в соответствии с периодическим повторением ряда названий дней. Таким образом, в пределах периода тоналпоуалли ни один день какой-либо недели не мог совпасть с обозначением дня другой недели, поскольку одинаковое сочетание этих двух элементов не могло повторяться.

Каждый день в двадцатидневном списке (табл. XIII) и каждая из двадцати «недель» (табл. XIV) были посвящены богу или богине. Боги недель следовали в том же порядке, что и боги дней, с той разницей, что бог одиннадцатого дня пропускался, так что следовавшие за ним передвигались на одно место каждый. Остающееся благодаря этому свободное место в двадцатой неделе заполнялось двумя божествами, которые в эту неделю почитались совместно. Иногда вводилось еще одно усложнение, в силу которого девять богов и девять богинь друг за другом управляли ночами тоналпоуалли или священного периода (табл. XIV). Наконец, власти тринадцати из этих богов были отданы тринадцать часов, на которые был разбит день у ацтеков (табл. XV), а девяти из них — ночные часы (табл. XVI). Имена и иероглифы приведены в приложенных таблицах.

Жречество обязано было ублаготворить весь этот внушительный пантеон богов и чествовать их в надлежащее время. Частным же лицам надлежало, прежде чем предпринять какое-нибудь дело, установить, какое именно божество следовало умилостивить в этот день.

До нас дошло несколько тоналаматлов. Эти справочники для руководства жрецов сделаны на бумаге из коры дикой смоковницы, хотя некоторые списки, составленные после завоевания,

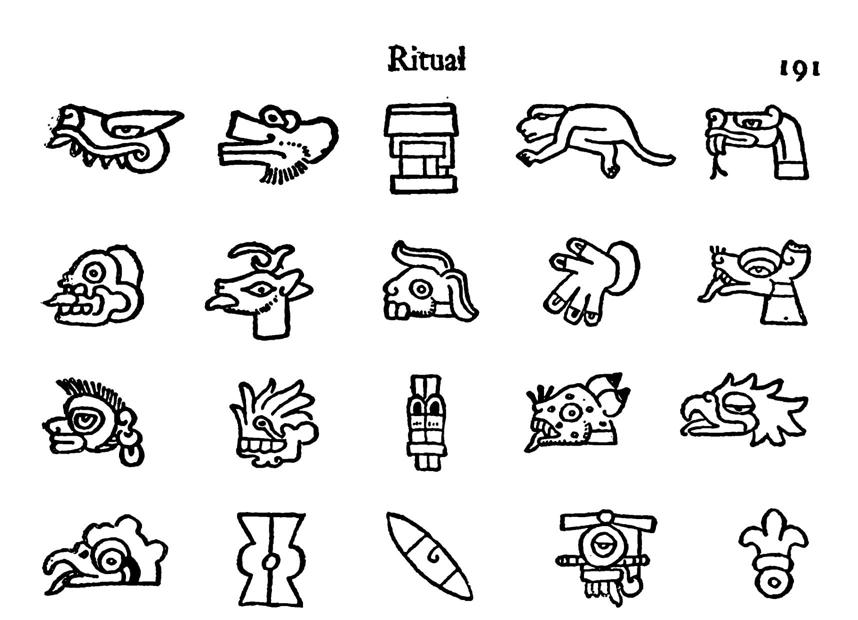

Рис. 1 Иероглифы ацтеков для обозначения дней календаря.

Сипактли Крокодил	*Эекатл* Ветер	*Калли* Дом	*Куэцпаллин* Ящерица	*Коатл* Змея
Микистли Голова смерти	*Масатл* Олень	*Точтли* Кролик	*Атл* Вода	*Ицкуинтли* Собака
Осоматли Обезьяна	*Малиналли* Трава	*Акатл* Тростник	*Оселотл* Оцелот	*Куаутли* Орел
Коскакаутли Гриф	*Оллин* Движение	*Текпатл* Кремневый нож	*Киаутл* Дождь	*Шочитл* Цветок

написаны на европейской бумаге. Одна из этих древних книг представляет длинную полосу бумаги, выделанной и загрунтованной для последующей разделки и для удобства сложенной на манер ширмы. Каждой неделе отводились иногда одна, а чаще две развернутые страницы. Большой рисунок в красках изображал божество, которому была посвящена данная неделя, другие фигуры представляли второстепенных богов и предметы, относящиеся к их культу, например шипы, курильницы для ладана, алтари и т. п. Остальная поверхность листа была разделена на квадраты, в которых рисовались названия и числа дней, боги и богини, связанные с каждым днем, и иногда их науал — те птицы или животные, чей облик могло принять данное божество. Очевидно только посвященный мог пользоваться этим справочником, сделанным в форме картинок без пояснительного текста. Однако, на счастье исследователей истории Мексики, некоторые монахи составили после завоевания со слов самих индейцев пояснения к нескольким рукописям (см. табл. 59, внизу).

Однако основные ацтекские обряды совершались в соответствии с солнечным годом, состоявшим из восемнадцати месяцев и двадцати дней каждый и пятидневного периода, считавшегося несчастливым (табл. XVII). Названия месяцев заимствовались из земледельческой практики, а дни месяца обозначались дополнительными числами, помимо их названий и чисел по тоналпоуалли, описанных выше. Годы именовались по дню тоналпоуалли, на который падал первый день года.

Год мог начинаться только четырьмя днями из двадцати дней с разными названиями, что легко проверить простым математическим вычислением. Триста шестьдесят пять (число дней в году), разделенное на двадцать (количество названий дней), дает в остатке пять. Таким образом год может начинаться только с четырех названий дней. «Дом», «Кролик», «Тростник» и «Кремневый нож» должны всегда повторяться в качестве новогодних дней, поскольку они являются третьим, восьмым, тринадцатым и восемнадцатым днями в списке, т. е. отделены друг от друга пятью названиями. Так как на тринадцать — число дней недели — триста шестьдесят пять делится с остатком в единицу, то порядковый номер для недели увеличивался каждый год на единицу. Таким образом годы отличались друг от друга по их числу — «первый день Кролика», «второй день Тростника», «третий день Дома», «четвертый день Кремневого ножа», «пятый день Кролика» и т. д., пока число тринадцать и четыре названия дней не начинали повторяться, что случалось каждые пятьдесят два года (13 × 4). Таково математическое обоснование ацтекского цикла, или самой крупной единицы времени. Дальше этого летосчисление в долине Мехико не пошло, и никаких различий между циклами установлено не было, — они определялись лишь по косвенным признакам. Следовательно, здесь получается такая же путаница в отнесении событий к определенному времени, какая бы получилась, если бы мы называли какой-нибудь год в пределах столетия, не указывая, к какому именно веку до начала нашей эры или после нее он принадлежит. Так, открытие Америки датировалось бы 92-м годом, а объявление независимости США — 76-м годом, и только знание истории позволило бы отнести эти события соответственно к XV и XVIII вв. (см. табл. 62, вверху слева; 63).

Расхождение между календарем и астрономическими годами, выправляемое нами путем прибавления каждые четыре года одного дня к двадцати восьми дням февраля, было трудно урегулировать ацтекскими способами, поскольку почти все счисление времени зависело от точной математической последовательности дней. Некоторые ученые считают, что ацтеки допускали отставание своего календаря, другие полагают, что разница покрывалась за счет несчастливого пятидневного периода. Третье

предположение объясняет устройство праздника каждые восемь лет, как знак введения одного недатированного дня, пропускаемого в тоналпоуалли данного года, но отмечаемого особыми обрядами (см. табл. 58, посредине).

Но как бы ни улаживался вопрос с високосным годом, окончание одного цикла и начало нового всегда праздновалось с большой торжественностью, причем каждый цикл из ритуальных соображений начинался со «второго дня Тростника». Тоналаматлы, относящиеся к территории Миштеки — Пуэблы, показывают, что жрецы наблюдали планету Венеру и принимали в расчет ее 584-дневный год; по истечении каждых двух циклов (104 года) происходила грандиозная церемония, имевшая большое религиозное значение, так как тогда совпадали друг с другом начало счета Венеры, солнечное летосчисление, 52-годичный цикл и тоналпоуалли.

Хотя ацтеки долины Мехико и не применяли летосчисления по планете Венере, они праздновали смену циклов чрезвычайными торжествами. Они представляли себе переход от одного цикла к другому как смерть одной жизни и начало новой. Мысль о том, что природа может и не продлить их существование, придавала церемонии глубокую торжественность. Обряд «Нового огня» символически состоял в том, что на алтаре тушили огонь, горевший беспрерывно 52 года, и зажигали новый, как знак дарования новой жизни (см. табл. 29, верхний ряд).

В течение пяти несчастливых дней (немонтеми) последнего года цикла люди гасили свои очаги и разрушали всю обстановку в доме. Эти дни народ знаменовал постом и плачем и ждал катастрофы. Беременных женщин запирали в амбары, чтобы они не обратились в диких зверей, а детей заставляли ходить взад и вперед и бодрствовать из страха, что сон в эту роковую ночь может обратить их в крыс.

На закате солнца жрецы в торжественном облачении, представляя весь сонм богов ацтекского пантеона, всходили на «Холм звезды», называвшийся в древнее время Уишачтекатл. Этот кратер потухшего вулкана круто поднимается со дна долины Мехико и виден почти из любой ее точки. В храме на вершине холма жрецы всю ночь тревожно вопрошали небо, пока определенная звезда или звезды — Альдебаран или Плеяды — не достигали зенита и тем самым не возвещали о том, что мир продолжил свое существование.

В момент, когда эти звезды проходили меридиан, жрецы хватали деревянное сверло для получения огня и зажигали новый огонь во вскрытой груди человека, тут же умерщвлявшегося для этой цели. Весь народ — жрецы, вожди и общинники — ликовали. Скороходы факелами переносили новый огонь на алтари храмов в каждом городе и деревне, а народ нес огонь к

своим очагам. Подобно светящимся жукам мчались факельщики в ночь, как бы возвещая этим новую жизнь каждому человеку. С рассветом народ, более чем когда-либо преданный своим богам, вновь собирался, обновлял свои храмы, убирал дома и изготовлял новую утварь для храмов и домашнего обихода. Устраивались пиры, где ели особые блюда; в знак признательности к богам устраивались жертвоприношения — люди пускали себе кровь или умерщвляли пленников.

Другая замечательная церемония происходила в «Четвертый день землетрясения» (символизировавшего текущую эру). Она олицетворяла небесный путь солнца. На рассвете этого дня пленник, одетый, как бог солнца Тонатиу, поднимался на платформу, где был установлен «календарный камень». Четыре жреца распластывали жертву, а пятый вскрывал ей грудь, вырывал сердце и приносил в жертву богу. После этого население праздновало до полудня, нанося себе раны на теле и надрезая уши ножами из обсидиана. Во второй половине дня «рыцари Орла» и «рыцари Оцелота», последователи солнечного культа, танцовали, воспроизводя священную войну, во время которой солнце умерщвлялось, с тем чтобы вновь родиться на следующий день. Танец завершался битвой. Избранные «рыцари Орла» и «рыцари Оцелота», вооруженные настоящим оружием, убивали пленного воина, избранного в жертву за его военные доблести. Этого воина привязывали к круглому камню, представлявшему солнечный диск, и давали ему возможность защищаться только бутафорским оружием * (см. табл. 60, вверху направо и внизу).

Особый вид жертвоприношения был связан с культом бога Шипе. Возможно, что он послужил прототипом жертвоприношения, совершаемого племенем пауни, живущим в западной части США, в честь утренней звезды. По мексиканскому ритуалу жертву привязывали к помосту, и жрецы, вооруженные луками или атл-атлами, убивали ее своими стрелами.

Ацтеки справляли отвратительный обряд в честь бога огня, Уэуэтеотла. Военнопленные и взявшие их в плен воины совершали танец в честь этого бога, а на следующий день пленники поднимались на вершину платформы, где им бросали в лицо порошок яутли (индейская конопля), чтобы одурманить их перед ожидавшей их страшной участью. Разжигался большой костер, каждый жрец хватал по одному пленнику и, связав ему руки и ноги, клал к себе на спину. Вокруг горящего костра совершался танец смерти, и один за другим жрецы бросали свои ноши в огонь. Прежде чем наступала смерть, которая могла бы прервать мучения жертв, жрецы вытаскивали их большими крюками из огня и вырывали сердца из обожженных тел.

В отличие от бессердечной жестокости этого жертвоприноше-

* *D. Durán*. Historia de las Indias de Nueva Espana, Mexico, 1867—1880, II, стр. 155—160. — Прим. автора.

ния обряд в честь бога Тескатлипоки представлял в высшей степени драматическое действо. Уже за год до совершения обряда среди военнопленных выбирали самого красивого и храброго. Жрецы учили его вести себя, как подобает правителю, и, когда он разгуливал по городу, играя божественные мелодии на своей флейте, ему воздавали почести, следуемые самому Тескатлипоке. За месяц до дня его смерти четыре красивые девушки, одетые как богини, становились его подругами и выполняли каждое его желание. В роковой день смерти он прощался со своими плачущими супругами и возглавлял процессию в свою честь, отмеченную ликованием и радостью. Затем он прощался со своей пышной свитой и удалялся в маленький храм в сопровождении восьми жрецов, ухаживавших за ним в течение истекшего года. Жрецы поднимались впереди него по ступеням храма, а он шел сзади, ломая на каждой из них по флейте, на которых он играл в счастливые дни своего воплощения. На верху платформы жрецы опрокидывали его на жертвенный камень и вырывали у него сердце. Тело жертвы, из уважения к ее прежней божественности, не сбрасывалось, а уносилось по лестнице: голову насаживали рядом с другими черепами на особую стойку возле храма (см. табл. 61, вверху).

Нетрудно понять, что подготовка ко всем этим и подобным обрядам, изготовление сложных костюмов и само выполнение обрядов поглощали значительную часть рабочего времени всего племени. Влияние культа проникало во все виды его деятельности и даже игры и спорт имели религиозное значение, хотя для участников они, несомнено, служили также забавой и развлечением.

Такой игрой была тлачтли — игра в мяч. В мяч играли во дворе, имевшем форму римской цифры I. С двух сторон стержень цифры окаймляли стенки и посредине каждой из них было вертикально установлено каменное или деревянное кольцо, в противоположность горизонтальному положению обруча в баскетболе. Игроки должны были кинуть сквозь это кольцо твердый каучуковый мяч; его можно было толкать лишь локтями, бедрами или ногами. Счет очков производился, повидимому, не только по голам, так как голы было очень трудно забить. Эта игра была очень популярна: площадки для нее были обнаружены от Гондураса до юго-восточной Аризоны. Для нас эта игра особо интересна, поскольку в описании этой игры, сделанном Овиедо в XVI в., встречается первое описание каучука, имеющего такое огромное значение в современной экономике * (см. табл. 57, внизу слева, рис. 3).

---

* *Gonzalo Hernández de Oviedo y Valdés,* Historia General y Natural de los Indias Occidentales, Madrid, 1851—1855 г., т. I, стр. 165; *Durán D.*, Historia de las Indias, II, 1880 г., ч. 2, гл. 101. — Прим. автора.

Были у ацтеков и азартные игры, иногда носившие культовый характер. В одной из этих игр, патолли, применялась доска в форме креста, с разлинованными на концах квадратами. Макуилшочитл — «бог пяти цветков», бог всех игр — иногда изображался в сопровождении игроков в патолли.

Для другого популярного развлечения устанавливался высокий столб, на верху которого укреплялась подвижная площадка. Вокруг площадки были навиты канаты, к концам которых привязывались игроки, одетые богами или птицами, в которых эти боги могли превращаться. Игроки соскакивали с площадки, при этом канаты, разматываясь, вращали площадку; создавалось впечатление, что описывавшие круги люди летят по воздуху. С каждым оборотом люди-птицы приближались к земле, причем они меняли положение тела и двигали крыльями, представляя поднимающихся и снижающихся парящих птиц. Это скромное применение принципа скольжения создавало, вероятно, красочное и эффектное зрелище. В некоторых частях Мексики можно до сих пор видеть это представление.

По мнению ацтеков, для жизни человека нужно было, чтобы боги, покровительствующие ему, также пользовались благополучием и довольством. И лучшей пищей для них служило самое драгоценное в жертве — человеческое сердце. Так установился порочный круг, ведший к принесению жертв во все возрастающих масштабах. Боги проявляли свое могущество и свое расположение к ацтекам, содействуя их процветанию, но ацтеки в свою очередь для снискания их расположения должны были приносить им в жертву человеческие сердца. Значительная доля благополучия племени зиждилась на военных успехах, поэтому наиболее угодным видом жертвы были сердца врагов, так как их труднее всего было добыть: пленники доставались только в результате одержанных побед на войне. Но успехи оружия опять-таки зависели от проявления божественной милости. Так создавалась бесконечная последовательность все расширяющихся кругов от жертв — к войне, от войны — к жертвам. В следующей главе будет описано влияние этих порядков на внешние дела ацтеков * (см. табл. 60, вверху).

Военнопленные представляли наиболее ценный вид жертвы, и чем они были храбрее и выше рангом, тем более они ценились. Рабов убивали для второстепенных обрядов, в редких случаях умерщвляли женщин и детей при совершении ритуалов, связанных с плодородием, — для магического воздействия на рост растений. Иногда практиковалось обрядовое людоедство, так как полагали, что пожирающему человеческое мясо могут передаться

* Войны ацтеков велись, конечно, в первую очередь не для того, чтобы захватить жертвы для богов, а с целью грабежа и подчинения соседних племен, на которые накладывалась дань. — Прим. ред.

добродетели съеденного. Кровопускание также служило средством для обеспечения благосклонности богов, и люди прибегали к отвратительному самоистязанию, нанося себе раны ножами или продергивая сквозь язык веревку с нанизанными на ней шипами агавы. Чем выше было общественное положение какого-нибудь лица и чем шире, следовательно, были его познания в области культа, тем ревностнее обязано было оно соблюдать посты, покаяния и пытки, предписанные культом. Жрецы должны были в полной мере сознавать свою ответственность перед обществом и стремиться обеспечить благополучие своего племени строгостью личной жизни (см. табл. 61, внизу справа).

Пиктографические записи ацтеков говорят о человеческих жертвоприношениях и самоистязаниях как о чем-то вполне естественном, но редко называют количество жертв. В самом деле, ежемесячные жертвоприношения упоминаются лишь в одной из этих рукописей, составленной после завоевания. В копии с другой рукописи говорится о принесении в жертву двадцати тысяч пленников при освящении большого храма в Мехико после его перестройки. Свидетельства испанцев и обращенных индейцев в этом пункте сходятся, но трудно решить в наше время, не склоняло ли их христианское благочестие к преувеличениям. Конкистадор, насчитавший тысячи черепов на стойках возле храма в Теночтитлане, своим свидетельством как будто подтверждает правдоподобность этой цифры, но великий гуманист и друг индейцев Лас Касас уменьшает ее, когда он пишет в защиту ацтеков и призывает к более человечному обращению с туземным населением Новой Испании.

Помимо выполнения обязанностей, связанных с жертвоприношениями, жрецы занимались обучением молодежи тайнам письма и ведения хронологических записей. У ацтеков выработалось пиктографическое письмо, приближавшееся к стадии силлабического письма, напоминающее принципы иероглифической письменности Египта. Алфавита не существовало, но изображение одного животного или предмета можно было так скомбинировать с изображением другого животного или предмета, что получалось уже звуковое выражение третьего значения, наподобие нашего метода составления ребусов. Ацтеки писали название своей столицы, рисуя камень — тена, из которого пускал ростки мексиканский кактус — ночтли, а города Пантепек, — рисуя флаг — пантли на схематически изображенном холме — тепек. Использование различных цветов, расположения, омонимов и сокращений помогало вести запись звуков этим способом. Условные знаки, вроде отпечатков шагов, чтобы показать путешествие или движение, щит и дубинка — для войны, связанное тело — для смерти, давали простое обозначение того или иного действия (см. рис. 2).

Ацтекская письменность не давала возможности выражать общие понятия или отвлеченные идеи. Но подробные отчеты об исторических событиях, зафиксированные после завоевания на испанском или науатлском языках, показывают, что устные предания, заучиваемые, может быть, в форме песен или саг, дополняли эти идеографические записи.

208

Рис. 2. Цифры и методы счисления ацтеков

в) Один — точка или палец, b) двадцать — флаг, c) четыреста — значок, изображающий волосы, d) восемь тысяч — мешок, e) десять масок из драгоценного камня, f) двадцать мешков кошенильной краски, g) сто мешков какао, h) четыреста тюков хлопка, i) четыреста банок меда, j) восемь тысяч связок листьев копаловой камеди, k) двадцать корзин с тысячью шестьюстами молотых зерен какао в каждой, l) четыреста два хлопчатобумажных одеяла указанного на рисунке типа.

Числовая система была двадцатичной. Количества до двадцати ацтеки обозначали соответствующим числом точек, хотя в миштекский период этот метод был сокращен путем применения черточек, обозначавших пятерки. Для передачи цифры двадцать ацтеки рисовали флаг и повторяли его для величин в пределах четырехсот, а число четыреста (20×20) изображалось в виде значка, похожего на ель, что должно было значить «многочисленный, как волосы». Следующая единица счета — восемь тысяч ($20 \times 20 \times 20$) — имела вид мешка, что относилось, очевидно, к почти не поддающемуся подсчету количеству бобов какао в мешке (см. рис. 2).

В одной рукописи, датируемой временем после завоевания, нарисованы знаки, едва ли местного происхождения; по всей

вероятности, они представляют европейскую передачу индейской системы. Так, например, дроби в этой рукописи обозначены путем заштриховки сегментов четверти, половины и трех четвертей диска. Точно так же пятерки и цифры, кратные пяти, указаны путем закрашивания соответствующей площади флага, обозначающего двадцать, а сотни — указанием соответствующей части знака четырехсот.

Ацтекские исторические записи состояли из хроник древних времен, описания современных событий, счета годов, ежегодных отчетов, специальных записей на каждый год, книг на каждый день и дневников. Некоторые древние и современные хроники были опубликованы, но ни одна из более коротких записей не увидела света, если даже такие и сохранились в каких-нибудь книгохранилищах. В опубликованных летописях проступают два отличных друг от друга способа изложения. В одних, как «Карта Тлоцин» и «Кодекс Шолотла», излагаются различные события, называются относящиеся к ним народы или племена, а также места, где эти события происходили; все названия обозначены соответствующими иероглифами. Текст сопровождается датами, определяющими хронологическую канву. Эти тескоканские рукописи читаются с большим трудом, но, к счастью, к некоторым из них приложены глоссарии, составленные после завоевания (см. табл. 25, верхний ряд).

Другой способ — перечисление событий годов одного за другим за все время, охваченное данной летописью. События, вроде завоеваний или смерти вождей, нарисованы против соответствующего годичного значка и иногда соединены чертой. Этот тип исторических сочинений в основном ограничивался как будто Теночтитланом. Поскольку история теночков излагается точнее после 1400 г. н. э., чем до него, можно задать себе вопрос, не подготовило ли действительно уничтожение книг по приказу Ицкоатла почву для нового метода записи * (см. табл. 62, вверху; 63).

Помимо исторических хроник и священных календарей, велась запись дел племени. Этого рода записи чрезвычайно полезны современному исследователю, так как в них названия селений написаны столбцом, тогда как остальное место страницы заполнено записями о количестве золота, украшений или тканей, полученных в качестве дани. Поскольку географическое местоположение большинства этих селений известно, можно определить основные продукты производства каждой области. Другие записи приводят родословные, перечисляют занятые

---

* Тескоканским способом написаны следующие рукописи: «Карта Тлоцин», «Карта Кинацин», «Кодекс Шолотла», «Карта Сигуэнса». Способом, применявшимся в Теночтитлане, написаны кодексы: Ботурини (1576 и 1590 гг.) Теллериано-Ременсис, Ватиканский «А», «Мексиканская история» и «Карта Тепечпан». — Прим. автора.

земли и содержат сведения, относящиеся к хозяйству племени (см. табл. 62, внизу справа; 64).

К счастью, испанцы после завоевания для гражданских записей, например налоговых списков, судебных процессов и т. п., использовали не только свои, но и туземные методы письма для того, чтобы индейцы могли понимать испанский гражданский кодекс и в случае нужды обжаловать то или иное постановление. Монах Николай Тестер даже сделал попытку перевести пиктографическое письмо в силлабическое — молитва «Отче наш» в ацтекских иероглифах производит поистине ошеломляющее впечатление. Однако эта затея была слишком громоздким предприятием и была скоро оставлена. Взамен стали писать науатлские слова латинскими буквами. Но именно благодаря использованию ацтекских пиктограмм сохранилось очень много рукописей, причем значительная часть последних, как и устные комментарии, была переписана латинскими буквами на испанском и на науатлском языках. Из них мы и черпаем все наши сведения об истории ацтеков и их обычаях (см. табл. 44).

Недостатком пиктографического письма является отсутствие гибкости и непригодность для выражения отвлеченных понятий. Циклический счет времени создал большую путаницу в хронологии, и трудно определить, к какому именно циклу следует относить то или иное событие. Для пиктограмм очень важны также точность и тщательность рисунка, поскольку малейшая неразборчивая линия может привести к совершенно отличному чтению. Однако главным недостатком ацтекской истории является ее ограниченно местный характер. Авторы видели вещи только глазами своего племени и оставляли без внимания внутренние события в других общинах. В них не отражен интерес к другим народам, к их жизни и занятиям.

Глава XII

ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ И ВОЙНА

Отношения ацтекских племен между собой во время мира и войны. Характер господства ацтеков. Военная организация и способы ведения войны

В центре политической и экономической жизни ацтеков стояла община или племя. Жизнь коллектива зависела от благосклонности богов, непосредственно участвовавших в судьбах племени, так что степень разработанности и усложненности культа служила точным мерилом благосостояния племени. Общественному положению человека в общине соответствовала определенная ступень, занимаемая им в культовой иерархии, поскольку ревностное выполнение гражданских обязанностей предполагало образцовое поведение в смысле благочестия и соблюдения обрядов. Основой существования было общинное земледелие. В ранний период племена стремились именно к такому образу жизни и в поисках новых земель для поселения старались избегать столкновений с другими народами.

На заре истории долины Мехико там существовало, повидимому, несколько маленьких изолированных поселений, ведших между собой весьма незначительную меновую торговлю. Культура толтеков, повидимому, способствовала единообразному развитию на обширной территории, благодаря росту населения, захватывавшего все свободное пространство. Вначале поводов для войны или завоеваний было мало. Но в дальнейшем внутренние раздоры привели к упадку толтеков, и характер жизни в долине изменился. Сначала медленное увеличение численности племени вело к постепенному заселению незанятых областей. Но в чичимекский период многие стали покидать насиженные места из-за перенаселенности и уходили на поиски новых земель. Если даже целью каждой группы переселенцев было только приискание места для мирного занятия земледелием, все же уже самый процесс передвижения должен был вызвать войну и обусловленные ею перемены в общественном строе.

В течение всего чичимекского периода, а также и в ацтекский, племя было политической единицей, жившей в обособленной деревне и получавшей средства к существованию от своей

собственной земли. Даже когда племя вырастало до нескольких тысяч членов и деревня вырастала в город-государство, так что общественные земли переставали кормить население, в политической организации не происходило существенного сдвига. Ни у одного из вождей не было идеи объединения племен в одну могущественную империю, как это с успехом осуществили инки в Перу. Как правило, все индейцы, за единственным исключением Перу, хотя и колонизировали новые земли, но никогда не присоединяли к своему племени более слабые завоеванные общины.

Однако, когда выросшее племя становилось слишком громоздким для массовых переселений, нужно было как-то достигнуть равновесия между числом жителей и средствами существования. Один способ состоял в том, что часть племени от него откалывалась и присоединялась к другой общине, чьи экономические возможности были сравнительно мало использованы. В качестве примера подобного расщепления племени мы можем привести чималпанеков и кулуа, влившихся в развивавшуюся общину Тескоко, что способствовало развитию материальной и духовной культуры (см. табл. 29, верхний ряд; рис. 1).

Более обычным способом разрешения этого вопроса служило взимание дани с богатых, но более слабых соседей. В северной части долины вождь Кинацин из Тескоко первый ввел эту систему в самом начале XIV в., и чрезвычайно любопытно было бы выяснить вопрос: не чималпанекские ли переселенцы первые предложили данный способ, успешно практиковавшийся у них на родине? Кинацин силой оружия или убеждением заставил целый ряд селений поставлять ему всевозможные продукты. Местные вожди признали его своим владыкой, сохранив при этом свою политическую независимость. Он в свою очередь оказывал подвластным вождям полную поддержку своими вооруженными силами. Однако эти подчиненные вожди не отличались верностью и всегда были готовы восстать или перейти под власть более могущественного господина (см. табл. 42, вверху).

Когда при Тесосомоке население Аскапоцалко разрослось до того, что должно было искать новых земель, а южная часть долины была уже перенаселена, ему пришлось начать борьбу с Тескоко. Он возбудил в подчиненных государствах недовольство против Тескоко и тогда смог двинуться против своих соперников со значительными шансами на военный успех. Однако власть Тесосомока была настолько слаба, что покоренным племенам оказалось впоследствии сравнительно легко объединиться против него и уничтожить его господство.

Союзы, подобные заключенному между Тескоко, Теночтитланом и Такубой (Тлакопаном), были явлением настолько редким, что этому событию придают огромное значение, как дока-

зательству развитого чувства государственности у ацтеков. Но, повидимому, условие дележа захваченной добычи (по $^2/_5$ большим городам и по $^1/_5$ Тлакопану) оставалось в силе только во время данного похода. Позднее Тескоко и Теночтитлан вели войны, которые были выгодны им обоим, однако в ходе их каждая сторона прибегала к интригам, имевшим целью одолеть союзника, чтобы безраздельно воспользоваться всей добычей. Но примерно в середине XV в. как Тескоко, так и Теночтитлан разрослись настолько, что во избежание голода им нужно было обеспечить себя дополнительными средствами к существованию, и эта общая необходимость создала для их союза довольно прочную основу.

Несмотря на общие основы языка, мышления, религии, обычаев и материальной культуры, у ацтеков не было чувства единства. Теночтитлан и Тлалтелолко, ныне оба входящие в границы города Мехико, сосуществовали бок-о-бок в течение многих лет совершенно независимо друг от друга; лишь в 1473 г. теночки решились покорить своих соседей. Каждый город и деревня представляли самодовлеющую единицу, и жители их не чувствовали себя обязанными подчиняться кому-либо за их пределами. Даже осада Мехико испанцами не объединила ацтеков, и тескокцы с готовностью присоединились к захватчикам для уничтожения своего прежнего союзника Теночтитлана.

Хотя каждая община была потенциально враждебна другой, отдельные лица пользовались полной свободой передвижения по всей области. Торговля простейшими товарами широко практиковалась еще в первый период «Средней культуры». Во времена ацтеков странствующие торговцы выделились в особую группу, и их личная безопасность и сохранность их товаров, обеспечиваемые первоначально каждым городом вследствие выгоды, извлекаемой из их деятельности, в дальнейшем были гарантированы всей силой ацтекского оружия. Паломникам, направлявшимся на поклонение к каким-нибудь святилищам, были также обеспечены свободный путь и безопасность. О том, что такие путешествия предпринимались с очень отдаленных времен, можно заключить по нахождению в слоях «Средней культуры» фигурок чужеземного происхождения. В одном пункте — Тетелпане — обнаружено особенно много разнообразных божков, занесенных сюда с очень обширной территории, что позволяет считать его крайне важным культовым центром во времена «Средней культуры». Но все-таки ни торговля, ни религия не сломили духа общинного и политического обособления в Центральной Мексике (см. табл. 35; рис. 2).

Во внешних сношениях главную роль играла война, занимавшая, как мы видели, большое место в экономике и религии ацтеков. Ацтеки вели войну с целью самозащиты, из мести и по экономическим причинам, и все это было неразрывно связано с

потребностью в жертвах для должного отправления культа богов. Таким образом, поимка пленных была великой целью войны, однако за этим религиозным предлогом можно было разглядеть менее благочестивые побуждения политической и экономической выгоды.

Сами пленники приобретали особое общественное положение, поскольку они отправлялись после смерти на небо, предназначенное специально для воинов. Грозный тлашкалский вождь, по имени Тлауикол, был избран для принесения в жертву солнцу, однако во время обрядового турнира он настолько успешно сражался своим бутафорским оружием, что убил нескольких своих противников и многих ранил. Его помиловали и предложили ему место начальника в теночкской армии. Тлауикол, однако, отверг дарованную ему жизнь и охотно отдал себя в жертву, так как эта смерть должна была принести ему больше славы и чести. Этот рассказ характеризует нравы воинов того времени.

В армию, которой руководил вождь, входили все мужчины, способные носить оружие. Но по мере усложнения структуры ацтекского общества и увеличения количества участвующих в походах воинов военная организация стала более четкой.

Основной единицей в армии была группа в двадцать человек: несколько таких групп объединялись в более крупные единицы — от двухсот до четырехсот человек. Специальные отряды в четыре-шесть человек выделялись для разведки и набегов. Глава рода предводительствовал более крупными соединениями. Воины родов объединялись в четыре отряда, возглавляемые вождями четырех фратрий, а высшее командование находилось в руках военных вождей племени. Если армия была многочисленна, войска одной фратрии иногда подразделялись на меньшие отряды, составленные из сил двух или трех родов.

Высшие предводители племени, военный вождь, вожди фратрий и родов командовали крупными соединениями. Более мелкими руководили в соответствии со своими способностями младшие вожди и члены военных орденов, «рыцари Орла», «рыцари Оцелота» и третьего, редко упоминаемого «ордена Стрелы». Иными словами, должностные лица племени в мирное время становились его предводителями в военное. Между гражданским и военным управлением не проводилось различия, поскольку племя действовало как одно целое во время войны и мира и постоянных армий не существовало (см. табл. 34, внизу справа)..

Солдатами были здоровые мужчины племени. В телпучкалли, домах молодежи, куда поступали для ознакомления с мужскими обязанностями мальчики в возрасте пятнадцати лет, их учили владеть разного вида оружием. Во время ежемесячных больших церемоний происходили военные занятия и учебные маневры. В сражении каждый новобранец шел за опытным воином.

Главным оружием нападения служили деревянные дубины, обсаженные острыми кусками обсидиана, и дротики, бросаемые с помощью атл-атла (метательной дощечки). Применялись луки и стрелы, однако более тяжелые дротики употреблялись чаще, так как ацтеки предпочитали рукопашный бой. Некоторые воины больше любили пращи и копья. Для защиты чаще всего употреблялись плетеные щиты, покрытые кожей. Нередко их тщательно разрисовывали и украшали перьями. Ацтеки носили также род стеганых хлопчатобумажных панцырей, вымоченных в рассоле, которые покрывали все тело. Этот панцырь настолько хорошо предохранял от ударов дубиной и метательных снарядов, что испанцы быстро его заимствовали и превозносили, как более легкий и менее жаркий, чем их стальные латы. Некоторые воины надевали деревянные шлемы с тщательно вырезанными на них знаками их военного ордена. Эти шлемы служили скорее украшением, чем защитой, и увеличивали пышность наряда старших воинов. Любому члену племени дозволялось украшать свою одежду соответственно своей доблести. Главные вожди привязывали к спине огромные сооружения из перьев. Члены одного племени и даже рода носили особые значки. Поэтому друга можно было отличить от врага и начальника от простого воина. Вряд ли можно применить термин «мундир» к одежде ацтекских воинов, поскольку бесконечное разнообразие ярких красок и причудливых форм и личная изобретательность производили калейдоскопический эффект.

Снабжение вооруженных сил составляло немалые трудности. В каждом квартале города был устроен свой тлакочкалко, «дом дротиков», т. е. арсенал, в котором хранились военные запасы. Он находился возле главного храма, высокие стены которого делали его хорошим укреплением. В случае призыва к оружию вожди рода могли быстро собрать своих людей и вооружить их на этих сборных пунктах, представлявших одновременно центр религиозной и общественной жизни общины.

Наступательная война была еще более сложным предприятием. Вьючных животных не было; воинам приходилось нести на себе продовольствие. Благодаря государственной системе, оставлявшей независимость всем селениям, войска не имели права жить за счет местности, где они находились, из опасения вызвать возмущение, а также из-за того, что у большинства общин нехватало продуктов, чтобы прокормить большое войско. Поэтому еще до начала войны обычно велись переговоры, имевшие целью сосредоточить запасы и собрать союзников в каком-либо пункте, расположенном возможно ближе к району нападения. Обычно исход одного единственного сражения решал войну, поскольку нападающие не могли продержаться в поле дольше нескольких дней. Расчеты, необходимые для ведения войны в районе, скажем, за 300—500 км, в Оахаке, были

невероятно сложным делом, и, ведя войну на таком расстоянии, ацтеки формировали свои силы, повидимому, главным образом из местных жителей, хотя основное ядро комплектовалось из избранных отрядов теночков и тескокцев.

Вследствие транспортных трудностей осадные операции оказывались фактически невозможными, поэтому настоящие укрепления возводились редко. Некоторые селения просто строились в стратегических пунктах — высоко на склоне горы или в излучине реки, так что доступ к ним ограничивался узким перешейком. Теночтитлан благодаря своему островному положению на озере представлял естественную крепость. Дамбы в ряде мест пересекались каналами, и снятие перекинутых через них разборных мостов создавало естественные препятствия. С плоских крыш домов было удобно беспокоить противника на улицах, а многочисленные храмы представляли собой трудно подавляемые опорные узлы (см. табл. 37, вверху).

В одном пункте в Тлашкале обширная площадь в несколько квадратных километров была окружена длинной крепостной стеной и рвом. В Уэшотле, селении, подчиненном Тескоко, до сих пор существует стена более 4,5 м вышиной, имевшая в свое время огромное оборонное значение, хотя ее прямой функцией было ограждение площади вокруг главного храма. Шочикалко построен на высоком холме, на котором устроено несколько террас. Холм дополнительно укреплен широким рвом, охранявшим подступы к самым доступным местам. Иногда для поселения выбиралось место между двумя оврагами, что ставило непреодолимые преграды для нападающих. Все же, хотя соображения защиты и принимались в расчет при возведении городов, постройка укреплений, т. е. оборонительных сооружений в строгом смысле этого слова, производилась редко.

Полевой характер войны, трудность проведения длительных походов и необязательность воинской повинности составляли факторы, сводившие на нет развитие тактики и стратегии. Во время сражения толпа, представлявшая совокупную силу одного племени, старалась разгромить орду своих противников: та сторона, которая первой обращалась в бегство, проигрывала битву. Забрав пленных, обложив побежденных данью и сжегши храм, победители оставляли разгромленных врагов в покое.

Для достижения победы практиковались внезапные нападения, иногда дополнявшиеся вероломством. Однако этому излюбленному методу ведения войны обычно препятствовала громоздкость армии и трудность передвижения к полю боя. Чаще всего теночки и их союзники совершали ложный выпад при помощи небольшого заслона из воинов, при первом же столкновении с врагом симулировавших поражение и обращавшихся в бегство. Главные силы выжидали где-нибудь в засаде, пока не появлялся преследующий противник, тогда, ринувшись

ему навстречу, они опрокидывали его. Потери оценивались главным образом количеством пленников, поскольку в этих коротких рукопашных схватках не наносилось особого урона живой силе. Взятие в плен начальника или какое-либо другое дурное предзнаменование служило достаточным поводом, чтобы деморализовать целую армию, так что, несмотря на их храбрость и длительный опыт в ведении такого рода войны, ацтеки были мало пригодны для сопротивления солдатам, обученным европейской военной технике.

Для стратегии открывалось несколько большее поле деятельности, нежели для развития тактики боя. Как мы уже сказали, необходимо было осуществить немало сложных мероприятий, прежде чем привести войско на поле битвы. Ацтеки одерживали победы в Оахаке, Пуэбле, Западной Мексике и на побережье Вера Крус, доходя на севере до Тамаулипаса. Им приходилось двигаться шаг за шагом и запугивать или покорять город за городом, что требовало терпения и знания политических и географических условий страны. Одна из причин почета, воздаваемого торговцам, заключалась в сведениях разведывательного характера, которые они могли приобрести в своих путешествиях.

Заключение тройственного союза, упомянутого нами выше, является типичным примером ацтекской стратегии. Несауалкойотл стремился восстановить гегемонию Тескоко и ниспровергнуть могущество тепанеков Тесосомока, столица которого находилась в Аскапоцалко. Эти города были разделены озером Мехико. На обход его по суше нужно было затратить несколько дней, а чтобы перевезти войска в челноках, надо было располагать местом для высадки десанта на западном берегу. В силу этих соображений Несауалкойотл склонил Тлакопан и Теночтитлан, расположенные в тылу у Аскапоцалко и бывшие данниками упомянутого города, объявить ему войну. Этим он обеспечил себе базу, где могли пристать его лодки с войсками, и пока союзники Несауалкойотла связывали силы противника на своем участке, тескокский вождь успел провести подкрепления вокруг озера сухим путем и напасть в другом месте.

Город Чиконаутла дает другой пример подобных несложных стратегических замыслов. Этот город господствовал над проливами, через которые северные озера Сумпанго и Халтокан сообщаются с озером Тескоко. Его население могло уничтожить любые силы, плывущие в челноках на восток против Тескоко и на запад против Аскопоцалко. Войска Чиконаутлы могли также произвести нападение с фланга на сухопутные войска, идущие вдоль берега озера против одного из этих двух городов. В самом начале XIII в. этот город, став подвластным Тескоко, участвовал в роли стража его западных границ в походах против непокорных западных племен и в большой войне против Тесосомока. Впоследствии Чиконаутла, повидимому, вошел в число

подчиненных городов Теночтитлана, и его вождю оказывали почести, помещая его во дворце Монтесумы наравне с правителями гораздо более влиятельных городов-государств. Эти документальные данные подтверждаются результатами раскопок поселения. Количество и качество найденных остатков материальной культуры свидетельствуют о том, что город участвовал в торговле и дележе добычи в степени, значительно превышающей его размеры и удельный вес (см. карту и табл. 41, вверху; 42, вверху; 43).

С экономической и военной стороны военная организация ацтеков была так же примитивна, как вся их техника вообще.

В периоды мира организовывали «войну цветов». В этом обрядовом турнире, неудачное название которого не соответствует его сущности, встречались лучшие воины из нескольких государств и происходило настоящее сражение, так что можно было совершать героические подвиги и захватывать пленников, чтобы утолить голод богов. Одна прославленная «война цветов» велась в течение нескольких лет, и самые доблестные воины Тескоко, Теночтитлана и Тлакопана соперничали со славнейшими воинами Чолулы, Уэшоцинго и Тлашкалы. Воин, попадавший в плен, умирал самой почетной смертью, так как его приносили прямо в жертву солнцу. Оставшиеся в живых пожинали славу. Убитых сжигали — честь, принадлежавшая только воинам. Затем они попадали на особые небеса, служившие обиталищем воинов.

Такой способ ведения войны был неприменим при столкновении с европейцами, и когда ацтекам пришлось бороться за жизнь против испанцев, они оказали отчаянное сопротивление. Это было последней жертвой ацтекской цивилизации, когда, чтобы отвоевать себе право на жизнь, она ставила на карту самое свое существование.

Глава XIII

ОПИСАНИЕ ТЕНОЧТИТЛАНА

Что увидели испанцы, когда вошли в этот великий город ацтеков

Развитие индейской цивилизации полнее всего отражается в известной нам истории ацтеков и их предшественников. Их покорение было величайшим событием во всей истории завоевания европейцами американского континента. В 1519 г., когда Кортес и его четыреста солдат впервые высадились на американском побережье, ацтеки были в зените своего могущества, и описание Теночтитлана, заимствованное из современных рукописей самих завоевателей, несколько приоткрывает нам внешний облик индейской цивилизации в Америке.

Берналь Диас дель Кастильо * рассказывает, что его соратники, впервые узрев Теночтитлан, древний город Мехико, воскликнули: «Да это волшебное видение, о котором говорится в легенде об Амадисе. Не сон ли все, что мы видим?»

Такие выражения звучат почти лирически в устах закаленных вояк, чье главное призвание при обращении язычников заключалось в умножении награбленного добра и насиловании женщин. Но все дело в том, что по сравнению со скучными пейзажами городов и выжженных солнцем холмов Испании Теночтитлан с его зелеными садами, белыми зданиями, возвышавшимися среди голубых озер, окруженных высокими горами, должен был показаться им раем. «Глядя на такие поразительные виды, — писал Берналь Диас, — мы не знали, что говорить и существовало ли в действительности то, что стояло перед нашими взорами, так как с одной стороны на суше виднелись большие города, большие города были и на озере, озеро само было покрыто лодками, на дамбах имелось много мостов, а прямо перед нами лежал великий город Мехико, а у нас... у нас не было даже четырехсот солдат» **.

Хотя в отношении социального и государственного устройства Теночтитлан был типичным американским индейским

---

* *Берналь Диас*, Записки, т. I, стр. 133. — Прим. ред.

** *Там же*, т. I, стр. 133—134. — Прим. ред.

племенным селением, по своему виду он более походил на столичный город империи. С птичьего полета можно было бы увидеть овальный остров, соединенный с материком тремя дамбами, сходившимися в центре города. Дамбы пересекались каналами, через которые были переброшены разборные мосты. Берега острова окаймлялись зеленью «пловучих садов», а посредине находились сверкавшие белизной дома. В самом городе зелени не имелось, кроме крошечных квадратов насаждений внутренних дворов. Над квадратными очертаниями крыш возвышались многочисленные храмы родов — каждый храм на особой платформе в виде усеченной пирамиды. В городе было мало улиц и открытых площадей — его покрывала сеть каналов с переброшенными через них переносными мостами. Две главные площади — храма Тлалтелолко и религиозного центра собственно Теночтитлана — представляли собой незастроенные пространства, открывавшие глазу желанный простор после пирамид и дворцов, теснившихся вокруг них (см. табл. 37, вверху).

Если бы посетителю пришлось пересечь Теночтитлан с юга на север, его бы поразило разнообразие открывающихся перед ним видов. Приближаясь к городу по дамбе, путешественник того времени шел по перешейку между двумя безбрежными озерами. Затем постепенно начинали возникать по сторонам крошечные зеленые острова, созданные из илистой массы, начерпанной со дна мелкого озера, и укрепленные плетнями. Одетые в белое земледельцы, пробираясь по лабиринту каналов к своим участкам, ловко действовали шестом, стоя в долбленых лодочках. Эти неравномерно распределенные островки постепенно уступали место другим, группировавшимся в большем порядке, где почва уже успела укрепиться благодаря корням, проникшим вглубь и привязавшим островок к дну озера, создав плотный грунт. Эта искусственно возведенная суша оставляла воду лишь в сети каналов (см. табл. 37, внизу).

Других дорог, помимо широких дамб, не существовало; поэтому путешественнику, по мере приближения к городу, попадалось все больше груженых продуктами лодок, направлявшихся к нему по каналам. Здесь и там виднелись приютившиеся в зелени деревьев и огородов камышовые крыши и плетеные стены хижин земледельцев. Затем начинали попадаться среди садов сделанные из адобов стены более прочных, капитальных жилищ, а озеро сужалось, превращаясь в проложенный вдоль дороги канал. Наконец и эти кирпичные стены уступали место фасадам более претенциозных домов, стены которых были покрыты белой штукатуркой или натерты толченой пемзой тусклого темнокрасного цвета. Теперь посетитель мог наглядно представить себе, как расширялся город путем создания искусственных островков. На них первоначально сеяли хлеб, затем сооружали

хижины, и, наконец, они становились неотъемлемой частью городской застроенной площади.

Дамба из простого средства сообщения постепенно переходила в магистраль города во всем ее социальном многообразии. Поскольку каналы заменяли улицы, места для прогулок было мало, и дамбы служили не только артериями для передвижения транспорта и пешеходов, но и местом отдыха. Тут гуляли люди, вышедшие подышать воздухом, другие спешили по делам, иные направлялись в храм для совершения одного из бесчисленных религиозных обрядов; в этой толпе прокладывали путь вереницы носильщиков, согнутых под тяжестью своих нош. Они доставляли в город продукты и дань или же уходили из него с товарами для меновой торговли. Все грузы перевозились на спинах людей или в лодках.

За пределами города рядом с однообразными вереницами груженых носильщиков, похожих на муравьев, лишь изредка встречался чиновник, выряженный с головы до ног в перья, или важный торговец в сопровождении военной охраны и учеников, сверкающих белками глаз из-под головной повязки. Иногда можно было увидеть вождей родов в богато украшенных плащах, наблюдающих за снующей толпой с букетом цветов в руке, и жрецов в черных мантиях с изорванными ушами и засохшей кровью в волосах — следами самоистязаний. Шуму и суто́локи было мало. Одни носильщики спешили к своему месту назначения, чтобы сбросить обременяющие их плечи ноши. Тем не менее, во всем виднелась оживленная деятельность сложного коллектива, каждый член которого выполнял свою задачу, не вникая в сущность целого (см. табл. 33—36).

Мы увидели бы, заглянув внутрь какого-либо дома, что затененный дворик был окружен прохладными просторными помещениями. Цыновки и соломенные подушки на гладком красном цементном полу приглашали путника отдохнуть, а ритмическое хлопание в ладоши и скрежет камня о камень говорили ему, что в кухне, в задней части дома, готовят лепешки и мелют кукурузу. Сидевший в углу старик что-то рассказывал двум маленьким мальчикам, и по их серьезным лицам было видно, что они уже сознают свое участие в жизни племени и внимают наставлениям своего дяди о поведении, приличествующем мальчикам и мужчинам. Пухленькая девочка, сидя на корточках на пороге, тщетно пыталась своими короткими пальчиками и игрушечными инструментами подражать грациозным движениям матери, прявшей тонкую нить, ловко орудуя веретеном. Полулежавший на подушках молодой человек лениво курил тростниковую сигарету, задумчиво ощупывая едва зажившую мочку уха, истыканную шипами кактуса и изрезанную каменными ножами во время религиозной церемонии.

В другом доме шел пир, и оттуда доносились вибрирующие звуки деревянных барабанов и пронзительный визг тростниковых дудок. Дворик был заполнен народом, разряженным в пестрые, праздничные одежды, а воздух наполнен тяжелым благоуханием лилий. К этому аромату примешивался острый запах жирных соусов, к которым было прибавлено множество сортов перца. Иногда ветерок приносил запах курений. Кто-то праздновал день рождения, так как в глубине комнаты виднелась украшенная бумагой из амате разрисованная фигурка, изображавшая бога, покровительствовавшего подобным событиям. Несколько поодаль от пирующих, весело, но достойно принимающих участие в торжестве, расположилась группа стариков, чьи нелепые жесты и шутовскую важность легко объяснить тем, что перед ними стояли чаши с пульке, проворно наполняемые рабом. Недаром прошли эти старики через суровое самоограничение юности; теперь, по достижении старости, им разрешалось на всяком празднестве невозбранно предаваться хмелю. Взгляд в глубь комнаты обнаруживал музыкантов, украшенных гирляндами цветов и дующих в свои флейты и раковины, тогда как один человек бил по крыше цилиндрического барабана, а другой ударял по деревянным язычкам на боку двухнотного тепонастли.

По мере продвижения по улице путешественнику встречалось все больше жрецов. Становилось больше людей, носящих костюм высоких должностных лиц, вроде колеблющихся султанов из перьев кецала и плащей с рисунком из перьев, повторяющим личные знаки, изображенные на их круглых щитах. Очевидно, посетитель приближался к центру города; здесь дамба выходила на обширную открытую площадь, вокруг которой высились храмы на величественных пирамидальных основаниях. В резком ослепительном свете солнца, только что прошедшего зенит, дрожание раскаленного воздуха и дым курений делали неясными и нереальными очертания контуров храмов.

Короткие черные тени производили впечатление таинственности. Тошнотворный запах грязной мясной лавки, висевший в воздухе, контрастировал с безукоризненной чистотой каменных плит, устилавших двор храма. Далее высилась громадная глыба со стойками для черепов. Тысячи черепов, нанизанных на шесты, были симметрично сложены. Ничуть не смущаясь близостью этого памятника человеческих жертвоприношений, несколько молодых людей на соседней площадке для игры в мяч тренировались, толкая тяжелый каучуковый мяч локтями и бедрами и пытаясь прогнать его через два кольца, укрепленных перпендикулярно к продольным стенам, окаймляющим двор.

Положенный невдалеке круглый камень служил местом самой жестокой игры. Здесь в дни определенных церемоний привязанный пленник должен был деревянной дубинкой защищаться

от бешеного нападения противника, чье оружие было утыкано острыми как бритва лезвиями из обсидиана. Обычно его убивали, удостаивая тем самым наиболее почетной смерти — в жертву богу солнца Тонатиу, но иногда он отбивался столь успешно, что его миловали. По площади были расставлены другие камни, высеченные в виде дисков. Один из них, около 4 м в диаметре, был поставлен стоймя на особом возвышении. Покрытый мастерски выполненной резьбой, он представлял символическую историю мира. Другой камень, в виде жорнова, был положен плашмя. В углублении посредине сжигались вырванные из груди пленников сердца, служившие пищей главных богов. На поверхности камня был высечен рельефный рисунок в честь великих завоеваний военачальника Тисока, и сам он был изображен на нем в одежде бога, стоящим перед толпой пленников.

В другой части площади шли приготовления к жертвоприношению. Перед маленьким храмом, посвященным одному из бесчисленных ацтекских богов, собралась толпа — торговцы в ярких нарядах и жрецы в мрачных черных одеждах. Посредине толпы стоял раб со связанными руками, оглядываясь кругом невидящими глазами, с выражением не страха, а покорности судьбе. Жрецы подхватили его и потащили наверх по крутым ступеням храма; за ними не торопясь последовали торговцы. Два жреца схватили раба за руки, толкая его назад, а два другие потянули его за ноги вперед, пока он не опрокинулся лицом кверху на алтарь. Тогда пятый жрец погрузил ему в брюшную полость кремневый нож, вскрыл ее от груди до низа живота, просунул туда руку и ловко вырвал сердце. Еще трепетавшее сердце сожгли в выдолбленной из камня вазе, в то время как купцы, размахивая ковшами на длинных ручках, в которых горели курения, пели песни в благодарность за свое благополучное и выгодное путешествие в жаркие страны (табл. 60).

У большого здания на углу площади собралась кучка вождей, уделявших лишь самое поверхностное внимание этой благочестивой сцене. Военачальник Монтесума задумал напасть на соседний город, не уплативший дани, и вожди родов сошлись на совещание для подготовки войны. Украшенные шлемами в виде голов ягуаров, орлов и волков, покрытые панцырями из хлопчатобумажной ваты, пестро разрисованными или вытканными перьями, с украшениями из нефрита и золота в носах и губах, эти надменного вида вожди гордо проходили в дверь, но в передней перед залом совета они снимали свои украшения. С непокрытой головой и босиком, опустив глаза, они подходили к трону, на котором виднелась стройная фигура Монтесумы в простой одежде, но в золотой короне и с серьгами из нефрита — знаками его высокой должности (см. табл. 33).

Простота обстановки комнаты совещаний не распространялась на другие комнаты дворца Монтесумы, обставленные со всей роскошью жилища властелина-сибарита. Две жены военачальника и его многочисленные наложницы занимали великолепные комнаты. Кухни и склады были расположены на другом обширном участке, так как во дворце ежедневно обедало около трехсот гостей, а численность дворцовой стражи и слуг достигала примерно тысячи человек. В то же время снаружи у двери кухонь терпеливо сидели на корточках бедно одетые крестьяне, а из корзин их выглядывали крапчатые головы связанных индюшек, принесенных ими в качестве даров к царскому столу.

В прочих помещениях дворца Монтесумы хранилась казна племени, составленная из дани, добытой покорением многих селений. Повсюду в изобилии были сложены золото, нефрит, богатые плащи из перьев, корзины с продуктами. Писцы пиктографическими знаками составляли опись товарам, проверяя, как каждое подвластное селение платило дань, и подсчитывая, какую часть ее нужно будет передать распорядителю хозяйственными делами каждого рода. Следующий внутренний двор представлял более оживленную картину. Здесь упражнялись акробаты, и несчастные искалеченные карлики состязались в ужимках, стремясь вызвать улыбку на лице владыки. В других зданиях размещался зоологический сад: там лениво извивались змеи, а из-за деревянных решеток выглядывали жадные желтые глаза ягуаров и оцелотов. В боковой комнате торчала из корзины с сырым мясом человеческая рука, что доказывало, как использовались тела некоторых принесенных в жертву пленников.

На север от только что описанной большой площади, еще и поныне представляющей центр города, уходила большая дорога в Тлалтелолко. Этот широкий проезд, окаймленный с одной стороны каналом, был заполнен той же смешанной толпой, что и южная магистраль. К заходу солнца жители высыпали на крыши домов. Некоторые, перегнувшись через парапет, наблюдали за толпой внизу, тогда как праздные гуляющие, усевшись на корточках где-нибудь на затененной стороне улицы, с неменьшим интересом следили за неторопливыми движениями обитателей домов над ними.

Тропинка и канал, выходящие на главную улицу, вели к маленькому садику, в центре которого возвышалась пирамида. Со двора смежного здания доносились пронзительные крики и тупой стук дерева о дерево. На этом дворе группа мальчиков обучалась владению оружием. Каждый из них, вооруженный маленьким щитом и плоской дубинкой, постигал под высокомерным взглядом воина искусство удара и его отражения. Они награждали друг друга тяжелыми ударами и отбивали их, но дубинки их не были обсажены шипами из обсидиана, позволяв-

шими наносить такие опасные раны в рукопашных схватках во время войны. Другая группа упражнялась в обращении с атлатлом (метательной дощечкой). Мальчик укладывал свой дротик в узкий деревянный жолоб с крючком на одном конце, а другой конец зажимал в руке. Таким образом рука как бы удлинялась, и можно было метнуть дротик на значительно большее расстояние.

На другой стороне площади находилась религиозная школа, ученики которой выглядели менее оживленными. С ногами и лицом, истыканными колючками агавы, исхудавшие от постов и эпитимий, с глазами, потускневшими от скуки самоотречения, эти дети распевали строфы какой-то религиозной песни. Худое и покрытое рубцами тело их наставника, управлявшего хором, служило живым свидетельством того, что умилостивление богов составляет никогда не прекращающийся и тяжелый подвиг. Жрец, вождь, воин и земледелец — каждый ацтек с детства проводил значительную часть своего времени либо за выполнением очередного покаяния, которое должно было обеспечить ему благополучную будущность, или в состоянии благодарственного экстаза за то, что его прошлое не было слишком несчастливым.

В текапане, или в родовом доме, старейшины решали дела рода. Один старик разглядывал план, украшенный рисунками, улаживая спор двух семей относительно пользования участком земли, с тем чтобы дать окончательное заключение, сколько земли каждая из этих семей может обработать собственными силами. Другой старик раздавал беднейшим членам общины глиняные сосуды, полученные в уплату дани от города, находящегося за горами. Никто из этих людей — просителей и тяжущихся — не обращал внимания на происходящее на заднем дворе, где члены оскорбленной семьи насмерть забивали камнями прелюбодея.

Каждый из двадцати родов сам вершил свои дела. Большая площадь, где стоял дворец Монтесумы и где во множестве храмов поклонялись всем существовавшим богам, была предназначена для общего пользования всех родов. Она же служила центром для 60 тысяч семей Теночтитлана. Несмотря на первостепенное значение этой площади как религиозного и правительственного центра, ей почти не уступала большая площадь в Тлалтелолко, у северного берега острова.

Мексиканские племена, раз признавшие власть другого племени, должны были платить ему дань и поставлять воинов, но при этом их государственное и хозяйственное устройство изменялось лишь в редких случаях. Таким образом, обширный центр недавно покоренного Тлалтелолко не уступал по своей величественности теночтитланскому. Испанцам он представлялся даже более внушительным, так как его большой храм бога войны Уицлипочтли особенно выделялся благодаря широкой

рыночной площади, тогда как в Теночтитлане большие здания стояли так близко друг к другу, что трудно было представить себе, насколько они велики.

Рыночная площадь Тлалтелолко представляла собой обширное пространство, вымощенное гладкими плитами и окруженное рядами с помещениями для торговцев. С одной стороны был выкопан бассейн, сообщающийся с каналом, проходившим рядом с северной дамбой, — здесь могли приставать лодки с товарами и продуктами. Каждому виду товаров было отведено особое место. Один ряд был целиком отдан под огородные продукты, и женщины, сидевшие на корточках, прижавшись друг к другу, караулили разложенные на плетеных цыновках аккуратными кучами овощи. В другом отделе продавались хлопчатобумажные плащи — одни в развернутом виде, чтобы покупатель видел украшавший их узор, а другие — аккуратно сложенные. В третьем месте находились ряды продавцов орудий и утвари вроде лезвий из обсидиана, резной и обожженной посуды, веретенных роликов, роговых и костяных пряслиц и изредка — медных топоров и иголок. По разноцветной массе блестящих красок можно было узнать палатку продавца перьев. Некоторые продавали пучки перьев, красивые зеленые перья кецала, или трогона, либо пестрые перья попугаев. У другого торговца были выставлены плащи из перьев, цыновки и щиты, по которым можно было судить о богатстве художественной фантазии и неистощимом терпении их изготовителя (см. табл. 38—39).

Ювелиры выставляли украшения из нефрита и золотые вещи — драгоценные кольца филигранной работы и массивные кованые ожерелья. Однако именно нефрит привлекал жадный глаз покупателей, и продавцы показывали его с осторожностью, как очень драгоценный товар. Другие торговцы продавали украшения из раковин, и розовые, белые и коричневые с нежными пятнышками тона морских раковин контрастировали с темным блеском панцырей черепах. У одной лавки богатый воин упорно торговался с владельцем ее из-за чудесной пары серег, искусно выложенных мозаикой из бирюзы и перламутра.

На участке, где продавали рабов, стояли покупатели, пристальным взглядом оценивавшие живой товар.

На некоторых рабах были надеты деревянные ошейники, их лица выражали отчаяние. Они попали в рабство уже давно, в результате преступления или пленения на войне. Другие, худые и истощенные, были без знака рабства на шее: им не повезло, и они впервые продавали себя, чтобы обрести кров и пищу *.

Над базарной площадью стоял ровный гул; не слышно было оглушительных криков, отличающих европейские рынки. О ценах

* *Берналь Диас*, Записки, т. I, стр. 146—148. — Прим. ред.

торговались не спеша, спокойно, но все же упорно. У ацтеков не существовало денег, поэтому покупка совершалась обычно посредством обмена. Но бобы какао служили мерилом стоимости, и ими уравнивалась разница при обмене, так что их функции до известной степени были сходны с функцией денег. В толпе ходили воины, выполнявшие обязанности полиции, — в случае нарушения порядка они вели нарушителей во двор, где один из старейшин племени разбирал споры.

За рынком тянулась двойная линия стен, отделявших его от ограды храма города. В прямоугольных зданиях с дворами посредине помещались жрецы, разные школы и органы управления города. Далее находились важнейшие святилища. Посредине вздымался к небу огромный храм бога войны. Здесь, как и в Теночтитлане, были установлены стойки для черепов и возвышалась куча человеческих костей. Возле большой пирамиды стоял круглый храм с дверью, похожей на пасть змеи, — это было место культа Кецалкоатла. Жертвенный камень перед ним весь почернел от дыма курений и крови убитых. Груда каменных ножей и топоров красноречиво говорила о зловещем характере выполняемых здесь обрядов.

Пруды, вода в которые наливалась через трубы, отведенные от акведука, подававшего воду с материка, создавали впечатление мира и тишины. Отражения храмов, иногда искажаемые ветерком, лишь усиливали таинственность священной ограды. С суровым видом жрецов не согласовывался облик снующих взад и вперед девушек с добродетельно опущенными глазами, выполнявших разные поручения школы, помещавшейся внутри ограды. Большая пирамида и храм бога войны господствовали над всей площадью. Террасы, устроенные на равном расстоянии друг от друга, прерывали линии наклонных сторон пирамиды, отчего ее размеры казались еще бо̀льшими. Широкая лестница в сто четырнадцать узких ступеней вела кверху по западной стороне пирамиды, причем она была настолько крута, что самый храм можно было увидеть только лишь с верхних ступеней площадки, на которой он стоял.

Храм состоял из двух святилищ, построенных рядом и имевших каждое каменные стены и крыши из дерева, обмазанного штукатуркой. Через правую дверь можно было хорошо различить приземистую фигуру Уицилопочтли, высеченную из камня и покрытую мастикой, инкрустированную нефритом, бирюзой, золотом и мелким жемчугом. На статую был надет пояс из золотых змей, украшенный драгоценными камнями, а на шее висел шнур с золотыми масками, покрытыми мозаикой из бирюзы. Сбоку от него стояла статуя связанного с ним меньшего божества, вооруженного коротким копьем и золотым щитом, по обыкновению богато выложенным мозаикой.

В соседнем святилище находилось изображение Тескатли-

поки, одного из важнейших божеств ацтекского пантеона. В глазных впадинах статуи помещались зеркала из обсидиана, и в их черной глубине отражался красный отсвет вечернего солнца. Его изображение было также украшено золотом и драгоценными камнями. Высоко на деревянной крыше храма находилась маленькая фигурка Шипе, бога посевов. От курильниц поднимались клубы густого дыма, усугублявшие мрак внутри храма, стены которого почернели от крови множества жертв. В темных углах лежали груды принадлежностей культа — трубы из раковин, ножи, знамена и корзины с бесформенными кусками человеческого мяса и сердцами, по каким-либо причинам еще не брошенными на жаровни. В этих потемках неслышно скользили мрачные жрецы. Перед храмом был установлен большой барабан, которому скоро пришлось бить сигнал тревоги, прозвучавший над всем озером, когда народ оказался в смертельной опасности.

Именно отсюда Монтесума показывал Кортесу свои владения, и находившийся рядом Берналь Диас оставил нам незабываемое описание этой сцены.

«Тогда Монтесума взял Кортеса за руку и предложил ему посмотреть на его большой город и все другие города, стоявшие в воде, и многие другие города и земли вокруг озера... Так мы стояли, оглядывая все кругом, так как этот громадный проклятый храм возносился так высоко, что с него можно было очень хорошо обозреть все, и мы видели все три дамбы, ведущие в Мехико... и (акведук) со свежей водой, проведенной из Чапултепека, снабжавший город, мосты и все три дамбы, построенные на некотором расстоянии друг от друга, и заметили на озере великое множество лодок, из которых одни подплывали с запасами продовольствия, а другие возвращались груженные товарами, и увидели, что из каждого дома этого большого города и домов всех других городов, выстроенных на воде, было невозможно перейти к другому без деревянных подъемных мостов или лодок; и мы видели в этих городах «куэ» (храмы) и молельни, похожие на башни и замки и все сверкающей белизны, и это было поразительное зрелище» *.

---

* *Берналь Диас*, Записки, т. I, стр. 148—149. — Прим. ред.

Глава XIV

АГОНИЯ АЦТЕКСКОГО НАРОДА

Причины, обусловившие успехи испанцев и гибель ацтеков

Романтические обстоятельства, сопутствовавшие гибели ацтекской цивилизации, долгое время пленяли воображение европейского мира. Покорение целого народа горстью отчаянных испанских солдат — драматическая ситуация, подобную которой трудно найти.

Война у ацтеков носила четко выраженный религиозный характер. Техническая оснащенность индейцев была недостаточна. Кроме того, Кортес прибыл в конце лета, когда мексиканские племена были слишком заняты уборкой урожая, жизненно необходимого для существования, чтобы серьезно думать о военных делах. Конечной же причиной, обрекшей ацтеков на неизбежное поражение, была политическая структура индейской Мексики, не дававшая возможности использовать военные завоевания для создания мощного и прочного государства.

Ацтекская теократия оказалась непригодной для управления и ассимиляции покоренных племен, хотя со временем она и могла бы выработать надлежащий социальный механизм. Ацтеки, правда, получали дань с обширной территории, но там постоянно происходили восстания и предательства. Такое же положение, вероятно, имело место и в прочих племенах Мексики, так что политическая организация области в целом далеко не походила на империю. Многие независимые города-государства враждовали между собой, интриговали друг против друга; кроме того, их разделяли отличия в языке или диалектах, физическом типе, в экономических и географических условиях. Захватчик, располагающий хорошо дисциплинированной силой, достаточно малой, чтобы она могла прокормиться местными продуктами и, таким образом, продержаться в поле, имел все шансы добиться поразительных успехов, особенно если он любил и умел интриговать. Кортес оказался, как показали события, идеальным человеком для такого дела, и, кроме того, ему благоприятствовала психологическая реакция ацтеков на его появление.

Годы, предшествовавшие завоеванию, были, по мнению ацтеков, богаты знамениями, предвещавшими грядущие беды. Монтесума, военачальник ацтеков и любитель колдовства, пережил случай, который его совершенно потряс. Он и Несауалпилли, вождь Тескоко, как-то заспорили о достоинствах своих предсказателей, поскольку тескокские прорицатели утверждали, что страной Анауак будут править чужеземцы. Несауалпилли был настолько уверен в правильности своего толкования, что предлагал прозакладывать свои владения против трех индюков. Решить спор предстояло ритуальной игрой в мяч с Монтесумой. Монтесума выиграл две первые игры, но затем его противник

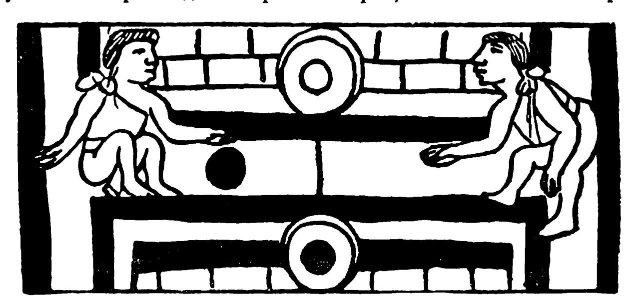

Рис. 3. Годы, предшествующие испанскому завоеванию, были полны дурных предзнаменований для ацтеков. Чтобы выяснить, были ли верны зловещие предсказания Несауалпилли, вождя Тескоко, Монтесума сыграл с ним изображенную на рисунке ритуальную игру в мяч, которую он проиграл (*Флорентинский кодекс*).

выиграл три последние подряд. Поражение должно было обескуражить Монтесуму не только потому, что ему нужно было опасаться будущего, но и потому, что его собственных прорицателей ставили так низко (см. рис. 3).

Затем одно за другим появились знамения, и все предвещало несчастья. В течение года каждую полночь вздымался огненный столб; были разрушены два храма — один внезапным пожаром, другой — молнией, не сопровождавшейся громом. Днем появилась комета, и на озере Тескоко неожиданно поднялось волнение. Шестым знамением был голос женщины, кричавшей: «Дети мои, мы погибли!». Люди находили чудовищ и приносили их вождю, но чудовища исчезали, как только он бросал на них взгляд. Но наиболее зловещим из всех знамений оказалась птица, принесенная несколькими охотниками. В ее голове находилось зеркало, в котором отражалось небо, а когда Монтесума взглянул в него вторично, то увидел толпу вооруженных людей. Он позвал своих прорицателей, чтобы они тоже посмотрели в зеркало и объяснили значение знамения, но птица улетела.

Какими бы нелепыми ни казались нам все эти рассказы, они, вероятно, действовали самым гнетущим образом на население долины Мехико (см. рис. 49, 28А и Б).

Рис. 4. Монтесума смотрит в зеркало, находящееся в голове волшебной птицы, в котором в первый раз видит небо, а во второй—отряды вооруженных людей, что предвещало, согласно преданию, испанское завоевание (*Флорентинский кодекс*).

Рис. 5. Испанцы в 1519 г. высаживаются на побережье Вера Крус. На рисунке детально изображены их суда и вооружение. Справа Марина, переводчица Кортеса убеждает туземцев перейти на сторону испанцев (*Флорентинский кодекс*).

Поэтому население было особенно восприимчиво к слухам, которые достигали столицы с юго-востока, о чудовищах на четырех ногах с человеческими телами, растущими из их спины. По мере того как эти странные существа продвигались по берегу, лазутчики и послы Монтесумы начали приносить ему не только более точные сведения о них самих, но даже подарки и послания от их предводителя (см. рис. 5).

Пришельцы оказались человеческими существами, поскольку они были уязвимы, на них можно было напасть, ранить и умертвить. Они были вооружены новым странным оружием, шумным и смертоносным: пушки, мушкеты, арбалеты и стальные мечи были не известны ацтекам. Невиданными и страшными помощниками этих людей оказались лошади и свирепые собаки испанцев из породы мастифов. В сражении чужестранцы были непобедимы, так как они применяли совершенно неизвестные индейцам приемы ведения боя. Простые приемы массовых атак индейцев оказались непригодными против маневров хорошо обученного

Рис. 6. Ацтекские колдуны предлагают Кортесу и его штабу заколдованную пищу, которую испанцы отвергают (*Флорентинский кодекс*).

противника, так как туземцы со своей тактикой могли притти в непосредственное соприкосновение только с ничтожной частью живой силы врага.

Испанцы не поддавались колдовству, в чем пришлось убедиться, когда однажды Монтесума серьезно прибегнул к этому средству, а так как волшебство по туземным понятиям было обоюдоострым оружием, естественно, что эта неудача могла только укрепить уверенность индейцев в сверхъестественных способностях испанцев. Монтесуму беспокоило не то, что пришельцы сами являются богами: он полагал, что они были посланцами или как бы земными представителями могущественных, сверхъестественных сил, направленными для установления нового социального строя. Поэтому испанцы, по его представлению, нуждались в совершенно особом подходе (см. рис. 6).

Когда испанцы приблизились к столице, возникли политические затруднения, еще более усложнившие положение. Города-государства, расположенные между долиной Мехико и побе-

режьем, представляли независимые общины, и если они и платили дань правителям долины, то делали это очень неохотно. Поэтому многие из этих племен, например тотонаки, приветствовали захватчиков как силу, дающую возможность поднять открытое восстание. Другие, вроде совершенно независимых и воинственных тлашкальцев, подвергли могущество Кортеса испытанию в открытом сражении, и когда испанцы вышли из него победителями, сделались самыми верными их сторонниками. Чолула, большой город, связанный с ацтеками непрочным союзом, встретил испанцев, как друзей, замышляя одолеть их при

Рис. 7. Кортес и его отряд, проходя мимо больших вулканов к юго-востоку от Мехико, осведомляются о дороге. На рисунке виден дым, подымающийся из кратера Попокатепетла (*Флорентинский кодекс*).

помощи измены — политического маневра, подсказанного, вероятно, Монтесумой. Испанцы, подозревавшие такой ход, помешали ему, перерезав значительную часть населения (см. рис. 7—9).

Монтесума и его наиболее осторожные советники следили за медленным приближением Кортеса от морского побережья с тревожным интересом. Многие авторы осуждали Монтесуму за его попытки кончить дело миром и сделали его козлом отпущения за грандиозное крушение индейской цивилизации. Попробуем, однако, разобраться в положении Монтесумы. Хотя он и был первым в своем племени, он все же не был самодержавным монархом. В любом массовом предприятии Монтесума зависел от коллективного решения родов, составляющих его племя, а также от весьма сомнительной преданности подвластных государств,

Рис. 8. Монтесума, удрученный предсказаниями катастрофы и беспомощностью своих кудесников, находится в нерешительности: спасаться ли ему бегством или спрятаться в пещеру (*Флорентинский кодекс*).

Рис. 9. Кортес принимает высоких сановников из Тлашкалы самой верной союзницы завоевателей. Марина переводит — тлашкалцы приносят все новые приношения: кукурузу, тортильи, индюков и т. д. (*полотно из Тлашкалы*).

Рис. 10. Испанские отряды достигли Теночтитлана, современного г. Мехико, и Монтесума со своей свитой выходит приветствовать Кортеса (*Флорентийский кодекс*).

Рис. 12. Применение кавалерии в значительной мере содействовало военным успехам испанцев. Здесь изображены конные арбалетчики (*Флорентинский кодекс*).

Рис. 11. Марина оказала Кортесу неоценимую помощь. На рисунке она приказывает ацтеку выполнить какое-то поручение. Судя по иероглифам, изображающим речь, он подчиняется очень неохотно (*Флорентинский кодекс*).

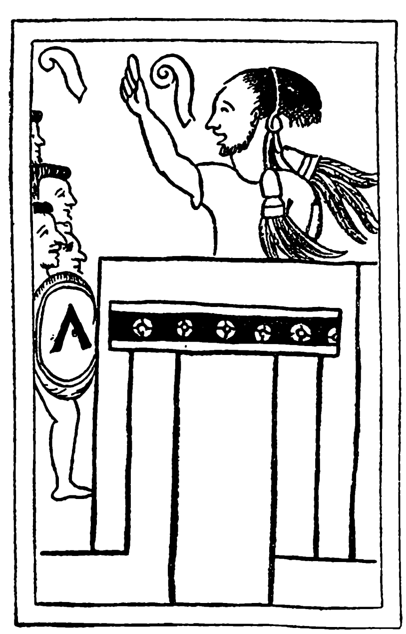

Рис. 13. Кортес берет Монтесуму в заложники. Ацтекский вождь старается успокоить своих непокорных подданных, смотрящих на него с презрением, как на изменника (*Флорентинский кодекс*).

предпочитавших политику удовлетворения насущных нужд любой жертве, связанной с более дальновидной политикой. Не только необходимость уборки урожая, но и боязнь убытков, причиняемых войной общественной собственности, заставляли общины неохотно прибегать к военным действиям. Монтесума не имел возможности вести дипломатическую политику, рассчитанную на длительный срок, столь обычную в истории Европы и Востока. Нельзя также недооценивать необычайных способностей Кортеса и его любовницы, индианки Марины, использовавших особенности психологии индейцев.

Когда Монтесума, встретил Кортеса и испанцев, его руки были связаны, и он не нанес им решительного удара. Затем наступила новая фаза этой эпопеи. Кортес быстро сделал Монтесуму заложником и, таким образом, отнял у него возможность влиять на своих сородичей. Правда, понемногу начало выявляться массовое возмущение пришельцами, но это настроение охватывало только столицу, не распространяясь на соседние города.

Рис. 14. После целого ряда оскорблений со стороны захватчиков горожане берутся за оружие против испанцев. Испанцы и их союзники тлашкалцы осаждены во дворце Ашаякатла. На рисунке показана полевая пушка в действии всадники, готовые к атаке, находятся в резерве *(полотно из Тлашкалы)*.

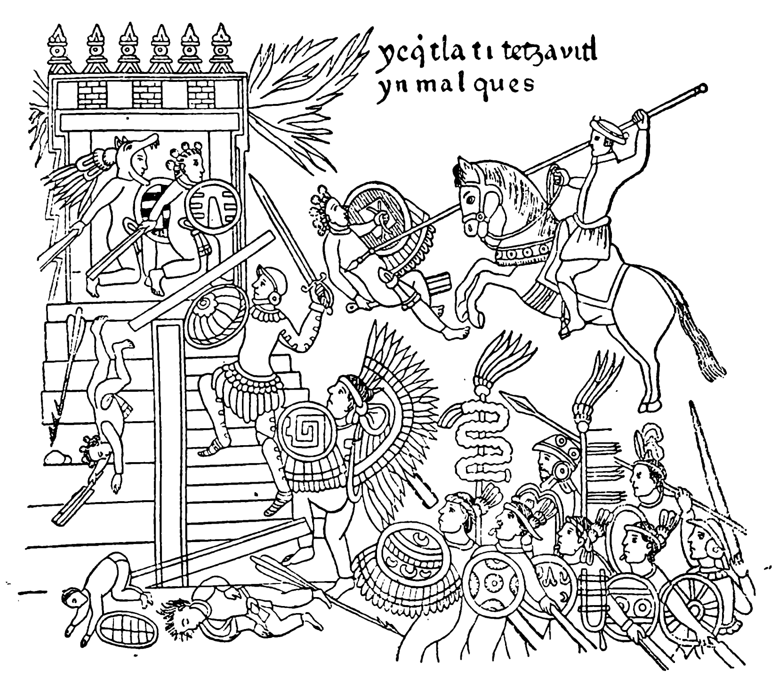

Рис. 15. Испанцы выбивают индейцев из храма, где последние собрались для нападения на врагов с фланга (*полотно из Тлашкалы*).

Народ не выходил из своих домов; рынок закрылся, однако никаких прямых действий предпринято не было. Ацтеки позволили Кортесу отбыть на побережье, чтобы подчинить себе нового командира Нарваэса, и даже тут не перешли к открытым враждебным действиям (см. рис. 10—13).

Буря разразилась в отсутствие Кортеса. Несколько жителей Теночтитлана собралось на праздник в честь бога Уицилопочтли. Альварадо, упрямому солдату, не обладавшему дипломатическими способностями Кортеса, показалось подозрительным это сборище, в подлинной безобидности которого он никак не мог удостовериться. Следуя методу, примененному испанцами в Чолуле, он напал на молящихся и перебил их всех. Город восстал, как один человек, и загнал испанский гарнизон в укрытие. Воодушевленные одним лишь желанием отомстить захватчикам, ацтеки были готовы истребить их. Однако здесь полностью выявилась организационная слабость индейского образа правления — вожди позволили Кортесу с подкреплениями из армии Нарваэса присоединиться к осажденным силам Альварадо. Характер войны в индейской Мексике препятствовал проведению такого маневра, как раздробление сил противника и уничтожение их по

частям, являющегося элементарным правилом европейской военной тактики.

Испанцам пришлось запереться во дворце Ашаякатла, чтобы устоять против этого восстания, в котором приняло участие все племя. Сковав своих противников, ацтеки проявили ненависть и ярость, еще не виданные в истории индейских войн. Каждый

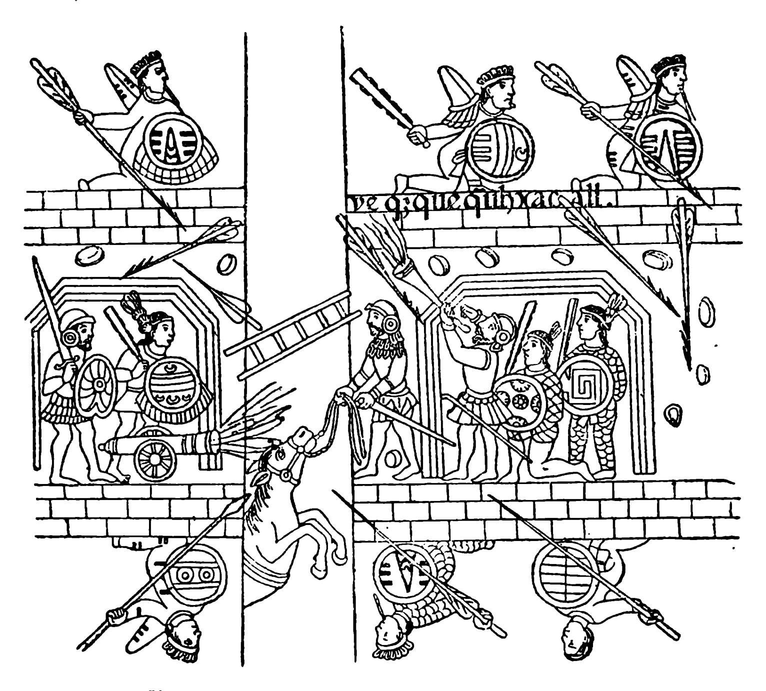

Рис. 16. Кортес построил деревянные движущиеся крепости для защиты своих солдат, когда ацтеки заняли позиции на крышах домов, вне пределов досягаемости испанской кавалерии. Этот рисунок показывает крепости, разделенные каналом, в который упала лошадь. Ацтеки на крыше препятствуют ее спасению (*полотно из Тлашкалы*).

горожанин принимал участие в метании снарядов в осажденных захватчиков, а многочисленность ацтекских воинов мешала испанцам проводить какие бы то ни было вылазки (см. рис. 14—15).

Испанцы не могли развернуться на узких тропинках, проложенных вдоль каналов, и построенные ими деревянные переносные крепости были бесполезны против врагов, рассеянных по крышам и в лодках (см. рис. 16). Испанцы несли большие потери. Злополучный Монтесума погиб не то от руки своих соплеменников, которых он пытался успокоить, не то был умерщ-

влен испанцами, как утверждают два авторитетных источника *. После недельной осады во дворце Кортес решил покинуть Теночтитлан. Перед рассветом испанцы стали пробираться по молчаливым улицам к дамбе, ведущей в Такубу.

Женщина, черпавшая воду в канале, увидела их и подняла тревогу. Все мужское население поднялось на крыши или ринулось на улицы. Некоторые бросились в лодки и атаковали двигавшуюся колонну с флангов. Ацтеки разрушили мосты, и многие испанцы, нагруженные золотом, бесславно утонули. При попытках выплыть, их насмерть забивали дубинками воины с лодок.

Рис. 17. Горсть испанцев достигает материка. Ацтеки, вместо того чтобы развить и закрепить свой успех, грабят утонувших и убитых. Однако испанцы унесли с собой всю казну ацтеков (*Флорентинский кодекс*).

Альварадо, привыкший к стремительным действиям, увидев перед собой широкий проток, воткнул свое копье в дно озера и в полном вооружении перепрыгнул на другую сторону **. Паника росла, и порядок не был восстановлен, пока испанцы не достигли Такубы. Кортес сел под громадный кипарис и зарыдал, подсчитывая свои потери. Три четверти общего количества испанцев погибло в этом отступлении и за время предшествующей ему осады (см. рис. 18).

Испанцы нашли временное убежище на холме Лос Ремедиос. Их противники, вместо того чтобы использовать свой успех,

---

* *Sahagún B.*, Historia General de las Cosas de Nueva Espana, México, 1938, vol. IV, Lib. 12, Cap. XXIII; *Durán D.*, Historia de las Indias de Nueva Espana, México, 1867—1880, vol. LXXVI, p. 50. — Прим. автора.

** Берналь Диас в своих «Записках» отрицает историчность этого факта; см. т. II, стр. 50. — Прим. ред.

стали обирать убитых и пытались вернуть добычу, похищенную испанцами из ацтекской казны. Они упустили удобный случай уничтожить остатки испанской армии и не довели своего нападения до его логического завершения (см. рис. 17).

Однако после этого индейцы попытались действовать согласованно. Тескокцы, бывшие ранее главными союзниками ацтеков, собрали свои силы и попытались преградить дорогу испанцам, пробивавшимся к земле своих союзников — тлашкалцев. Сражение произошло в Отумбе. Боевые построения индейцев не

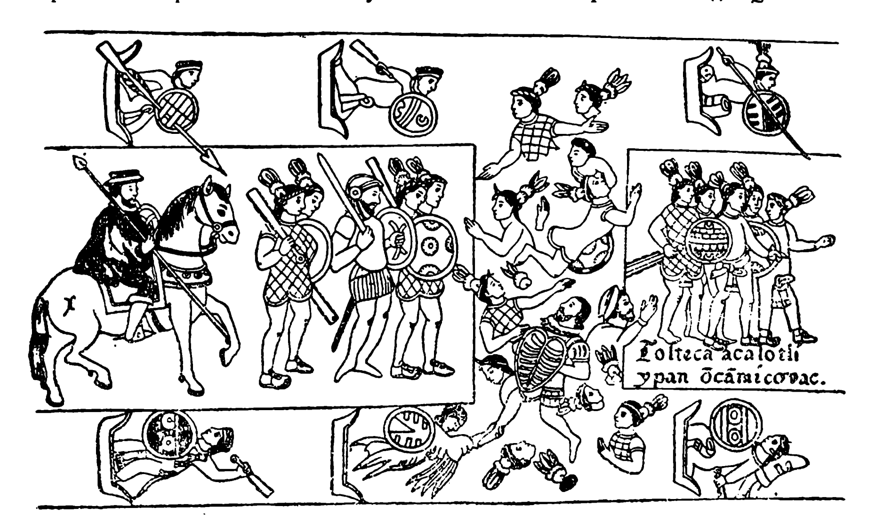

Рис. 18. Запасы иссякают, и Кортес пытается тайно добраться до материка по дамбе. Его отступление обнаруживается, и ацтеки собрав свои силы, с лодок атакуют испанцев, нанося им громадный урон. Разбирая мосты, ацтеки еще больше затрудняют отступление и добиваются почти полного уничтожения армии захватчиков (*полотно из Тлашкалы*).

смогли ничего поделать с подвижными и искусными в тактике испанцами. Хотя почти все солдаты были ранены, хотя им приходилось проводить ночи без сна, несмотря на отсутствие пищи, испанцы сохранили порядок; они провели отчаянную кавалерийскую атаку и добрались до вождей индейцев, и те пали под испанскими мечами. Как только погибли руководители, индейцы потеряли выдержку и обратились в бегство. Испанцы достигли Тлашкалы, где они решили восстановить свои силы после поражения и подождать подкреплений.

Монтесуме наследовал его брат Куитлауак, а когда он четыре месяца спустя умер от лихорадки, место военачальника занял их племянник, героический Куаутемок. Но и этот сильный и мужественный вождь был не в состоянии преодолеть

недоверие индейских общин друг к другу. Ацтеки могли одолеть испанцев одним численным превосходством, если бы они объединились с другими племенами, но они этого не сделали.

Тем временем Кортес, дав отдохнуть солдатам, начал укреплять свои позиции. Он провел два похода: один на восток к морю и другой — на юг и в западном направлении, в нынешний штат Морелос. Используя индейцев-союзников то в качестве носильщиков, то как ширму, маскирующую его важнейшие тактические передвижения, он подчинял себе один город за другим.

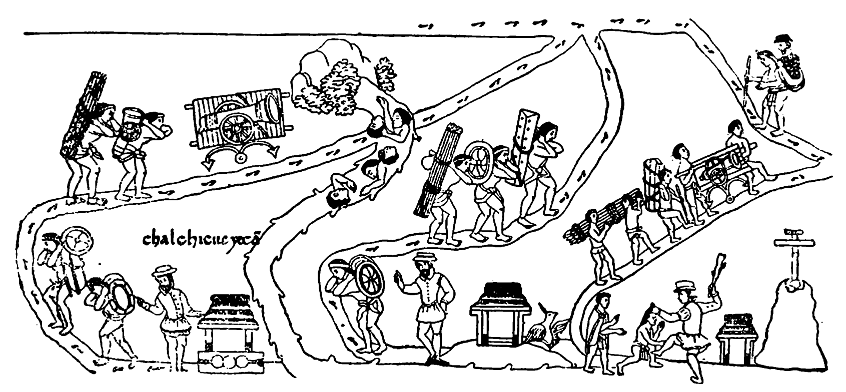

Рис. 19. Вследствие нерешительности ацтеков Кортесу удалось достичь Тлашкалы и восстановить свое войско. Здесь изображена доставка военного снаряжения с побережья. В центре слева показано, как тонут несколько индейцев-союзников (*полотно из Тлашкалы*).

Во всех случаях индейский обычай сводить войну к одной решающей схватке оказывался несостоятельным против гибкости испанской тактики. Вскоре Кортес достаточно умиротворил восточную область, чтобы попытаться вернуть себе Теночтитлан (см. рис. 19).

Падение Мехико было довершено вероломным поступком, который казался людям того времени продиктованным лишь здравым смыслом. Тескокцы, ближайшие союзники ацтеков и в силу этого, вероятно, наиболее завидовавшие их успехам, не могли простить Монтесуме, что он настоял на избрании одного неугодного им военачальника. Пока у ацтеков еще имелось много шансов на сохранение своего господства после отступления Кортеса из Мехико, тескокцы мужественно встретили Кортеса на поле сражения в Отумбе. Теперь же они переметнулись на сторону испанцев, предвидя возможность занять господствующее положение в долине Мехико. Их измена дала испанцам точку опоры на озере Мехико и средство покончить со всеми племенами, оставшимися непокоренными в предшествующее время.

Установив порядок в стране, Кортес стал приводить в исполнение свой план осады Теночтитлана. Он спустил на воду флот из маленьких галер, построенных в Тлашкале, вооруженных

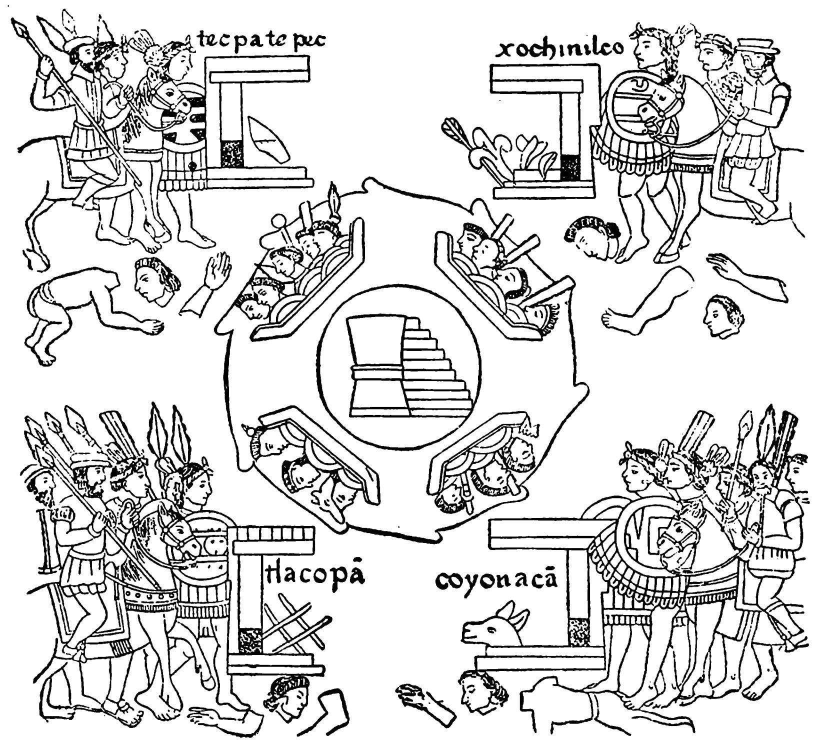

Рис. 20. По плану Кортеса для отвоевания Теночтитлана нужно было отрезать город на острове от материка. Теночтитлан показан в центре рисунка; он окружен озером с плавающими по нему челнами его защитников. Испанцы заняты покорением городов на материке *(полотно из Тлашкалы)*.

пушками, и по частям перенесенный через горы. Эти суда должны были очистить озеро от челнов и прикрывать фланги испанцев при их движении по трем дамбам к Теночтитлану. Кортес разделил свои силы на три отряда, приказав им продвигаться по этим трем подступам, и начал наступление на столицу (см. рис. 20, 22).

Галеры вскоре очистили озеро от вражеских флотилий из челноков, и испанцы начали окружать город. Ацтеки, дравшиеся за свою жизнь, упорно защищали свои позиции. Каждую ночь они делали вылазки, чтобы разрушить мосты, наведенные испанцами днем через каналы. В таких схватках испанцы не могли

маневрировать, и ни одна из сторон не добилась существенных успехов. Ацтеки тем не менее все еще упорно старались захватывать пленных для жертвоприношений богу войны, вместо того, чтобы истреблять врагов, когда только представлялась к

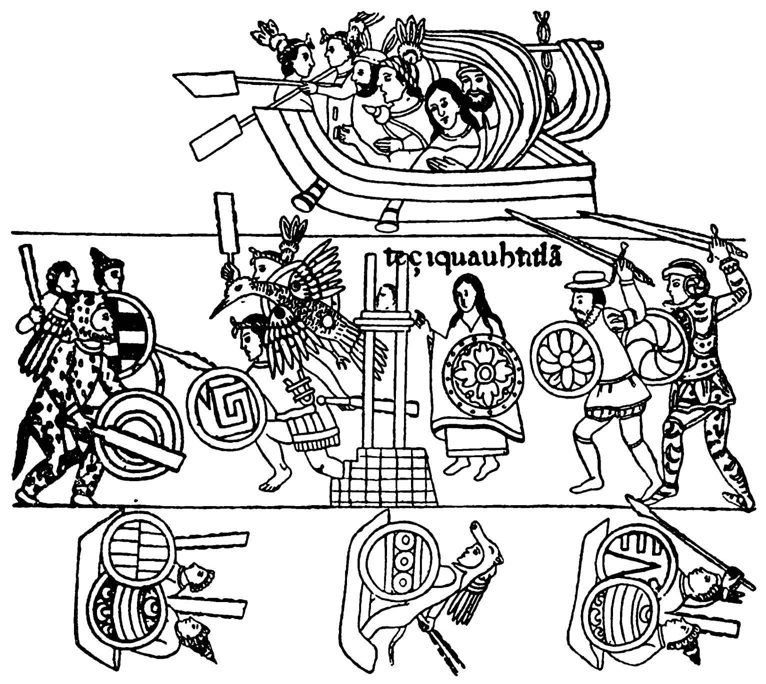

Рис. 21. Кортес строит бригантины для прикрытия своих флангов во время движения по дамбам к Теночтитлану. На рисунке одна из бригантин приходит на помощь Кортесу и его союзникам, теснимым ацтеками с суши и с лодок (*полотно из Тлашкалы*).

тому возможность. Но зато тысячи союзников-индейцев, стекавшихся к испанцам, стремясь принять участие в ожидаемой победе, загромождали дамбы, скорее мешая, чем помогая осаждающим (см. рис. 21).

Кортес решил изменить способ ведения войны, и его решение (для нас только разумное) должно было показаться едва ли не сверхъестественным туземцам. Он выслал вперед своих индейских союзников, приказав им разрушать все дома поблизости и обломками их заполнять каналы. Когда ацтеки контратаковали, союзники отходили в сторону, предоставляя конным и пешим испанцам встречаться с ними. С каждым днем испанцы захватывали все большую площадь для маневрирования и, таким образом, могли рассчитывать, что в каждый следующий

день они смогут еще расширить свой плацдарм. Ацтеки, воодушевленные редким единством, дрались отчаянно, но безуспешно (см. рис. 23—24).

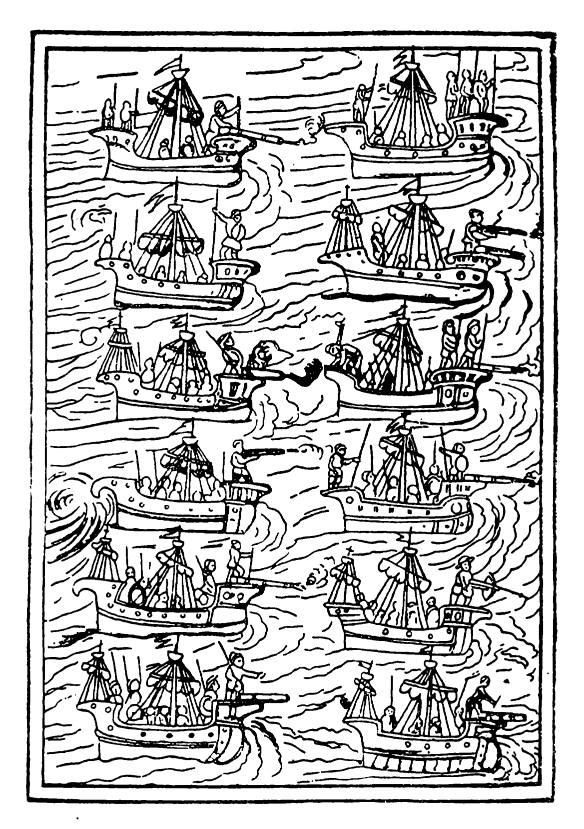

Рис. 22. Вступление в бой испанской флотилии. Галеры. снабженные веслами и парусами, вооруженные пушками, не могли, конечно, не произвести опустошения в рядах боевых челноков ацтеков (*Флорентинский кодекс*).

К концу осады произошел случай, воскресивший у отчаявшихся ацтеков надежду на возможность освобождения посредством всеобщего восстания против интервентов. Жители островов южной части озера — шочимилки и их соседи — пробрались ночью мимо испанских галер и сообщили ацтекам, что они готовы выступить с ними сообща против белых. Обрадованные Куаутемок и его военачальники одарили посланцев украшениями, дорогими плащами и бобами какао для изготовления любимого ацтекского напитка — шоколада. Когда над осажденным городом

снова опустилась ночь, в ацтекском лагере произошло большое смятение. Новые союзники пытались захватить ацтекских женщин и детей, чтобы увести их в рабство. Шочимилки понесли за свой вероломный поступок справедливую кару — все они были истреблены и принесены в жертву.

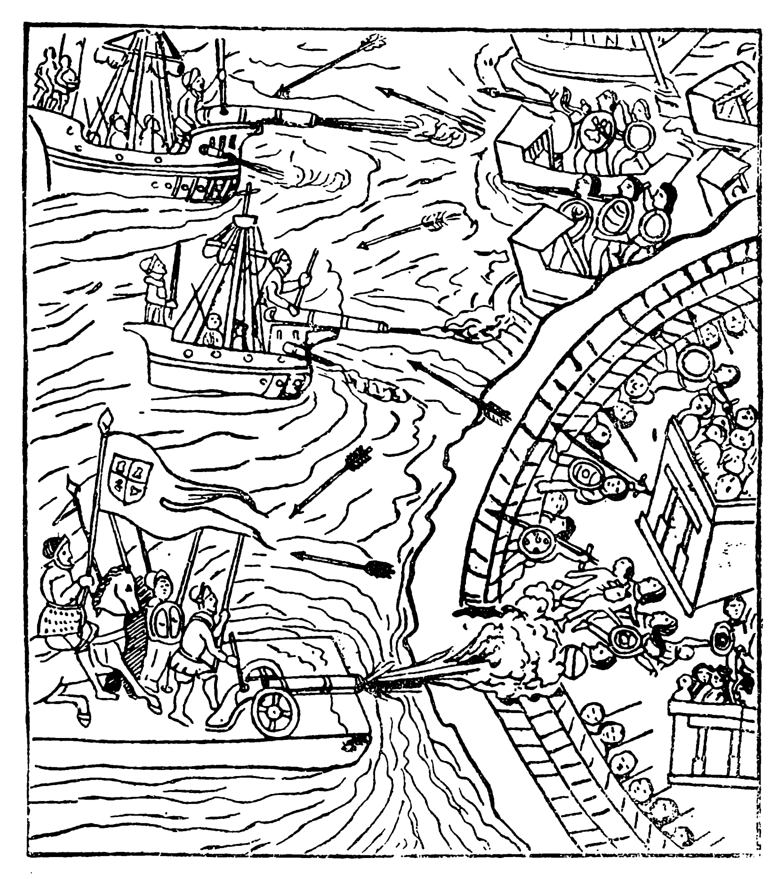

Рис. 23. Не раз бригантины спасали положение, когда, как это изображено на рисунке, вооруженные индейцы в лодках атаковали испанцев с тыла (*Флорентинский кодекс*).

Гарнизон сдался лишь тогда, когда защитники его настолько ослабели, что не могли сопротивляться и разить врага. Куаутемок со своей семьей, как и многие другие, пытался бежать через озеро в челноке. Он был захвачен одной испанской галерой и приведен к Кортесу. Достоинство, с каким он себя держал, и подобающее вождю поведение заставили испанских командиров

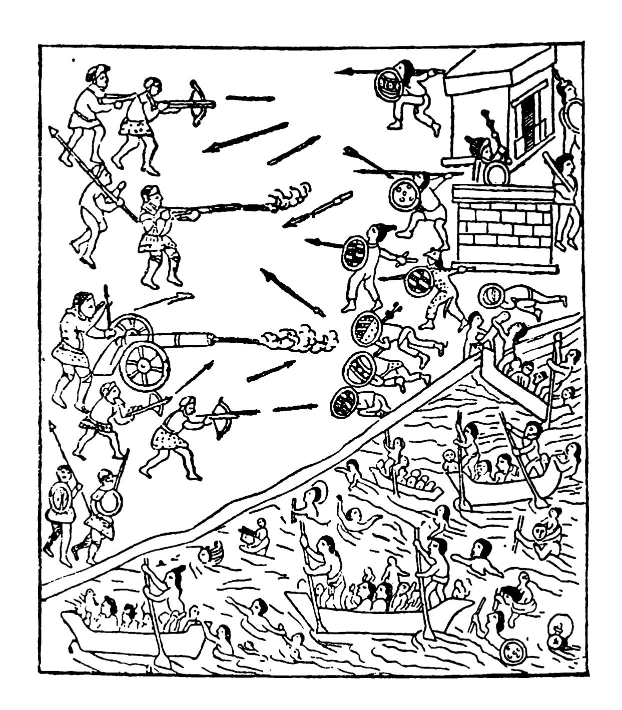

Рис. 24. Тактической целью испанцев было разрушение части города, чтобы расчистить достаточно свободного места для действия кавалерии. Рисунок справа изображает предпринятое с указанной целью наступление лодок, вооруженных пушками (*Флорентинский кодекс*).

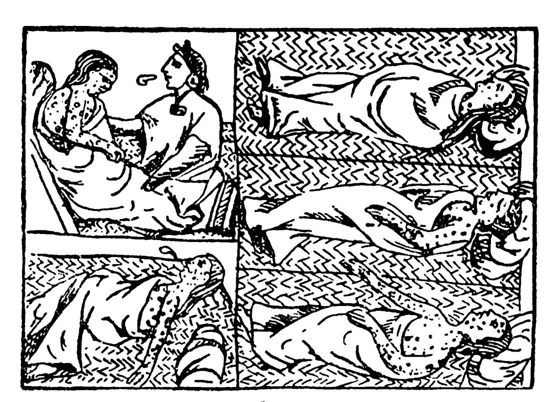

Рис. 25. Эпидемии были грозными союзниками испанцев. Простуда, оспа, корь и другие болезни, не известные до тех пор ацтекам, косили их тысячами (*Флорентинский кодекс*).

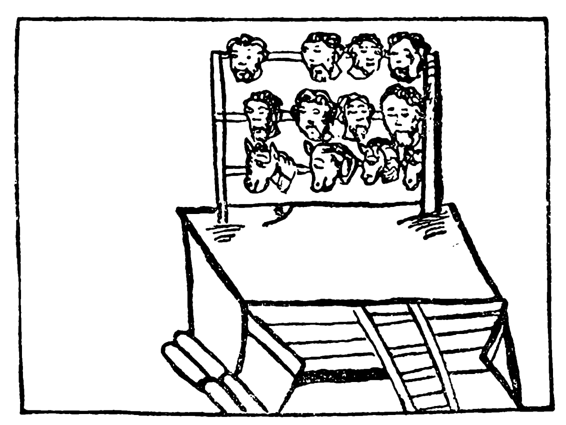

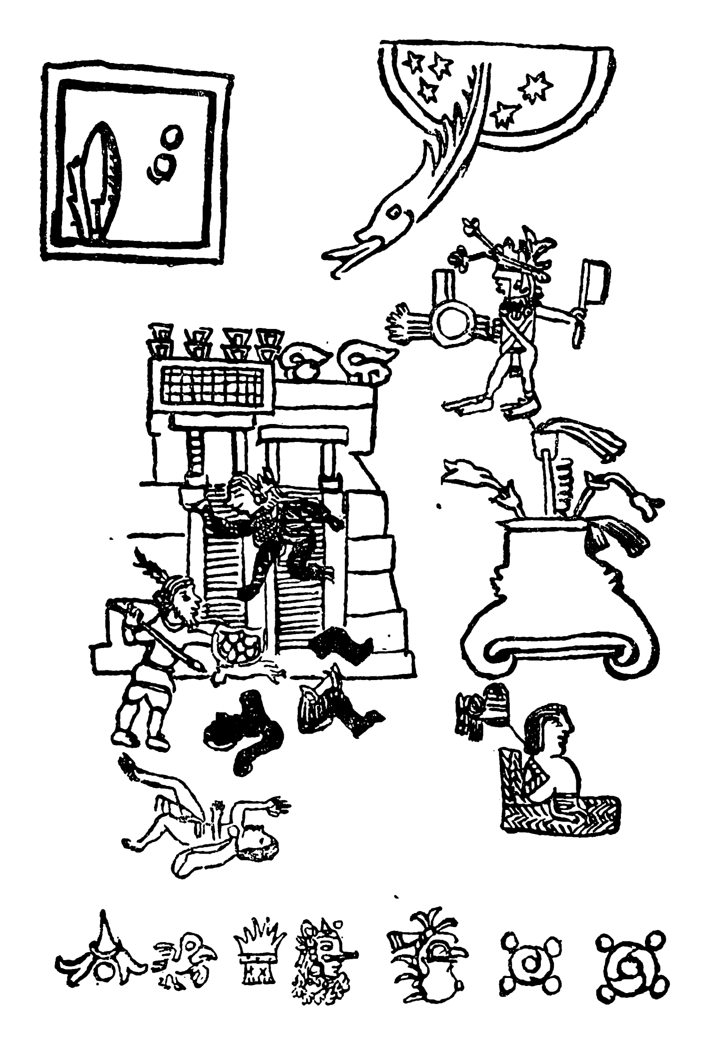
Рис. 26. Обычай ацтеков брать пленных и сохранять им жизнь для принесения впоследствии в жертву, вместо того чтобы убивать их в открытом бою, послужил одной из причин их поражения. Головы принесенных в жертву людей и лошадей выставлялись перед храмами (*Флорентинский кодекс*).

Рис. 27. Куаутемок, руководивший защитой Теночтитлана, принят со всеми войсковыми почестями Кортесом и его женой Мариной. Наверху справа изображен Кортес, привтствующий жену и семью вождя. Надпись гласит: «Это событие завершило покорение мексиканцев» (*полотно из Тлашкалы*).

Рис. 28 А—Б. История завоевания Мексики в туземном изображении. В квадратах видны знаки первого дня тростника и второго дня ножа (ацтекские названия 1519 и 1520 гг.). Под знаком первого дня тростника изображен испанец, а под ногами его лошади—дубинка, щит и стрелы, символизирующие войну. Направо Кортес (с бородой) сидит в Теночтит-

ланском храме, представленном в виде кактуса. Индеец со знаком Монтесумы предлагает дань из золотых бус. Под знаком второго дня ножа виден Альварадо, уничтожающий индейцев у большого храма, а наверху справа показана комета в небе (*Ватиканский кодекс А*).

отнестись к нему с уважением. На требование отдать сокровища, пленник ответил, что их нет: они лежат на дне озера вместе с испанцами, убитыми в прошлую зиму при их отступлении из города. Затем его подвергли пыткам и заключили в тюрьму, а несколько лет спустя умертвили во время похода Кортеса в Гондурас. Ныне его чтут в Мексике как национального героя (см. рис. 25—27).

Падение ацтеков нельзя объяснить причинами, обычными для европейской истории. Шаблонные объяснения лишь искажают картину. Монтесума, характеризовавшийся европейскими авторами как слабый и колеблющийся монарх, был главой племени и не обладал конституционными правами европейских государей. Его империя — измышление европейцев, поскольку в действительности государство состояло из общин, достаточно напуганных, чтобы платить дань, но отнюдь не связанных правительственными установлениями ацтеков. Ацтеки были воинами, но не солдатами в европейском смысле слова. При наличии надлежащей организации и хорошего руководства любая европейская экспедиция могла бы овладеть Мексикой. Трагическая доблесть защитников Теночтитлана представляла скорее не военную оборону, а героический коллективный подвиг людей, борющихся за свою жизнь.

Голод и жажда, болезни и раны настолько ослабили ацтеков, что они буквально не могли сражаться. Подробности последнего сопротивления, оказанного этим приведенным в отчаяние народом, слишком ужасны, чтобы их описывать. Много времени спустя здесь все еще жила память о трагедии. В колониальный период, да и теперь, северный район Мехико считался неподходящим и для делового центра и для жилого квартала. Ныне там находятся железнодорожные сортировочные станции и трущобы.

Глава XV

АЦТЕКИ ПОСЛЕ ЗАВОЕВАНИЯ

Ацтекская цивилизация исчезла, но ацтеки все еще живы. Уберите из Мексики чистокровных индейцев, и вы потеряете две пятых населения; возьмите тех, в чьих телах течет индейская кровь, и от всех жителей останется лишь одна двадцатая часть. Лицо Мексики — это индейское лицо. Но если вы проедете по Мексике и ознакомитесь с ее историей, вы увидите, как в горных пластах, последовательные отпечатки колониального периода, республики, империи Максимилиана, диктатуры Диаса и современного общественного сознания, порожденного революцией. Но вы не разглядите индейской цивилизации. Зато вы узрите ее потомков. Они — повсюду, они — это мексиканский народ. Хотя их внешний вид, их материальная и общественная культура европейские, их сознание носит отпечаток ацтекского характера, точно так же, как камни разрушенных ацтекских храмов пошли на сооружение стен церквей.

Непосредственно после завоевания король и церковь намеревались превратить индейское население в испанских подданных, присвоив им все соответствующие гражданские права. В течение двух поколений власти почти преуспели в выполнении своего намерения. Но в конечном счете индивидуализм, занимающий такое выдающееся место в европейской культуре, сломил законодательный контроль, и белые завоеватели обратили индейцев в рабство *.

После 1520 г., когда завоевание было завершено, испанцы приступили к превращению зрелой индейской культуры в европейскую. Завоевателям роздали земли, а они должны были за это разрабатывать новые владения для экономической выгоды

* Испанский король сразу после завоевания пытался обратить всех индейцев в непосредственных подданных короны. Он не присвоил им никаких гражданских прав, а только хотел упорядочить их эксплоатацию. В конце концов индейцы, вместо того чтобы стать рабами короны, стали рабами отдельных помещиков-асьендадо. — Прим. ред.

Испании. Церковь получила в свое ведение воспитание индейцев. и ей поручили заботу об их духовном и телесном благе. Наблюдение за индейцами в разных районах распределили между разными монашескими орденами. Монахи прежде всего искоренили местное идолопоклонство и изучили язык и обычаи своей новой паствы в целях более успешного обращения их в новую веру.

Специально подобранные для этой цели монахи проявили хорошее понимание поставленной перед ними задачи. Они немедленно заменили одну религиозную структуру другой. Индейцы сносили свои храмы и на их месте воздвигали церкви и монастыри. Использование католическим культом статуй и икон как нельзя лучше отвечало потребностям ацтекского культа, и монахам стоило немалого труда предотвратить поклонение самим изображениям (см. табл. 26, посредине).

Монахи превосходно изучили обычаи индейцев, а францисканцы и доминиканцы проявили исключительные способности в этом деле. Дети вождей индейских племен воспитывались в школах; впоследствии они должны были сами распространять христианство. Старая форма общинного землевладения не признавалась испанцами, поэтому ацтеки стали собственниками земли, которой они ранее пользовались с разрешения племени. Вожди, державшие в своих руках земли, продукты с которых шли на государственные нужды, сделались собственниками обширных поместий, переходивших после них к их наследникам. Испанцы роднились с семьями вождей, считая их власть наследственной, в соответствии со своими собственными обычаями. В некоторых случаях вождям, например тлашкалским, король жаловал гербы и дворянские грамоты за их заслуги перед Испанией. Из ста девяноста гербов, пожалованных за службу во время завоевания Мексики и Южной Америки, по крайней мере двадцать получили индейцы. Все это повело к некоторому возрождению индейской культуры. Индейские авторы вроде Иштлилшочитла и Чималпаина писали на языке науа или испанском языке историю своих предков, чтобы доказать свою принадлежность к родовитым индейским семьям и свое право на почести от испанцев (см. табл. 44).

Старая культура умирала медленно. В индейских городах записи делались по-испански и одновременно, во избежание споров, по старой ацтекской пиктографической системе. Платье не переменилось, за исключением брюк, на ношении которых настояли монахи. Развитая сельскохозяйственная культура была большим благом для завоевателей, и они мало что изменили в ней, если не считать введения плодовых деревьев и пшеницы. На домашней утвари, например глиняной посуде, можно проследить, как в этих изделиях грациозно слились индейские и испанские стили, а глазурь восхитила индейцев, и они стали применять флюс к чисто туземным формам. Сохранились прелестные

маленькие скульптуры из глины, представляющие старых богов и богинь, весьма прозрачно замаскированных под святых.

Индейцы привыкли строить храмы, и поэтому они вовсе не удивлялись тому, что большие толпы их заставляют долгие часы работать на возведении построек в честь новых богов. Обращение в христианство пользовалось такой популярностью, что церкви оказались слишком малы, чтобы вместить молящихся, и при некоторых монастырских храмах, например в Аколмане, Актопане и Тлалманалко, были построены часовни, окруженные большими дворами для обращенных, собиравшихся буквально десятками тысяч. Индейские ремесленники оценили превосходство стальных инструментов над каменными молотками и резцами. После того как оригинальная архитектура ацтеков со множеством скульптурных украшений перешла в стиль барокко, они стали высекать из каменных глыб затейливые фигуры, и эта работа казалась им отдыхом, так как с металлическими инструментами тесать камни было так же легко, как резать сыр, по сравнению с прежним тяжким трудом каменщиков.

Период слияния длился около столетия. За это время первые конкистадоры и их потомки совместно с позднейшими переселенцами в новую колонию все более и более прибирали индейцев к рукам. Развитие рудной промышленности поглощало труд тысяч индейцев, работавших за жалкие гроши в нездоровых условиях, вызывавших болезни и смерть. Введение соглашений, в силу которых испанец имел право на эксплоатацию труда туземца в возмещение своих забот о нем и обеспечения его религиозного просвещения, повело к злоупотреблениям этой привилегией, и несчастные индейцы были обращены в рабство. Европейские болезни, вроде оспы, туберкулеза и кори, косили население, не обладавшее против них наследственным иммунитетом. Королевская власть и церковь через Совет по делам Индии посылали анкеты и вводили на основании получаемых информаций законы для улучшения положения индейцев, но эти законы чаще нарушались, чем выполнялись. Многие из белых отправлялись в Новую Испанию, чтобы разбогатеть и обеспечить себе старость на родине. Поселенцы в колонии наслаждались жизнью феодалов и не желали отдать хоть часть получаемых ими выгод и удобств в пользу улучшения быта индейцев или для обогащения короны. Когда англичане в 1588 г. потопили Непобедимую Армаду и ослабили морское могущество испанцев, сообщение между метрополией и колониями стало все более ухудшаться. Контроль ослабел, и законы в пользу индейцев потеряли силу. Индейцы превратились в угнетаемую массу, работавшую в качестве пеонов, без надежды на помощь законов или социальную справедливость.

Большинство индейцев лишилось своих земель и работало на асьендах или на рудниках. Некоторые общины, как Тлашкала,

имевшая значительные заслуги перед короной во время завоевания, сохранили свои земли, но утратили свое общественное положение. Другие — вроде приозерных племен шочимилко и чалко — занимали территорию, которую испанцы считали непригодной для себя. Некоторые племена остались почти незатронутыми в первобытных маленьких деревнях, запрятанных в горах. Эти переселенцы бежали в горы не только от белых завоевателей, но и для того, чтобы не сталкиваться с вновь появившимися за несколько столетий до Кортеса могущественными индейскими племенами. В этих крошечных деревнях, где жители лишь поверхностно приобщены к христианству, сохраняется множество языков и наречий Мексики.

В течение истекших четырех столетий физический тип индейцев и языки не поддались ассимиляции. Все же в Мексике едва ли сохранилась группа туземного населения, оставшаяся в такой же степени индейской, как некоторые североамериканские племена. Но североамериканские племена были по большей части покорены и поселены в резервациях лишь за последние три поколения. Группы, вошедшие в соприкосновение с белыми до этого периода, истреблены уже много лет назад.

ТАБЛИЦЫ

Таблица I

Хронологическая последовательность культур в Средней, Северной и Южной Америке

Приблизительные даты	Северная Америка		Средняя Америка						Южная Америка		Приблизительные даты
	США, юго-восток	США, юго-запад	Центральная Мексика	Чолула	Оахака	Вера Крус	Высокогорная область майя	Низменные области майя	Перу, северное побережье	Перу, южная высокогорная область	
			Период Миштеки—Пуэблы								
1600		Пуэбло V									1600
1500	Храм, ритуальные курганы II		Ацтеки IV	Чолула V	Монте-Альбан V		Чипал III		Поздние чиму и инки		1500
1400	Храм, ритуальные курганы I	Пуэбло IV	Ацтеки III			Семпоала		Чичен Ица III	Завоевание инков	Инки	1400
1300	Погребальные курганы II		Ацтеки II	Чолула IV					Поздние чиму		1300
1200	Погребальные курганы I	Пуэбло III	Ацтеки I				Чипал II	Чичен Ица II		Завоевание инков	1200
1100			Масапан	Чолула III		Серро-Монтосо			Черно-бело-красная керамика		1100
			Поздние независимые цивилизации								
1000	Ранние стадии	Пуэбло II	Теотиуакан V		Монте-Альбан IV		Чипал I	Сан Хосе III—V		Упадок Тиауанако	1000
900			Теотиуакан IV			Ранчито де лас Анимас	Чама IV	Уашактун III	Тиауанако		900
800		Пуэбло I	Теотиуакан III			Трес Сапотес III	Чама III	Олмул V	Гальинасо-Чавин II	Чирипа	800

			Независимые цивилизации								
700					Монте-Альбан III		Камин-алгую		Ранние чиму Б	Пукара	700
600		Плетельщики корзин III	Теотиуакан II	Чолула II			Чама II	Сан-Хосе II Олмул II—IV Уашактун II		Расцвет Тиауанако	600
500											500
400		Плетельщики корзин II	Теотиуакан I Куикуилко Тикоман Гуалупита II		Монте-Альбан II	Трес Сапотес II	Чама I	Олмул I	Ранние чиму А		400
			Средние культуры								
300		Плетельщики корзин I (?)	Гуалупита I	Чолула I	Монте-Альбан I	Трес-Сапотес I		Уашактун I б	Чавин I	Раннее Тиауанако	300
200			Копилко-Сакатенко			Ла Вента		Уашактун I а			200
100			Раннее Сакатенко				Мирафлорес				100
0			Раннее Эль Арболильо I								0
100											100
200											200
			Ранние культуры								
1000											1000
2000		Культуры пустыни (?)									2000
5000		Кочийз								Аргентинские пещеры	5000
10000		Фольсом									10000
20000											20000

Таблица II.

Обзор истории нижней «Средней культуры»

Ранняя фаза: оседлые поселения, постепенное развитие гончарных изделий и типов статуэток; длительная оседлость, стадии которой не всюду определяются с одинаковой точностью.

Раннее Эль Арболильо I: статуэтки С3а, С3b, С1-2, С2, гончарные изделия с процарапанным черным узором, покрытые красной краской.

Промежуточная фаза Эль Арболильо I, раннее Сакатенко: статуэтки С1-2, С2, горшки с процарапанным узором — черным, густочерным, белым, белым по красному, слабо намеченные горлышки кувшинов, наконечники в виде лавровых листьев.

Позднее Эль Арболильо I, раннее Сакатенко: статуэтки С1а, С1b, С3с, С3d, D1, ранний F; глиняные изделия те же, что и в промежуточный период.

Поздняя фаза: оседлые поселения, резкие изменения в стиле статуэток и глиняных изделий, введение нового стиля статуэток, тип А; следы местных наводнений в начале и в конце позднего периода, повидимому более короткого, чем ранний период.

Переходное Эль Арболильо I, переходное Сакатенко: статуэтки В-С, B-F.

Копилко, среднее Сакатенко, Эль Арбалильо II: статуэтки A, B, F, С5; глиняные изделия серо-черного цвета с процарапанным орнаментом, красным по белому, красным по желтому, ввозная глиняная посуда; каменные наконечники с черенком.

Таблица III.

Обзор истории верхней «Средней культуры»

Ранняя фаза: оседлые поселения в Пуэбле и Морелосе; керамика и статуэтки характерного стиля; торговые связи заставляют предположить одновременность с поздней стадией «Средней культуры» в долине Мехико.

Гуалупита I, Чолула I: статуэтки D1, D2, D3, K, O; глиняные изделия, чаши и бутыли простых форм из коричневой и красной глины.

Поздняя стадия: оседлые поселения, сооружение платформ и алтарей; переход от ранней стадии в Морелосе и Пуэбле; смена нижних «Средних культур» в долине Мехико без переходного периода; характерные статуэтки и глиняные изделия, постепенно развивающиеся; культовые изображения; первое поселение в Теотиуакане; поток лавы в Педрегале после оставления Куикуилко.

Ранний Тикоман-Куикуилко I: статуэтки E1, E2, E3, I3; глиняные изделия с процарапанным узором красным по желтому; дискообразные ушные подвески.

Промежуточный Тикоман, Куикуилко II: статуэтки G1, G2, I1, I2, E4, J, M, N; глиняные изделия, красные по желтому, с белым контуром; резные ушные подвески.

Поздний Тикоман, Куикуилко III, позднее Сакатенко, Гуалупита II, Теотиуакан I: новые селения в Пуэбле и Морелосе, статуэтки H1-5; в Гуалупите С9 и полые фигурки; статуи богов огня в Куикуилко и Тикомане; лощеные глиняные изделия и тщательно сделанные треножники; резные ушные подвески, полые внутри.

Таблица IV.

Последовательность появления племен в Мексиканской долине, по данным различных авторов

	Филлипс а)	Иштлилшочитл I б)	Иштлилшочитл II в)	Вейтиа г)	Дуран д)	Муньос Камарго е)	Клавихеро ж)	Саагун з)	Де Жонг и)	Карта Тлоцин к)	Карта Кинацин л)	Кодекс Шолотл м)	Мотолиния н)	Гарсиа Икасбальсета о)
Масегуалы (созданные богами)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кинамы (великаны)	2	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тараски	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Олмеки—Шикаланги	—	2	2	3	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Сакатеки	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Толтеки	4	3	3	4	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Кочевые чичимеки	3	4	4	2	—		2	—	1	1	1	1	1	1
Чичимеки	—	—	—	5	2	3	—	2	—	—	—	—	—	—
Тео-чичимеки	—		—	—	—	4		2	—	—	—	—	—	—
Отоми	—	—	5	6	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—
Аколуа I Тлалтеки	—	5	—	—	—	—	—		—	—	—	—	—	—
Чималпанеки	—	5	—		—	—	—	—	—	—	2	2	—	—
Чалко-Толтеки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Аколуа II Тескоко	—	6	5	6	—	3	3	—	(4)	3	—		2	2
Кулуа: Семь племен	—	—	—	—	3	—	—	3	**3**	—	—	—	—	—
Кулуа: Тепанеки	—	6	5	6	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—
Кулуа: Кулуа	5	—	—	—	—	—		—	—	—	3	—	—	—
Кулуа: Ацтеки	—	6	6	7	4	—	—	—	—	—	3	3	3	3
Кулуа: Уицнауа	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—

а) *Phillips*, Codex Ramirez, 1883, 618–619, 22–24
б) *Ixtlilxochitl*, Relaciones, 1891, 1721, 75–103.
в) *Ixtlilxochitl*, Historia Chichimeca, 1892, 21–45, 61 - 65, 69–71.
г) *Veytia*, Historia Antigua, 1836, Vol. I, 139–156; Vol. 2, 3–10, 39–46, 87–101.
д) *Durán*, Historia de las Indias, I, 1867, 10–14.
е) *Muñoz Camargo*, Historia, 1892, 5–116.
ж) *Clavigero*, Historia, 1787, 93–136.
з) *Sahagún*, Historia General, 1938, Vol. 4, Book II, 106, 116–117, 138–147.
и) *De Jonghe*, ed., Histoire de Mechique, 1903, 8–20.
к) *Aubin*, Peinture Didactique, 1885, 75–85.
л) *Aubin*, Peinture Didactique, 1885, 78–85.
м) *Radin*, Sources, 1920, 41–45.
н) *Motolinia*, Historia, 1914, 3–5.
о) *Garciá Icazbalceta*, 1886–1892, Vol. 3, Origen de los Mexicanos, 283–292.

Таблица V.

Обзор истории толтеков

Теотиуакан I

Изготовление материалов, найденных в адобах храмов солнца и луны.

Восточная династия		Западная династия	
Чалчиутланецин	510—562		
Иштлилкуэчаауак	562—614		
Уэцин	614—666		

Теотиуакан II

Сооружение построек первого периода в Теотиуакане, достигшее наивысшего развития в постройке храма Кецалкоатла при Митле; устройство центра в Аскапоцалко (Эль Корраль I); широкое распространение культуры до Чолулы и Морелоса.

Восточная династия		Западная династия	
Тотепеу	666—718	Уэцин	869— (?)
Накошок	718—770	Тотепеу (?)	(?) — 887
Митл-Тлакомиуа	770—829		

Теотиуакан III—IV

Сооружение построек второго периода; введение форм для глиняных статуэток, усложнение культа изображений, торговые отношения с майя; введение новой религии; оставление Теотиуакана; вторжение чичимеков.

Восточная династия		Западная династия	
Царица Шиуикеницин	829—833		
Истаккалцин	883—885	Иуитимал	887—923
Топилцин	885—959	Топилцин	923—947

Теотиуакан V

Перенесение центра толтеков в Аскапоцалко, возможно, при Топилцине; большое развитие культа статуэток; влияние Оахаки; новая религия и разрушение кулуасами.

Восточная династия		Западная династия	
		Топилцин	923—947
		Матлакшочитл	947—983
		Науйоцин	983—997
		Матлаккоацин	997—1025
		Тлилкоацин	1025—1046
		Уэмак	1047—1122

Таблица VI.

Обзор истории чичимеков и династических толтеков

950—1100, ранний чичимекский период

Восточная стадия: соприкосновение с толтеками в Туле (Теотиуакане) при Шолотле; глиняные изделия Тенаюки I; примитивная культура.

Западная стадия: Теотиуакан V и государство западных толтеков в Туле (Аскапоцалко).

1100—1247, средний чичимекский период

Восточная стадия: заселение Тенаюки пришельцами; перемещение толтеков в Туле (современная Тула?); система племенного управления; осно-

вание династии тескоканских чичимеков в 1232 г.; появление подвластных владений; распространение культуры Масапана.

Западная стадия: уничтожение толтеков в Туле (Аскапоцалко); переселение в Кулуакан; основание Кулуаканской «толтекской» династии в 1114 г.; заимствование койотлателкской керамики; установление первого ацтекского цикла (1143—1195); второй ацтекский цикл (1195—1247).

Правители

Кулуакан	Куаутитлан	Куитлауак	Тескоко	Теночтитлан
Науйотл, ум. в 1124 г. (в возрасте свыше 60 лет)			Шолотл (1115—1232)	
Куаутешпетлацин (1124—1181)	Теистлакоуацин (1160—1226)			
Уэцин (1181—1202)				
Ноноалкатл (1202—1223)				
Ачитометл (1223—1237)	Кинацин (1126—1199)			
Куаутонал (1237—1251)				

1247—1299, поздние чичимеки, ацтеки I

Восточная стадия: превращение Тескоко в столицу чичимеков при Кинацине в 1298 г.; сохранение масапанской культуры на востоке; проникновение Койотлателко и храмового культа в Тенаюку(?).

Западная фаза: Основание новой династии в Кулуакане в 1251 г.; внедрение глиняных изделий ацтекского I периода в Кулуакане; строительство здания I в Тенаюке (?); перестройка Чолулы («Алтар де лос Краneос»); глиняные изделия Чолулы III; теночки в Чапултепеке; третий ацтекский цикл (1247—1299).

Кулуакан	Куаутитлан	Куитлауак	Тескоко	Теночтитлан
новая династия			*начало династии*	
Масацин (1251—1274)			Нопалцин (1232—1263)	
Кецалцин (1274—1287)		Коатомацин (1282—1288)	Тлоцин (1263—1298)	Уицилуитл (1235—1298)
Чалчиутлатонак (1287—1304)				

Таблица VII.

Кочевые племена по данным различных авторов и в сопоставлении со стилями керамики Центральной Мексики

	Histoire Mexicaine[а])	Кодекс 159? г.[б])	Кодекс 1576 г.[в])	Кубас по Муньосу Камарго[г])	Historia de los Mexicanos[д])	Кодекс Рамиреса[е])	Кодекс Ботурини[ж])	Дуран[з])	Саагун[и])	Кодекс Теллериано-Ременсис[к])	Ватиканский кодекс А[л])	Клавихеро[м])	Мотолиния[н])	Муньос Камарго[о])	де Мендиета[п])	Предполагаемое соотношение стиля керамики с племенами
Ацтеки	x	x	(x)[р]	—	x	x	(x)[р]	(x)[р]	(x)[р]	—	—	(x)[р]	x	—	x	Ацтекские образцы из Теночтитлана[с])
Шочимилки	x	x	x	x	x	x	x	x	—	—	—	x	—	—	—	(?)
Тепанеки	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	—	x	—	(x)[р]	—	Тенаюка II (?)[т]
Аколуа	—	x	—	—	(x)[у]	—	—	—	x	—	—	—	(x)[р]	(x)[р]	—	Масапан[ф])
Кулуа	—	—	—	x	x	x	—	x	—	—	—	x	—	(x)[р]	—	Кулуакан (подобный Ацтекскому[х])
Куитлауаки	x	(x)[ц]	x	—	—	—	(x)[ч]	—	—	—	—	—	—	—	—	(?)
Чалки	x	—	—	—	—	x	x	x	x	x	—	—	x	—	(x)[р]	Некоторые напоминают чолулские изделия[ц])
Тлауики	—	—	—	—	—	x	—	x	—	—	—	x	—	—	—	Гуалупита III[ш])
Тлашкалтеки	—	—	—	—	(x)[у]	x	—	x	x	—	—	x	(x)[р]	—	—	Некоторые стили, сходные с чолулскими изделиями[щ])
Чолултеки	—	(x)[ъ]	—	(x)[ы]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Чолулские изделия[ы])
Уэшоцинки	x	x	x	x	(x)[у]	—	x	—	x	—	—	—	—	—	—	(?)
Матлацинки	x	—	x	x	—	—	x	—	—	—	—	—	—	—	—	Матлацинки[ь])
Малиналки	x	—	x	—	—	x	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(?)
Каук-чоллан-шелуа	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—	x	—	(?)
Чичимеки	x	—	x	x	—	—	x	—	—	x	x	—	(x)	—	—	(?)
Ноноалки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	x		—	—	—	(?)
Мичоаки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	x	—	(x)	—	—	(?)
Коуишки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	x		—	—	—	(?)
Тотонаки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	x	—	—	—	—	(?)
Куэштеки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	x	—	—	—	—	(?)
Шикаланга-олмеки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	x	—	x	(x)[р]	x	(?)
Миштеки	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	—	x	—	x	Монте Альбан 5[э])
Отоми	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—	x	(?)

а) Histoire Mexicaine в книге *Boban*, Documents, 1891. Pl. 60.

б) Кодекс 1590 г. в книге *Boban*, Documents, 1891, Pl. 24; *Munoz Camargo*, Historia, 1892, p. 8, примечание.

в) Кодекс 1576 г. в книге *Aubin*, Histoire, 1893, p. 4 текста и оригинала.

г) *Muñoz Camargo*, Historia, 1892, p. 7; в примечании Чаверо приводится список, взятый из Cuadro Histórico-Jeroglífico de la Peregrinación de las Tribus Aztecas Que Poblaron el Valle de México, № 2, опубликованный в Atlas Geográfico, Antonio García Cubas, México, 1858, обычно называемый Codex Boturini.

д) Historia de los Mexicanos в Biblióteca Mexicana, 1878, p. 18.

е) *Phillips*, Codex Ramírez, 1883.

ж) *Radin*, Sources, 1920, p. 33, Pl. I, взято из Kingsborough, vol. I.

з) *Durán*, Historia de las Indias, I, 1867, p. 10.

и) *Sahagún*, Historia General, 1938, vol. 3, libro II.

к) Codex Telleriano-Remensis, 1899, p. 34, Pl. 25.

л) Codex Vaticanus A, 1900, Pl. 67.

м) *Clavigero*, History, 1787.

н) *Motolinia*, Historia, 1914, p.p. 7—10.

о) *Muñoz Camargo*, Historia, 1892, pp. 5—68. Список племен, взятый из «Истории» Муньоса Камарго, составлен нами на основе текста. Сам Муньос Камарго не составлял точного списка переселенцев.

п) *De Mendieta*, Historia, 1870, p. 145.

р) Эти племена подразумеваются у данных авторов, но прямо не называются.

с) *Noguera*, Características de Cerámica, 1930, Pl. 32.

т) *Noguera*, в книге Tenayuca, 1935.

у) «Мексиканцы говорят, что вышли эти народы и никакие другие, хотя тескокцы, тлашкалцы и уэшоцинки хвастаются... что они тоже... из этой земли». *Phillips*, Codex Ramírez, 1883, p. 625.

ф) *Vaillant*, Correlation, 1938.

х) *Boas*, Album, 1911—12, Pls. 1—36; *Brenner*, Influence of Technique, 1931.

ц) *Chavero* (цит. по *Muñoz Camargo*, Historia, 1892, p. 7) неправильно читает этот знак как «чолула».

ч) *Radin* (Sources, 1920) неправильно читает этот знак как «чолула».

ш) *Vaillant* and *Vaillant*, Cualupila, 1935, Figs 19, 27.

щ) *Noguera*, Características de Cerámica, 1930, Pl. 31.

ъ) *Peñafiel* (Nomenclatura Geografica, 1897) приводит этот знак как «чолула».

ы) *Noguera*, Características de Cerámica, 1930, Pl. 31, 1937 b.

ь) *Noguera*, Características de Cerámica, 1930, Pl. 6.

э) *Caso*, Monte Albán, 1938.

Таблица VIII.

Обзор ацтекской истории до возвышения Теночтитлана

1299—1351, ранний II ацтекский период

Восточная стадия: введение пиктографического письма и других искусств в Тескоко людьми из Миштеки; освоение керамики ацтекского периода IIa.

Западная или Кулуаская стадия: перестройка Тенаюки по окончании 52-годичного цикла, здание II; освоение керамики ацтекского периода IIa; сохранение керамики Койотлателко (?); восстание теночков в Чапултепеке, поселение в Теночтитлане; четвертый ацтекский цикл (1299—1351).

Кулуакан	Куаутитлан	Куитлауак	Тескоко	Теночтитлан
Куаутлиш (1304—1311) Йоуаллатонак (1311—1321) Циутекацин (1321—1334) Шиуитлемок (1334—1352)	Тескалтекутли (1299—1338) Вактли (1339—1349)	Миауатонацин (1290—1300) Ашаялцин (1300—1308) Ацацамалцин (1308—1324) Тотепеутекутли (1324—1343) Эпкоацин (1343—1354)	Кинацин (1298—1357)	Теноч (?) Начало династии Царица Иланкуэитл (1349—1383)

1351—1403, поздний II ацтекский период

Восточная стадия: объединение языка, проведенное Течотлалой; политическое и культурное главенство Тескоко; глиняные изделия ацтекского периода II и однородность культуры; глиняные изделия периода Чолула IV; разрушение в Чиконаутле по окончании 52-годичного цикла.

Западная стадия: упадок Кулуакана, возвышение тепанеков в Аскапоцалко; перестройка Тенаюки, здание IV, ацтекский переходный период; бегство теночкских пленных, начало строительства из камня, начало династии Акамапичтли; пятый ацтекский цикл (1351—1403).

Кулуакан	Куаутитлан	Куитлауак	Тескоко	Теночтитлан
Кошкош (1352—1376) Акамапичтли (1376—1388) Ачитометл (1388—1400)	Царица Эуалйенцицин (1368—1372) Темацакокуицин (1373—1378) Тлакатеоцин (1379—1389)	Кецалмичин (1354—1365) Мамацин (1369—1389) Пичацин (1389—1392)	Течотлала (1357—1409)	Акамапичтли (1375—1395) Уицилуитл II (1395—1414)

Таблица IX.

Обзор ацтекской истории после возвышения Теночтитлана

1403—1455, ранний III ацтекский период

Восточная стадия: утрата Тескоко политического значения в первой половине периода и позднейшее восстановление его политического господства, процветание и культурный рост при Несауалкойотле; расширение дворца в Чиконаутле; керамика ацтекского периода IIIа; керамика Чолулы V; разрушения по окончании 52-годичного цикла периода в Чиконаутле и Лос Мелонес (Тескоко).

Западная стадия: Кулуакан теряет политическое значение; возвышение и падение тепанеков; возвышение Теночтитлана в связи с заключением тройственного союза; расширение завоевательной деятельности и стремление к захвату пленных; перестройка в Тенаюке, здание IV; разрушение по окончании 52-годичного цикла в Сокало (г. Мехико); широкое распространение керамики ацтекского периода IIIа; шестой ацтекский цикл (1403—1455).

Кулуакан	Куаутитлан	Куитлауак	Тескоко	Теночтитлан
Науйотл (1400—1413)	Шалтемок (1390—1398 [1408])	Теполосмайотл (1393—1415)	Иштлилшочитл (1409—1418) *Тепанекские тираны* Тесосомок (1343—1427) Маштла (1427—1429) *Возобновление тескокской династии* Несауалкойотл (1418—1472)	Чималпопока (1414—1428) Ицкоатл (1428—1440) Монтесума I (1440—1469)

1455—1507, поздний III ацтекский период

Восточная стадия: дальнейшее развитие культуры в Тескоко; расширение дворца в Чиконаутле; усовершенствование керамических изделий; глиняные изделия ацтекского периода IIIb; разрушение по окончании циклического периода в Чиконаутле.

Западная стадия: политическое могущество Теночтитлана; расширение завоеваний в Мексике и Гватемале, перестройка большого храма; принесение военнопленных в жертву принимает все более широкие размеры; усложнение культа; распространение глиняных изделий ацтекского периода IIIb; перестройка Тенайюки, здание V; разрушение по окончании 52-годичного цикла в Ноноалко, г. Мехико; седьмой ацтекский цикл (1455—1507).

Кулуакан	Куаутитлан	Куитлауак	Тескоко	Теночтитлан
Маловажны	Маловажны	Маловажны	Несауалпилли (1472—1516)	Ашаякатл (1469—1481) Тисок (1481—1486) Ауицотл (1486—1503)

1507—1519. IV ацтекский период, завоевание

Восточная стадия: рост противоречий между Тескоко и Теночтитланом; последнее расширение дворца в Чиконаутле; керамика IV ацтекского периода — реалистический стиль. Испанское завоевание.

Западная стадия: господство Теночтитлана и угнетение Тескоко; укрепление старых завоеваний при незначительном успехе новых походов; перестройка Тенайюки, здание VI; керамика IV ацтекского периода, реалистический стиль, восьмой цикл ацтекского летосчисления (1507—1559), прерванный завоеванием.

Тескоко	Теночтитлан
Какама (1516—1519)	Монтесума II (1503—1520) Куитлауак (1520 [4 месяца]) Куаутемок (1520—1524) (умерщвлен в начале похода Кортеса в Гондурас)

Таблица X.

Главные представители ацтекского пантеона и их характеристика

Время, посвященное богам / Боги	Месяц	Неделя	День	Час дня	Час ночи
Великие боги					
Уицилопочтли, «колдун колибри», бог войны и солнца, главный бог Теночтитлана.	5* 9 15				
Тескатлипока, «курящееся зеркало», главный бог пантеона, с солярными атрибутами, главный бог Тескоко	5 12		13 8	10	
Кецалкоатл, «пернатая змея», бог науки, покровитель жрецов, главный бог Чолулы, часто изображаемый в виде Ээкатла, бога ветра		2	2	9	
Боги-творцы					
Тлоке Науаке, «владыка близкого соседства», дух созидания; представления о нем были весьма абстрактны					
Ометекутли, «владыка двойственности», подобный Тонакатекутли и его жене					
Тонакатекутли, «владыка нашего бытия», созидающий бог, возглавлявший пантеон.		1	1		
Тонакасиуатл, «владычица нашей жизни», супруга предыдущего бога					

Время, посвященное богам / Боги	Месяц	Неделя	День	Час дня	Час ночи
Боги плодородия					
Тласолтеотл, «богиня грязи», мать земли, почитаемая под многими названиями	11	13	14	5	7
Тетеоиннап, «мать богов», синоним Тласолтеотл					
Ишкуина, «четыре лика», синоним Тласолтеотл					
Тоси, «наша бабушка», синоним Тласолтеотл					
Чикомекоатл, «семь змей», богиня кукурузы, древняя богиня, культ которой восходит ко времени «Средней культуры»..	4 11				
Сиуакоатл, «змея-женщина», богиня земли и деторождения					
Тонанцин, «наша мать», синоним Сиуакоатл					
Коатликуэ, «змеиное платье», богиня земли, связанная с весной, мать Уицилопочтли					
Синтеотл, «бог кукурузы», сын Тласолтеотл, муж Шочикецал, занимал важное место в пантеоне ацтеков				(12) (7)	4
Шочикецал, «цветочное перо», богиня цветов, покровительница ремесленников, также занимала важное место в пантеоне ацтеков		19	20	(13)	
Шочипилли, «господин цветов», бог удовольствий, пиров и наслаждений			7 11	(3) 7	
Макуилшочитл, «пять цветов», синоним Шочипилли					
Шипе, «наш владыка в ободранной коже», бог сева, красный Тескатлипока. Он занимал крайне важное место в религии ацтеков	2	14	15	(11) (4)	
Шилонен, «мать молодой кукурузы»	8				
Иламатекутли, «древняя госпожа»; культ ее восходит к древнейшим временам и связан с кукурузой и землей	17			13	
Боги дождя и влаги					
Тлалок, «тот, кто заставляет растения произрастать», бог дождя, занимал важное место в пантеоне	6 13	7	7	8	(8) 9

Бог и / Время, посвященное богам	Месяц	Неделя	День	Час дня	Час ночи
Тлалоки, младшие боги дождя, дети или братья Тлалока	3 1 16				
Чалчиуитликуэ, «богиня в платье, покрытом драгоценностями», богиня вод. Занимала важное место в пантеоне	1	5	5	3	6
Уиштосиуатл, «соляная женщина», богиня соли	7				
Напатекутли, «четырежды владыка», один из Тлалоков					
Ээкатл, «ветер», бог ветра, один из распространенных обликов Кецалкоатла					
Боги огня					
Шиутекутли, владыка года, бог огня; культ его очень древний и занимал значительное место в пантеоне ацтеков	18 10	20 9	9	(7) 1	1
Уэуэтеотл, «старый бог», синоним Шиутекутли					
Чантико, «в доме», богиня, связанная с очагом и вулканическим огнем		18	19		
Боги пульке					
Маяуэл, «богиня из агавы», богиня агавы и плодородия		8	8		
Патекатл, «бог из страны лекарств», бог медицины, супруг Маяуэл		11	12		
Тескацонтекатл, «покрытое соломой зеркало», бог пульке, отождествляемый с каменными фигурами Чак Мол					
Сенцон Тоточтин, «четыреста кроликов», многочисленные боги пульке					
Боги звезд и планет					
Тонатиу, «солнце», бог солнца, тесно связан с Уицилопочтли и Тескатлипокой			4		
Пилцинтекутли, «молодой господин», синоним Тонатиу					3
Мецтли, «луна», бог луны, иногда отождествляемый с Тескатлипокой					
Тексистекатл, «бог морской улитки», синоним Мецтли		6	6		(5)
Мишкоатл, «змея туч», бог звезд и чисел	14				
Камаштли, бог Тлашкалы, синоним Мишкоатла, бог войны					

Время, посвященное богам / Боги	Месяц	Неделя	День	Час дня	Час ночи
Ицпапалотл, «бабочка обсидианового ножа», богиня звезд и земледелия		15	16		
Тлауискалпантекутли, «владыка дома зари», Венера, утренняя звезда, одно из проявлений Кецалкоатла		9		(1) (12)	
Койалшауки, «которую рисуют с колокольчиками», богиня луны, сестра Сенцон Уицнауа					
Сенцон Уицнауа, «400 южан», звездные боги юга					
Сенцон Мимишкоа, «400 северян», звездные боги севера					
Цицимиме, «чудовища, сходящие свыше», звездные боги					
Боги смерти и земли					
Миктлантекутли, «владыка области смерти», бог смерти		10	10	11	5
Миктлансиуатл, «владычица области смерти», супруга бога смерти					
Тепейолотл, «сердце гор», бог гор, изображаемый в виде ягуара		3	3		8
Тлантекутли, «владыка земли», земное чудовище, олицетворение земли в противоположность солнцу				2	
Теояомики, «бог мертвых воинов», один из богов смерти				6 (6)	
Уауантли, «полосатый», синоним Теояомики					
Воплощения великих богов					
Ицтли, «каменный нож», Тескатлипока в образе жертвенного ножа		20			2
Ицлаколиуки, «кривой обсидиановый нож», другое воплощение Тескатлипоки		12	(13)		
Пайнал, «торопливый», посланник Уицилопочтли					
Якатекутли, «владыка, указующий пути», бог странствующих торговцев	15 12				
Чалчиутотолин, «птица, украшенная драгоценностями», разновидность Тескатлипоки		17	(18)	(5)	
Яотл, «враг», синоним Тескатлипоки					

Боги \ Время, посвященное богам	Месяц	Неделя	День	Час дня	Час ночи
Прочие боги					
Шолотл, двойной, «бог-чудовище», брат-близнец Кецалкоатла		16	17		
Иштлилтон, «маленькое черное лицо», бог здоровья, излечивающий болезни				(2)	
Сиуатетео, «богини», ведьмы-духи женщин, умерших во время родов................					
Уэуэкойотл, «старый шакал», бог лжи, покровитель Отоми		4	4		

* Цифры относятся к Тоналаматлу („Codex borbonicus“), цифры в скобках—к разночтениям в Тоналаматле Обена и „Codex Telleriano Remensis“.

Таблица XI.

Названия дней и числа ацтекского месяца

1. Сипактли (мифическое водяное чудовище, крокодил, аллигатор).
2. Ээкатл (ветер).
3. Калли (дом) (название года).
4. Куэцпаллин (большая древесная ящерица).
5. Коатл (змея).
6. Микистли (голова смерти).
7. Масатл (олень).
8. Точтли (кролик) (название года).
9. Атл (вода).
10. Ицкуинтли (собака).
11. Осоматли (воющая обезьяна).
12. Малиналли (трава).
13. Акатл (тростник) (название года).
1. Оселотл (оцелот).
2. Куаутли (орел).
3. Коскакуаутли (гриф).
4. Оллин (движение, землетрясение).
5. Текпатл (кремневый нож) (название года).
6. Киауитл (дождь).
7. Шочитл (цветок).
8. Сипактли.
9. Ээкатл.
10. Калли (название года)
11. Куэцпаллин.
12. Коатл.
13. Микистли.
1. Масатл.
2. Точтли (название года) и т. д.

Тоналпоуали: последовательность названия дней, чисел и недель

Крокодил	I 1	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7
Ветер	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7	XVIII 1	8
Дом	3	10	4	11	5	12	6	13	7	XV 1	8	2	9
Ящерица	4	11	5	12	6	13	7	XII 1	8	2	9	3	10
Змея	5	12	6	13	7	IX 1	8	2	9	3	10	4	11
Голова смерти	6	13	7	VI 1	8	2	9	3	10	4	11	5	12
Олень	7	III 1	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13
Кролик	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7	XX 1
Вода	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7	XVII 1	8	2
Собака	10	4	11	5	12	6	13	7	XIV 1	8	2	9	3
Обезьяна	11	5	12	6	13	7	XI 1	8	2	9	3	10	4
Трава	12	6	13	7	VIII 1	8	2	9	3	10	4	11	5
Тростник	13	7	V 1	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6
Оцелот	II 1	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7
Орел	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7	XIX 1	8
Гриф	3	10	4	11	5	12	6	13	7	XVI 1	8	2	9
Движение	4	11	5	12	6	13	7	XIII 1	8	2	9	3	10
Кремневый нож	5	12	6	13	7	X 1	8	2	9	3	10	4	11
Дождь	6	13	7	VII 1	8	2	9	3	10	4	11	5	12
Цветок	7	IV 1	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13

Таблица XIII.

Боги дней в тоналпоуалли

День	Бог	Название и характеристика
1. Крокодил	Тонакатекутли	„Владыка нашего существования“, бог-творец
2. Ветер	Кецалкоатл	„Пернатая змея“. бог неба, покровитель науки
3. Дом	Тепейоллотл	„Сердце гор“, бог земли
4. Ящерица	Уэуэкойотл	„Старый шакал“, бог лжи
5. Змея	Чалчиуитликуэ	„Владычица в платье с драгоценностями“, богиня вод
6. Голова смерти	Текистекатл	„Бог из морской улитки“, бог луны
7. Олень	Тлалок	„Бог, покровительствующий произрастанию“, бог дождя
8. Кролик	Маяуэл	„Богиня из растения агавы“, богиня пульке
9. Вода	Шиутекутли	„Владыка года“, бог огня
10. Собака	Миктлантекутли	„Владыка области мертвых“, бог смерти
11. Обезьяна	Шочипилли	„Господин цветов“, бог весны и цветов
12. Тростник	Тескатлипока или его разновидность вроде Ицлаколиуки	„Курящееся зеркало“, великий бог, ср. богов недель, „обсидиановый нож“
13. Трава	Патекатл	„Бог из страны лекарств“, бог медицины
14. Оцелот	Тласолтеотл	„Богиня грязи“, богиня земли
15. Орел	Шипе	„Владыка в ободранной коже“, бог сева
16. Гриф	Ицпапалотл	„Обсидиановая бабочка“, богиня звезд
17. Движение	Шолотл или его разновидность	„Двойной“, бог-чудовище
18. Кремневый нож	Тескатлипока или Чалчиутотолин	„Курящееся зеркало“, великий бог, „Птица в драгоценностях“, бог—покровитель недели
19. Дождь	Чантико	„В доме“, богиня огня в очаге
20. Цветок	Шочикецал	„Цветочное перо“, богиня цветов

Таблица XIV.

Боги недель в тоналпоуалли

Первый день недели (начало)	Бог	Характеристика
1 Крокодил	Тонакатекутли	„Владыка нашего существования", бог-творец
1 Оцелот	Кецалкоатл	„Пернатая змея", бог неба
1 Олень	Тепейоллотл	„Сердце гор", бог земли
1 Цветок	Уэуэкойотл	„Старый шакал", бог лжи, старый племенной бог Отоми
1 Тростник	Чалчиутликуэ	„Владычица в платье с драгоценностями", богиня вод
1 Голова смерти	Текистекатл	„Бог из морской улитки", бог луны
1 Дождь	Тлалок	„Бог, покровительствующий произрастанию", бог дождя
1 Трава	Маяуэл	„Богиня из растения агавы", богиня пульке
1 Змея	Шиутекутли	„Владыка года", бог огня
1 Кремень	Миктлантекутли	„Владыка области мертвых", бог смерти
1 Воющая обезьяна	Патекатл	„Бог из страны лекарств", бог медицины
1 Ящерица	Ицлаколиуки	„Обсидиановый нож", бог холода
1 Движение	Тласолтеотл	„Богиня грязи", богиня земли
1 Собака	Шипе Тотек	„Владыка в ободранной коже", бог сева
1 Дом	Ицпапалотл	„Обсидиановая бабочка", богиня звезд
1 Гриф	Шолотл	„Двойной", бог-чудовище
1 Вода	Чалчиутотолин	„Птица в драгоценностях", воплощение Тескатлипоки
1 Ветер	Чантико	„В доме", богиня огня в очаге
1 Орел	Шочикецал	„Цветочное перо", боги я цветов
1 Кролик	Шиутекутли и Ицтли	„Каменный нож", бог обсидианового ножа

Таблица XV.

Боги дневных часов и посвященные им птицы и насекомые

Боги дней	Имя	Связанная с богом итица
1. Шиутекутли	„Бог огня"	Белый колибри
2. Тлалтекутли	„Владыка земли, чудовище земли"	Зеленый колибри
3. Чалчиуитликуэ	„Богиня вод"	Сокол
4. Тонатиу	„Солнце", бог солнца	Перепел
5. Тласолтеотл	„Мать земли"	Орел

Боги дней	Имя	Связанная с богом птица
6. Теояомики	„Смерть воинов“, бог смерти	Полосатая сова
7. Шочипилли	„Господин цветов“, бог цветов	Бабочка
8. Тлалок	„Бог дождя“	Полосатый орел
9. Кецалкоатл Ээкатл	„Бог науки“	Индюк
10. Тескатлипока	„Великий бог“	Ушастая сова
11. Миктлантекутли	„Бог смерти“	Гуакамайя
12. Тлаускалпантекутли	„Владыка дома зари“, бог планеты Венеры, воплощение Кецалкоатла	Кецал
13. Льяматекутли	„Старая госпожа“, древняя богиня земли	Попугай

Таблица XVI.

Боги часов ночи и их значение в магии

Ночные боги		Значение
1. Шиутекутли	„Бог огня“	Доброе
2. Ицтли	„Бог обсидианового ножа“	Плохое
3. Пилцинтекутли	„Владыка знатных“, бог солнца	Плохое
4. Синтеотл	„Бог кукурузы“	Безразличное
5. Миктлантекутли	„Бог смерти“	Плохое
6. Чалчиуитликуэ	„Богиня вод“	Безразличное
7. Тласолтеотл	„Мать земли“	Плохое
8. Тепейоллотл	„Бог земли“ (или ягуаров)	Доброе
9. Тлалок	„Бог дождя“	Доброе

Таблица XVII.

Солнечный год, восемнадцать месяцев и обряды

Месяцы, характер, приблизительные даты грегорианского календаря, боги-покровители и главные праздники.

I. Атлкоуалко («нужда в воде»), прекращение дождей (12 февраля — 3 марта). Чалчиуитликуэ и Тлалок. Обряды, долженствующие вызвать дождь; принесение в жертву детей; жертва Шипе (бой пленников с тупым оружием).

II. Тлакашипеуалистли («сдирание мяса с человеческих костей»), время сева (4 марта — 23 марта). Бог Шипе. Олицетворение Шипе жрецами, одетыми в кожи пленников; пляски жрецов, наряженных в человеческие кожи; земледельческие пляски.

III. Тосостонтли («короткий пост»), желателен дождь (24 марта — 12 апреля), Коатликуэ и Тлалоки. Принесение в жертву детей Тлалокам для ниспослания дождя; конец празднеств в честь бога Шипе, продолжающихся иногда свыше месяца.

IV. Уэи Тосостли («долгий пост»), поклонение молодой кукурузе (13 апреля — 2 мая). Сентеотл и Чикомекоатл. Обрядовое кровопускание; украшение домашних алтарей листвой кукурузы; праздник девушек с обрядом благословения семян кукурузы.

V. Тошкатл («сухой или скользкий месяц»), начало сезона дождей (3 мая — 22 мая). Тескатлипока и Уицилопочтли; обряды и празднества с олицетворением одного или обоих главных божеств; обряд нанесения шрамов детям.

VI. Эцалкиалистли («бобовая похлебка»), желателен дождь (23 мая — 11 июня). Тлалоки. Обрядовые похищения; празднества дождя; потопление мальчика и девочки в челне, наполненном сердцами принесенных в жертву.

VII. Текуилуитонтли («малый праздник знатных»), желателен дождь (12 июня — 1 июля). Уиштосиуатл. Праздник рабочих, добывающих соль. Пляска женщин с принесением в жертву жрицы, олицетворяющей богиню.

VIII. Уэитекуилуитл («большое празднество правителей»), поклонение зреющей кукурузе (2 июля — 21 июля). Шилонен. Празднество в честь богини молодой кукурузы; восьмидневное торжество; женщины распускают волосы как средство симпатической магии; принесение в жертву девушки-рабыни, олицетворяющей богиню; после жертвоприношения народу разрешается есть молодую кукурузу.

IX. Тлашочимако («рождение цветов»), первое цветение (22 июля — 10 августа). Уицилопотчли. Пиршество, во время которого поедаются индюки и лепешки из кукурузной муки в честь бога; массовые пляски с участием мужчин и женщин, причем мужчинам разрешается сближаться с женщинами; празднество торговцев в честь их покровителя — бога Якатекутли.

X. Шокотлуэци («падение плодов»), нужно тепло для созревания плодов (11 августа — 30 августа). Шиутекутли (Уэуэтеотл). Сжигание жертв на костре; соревнование молодых людей, влезающих на высокий шест за особым значком, находящимся на верху шеста.

XI. Очпанистли («месяц веников»), оживление матери земли (31 августа — 19 сентября). Тласолтеотл или Тетеойнан (Тоси). Принесение в жертву женщины, олицетворяющей богиню спелой кукурузы; шутовские обряды, долженствующие предотвратить несчастья; обряды симпатической магии для предотвращения дождя во время жатвы; смотр воинов и раздача знаков различия; маневры и шуточные сражения между «рыцарями» Орла и Оцелота.

XII. Теотлеко («возвращение богов»), уборка урожая (20 сентября — 9 октября). Тескатлипока. Обряды и празднества в честь возвращения богов на землю; первым возвращается Тескатлипока; двое отсутствуют — Шиутекутли, слишком старый и неспособный передвигаться, и Якате-

кутли — торговец, потерявший проторенную дорогу, обрядовое пьянство и сжигание жертв.

XIII. Тепеилуитл («праздник гор»), дождь (10 октября — 29 октября) Тлалоки. Обряды в честь горных богов дождя, разновидностей Тлалоков; в культе используются деревянные змеи и статуэтки, покрытые амарантовой пастой; принесение в жертву четырех женщин и одного мужчины, за которым следовало обрядовое людоедство.

XIV. Кечолли («птица», «перепел»(?), дождь (30 октября — 18 ноября). Мишкоатл. Изготовление оружия; всеобщее четырехдневное покаяние; старики, имеющие разрешение пить, воздерживаются от напитков, и мужья не прикасаются к своим женам; обрядовая охота с применением в жертву дичи и культовое пиршество на горе.

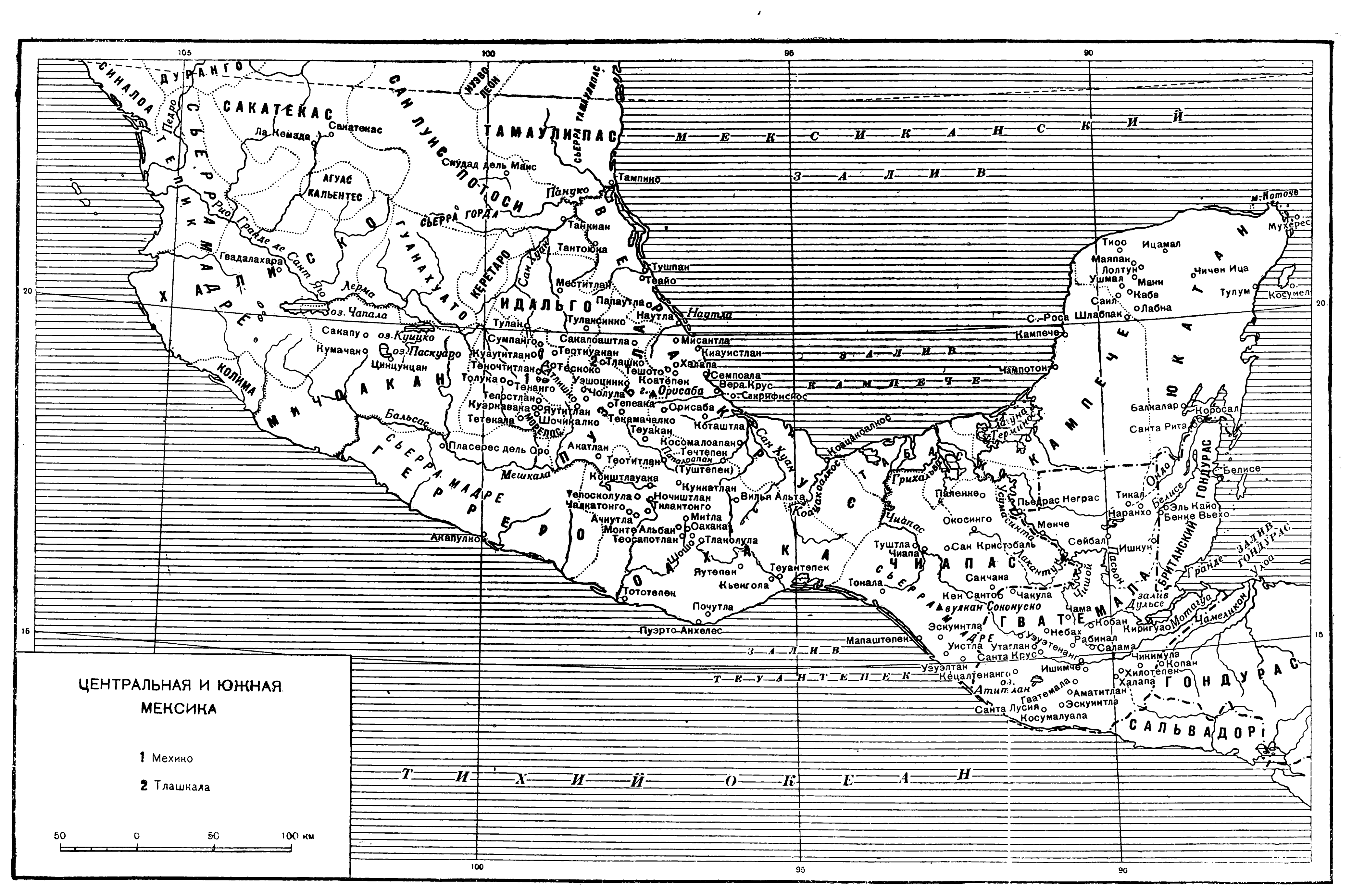
XV. Панкецалистли («праздник флагов»), зимнее солнцестояние (19 ноября — 8 декабря). Уицилопочтли. Празднества в честь бога войны; шуточные бои; снятие отпечатков рук пленников.

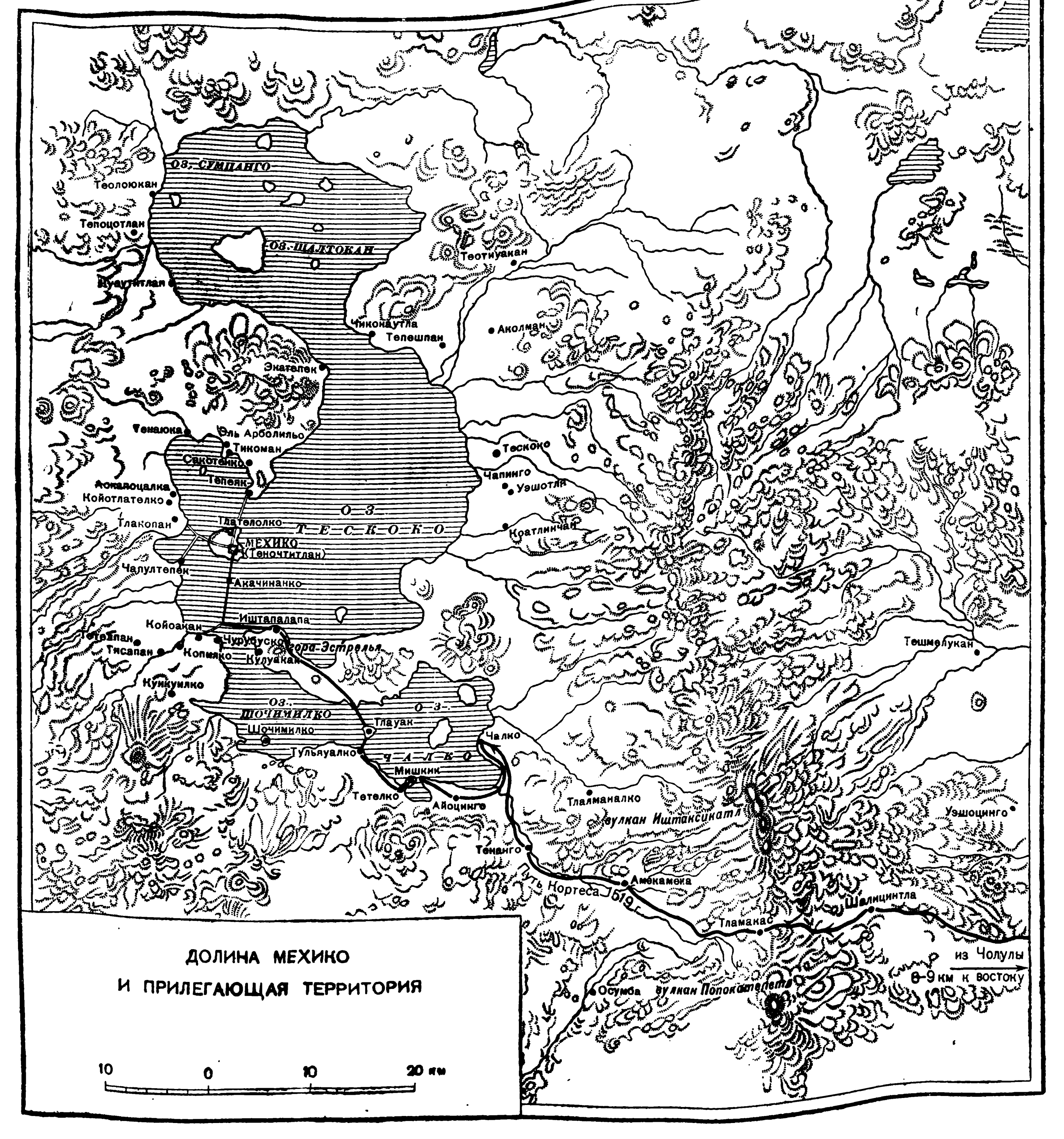
XVI. Атемостли («падение вод»), дождь (9 декабря — 28 декабря), Тлалоки. Бодрствование и жертвоприношение домашним богам; зимнее солнцестояние; установка шестов с бумажными вымпелами, покрытыми каучуком.

XVII. Тититл («суровая погода»), сезон ясной погоды (29 декабря — 17 января). Иламатекутли. Принесение в жертву женщины, олицетворяющей богиню; использование средств симпатической магии для вызова дождя с помощью плача: дети плачут первый день месяца, дети и мужчины избивают женщин мешками с соломой, чтобы заставить их плакать.

XVIII. Искалли («воскрешение»), поджаривание запасов кукурузы (18 января — 6 февраля). Шиутекутли. Обрядовая охота; убийство пленников через каждые четыре года; убийство птиц и жертва (убийство стрелами) в Куаутитлане.

Немонтеми, «пять несчастливых дней» (7 февраля — 11 февраля).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮЖНАЯ МЕКСИКА
1 Мехико
2 Тлашкала
50 0 50 100 км
105
100
95
90
20
15
СИНАЛОА
ДУРАНГО
САКАТЕКАС
САН ЛУИС ПОТОСИ
НУЭВО ЛЕОН
ТАМАУЛИПАС
СЬЕРРА ТАМАУЛИПАС
АГУАС КАЛЬЕНТЕС
ГУАНАХУАТО
КЕРЕТАРО
ИДАЛЬГО
ХАЛИСКО
МИЧОАКАН
КОЛИМА
ГЕРРЕРО
МОРЕЛОС
ПУЭБЛА
ВЕРАКРУС
ОАХАКА
ТАБАСКО
ЧИАПАС
КАМПЕЧЕ
ЮКАТАН
ГВАТЕМАЛА
БРИТАНСКИЙ ГОНДУРАС
ГОНДУРАС
САЛЬВАДОР
СЬЕРРА МАДРЕ
СЬЕРРА ГОРДА
СЬЕРРА МАДРЕ
М Е К С И К А Н С К И Й
З А Л И В
З А Л И В К А М П Е Ч Е
З А Л И В Т Е У А Н Т Е П Е К
Т И Х И Й О К Е А Н
ЗАЛИВ ГОНДУРАС
залив Дульсе
м. Коточе
Ла Кемада
Сакатекас
Скудад дель Маис
Тампико
Пануко
Танкиан
Тантоюка
Тушпан
Теайо
Меститлан
Папаутла
Наутла
Наутла
Туланcинко
Тулан
Мисантла
Киаустлан
Халапа
Семпоала
Вера Крус
о. Сакрифисиос
Сакапоаштла
Теотиуакан
Сумпанго
Куаутитлан
Теночтитлан
Тескоко
Тлашко
Тешото
Коатепек
Толука
Тенанго
Уэшоцинко
Чолула
г. Орисаба
Орисаба
Теностлан
Куэрнавака
Яутитлан
Тепеака
Текамачалко
Тетекала
Шочикалко
Теуакан
Коташтла
Косомалоапан
Течтепек
Туштепек
Акатлан
Теотитлан
Пласерес дель Оро
Мешкала
Коиштлауака
Тепосколула
Ночиштлан
Куикатлан
Чалкатонго
Тилантонго
Вилья Альта
Ачиутла
Митла
Оахака
Монте Альбан
Теосапотлан
Тлаколула
Акапулько
Яутепек
Теуантепек
Тототепек
Кьенгола
Почутла
Пуэрто Анхелес
Гвадалахара
Сакапу
Кумачан
Цинцунцан
оз. Чапала
оз. Куицко
оз. Паскуаро
Лерма
Рио Гранде де Сант Яго
Педро
Бальсас
Атлишко
Сан Хуан
Коацакоалкос
Грихальва
Чиапас
Усумасинта
Лакантун
Чишой
Пасьон
Белисе
Ондо
Мотагуа
Чамеликон
Улоа
Гранде
Лагуна де Терминос
Кампече
Чампотон
С. Роса Шлабпак
Тиоо
Маяпан
Ицамал
Лолтун
Ушмал
Мани
Чичен Ица
Сайл
Каба
Лабна
Тулум
Косумель
Мухерес
Балкалар
Коросал
Санта Рита
Белисе
Паленке
Окосинго
Пьедрас Неграс
Тикал
Наранхо
Менче
Эль Кайо
Бенке Вьехо
Сейбаль
Ишкун
Сан Кристобаль
Туштла
Чиапа
Тонала
Сакчана
Кен Санто
Чакула
вулкан Соконуско
Чама
Кобан
Небах
Рабинал
Салама
Киригуа
Эскуинтла
Уистла
Утатлан
Уэуэтенанго
Санта Крус
Мапаштепек
Уэуэтлан
Кецалтенанго
Ишимче
Чикимула
Хилотепек
Копан
оз. Атитлан
Халапа
Гватемала
Аматитлан
Эскуинтла
Санта Лусия
Косумалуапа

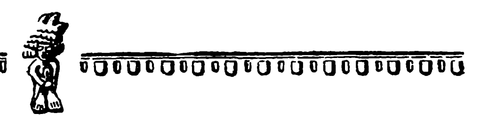

ДОЛИНА МЕХИКО
И ПРИЛЕГАЮЩАЯ ТЕРРИТОРИЯ

10 0 10 20 км

Р. В. КИНЖАЛОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕКСИКИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕКСИКИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Археологическое изучение Мексики началось сравнительно недавно — немного более полувека тому назад — с 90-х годов XIX в. Однако результаты его настолько плодотворны, что уже давно возникла необходимость в обобщении добытого материала с тем, чтобы с большей или меньшей полнотой восстановить прошлое племен, заселявших Мексику до завоевания ее испанцами. Попытки подобного обобщения предпринимались неоднократно, в том числе и наиболее авторитетными буржуазными учеными, работавшими в данной области, но удачными их признать невозможно *. Не говоря уже о порочности метода, эти исследования обычно или были перегружены археологическим материалом и недостаточно учитывали сообщения испанских хронистов, или, наоборот, основываясь почти исключительно на хрониках, оставляли в стороне памятники, добытые археологическими раскопками. Противоречия, существующие между версиями различных хронистов, или опускались, или из них выбиралась одна, наиболее приемлемая для предвзятой концепции автора.

Книга американского археолога Джорджа Клаппа Вайяна (1901—1945) выгодно отличается от исследований других буржуазных ученых, посвященных истории ацтеков и истории их культуры. Это объясняется прежде всего тем, что автор в одинаковой степени владел как источниками письменными — хрониками испанцев и ацтеков, так и вещественными. Недаром Вайян в течение ряда лет возглавлял раскопки в Центральной

* *T. A. Joyce,* Mexican Archaeology, London, 1920; *H. Spinden,* Ancient Civilizations of Mexico and Central America, New York, 1928; *J. Genet,* Histoire des peuples shochones — aztèques, Paris, 1929; *J. E. S. Thompson,* Mexico before Cortes, New York, 1934; *E. L. Hewett,* Anciene Life in Mexico and Central America, Indianapolis, 1936; *Th. Gann,* Mexico, London, 1936; *H. B. Parkes,* A History of Mexico, Boston, 1938, и др.

Америке, и нельзя не признать его серьезных заслуг в археологическом изучении последней.

До работ Вайяна в буржуазной науке господствовало мнение, выдвинутое еще в 1910 г. Боасом и Гамио, что с точки зрения археологии в культурном развитии Мексики до завоевания ее Кортесом следует различать три этапа: архаический, толтекский и ацтекский. Исходя из этого, Г. Спинден разработал свою теорию «архаической культуры», общей на всем протяжении Центральной и части Южной Америки, помещая «центр» этой культуры на Мексиканском плоскогорье. Чрезмерно упрощенные положения Спиндена удалось опровергнуть только в результате работ Вайяна. Начиная с 1928 г. под его руководством были проведены раскопки древних поселений долины Мехико. Добытый материал позволил воссоздать совершенно иную картину стратиграфии древнейших культур, удалось открыть неизвестные прежде этапы исторического развития Центральной Америки и определить их последовательность.

В результате проведенных им раскопок Вайян отказался от термина «архаическая культура», так как выяснилось, что данный термин не отвечает содержанию этой достаточно высокой культуры. Поэтому Вайян предложил для нее название «Средняя культура», полагая, что в результате дальнейших раскопок в долине Мехико будут обнаружены следы жизни человека более древней эпохи. Он выяснил, что тот широко распространенный комплекс памятников, который Г. Спинден ошибочно относил к «Средней культуре», в действительности не встречается в принадлежащих ей поселениях долины Мехико и, вероятно, происходит из Южной Америки. Вайян определил характерные черты, присущие названной группе памятников, и назвал их «Комплексом Q». По его вполне обоснованному мнению их следует отнести к древнейшему периоду, предшествовавшему развитию культур майя, сапотеков, чоротега и чиму. Исследуя так называемые «детские статуэтки» из раскопок Гуалупиты и бородатые головки из штата Герреро, Вайян выдвинул мысль о том, что здесь мы имеем дело с определенными этническими типами, памятники культуры которых еще не обнаружены исследователями. Раскопки последних лет показали справедливость предположений Вайяна.

Полнота археологического материала и тщательное изучение источников времени испанского завоевания определяют познавательную ценность книги Вайяна, в которой он попытался дать общедоступное введение в археологию Мексики. Однако при всей своей ценности работа американского ученого имеет целый ряд существенных недостатков, обусловленных прежде всего порочностью буржуазного идеалистического мировоззрения автора. О некоторых из них уже говорилось во вступительной

статье академика В. В. Струве; указывают на них и подстрочные примечания. Но кроме этого, книга нуждается еще в существенных дополнениях, прежде всего с точки зрения археологии; это обусловлено двумя причинами.

Во-первых, автор ограничил свою задачу написанием введения в историю одних лишь ацтеков и их историю культуры. Но археологические культуры находились в тесных связях друг с другом. Поэтому Вайяну пришлось несколько расширить план книги и рассмотреть остальные древние культуры долины Мехико, а кроме того, ввести в I главу краткий обзор соседних культур: майя, олмеков и сапотеков. Однако обзор этот весьма поверхностен и почти ничего не дает читателю, в то время как последний обращается к подобного рода трудам, стремясь получить общее представление о древнейшей истории народов Мексики в целом.

Вторая причина заключается в том, что настоящее археологическое изучение Мексики в сущности только начинается. Каждый год раскопки приносят новые данные, иногда восполняющие имеющиеся пробелы в наших знаниях, а иногда заставляющие пересматривать и исправлять прежние представления о целых исторических периодах. Это в значительной степени зависит от несовершенства раскопочных методов, применяемых американскими и мексиканскими археологами. При производстве раскопок они обычно удовлетворяются расчищением нескольких, наиболее крупных зданий и закладкой траншей для определения последовательности культурных слоев; полной расчистки по слоям, как правило, не производится. В результате применения таких «методов» работа археологов сводится в сущности только к выискиванию наиболее эффектных экспонатов для музеев; иногда большая часть найденных вещей остается на месте и не вывозится *. Естественно, что научные результаты подобного рода раскопок бывают крайне скудны.

Книга Вайяна была закончена к 1940 г.; за истекшее после ее написания время раскопки доставили огромное количество нового археологического материала, в одних случаях заставляющего пересмотреть некоторые утверждения Вайяна, в других — подкрепляющие высказанные им взгляды. Задача настоящей статьи — дать краткую сводку новейших открытий, которые будут изложены в том же порядке — хронологическом, соответствующем построению книги Вайяна.

За последние годы наиболее крупным событием в археологическом изучении Мексики, несомненно, следует считать открытия мексиканского геолога и палеонтолога Гельмута де Терра в

* При раскопках в Пьедре Параде (штат Чиапас) в 1945 г. археолог М. Стирлинг из найденных в двух пещерах *семи тысяч* целых сосудов (не считая большого количества фрагментированных) вывез в музей только *сто* штук (*El Palacio*, vol. 53, № 7, стр. 199, Santa Fe, 1946).

долине Мехико. Хотя Вайян уже довольно давно определил существование человека в Центральной Америке до эпохи «Средней культуры», однако находок, подтверждающих эту догадку, в долине Мехико обнаружено не было; наиболее ранним свидетельством существования человека на территории Центральной Америки оставались известные еще с конца 40-х годов прошлого века отпечатки следов человеческих ног на окаменевшем речном иле близ селения Манагуа, в республике Никарагуа. В 1945 г. Гельмут де Терра предпринял обследование склонов горы Попокатепетла, где прежними исследованиями было отмечено наличие ледниковых и послеледниковых формаций; эти работы первоначально преследовали не только археологические, но и геологические цели. В результате его раскопок, распространившихся на весь штат Мехико и прилегающие к нему районы, Терра обнаружил две новые археологические культуры, предшествующие всем, дотоле известным. Первая из них, открытая в Текишкьяке (Tequixquiac), представлена небольшим количеством скребков, обработанных осколков обсидиана и халцедона и остроконечным костяным орудием. Эти орудия были найдены в слоях, содержавших кости мамонта, ископаемых бизона и лошади и ряда других млекопитающих верхнего плейстоцена. Терра относит эту культуру к концу ледникового периода в Америке и датирует ее 20—15 тысяч лет тому назад. Вторая культура представлена 65 орудиями из базальта, извлеченными из пласта ранней послеледниковой эпохи. Кроме скребков, топоров и ножей обнаружены фрагменты базальтового наконечника метательного копья. Эту культуру Терра датирует временем не раньше 10 тысяч и не позже 5 тысяч лет тому назад *.

Наиболее важным открытием Терры бесспорно является находка 22 февраля 1947 г. в Тепешпане (на северо-восточном берегу озера Тескоко) скелета ископаемого человека. Хорошо сохранившиеся кости были вскрыты на глубине 1 м 12 см в слое буро-желтой илистой глины, где незадолго перед этим были обнаружены шесть скелетов ископаемого слона (Archidiscon imperialis). Геологический горизонт исключает всякую возможность предположения, что мы имеем здесь дело с интрузивным погребением или результатом смещения пластов; вне всякого сомнения, перед нами слой верхнего плейстоцена, одновременный с поздним слоем Висконсин III по ледниковой стратиграфии центральной части Соединенных Штатов. Поэтому высказывавшиеся в первое время сомнения в действительной принадлежности тепешпанского скелета к этой эпохе вскоре были опровергнуты.

---

* „American Antiquity", vol. XII, № 1, July, 1946, *El Palacio*, vol. 53, № 1, стр. 3; № 3, стр. 67, Santa Fe, 1946.

Положение костяка заставляет предположить, что смерть тепешпанского человека последовала в результате несчастного случая. Тело его было скорчено, ноги подтянуты к грудной клетке, он лежал лицом вниз и должен был частично погрузиться в болотный ил, так что погребенная часть избежала повреждений со стороны мелких хищников, растащивших, очевидно, не покрытые илом части тела (отсутствуют кости ног, таз и часть ребер и позвонков).

Антропологическое исследование скелета показало, что он принадлежал коренастому мужчине среднего роста, в возрасте около сорока лет, близкому к монголоидному типу. Терра полагает, что тепешпанский человек, охотясь на слонов, погиб на болотистом берегу озера Тескоко около 10—15 тысяч лет тому назад. Были также обнаружены и его орудия. Еще до работ Терры А. Р. Арельяно нашел приблизительно в трехстах метрах от скелета обсидиановый наконечник копья вместе с черепом слона. При дальнейших поисках, производившихся Террой и Генри Филдом, удалось отыскать ряд обработанных кусков белого халцедона и несколько орудий. Они ориентировочно могут быть разбиты на следующие группы: 1) обсидиановые орудия вместе с черепками от керамики периодов II—III Теотиуакана, 2) орудия из белого халцедона, вероятно, совпадающие с керамикой «Средней культуры», 3) скребки из молочного халцедона, одновременные с наиболее ранней керамикой или предшествующие ей, и 4) обработанные осколки пятнистого халцедона, в числе их обломок наконечника фольсомского типа с характерным широким продольным отколом. Наконечник является первым указанием на соотношение между древнейшими культурами штата Нью-Мексико и долины Мехико. Благодаря этой находке тепешпанский человек может быть сопоставлен с точки зрения своего культурного развития с ранними обитателями Фольсома и Сандии. Близкие типологические орудия этого же периода были найдены близ Чалко, Сан-Луис Потоси и в других местностях.

В последнее время Терра производил раскопки в штате Оахака и в Гватемале, но результаты их пока еще не опубликованы *.

---

* *Life,* March 31. 1947, стр. 109—114; *El Palacio,* vol. 54, № 5, стр. 124—125 (May, 1947); vol. 55, № 8, стр. 230 (1948); *G. de Terra,* New Evidence for the Antiquity of Early Man in Mexico. Revista Mexicana de Estudios Antropológicos, 1946, vol. 8, стр. 69—88; *он же,* The Fossil Man of Tepexpan, там же, стр. 287 и сл.; *он же,* Preliminary Note on the Discovery of Fossil. Man of Tepexpan in the Valley of Mexico. *American Antiquity,* vol. 13, № 1 (1947); *A. R. V. Arellano.* Datos geológicos sobre la antigüedad del hombre en la cuenca de México. *Mem. del Segundo Congreso Mexicano de Ciencias Sociales,* 1946, vol. 5; *он же,* El elefante fósil de Tepexpan y el hombre primitivo. *Revista Mexicana de Estudios Antropológicos,* 1946, vol. 8, 89—94; Man, 1947, 117; 1948, 16.

Значение открытий Терры огромно. Благодаря им получено свидетельство о том, что в долине Мехико в эпоху позднего каменного века жил человек. Можно надеяться, что дальнейшие работы в этой области тоже дадут крупные научные результаты.

Раскопки в поселениях «Средней культуры» в последние годы велись редко и в ограниченных размерах. Из них следует отметить работы в Тлатилко, близ Лос Ремедиос, где найдены многочисленные остатки наиболее ранней «Средней культуры», значительно увеличивающие наши знания об этом периоде. Из находок выделяются прекрасно сделанные и сохранившиеся целиком статуэтки, в особенности типа «D», по классификации Вайяна, и ряд фигурных сосудов. В Шалостоке (около Густаво Мадеро) в 1945 г. открыты памятники, типологически близкие обнаруженным в Тлателолко.

Значительным событием в вопросе о датировке «Средней культуры» явился доклад Гельмута де Терры на IV конференции по мексиканской археологии в сентябре 1946 г. В основу новой системы исчисления Терры положил подъем и падение уровня воды в озере Тескоко. Основываясь на известных данных о регрессии озера в колониальные времена до устройства дренажных каналов, он вычислил, что должно было потребоваться по крайней мере пятьсот лет для того, чтобы уровень озера мог подняться от уровня берега бухты Сакатенко I до уровня Сакатенко II. Примерно такое же время, согласно его вычислениям, должно было пройти, чтобы уровень озера упал до уровня поселения Чималуакана (одновременного с ранним Теотиуаканом). Поэтому Терра считает, что датировка ранних культурных слоев долины Мехико, предложенная Вайяном, является слишком поздней и что Сакатенко I должен датироваться V в. до н. э. Эта новая датировка была одобрена и принята конференцией *.

Раскопки объединенной экспедиции «Национального географического общества» США и Смитсоновского института под руководством директора Бюро американской этнологии М. В. Стирлинга в штатах Вера Крус и Табаско начались еще в 1938 г., и поэтому о первых результатах их пишется и в книге Вайяна. Выше уже указывалось, что при раскопках Гуалупиты Вайян обнаружил многочисленные статуэтки олмекского стиля. Анализ этих находок убедил его в том, что олмекские памятники хронологически должны или принадлежать времени поздней «Средней культуры» или непосредственно следовать за ней. Исследовав другую группу памятников, на которых имелись изображения бородатых людей, тип совершенно не свойственный современным туземным племенам Центральной Америки, Вайян выдвинул предположение о проникновении в штаты Вера

---

* *El Palacio*, vol. 53, № 12, pp. 355—356, December 1946, Santa Fe.

Крус и Табаско каких-то иных племен, разрушивших культуру олмеков *. Но высказанные им мнения оставались догадками, так как полное представление об олмекской культуре могло быть составлено только к 1946 г., когда была проведена восьмая и последняя экспедиция Стирлинга. Поэтому на результатах его работ следует остановиться несколько более подробно.

Раскопки Стирлинга начались с поселения Трес Сапотес, расположенного на берегу реки Сан-Хуан в штате Вера Крус, близ города Сантьяго Тустла. Кроме большого количества маленьких статуэток и фрагментов керамики, исследованных Вайяном и Друкером, был обнаружен целый ряд крупных памятников (гигантская человеческая голова из базальта высотой около двух с половиной метров, стела в виде раскрытой пасти ягуара, в которой видны изображения трех человеческих фигур: двух мужчин и женщины, фигура совы, статуи, целые и фрагментированные и др.). Наибольший интерес исследователей вызвала стела «С». На одной стороне ее высечена маска в виде головы ягуара, на другой — хронологическая дата, написанная цифрами майя: (7) . 16 . 6 . 16 . 18, что в переводе на наше летосчисление по хронологии Г. Спиндена равняется 291 г. до н. э. **. Совпадение этой даты со временем сооружения памятника представляется еще спорным, и ряд ученых возражает против положения Стирлинга. На основании своих доводов они датируют олмекскую культуру значительно более поздним временем. Однако стратиграфические данные говорят скорее в пользу точки зрения Стирлинга: ряд памятников олмекского стиля найден, кроме Гуалупиты, в наиболее ранних слоях Оахаки (так, например, в 1946 г. в погребении II периода Монте Альбана обнаружена нефритовая маска ягуароподобного божества). На конференции по антропологии и археологии Мексики, состоявшейся в апреле 1942 г. в Тустле Гутьерресе (штат Чиапас), было решено, что стиль олмекских памятников, если не они сами, современен наиболее ранним слоям других археологических культур Мексики.

После раскопок в Трес Сапотес Стирлинг начал работы в Ла Венте, маленьком местечке у устья реки Тоналы, на границе штатов Вера Крус и Табаско. Полевые исследования обнаружили значительное количество памятников; некоторые из них имеют очень большие размеры. Так, были найдены четыре колоссальные головы, изображающие юношеское лицо с плоским носом и тяжелыми веками, в шлеме с наушниками и с серьгами в ушах; шесть алтарей, один из которых (алтарь № 5 из серо-

---

* *G. C. Vaillant,* A Bearded Mystery. Natural History, vol. 31 стр. 243—252, 1931; *он же,* Tiger Masks and Platyrrhine and Bearded Figures from Middle America, 27-mo Congreso Internacional de Americanistas, Mexico, 1939. Tomo II.

** См. примечание к стр. 30.

зеленого базальта) является одним из наиболее крупных памятников олмекского искусства: на сторонах его в низком рельефе изображены четыре карлика, несущие на руках детей, а на передней стороне — горельефом мужская фигура, появляющаяся из глубокой ниши, изображенной в виде раскрытой пасти ягуара, с трупом ребенка на руках (фигура около одного метра в высоту). Другой алтарь (сильно поврежденный алтарь № 1 по нумерации Стирлинга), высеченный в виде головы ягуара с раскрытой пастью, имеет внутри большой канал, начинающийся в одном углу и идущий к противоположному и, наконец, выходящий в середине пасти. Стирлинг полагает, что этот канал использовался жрецами для возвещения пророчеств, исходивших якобы от самого бога.

Очень интересен другой памятник — большая базальтовая стела 3 (высотой около 3 м и весящая более 50 т), на которой высечены фигуры двух вождей, стоящих друг против друга. Лицо одного из них повреждено, но тело и головной убор сохранились; судя по ним, это изображение олмекского вождя с типичной обрюзгшей фигурой, короткими руками, в высоком головном уборе с изображением головы ягуара впереди. Против него стоит вождь совершенно иного этнического типа: острый, орлиный нос, борода, доходящая до ушей; фигура его сухощава и стройна. Головной убор напоминает убор правителя у майя. Можно предположить, что повреждения, причиненные изображению первого вождя, не случайны и находятся в связи с определенными историческими событиями: позднейшие победители пытались уничтожить свидетельства былой славы побежденных. Целый ряд памятников Трес Сапотес, Ла Венты и Сан-Лоренсо показывает следы преднамеренных разрушений. Трудно перечислить все, что было найдено при раскопках Ла Венты. Из крупных сооружений следует упомянуть пирамиду, остатки зданий, в двух из которых были обнаружены мозаичные полы, изображающие стилизованную морду ягуара; огромный двор, окруженный колоннадой из шестиугольных базальтовых столбов, весом около двух тонн каждый; несколько погребений, одно из них в каменном саркофаге. Все это свидетельствует, что Ла Вента, очевидно, являлась одним из наиболее крупных центров олмекской культуры.

После Ла Венты Стирлинг провел раскопки в Серро де лас Месас, Исапе и Сан-Лоренсо. Раскопки первого поселения также дали богатые результаты. Когда развалины были очищены от зарослей пальм и кустарников, обнаружились многочисленные холмы (остатки построек), между которыми располагались площади и дворы. На центральной площади, примыкавшей одной своей стороной к огромной пирамиде, находилось свыше десяти крупных каменных памятников; один из них напоминал статуэтку из Тустлы. Другими были: два больших каменных шара,

крупная скульптура, изображающая голову какого-то божества, возможно, позднейшего Тлалока, и десять стел из тесаного камня, в том числе три, кроме изображений, имели иероглифические надписи. На двух из этих последних стел имелись даты 466 г. н. э. (по хронологии Томпсона).

Здания, воздвигавшиеся на платформах из утрамбованной земли, не сохранились, так как в этой местности, лишенной камня, для построек употреблялись исключительно тростник, глина и бамбук. Все крупные сооружения из земли (пирамиды, лестницы, платформы и площадь) были покрыты слоем штука, окрашенного в яркоалый цвет *. На фоне тропической зелени эти постройки должны были производить внушительное впечатление.

Раскопки выявили значительное количество керамики и мелких изделий из нефрита. Наиболее значительной находкой, несомненно, является клад, содержащий 782 предмета из нефрита (бусы, плакетки, серьги, амулеты и статуэтки), обнаруженный в маленьком холмике на центральной площади.

Исследования обнаружили значительное количество самых разнообразных по типу погребений. Наиболее часты погребения взрослых с искусственно деформированными черепами и подпиленными зубами; подавляющее число из них имело во рту маленькую нефритовую бусину или раковину, что указывает на определенный этап развития религиозных представлений. Дети хоронились необычным способом; это подтверждает разбитая глиняная статуя старика в нормальную величину, внутри которой был найден скелет ребенка.

Наиболее интересное из массовых захоронений находилось в платформе, примыкающей к одной из пирамид. Платформа имела двойное покрытие из штука; между первым и вторым покровом обнаружено 52 одинаковых глиняных сосуда, расположенных узкими параллельными рядами. Каждый из них содержал человеческий череп, принадлежавший юноше. Искусственная деформация черепа и тщательно выпиленные зубы, по всей вероятности, указывают на принадлежность погребенных к высшим социальным слоям олмекского общества. Вместе с черепом в сосуде помещалось два или три позвонка, что заставляет предположить, что мы имеем дело или с массовой «строительной жертвой», или, что менее вероятно, с одновременным погребением группы воинов, павших в бою.

На основании изучения керамики и стиля памятников, а также двух дат, упомянутых выше, можно заключить, что время расцвета Серро де лас Месас падает на V или VI в. н. э., т. е. значительно позднее периода Ла Венты.

В Исапе открыты памятники культуры, предшествовавшей, по мнению Стирлинга, олмекской. Однако это положение является

* В постройках Ла Венты штук еще не применялся.

спорным. Немногочисленный известный из предварительных публикаций материал скорее свидетельствует в пользу того, что культура Исапы является одним из местных ответвлений культуры Серро де лас Месас.

В Сан-Лоренсо — поселении, вероятно, одновременном с Ла Вентой, восьмая и последняя экспедиция в 1946 г. открыла две колоссальные головы, по размерам превосходящие все найденные до сих пор (более 3 м высоты), и остатки акведука. Кроме этих поселений, были обследованы Пьедра Парада, Сан-Херонимо и др. *

Для определения народа, создавшего памятники этой культуры, выдвинуто несколько гипотез. Наиболее удовлетворительной из них является гипотеза мексиканского историка В. Хименеса Морено, согласно которой термин «олмеки», так же как и термин «толтеки», прилагался к ряду народов, сменявших друг друга на южном побережье Мексиканского залива в течение нескольких исторических периодов. Морено делит историю «олмеков» на следующие пять этапов: преолмекский, протоолмекский, палеоолмекский, неоолмекский и заключительный, послеолмекский **.

Переходя к толтекскому периоду, следует прежде всего отметить раскопки поселения Тулы, в штате Идальго. Это поселение, почти не обследованное раньше, было раскопано экспедицией Мексиканского национального института антропологии и истории под руководством Хорхе Акосты в 1940—1944 гг. Раскопки вскрыли несколько зданий, из которых наиболее крупными были «двор для игры в мяч» и пирамида Кецалкоатла с примыкающими к ней постройками и стенами на северной площади. «Двор для игры в мяч» построен в обычной у майя I-образной форме и близок к зданиям того же назначения в Пьедрас Неграс и Копане. Он украшен скульптурами, из которых особенно выделяется статуя воина, очевидно, использовавшаяся

---

* *M. W. Stirling,* Stone Monuments of Southern Mexico. Bureau of Am. Ethnology, Bulletin 138, Washington, 1944; *он же,* An Initial Series from Tres Zapotes, Vera Cruz, Mexico. National Geographic Society, Contr. Techn. Papers, Mexican Archaeology Series, vol. 1, № 1, Washington, 1940; *C. W. Weiant,* An Introduction to the Ceramics of Tres Zapotes, Vera Cruz, Mexico. B. A. E. Bulletin 139, 1943; *Ph. Drucker,* Ceramic Sequences at Tres Zapotes, Vera Cruz, Mexico. B. A. E. Bulletin 140, 1943; *он же,* Ceramic Stratigraphy at Cerro de las Mesas, Vera Cruz, Mexico. B. A. E. Bulletin 141, 1943; *J. E. S. Thompson,* Dating of Certain Inscriptions of Non-Maya Origin (Carnegie Institution. Theoretical Approach to Problems, I), Washington, 1941; *M. Covarrubias,* Mexico South, New York, 1947; *M. W. Stirling,* On the Trail of La Venta Man. *National Geographic Magazine,* vol. 91, № 2, стр. 137—172, 1947. См. в этом же журнале статьи Стирлинга: т. 76, № 2, стр. 183—218; 80, № 3, стр. 277—327; 78, № 3, стр. 309—334; 82, № 5, стр. 635—661 и 84, № 3.

** *W. Jiménex Moreno,* El Enigma de los Olmecas. *Cuadernos Americanos* IV, № 5 (1942), стр. 113—145.

для укрепления знамени, а также рельефами; на одном из последних изображен игрок в мяч, в перчатках, наколенниках и широком поясе.

Ступенчатая пирамида Кецалкоатла, расположенная на южной стороне площади, имеет 10 м высоты (длина каждой из сторон квадратного основания равна 40 м). Как удалось установить, некогда она была перестроена: более древняя конструкция характеризуется наклонными стенами, более поздняя — вертикальными. На северной и восточной сторонах базы найдены барельефы. На некоторых из них изображены орлы и сарычи, клюющие человеческие сердца, на других — человеческая голова, выходящая изо рта пернатой змеи, вероятно, Кецалкоатла. У северной стороны пирамиды открыты остатки многочисленных каменных столбов, так называемых «змеиных колонн», кариатид и фигур атлантов, очевидно, сброшенных с пирамиды при разрушении верхнего храма. Сам верхний храм в целом, судя по архитектуре и стилю, близок к «Храму ягуаров» в Чичен Ице.

Неподалеку от северной стороны пирамиды обнаружена рухнувшая стена, украшенная тремя фризами. Центральный, наиболее важный из них, изображает змею, поглощающую мертвого человека. У западной стороны пирамиды найдены остатки сгоревшего «дворца»; на это указывают обгорелые остатки деревянных колонн, покрытых каменным щебнем. Около восточной стороны находился другой «дворец», построенный позже пирамиды. Он состоит из ряда открытых комнат, окружающих внутренний двор — «патио». Лестница у южной стороны вела к находившемуся на возвышении портику, огороженному стенами из необожженного кирпича; на них сохранились остатки фресок. Подобно упомянутому выше храму портик также во многом близок толтекскому «Храму ягуаров» в Чичен Ице.

В середине центральной площади поселения раскопан сильно разрушенный храм; по сохранившимся остаткам, однако, можно полагать, что по формам он близок «Орлиному дому» в Чичен Ице. В одном из холмов обнаружено хорошо сохранившееся здание из семнадцати комнат с узкими переходами. Несколько культурных слоев, вскрытых в нем, показывают, что оно было обитаемо с толтекского периода до колониального времени. Стратиграфический анализ позволяет определить, что наиболее ранней керамикой в Туле является керамика типа Масапана и Койотлателко, оба датируемые временем после оставления Теотиуакана. Более поздние слои содержат обломки керамики II, III и IV ацтекских периодов. Присутствие керамических изделий не местных типов свидетельствует о том, что между Тулой и рядом других поселений в штатах Вера Крус, Оахака и Мичоакан существовал обмен.

Значение исследований Тулы для выяснения истории толтекского периода очень велико; они подтверждают гипотезу о

династических и классических толтеках, выдвинутую Вайяном в его книге (глава IV). До раскопок полагали, что Тула была слишком незначительным поселением для того, чтобы ее можно было отождествить с Толланом ацтекских и испанских хроник. Поэтому считалось, что в действительности древним Толланом является Теотиуакан (Вайян колебался в разрешении этого вопроса, см. главу III). Теперь это мнение следует отбросить. Раскопки Акосты в Туле уточнили, что культура, представленная здесь, бесспорно толтекская и притом позднего периода, ранее известная под названием культуры Масапана. Памятники ее в Теотиуакане относятся к периоду, последовавшему за оставлением города его исконными обитателями. Существенно также и то обстоятельство, что некоторые архитектурные детали в Туле, как, например, кариатиды, скульптурные колонны, рельефы, изображающие орлов и ягуаров, отсутствующие в Теотиуакане, характерны для архитектуры толтекского периода в Чичен Ице. Это позволяет с большей уверенностью проследить развитие культуры «Миштеки — Пуэблы».

Таким образом, теперь можно полагать, что Толланом туземных и испанских хроник являлась Тула, основанная толтеками после того, как Теотиуакан был разрушен. Керамика Масапана, типичная для ранних отложений Тулы, характеризует период, начавшийся в последние дни существования Теотиуакана в IX в. н. э. и продолжавшийся до XII в., когда племена науа разрушили эту культуру *.

В течение последних лет кроме крупных археологических экспедиций велись разведывательные работы и частичные раскопки во многих поселениях Центральной Мексики. Из них следует упомянуть раскопки здания, носящего название «Лас Колумнас» в Эль-Тахине, центре культуры тотонаков; в этом же поселении проведен стратиграфический анализ для выяснения его места в хронологии Мексики. С той же целью мексиканский археолог Хосе Г. Пайон исследовал поселение в Семпоале, столь тесно связанной с историей завоевания и открыл в нем несколько зданий. В Шочикалко раскопан и реставрирован «двор для

* *W. Jiménez Moreno,* Tula y los toltecas según las fuentes históricas. Revista Mexicana de Estudios Antropológicos, Tomo V, № 2—3, Mexico, 1941; *A. Caso,* El complejo arqueológico de Tula y los grandes culturas indígenas de Mexico; *там же,* 1941; *J. R. Acosta,* La ciudad de Quetzalcoatl, Exploraciones arqueológicas en Tula, Hidalgo. Cuadernos Americanos, II, № 2, стр. 121—131, 1942; *он же,* Los colosos de Tula; *там же,* XII, № 6, стр. 136—146, 1943; *он же,* La Tercera Temporada de Exploraciones arqueológicas en Tula, Hidalgo, 1942. Revista Mexicana de Estudios Antropológicos, VI, № 3, стр. 125—157, México, 1944; *R. Galí,* La orientación de los monumentos de Tula; *там же,* VI, № 4, *стр.* 161—175, México, 1944; *J. R. Acosta,* La cuarta y quinta temporada de excavaciones en Tula, Hidalgo, 1943—1944; *там же,* VII, № 1, стр. 23—64. México, 1945; *A. Ruz Lhuillier* Guía arqueológica de Tula, México, 1945.

игры в мяч» и соседнее здание, состоящее из большого количества комнат и «патио» *. В Чолуле была детально обследована большая пирамида. Несколько туннелей, проведенных внутри ее (по длине достигающие нескольких километров), выявили последовательность и формы тех многочисленных перестроек, которым она неоднократно подвергалась.

Наиболее значительным событием за последние годы в непрерывно продолжающемся археологическом изучении Теотиуакана следует считать открытие в 1941—1942 гг. хорошо сохранившихся фресок на стенах здания, расположенного у восточной стены «пирамиды Солнца» в Тепантитле. Эти фрески, подобные раскопанным Бэтрисом много лет тому назад, находятся ближе к центру поселения и, очевидно, позднее подверглись разрушению. Сюжеты их весьма разнообразны. Среди них имеются изображения игроков в мяч с палками в руках, находящихся во «дворе для игры в мяч», пейзажей и ритуальных сцен. Одну из фресок Касо отождествляет с описаниями «сада Тлалока» в ацтекских мифах; в ее нижней части изображен вырывающийся из горы поток воды, в котором плавают люди. В 1945 г. в Тетитле (также в зоне Теотиуакана) обнаружены другие фрески, представляющие Тлалока и других божеств **. Из других раскопок в Теотиуакане можно указать на открытое в 1942 г. здание близ «пирамиды Солнца» с полом из пластин слюды.

Для выяснения археологического прошлого территории, заселенной во время испанского завоевания племенем уастеков, экспедиция института Андских исследований под руководством Г. Ф. Экгольма в 1941—1942 гг. провела раскопки на побережье Мексиканского залива в районе рек Тампико и Пануко. Археологические памятники этой местности до работ Экгольма совершенно не были изучены, хотя исследование представлялось необходимым для выяснения этногенеза племен майя, с одной стороны, и вопроса о соотношении с памятниками нижнего Миссисипи — с другой. Раскопки дали ответ на оба вопроса. Хотя язык уастеков и принадлежит к группе языков майя, однако никаких следов культуры майя на этой территории найти не удалось, что указывает, повидимому, на раннюю разобщенность уастеков с племенами майя в Гватемале и Мексике. Керамика этой области, согласно данным раскопок Экгольма, делится на шесть периодов, охватывающих в целом более 1200 лет развития. Первый период уастеков одновременен с Уашактуном I в Мирафлорес в Гватемале и Монте Альбаном I в Оахаке, т. е. с наиболее ранними фазами керамики майя и сапо-

---

* *Ed. Noguera,* Exploraciones en Xochicalco. Cuadernos Americanos, XIX, № 1, стр. 119—157, 1945.

** *J. Armillas,* Exploraciones recientes en Teotihuacán, México. Cuadernos Americanos, XVI, № 4, стр. 121—136, 1944; *A. Caso,* El Paraíso Terrenal en Teotihuacán; там же, VI, № 6, стр. 127—136, México, 1942.

теков. Следующие четыре периода уастеков совпадают по времени с развитием керамики от Монте Альбан II до Масапана и первого периода керамики ацтеков. Затем это последовательное развитие внезапно обрывается, и последний период, одновременный с третьим ацтекским, характеризуется иным типом гончарных изделий, близко напоминающих раннюю керамику долины нижнего Миссисипи. Ряд сосудов этого типа был уже относительно давно найден около устья Рио-Гранде, близ Браунсвилля (Техас). Экгольм указывает, что керамика современных уастеков ведет свое происхождение от керамики последнего из названных периодов.

Глиняные фигуры людей и животных, найденные при раскопках, соответствуют данным керамики: ранняя группа их показывает сходство с типами Трес Сапотес; более поздние фигурки IV периода Тампико могут быть сопоставлены со слоями III и IV Теотиуакана.

Из архитектурных памятников открыты несколько круглых платформ, покрытых утрамбованной глиной или асфальтом, вероятно, предназначавшихся для ритуальных церемоний, и остатки небольших каменных зданий. При раскопках найдено большое количество орудий и украшений из камня, кости и раковин (ножи, пестики, кельты, скребки, зернотерки, бусы, ожерелья, кольца). В числе украшений имеются семь медных предметов (четыре маленьких колокольчика, две подвески и серьга) *.

Аналогичные выводы позволяет сделать и материал археологического обследования штата Тамаулипас, проведенного в 1945 г. экспедицией Чикагского университета. Этой экспедицией в местности между реками Сото-ла-Марина и Сан-Фернандо обнаружено 57 поселений. Большинство из них (52) содержало орудия из кремня, дротики и раковины; немногочисленные остатки керамики указывают на влияние поздних фаз культур центрального Техаса. Четыре других поселения, расположенные у устьев вышеназванных рек, содержат керамику, общую с периодами V и VI уастека, что указывает на то, что в это время уастеки продвигались вдоль побережья к северу. Последнее селение Пуэблито, находящееся на юг от устья, у Сьерра-де-Тамаулипас, наиболее характерно для этой области. Пуэблито — большое поселение с двенадцатью пирамидами и более чем 200 круглыми домами из камня. Керамика его отлична от более северных поселений этого штата и обнаруживает аналогии с керамикой третьего периода уастеков **.

Археологические исследования в Западной Мексике, хотя и далекие еще до своего завершения, позволили, однако, прибли-

* *Gordon F. Ekholm,* Excavations at Tampico and Panuco in the Huasteca, Mexico. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, vol. 38, part 5, New York, 1944.

** American Antiquity, vol. XII, № 3, стр. 208 и сл., 1947.

зиться к разрешению ряда важных вопросов. До этих раскопок о прошлом указанного района Мексики имелись крайне обрывочные сведения, основанные главным образом на случайных находках; наиболее известными из них были петроглифы в штате Синалоа. Теперь, после работ Г. Ф. Экгольма, И. Келли, Мена, X. Акосты и Э. Ногеры, мы имеем значительно более подробные сведения, позволяющие восстановить историю древних обитателей штатов Колимы, Синалоа, Халиско и Мичоакана. Наиболее ранним поселением в них является Эль-Опеньо (среднее течение Лермы) — V в. до н. э. За ним следуют Курутаран, Чупикуаро, Амуко и Акапулко I, датируемые временем около I в. н. э. В штатах Синалоа, Колиме и Халиско, наоборот, поселения появляются сравнительно поздно, не раньше конца V в. н. э., что подкрепляет гипотезу Вайяна о движениях племен в конце толтекского периода. Анализ керамики также подтверждает настоящее положение, так как наиболее ранние гончарные изделия этих штатов очень сходны с керамикой заключительного периода Теотиуакана. В штате Колиме найдена пирамида с масками Тлалока на сторонах основания. Это обстоятельство снова подтверждает правильность гипотезы о распространении культуры Миштеки — Пуэблы. Кроме этого, раскопки показали, что между населением упомянутых выше штатов и Центральной Мексики существовала тесная связь. Наконец, благодаря последним исследованиям старую теорию о том, что территория штата Синалоа была отправным пунктом миграции ацтеков в долину Мехико, Астланом, о котором говорят их легенды, можно считать разбитой *.

Суммируя данные последних раскопок, в настоящее время археологическую историю Мексики можно представить следующим образом. Первые следы человеческой жизни определяются находкой скелета тепешпанского человека и его орудий в долине Мехико. Едва ли приходится сомневаться, что более тщательные исследования скоро выявят существование человека в эту эпоху и в других областях Мексики. Следующая эпоха — «Средней культуры» — засвидетельствована на значительно более обширной территории; в долине Мехико она представлена поселениями Сакатенко и Тикоман, в штате Вера Крус — нижними и средними слоями Трес Сапотес, в Табаско — Ла Вентой, в Оахаке — Монте Альбаном I, в Западной Мексике — Эль-Опеньо; к этому

* *Gordon F. Ekholm,* Excavations at Guasave, Sinaloa, Mexico. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, vol. 38, p. 2, стр. 23—139, New York, 1942; *Isabel Kelly,* Excavations at Sinaloa. Ibero-Americana, № 25. University of California, Berkeley and Los Angeles. 1945; *она же,* The Archaeology of the Autlán-Tuxcacuesco Area of Jalisco. I: The Autlán Zone. Ibero-Americana, № 26, University of Califonia, Berkeley and Los Angeles, 1945; *она же,* Excavations at Apatzingá, Michoacán. Viking Fund, Publications in Anthropology, № 7, New York, 1947; *American Antiquity,* vol. 12, № 4, стр. 284—287, 1947.

же периоду принадлежат типы керамики уастеков I и Мамом (у майя). К следующему периоду, начинающемуся около III в. н. э.— времени расцвета Теотиуакана,— относится Теотиуакан I, II и III, верхний слой Трес Сапотес, Монте Альбан II и III, Серро де лас Месас III и II, Тахин (Вера Крус), Шочикалко (Морелос) и фазы Чиканел и Цакол у майя. Четвертый период (IX—XI в. н. э.) определяется широким распространением культуры Миштеки — Пуэблы. Он характеризуется Чолулой (с керамикой I ацтекского периода), верхним I Серро де ла Месас, Теотиуаканом IV и V, Монте Альбаном IV, Матлацинкой — Койотлателко, Масапой (с толтекской керамикой), Тулой (Идальго), Чичен Ицой (Юкатан) и поздними формами керамики майя — тепеу. Наконец, пятый, последний период, начинающийся с появления ацтеков в долине Мехико, развивается главным образом в долине Мехико и Оахаке. К нему принадлежат Титантонго и Монте Альбан V в Оахаке, верхний II Серро де лас Месас в Вера Крус и III, IV и V ацтекские периоды в долине Мехико. Он оканчивается 1521 годом — годом завоевания Мексики испанцами.

Р. Кинжалов.

БИБЛИОГРАФИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

К. Маркс. Вынужденная эмиграция. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. IX, стр. 278—279.
К. Маркс. Хронологические выписки. III. Приблизительно от 1470 до 1580». Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, 1940.
К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Архив Маркса и Энгельса, т. IX, 1941.
К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, Партиздат, 1940.
Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 7—153, 1937.
В. И. Ленин. О государстве. Собрание сочинений, т. XXIV, стр. 362—367, М.—Л., 1937.
И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме («История ВКП(б). Краткий курс», гл. IV).
Ф. Энгельс. Письмо к К. Марксу от 8.XII.1882 г., *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 597—599.

ИНДЕЙСКИЕ И ИСПАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Диас Берналь. Записки солдата. Перевод Д. Н. Еговора, тома I—II, Ленинград, 1924.
Anales de Cuauhtitlan (Codex Chimalpopoca). (Anales de Museo Nacional de México, Tomo 3, Apéndice). México, 1885.
Anonymous Conqueror. Narrative of Some Things of New Spain and the Great City of Temestitlan, Mexico. Transl. into English by Marshall H. Saville (Documents and Narratives Concerning the Discovery and Conquest of Latin America, № 1, The Cortes Society). New York, 1917.
Aubin, J. M. A. Mémoires sur la Peinture Didactique (Mission Scientifique au Mexique et dans l'Amérique Centrale: Recherches Historiques et Archéologiques. Première Partie. — Histoire). Paris, 1885.
Aubin, J. M. A. Histoire de la Nation Mexicaine (Reproduction du Codex de 1576). Paris, 1893.
Biblioteca Mexicana. Cronica Mexicana escrita por D. Hernando Alvarado Tezozomoc... anotada por el Sr. Lic. D. Manuel Orozco y Berra, y precedida del Códice Ramírez, Manuscrito del Siglo XVI intitulado. Relación del Origen de los Indios que habitan esta Nueva España según sus Historias, y de un Examen de Ambas Obras al cual va anexo un estudio de Cronología Mexicana por el mismo Sr. Orozco y Berra, Biblioteca Mexicana, José M. Vigil. editor. 1878, México.
Boban, Eugene. Documents pour servir a l'Histoire du Mexique. Catalogue Raisonné de la Collection de M. E. Eugène Goupil. 2 vol. Paris, 1891.

Chimalpahín. Anales de Chimalpahín Quauhtlehuanitzín. Sizième et Septième Relations, publiées et traduite par Remi Siméon (Bibliothèque Linguistique Américaine, tome 12). Paris, 1889.
Codex 1576. Рукопись послеколумбовского времени, коллекция Гупиль, хранящаяся в национальной библиотеке в Париже. См. у *Aubin*, Histoire, 1893.
Codex Borbonicus. Рукопись доколумбовского времени, хранящаяся в бибибиблиотеке Палаты депутатов в Париже (см. Vaillant, Sacred Almanac, 1940).
Codex Borgia. Рукопись доколумбовского времени, хранящаяся в Этнографическом музее в Ватикане, Рим, ed. le Duc de Loubat. Rome, 1898.
Codex Boturini (см. у Orozco y Berra, Historia Antigua, 1880, vol. 4, cap. 4). México, 1880.
Codex Cospi (Bologna). Рукопись доколумбовского времени в библиотеке Болонского университета, ed. le Duc de Loubat. Rome, 1898.
Codex Fejervary-Mayer. An Old Mexican Picture Manuscript in the Liverpool Free Public Museum. Published by le Duc de Loubat. Paris, 1901.
Codex Florentino. Рисунки ацтекских художников к произведению Саагуна. Издан Fr. Paso y Troncoso. Madrid, 1905.
Codex Magliabecchiano, XIII—3. Manuscrit Mexicain Post-Columbien de la Bibliothèque Nationale de Florence. Reproduit au Frais du Duc de Loubat. Rome, 1904.
Codex Mariano Jimenez. Издан Nicolas Léon. Mexico. s. a.
Codex Mendoza (Tribute Roll of Montezuma). Рукопись доколумбовского времени, хранящаяся в Национальном музее в г. Мексико.) Ed. and transl. by James Cooper Clark. 3 vol. London, 1938.
Codex Mexicanus, 1590 (у Boban, Documents, 1891, Pls 23—24). Paris, 1891.
Codex Nuttall (Zouche). Ancient Mexican Codex belonging to Lord Zouche of Haryworth. Introduction by Zelia Nuttall. (Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology). Cambridge, Mass, 1902.
Codex Telleriano-Remensis. Рукопись послеколумбовского времени. Ed. le Duc de Loubat. Paris, 1899.
Codex Vaticanus 3738 (Vaticanus A) (копия Telleriano-Remensis) (у Kingsborough, Antiquities, vol. 2, Part 1, pp. 1—149). London, 1830.
Codex Vaticanus 3773 (Vaticanus B). Рукопись доколумбовского времени, хранящаяся в библиотеке Ватикана, Рим. Ed. le Duc de Loubat. Rome, 1896.
Codex Vindobonensis (Vienna). Codex Vindobonensis Mexicanus I. Fassimile. Text-Walter Lehmann et Ottokar Smital. Vienna, 1929.
Codex Xolotl (у Boban, Documents, 1891, Pls 1—10). Paris, 1891.
Códice de Yanhuitlán. Estudio preliminar por W. Jiménez Moreno y S. Mateos Higuera. México, 1940.
Cortés, H. Historia de Nueva España (Edición de F. Lorenzana de las cartas de Cortés). México, 1770.
Cortés, H. Letters of Cortes. Translated and Edited by F. A. Mac-Nutt. 2 vol. New-York, 1908.
Díaz del Castillo, Bernal. Historia Verdadera de la conquista de la Nueva España. México, 1939.
Durán, D. Historia de las Indias de Nueva-España. 2 vol. Mexico, 1867—1880.
Emmart, E. W. The Badianus Manuscript. An Aztec Herbal of 1552. Baltimore, 1940.
García Icazbalceta, J. Nueva Collección de Documentos para la Historia de México. 5 vol. México, 1886—1892.
Historia de los Mexicanos por sus Pinturas (Códex Ramírez). (Anales del Museo Nacional, i-a Epoca, Tomo 2, pp. 83—106). México, 1886.

Ixtlilxochitl, Fernando de Alva. Horribles Crueldades de los Conquistadores de Mexico. Mexico, 1892.
Ixtlilxochitl, Fernando de Alva. Obras Históricas. Tomo I. Relaciones. Tomo II. Historia Chichimeca. Mexico, 1891—1892.
Kingsborough, E. K. Antiquities of Mexico. 9 vol. London, 1830—1848.
Lehmann W. Die Geschichte der Königreiche von Colhuacan und Mexico. Quellenwerke zur Alten Geschichte Americas, Ibero-Americanisches Institut). Berlin, 1938.
Lienzo de Tlaxcala (в «Antiguedades Mexicanas», Junta Colombino, Pls 66—175). Mexico, 1892.
Mapa Quinatzin (см. в. Aubin, Memoires). Paris, 1885.
Mapa de Siguenza (см. в Kingsborough, Antiquities, vol. 4). London, 1830.
Mapa Tlotzín (см. в Aubin, Memoires). Paris, 1885.
Memorial de los Indios de Tepetlaostoc. (Codex Kingsborough). F. Paso y Troncoso, editor. Madrid, 1912.
Mendieta, Fray Gerónimo, De, Historia Eclesiástica Indiana. México, 1870.
Motolinía, de Benavente, T. Historia de los Indios de la Nueva España. Barcelona, 1914.
Muñoz Camargo, D. Historia de Tlaxcala, México, 1892.
Origen de los Mexicanos (в García Icazbalceta, vol. 3, pp. 281—308). México, 1886—1892.
Orozco y Berra, M. Historia Antiqua y de la Conquista de México. 4 vol. и атлас. México, 1880.
Pomar, Juan Bautista, Relación de Tezcoco (в García Icazbalceta, Nueva Collección, vol. 3, pp. 1—69). México, 1891.
Preuss, K. T., und *Mengin, E.* Die Mexicanische Bilderhandschrift Historia Tolteca-Chichimeca. Часть I — Baessler Archiv, Beiheft № 9. Часть II — Baessler Archiv, Band 21. Berlin, 1937—1938.
Sahagún de, Bernardino. Historia General de las Cosas de Nueva España. 5 vol. Mexico, 1938.
Saville, M. H. Mexican Codices. A List of Recent Reproductions. (American Anthropologist, n. s., vol. 3, pp. 532—541). New York, 1901.
Spinden, H. J. Indian Manuscripts of Southern Mexico. (Annual Report of the Smithsonian Institution for 1933, pp. 429—451). Washington, 1933.
Tonalamatl Aubin. Рукопись доколумбовского времени, хранящаяся в Национальной библиотеке в Париже. ed. le Duc de Loubat. Paris, 1900.
Torquemada Juan de. Los Veinte i un Libros Rituales i Monarchia Indiana. 3 vol. Madrid, 1723.
Vaillant G. C. (editor). A Sacred Almanac of the Aztecs (Tonalamatl of the Codex Borbonicus). American Museum of Natural History, Limited Edition). New York, 1940.
Zurita A. Breve y Sumaria Relación de los Señores de la Nueva España (y Garcia Icazbalceta, Nueva Colleccion, Vol. 3, pp. 71—227). Mexico, 1891.

ОБЩИЕ ТРУДЫ ПО АМЕРИКАНИСТИКЕ И ОТДЕЛЬНЫМ СТРАНАМ ДРЕВНЕЙ АМЕРИКИ

Береговая Н. А. Древнейшие культуры Аляски и вопрос о заселении Америки. (По исследованиям 1934—1945 гг.). «Советская этнография», 1948, № 4, стр. 204—219.
Дебец Г. Ф. О древнейшей границе европеоидов и американоидов в Южной Сибири. «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 71—74.
Ковалевский Г. Новые памятники культуры майя. «Известия Гос. географического общества», т. 71, 1939, вып. 5, стр. 765.
Косвен М. О. Древнее Перу. «Исторический журнал», 1941, № 3, стр. 91—99.

Марр Н. Я. Происхождение американского человека и яфетическое языкознание. «Избранные работы», т. IV, 1937, стр. 85—99.
Мачинский А. В. Яшма в царстве майев. «Наука и техника», 1937, № 11, стр. 13.
Мачинский А. В. Две новые псевдопалеолитические находки в Америке. «Советская археология», 1940, т. V, стр. 305.
Мачинский А. В. Древнее Перу. БСЭ, т. 45, стр. 211—215.
Мачинский А. В. Археологическая мексиканская коллекция. «Советская археология», 1940, т. V, стр. 305.
Статья «Мексика». БСЭ, т. 38, стр. 704—708.
Пузанов И. И. К вопросу о давности заселения Америки. «Природа», 1930, № 11—12, стр. 1127—1136.
Рябинин А. О древнейших остатках ископаемого человека в Америке. «Природа», 1940, № 8, стр. 82.
Синельников Н. А. Работы американских экспедиций на Аляске. «Антропологический журнал», 1934, № 1/2, стр. 146—147.
Соболевский Н. И. Культура центрально-американских индейцев майя до покорения их испанцами. «Ученые записки Московского обл. пед. института», т. IX, вып. 4, 1947 (географич. ф-т), стр. 263—282.
В. Ч(ичеров). Дар мексиканских ученых Музею антропологии и этнографии АН СССР. «Советская этнография», 1947 г. № 2, стр 216—217.
Шаревская Б. Культура народа майя (Центральная Америка). «Наука и жизнь», 1936, № 7, стр. 39—42.
Шаревская Б. Полевые археологические исследования в Америке (за последние годы). «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 228—231.
Геблер К. Америка. «История человечества», под ред. Г. Гельмольта, т. I, ч. III, СПБ.
Морган Льюис Г. Древнее общество. Институт народов Севера. Материалы по этнографии, т. I, Л., 1934.
Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Институт народов Севера. Материалы по этнографии, т. II, Л., 1934.
Морли С. Г. В стране майя. Журнал «За рубежом», 1937, № 4—6.
Фиске Д. Открытие Америки. С кратким очерком древней Америки и испанского завоевания. М., 1892.
Beuchat Henri. Manuel d'Archéologie Américaine. Paris, 1912.
Brinton D. G. Essays of an Americanist. Philadelphia, 1890.
Caso A., Las Tumbas de Monte Albán (Anales del Museo Nacional, 4-a Epoca, VIII, 4). Mexico, 1932.
Caso A. Las culturas mixteca y zapoteca (Biblioteca del Maestro). Mexico, 1941.
Covarrubias M. Mexico South. The Isthmus of Tehuantepec. New York, 1947.
Joyce T. A. Mexican Archaeology. 2 Edition. London, 1920.
Krickeberg W. Los Totonaca. Mexico, 1933.
Mason J. A., Johnson F. The Native Languages of Middle America and the Linguistic Map of Central America. В сб. «Maya and Their Neighbors», New York, 1940, стр. 52—114.
Morley S. G. The Ancient Maya. Stanford University Press. 1946.
Seler Ed. Gesammelte Abhandlungen zur Americanischen Sprach- und Alterthumskunde. 5 B-de. Berlin, 1902—1923.
Spinden H. J. Ancient Civilizations of Mexico and Central America. 4 Edition. New York, 1943.
Stirling M. W. Stone Monuments of Southern Mexico. Bureau of American Ethnology Bulletin 138. Washington, 1944.
Thompson J. E. S. Mexico before Cortes. New York, 1933.
Vaillant G. C. Patterns in Middle American Archaeology в сб. «Maya and Their Neighbors», New York, 1940, стр. 295—305.

ИСТОРИЯ АЦТЕКОВ И ИСПАНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Прескотт В. Завоевание Мексики Фердинандом Кортецом, т. I—II, М., 1886.

Bandelier A. F. On the Art of War and Mode of Warfare of the Ancient Mexicans (Tenth Annual Report of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, vol. 2, pp. 95—161). Cambridge, 1877.

Bandelier A. F. On the Distribution and Tenure of Lands, and the Customs with Respect to Inheritance, among the Ancient Mexicans (Eleventh Annual Report of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, vol. 2, pp. 385—448). Cambridge. 1878.

Bandelier A. F. On the Social Organization and Mode of Government of the Ancient Mexicans. (Twelfth Annual Report of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, vol. 2, pp. 557—699). Cambridge, 1880.

Ceballos Novelo R. J. Las Instituciones Aztecas. Mexico. 1935.

Cook S. F. The interrelation of population, food supply, and buildings in pre-conquest Central Mexico. «American Antiquity» 1947 № 1, vol. 13, стр. 45—52.

Cummings. Byron C. Cuicuilco and the Archaic Culture of Mexico. University of Arizona Bulletin, vol. 4, № 8, Social Science Bulletin, № 4, pp. 1—56. Tucson, 1933.

Gamio M. Las Excavaciones del Pedregal de San Angel y la Cultura Arcaica del Valle de México. «American Anthropologist», V. 22, 1920, pp. 127—143.

Gamio, M. La Población del Valle de Teotihuacán. (Secretaria de Agricultura y Fomento, Dirección de Antropología). México. 1922. 3 vol.

Kroeber A. L. Archaic Cilture Horizons in the Valley of Mexico. University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, vol. 38. Berkeley, 1925.

Linné S. Archaeological Researches at Teotihuacan, Mexico. The Ethnographical Museum of Sweden, New Series, publ. № 1. Stockholm, 1924.

Noguera Ed. Antecendentes y Relaciones de la Cultura Teotihuacana. «El México Antiquo», vol. 3, №№ 5—8, pp. 1—81, 1935.

Palacios, Enrique J. La Fundación de México-Tenochtitlán (Anales del Museo Nacional de Arqueologia, Historia y Etnografia. 5-a Epoca, Tomo I, № 3, стр. 230—254). México, 1925.

Prescott W. H. The Conquest of Mexico (edited by T. A. Joyce), 2. vol. New York, 1922.

Vaillant G. C. Excavations at Zacatenco. Anthropological Papers, American Museum of Natural History, vol. 32, part 1. New York, 1930.

Vaillant G. C. Excavations at Ticoman. Anthropological Papers, American Museum of Natural History, vol. 32, part 2. New York, 1931.

Vaillant G. C. Excavations at El Arbolillo. Anthropological Papers, American Museum of Natural History, vol. 35, part 2, New York, 1935.

Vaillant G. C. Early Cultures of the Valley of Mexico: Results of the Stratigraphical Project of the American Museum in the Valley of Mexico, 1928—1933. Anthropological Papers, American Museum of Natural History, vol. 35, part 3. New York, 1935.

Vaillant G. C. History and Stratigraphy in the Valley of Mexico. The Scientific Monthly, vol. 44, pp. 307—24, New York, 1937.

Vaillant G. C. An Early Occurence of Cotton in Mexico. American Anthropologist, n. s., vol. 41, p. 170. Menasha, 1939.

Vaillant S. B. and *Vaillant G. C.* Excavations at Gualupita. Anthropological Papers, American Museum of Natural History, vol. 35, part. 1, New York, 1934.

КУЛЬТУРА АЦТЕКОВ

Сидоров А. А. Образы водных божеств древней Америки. РАНИОН. Труды секции археологии Института археологии и искусствознания, т. IV, 1929, стр. 462—471.
Brinton D. G. Ancient Nahuatl Poetry. Philadelphia, 1887.
Caso A. The Religion of the Aztecs. Mexico, 1937.
Caso A. La Correlación de los Anos Azteca y Cristiano. Revista Mexicana de Estudios Antropológicos, vol. 3, № 1, pp. 11—45. Mexico, 1939.
Robelo, Cecilio A. Diccionario de la Mitología Nahuatl. Mexico, 1911.
Simeon Remi. Dictionnaire de la langue Nahuatl. Paris, 1885.
Spence L. The Gods of Mexico. London, 1923.
Tozzer A. M. Value of Ancient Mexican Munuscripts if the Study of the General Development of Writing. The Smithsonian Institution, Annual Report for 1911, pp. 493—506. Washington, 1912.

ИСКУССТВО АЦТЕКОВ

Мачинский А. В. Древние мексиканские пирамиды. «Наука и Техника», 1938,4 11, стр. 18.
Сидоров А. А. Искусство древней Америки. «Искусство», 1936, № 4.
Сидоров А. А. Мексиканское древнее искусство. БСЭ, т. 38, стр. 726—728.
Сидоров А. А. Искусство древней Америки. М. — Л., 1937.
Caso A. El Teocalli de la Guerra Sagrada. Mexico, 1927.
Emmart E. W. Escultura Mexicana Antiqua. Mexico, 1934.
Holmes W. H. Archaeological Studies among the Ancient Cities of Mexico. Field Columbian Museum. Anthropological Series, vol. I, № 1. Chicago, 1895—1897.
Larsen H. The Monolithic Rock Temple of Malinalco, Mexico, «Ethnos», vol. 3, № 2—3, стр. 59—63. Stockholm, 1938.
Monumentos Arqueológicos de México. Departamento de Monumentos, Secretaria de Educación Pública. México, 1933.
Noguera Ed. El Altar de Los Cráneos Esculpidos de Cholula. México, 1937.
Péñafiel A. Monumentos del Arte Mexicano Antiguo, tomo I, текст, tomo II, таблицы, Berlin, 1890.
Penafiel A. Destrucción del Templo Mayor de México Antiguo. México, 1910.
Saville M. H. The Goldsmith's Art in Ancient Mexico. Indian Notes and Monographs, Museum of the American Indian, Heye Foundation. New York, 1920.
Saville M. H. Turquois Mosaic Art in Ancient Mexico. Contributions, Museum of the American Indian, Heye Foundation, vol. 6. New York, 1922.
Saville M. H. The Wood-Carver's Art in Ancient Mexico. Contributions, Museum of the American Indian, Heye Foundation, vol. 9. New York, 1925.
Tenayuca. Departamento de Monumentos, México. Mexico, 1935.
Toscano S. Arte precolombino de México y de la América Central. México, 1944.

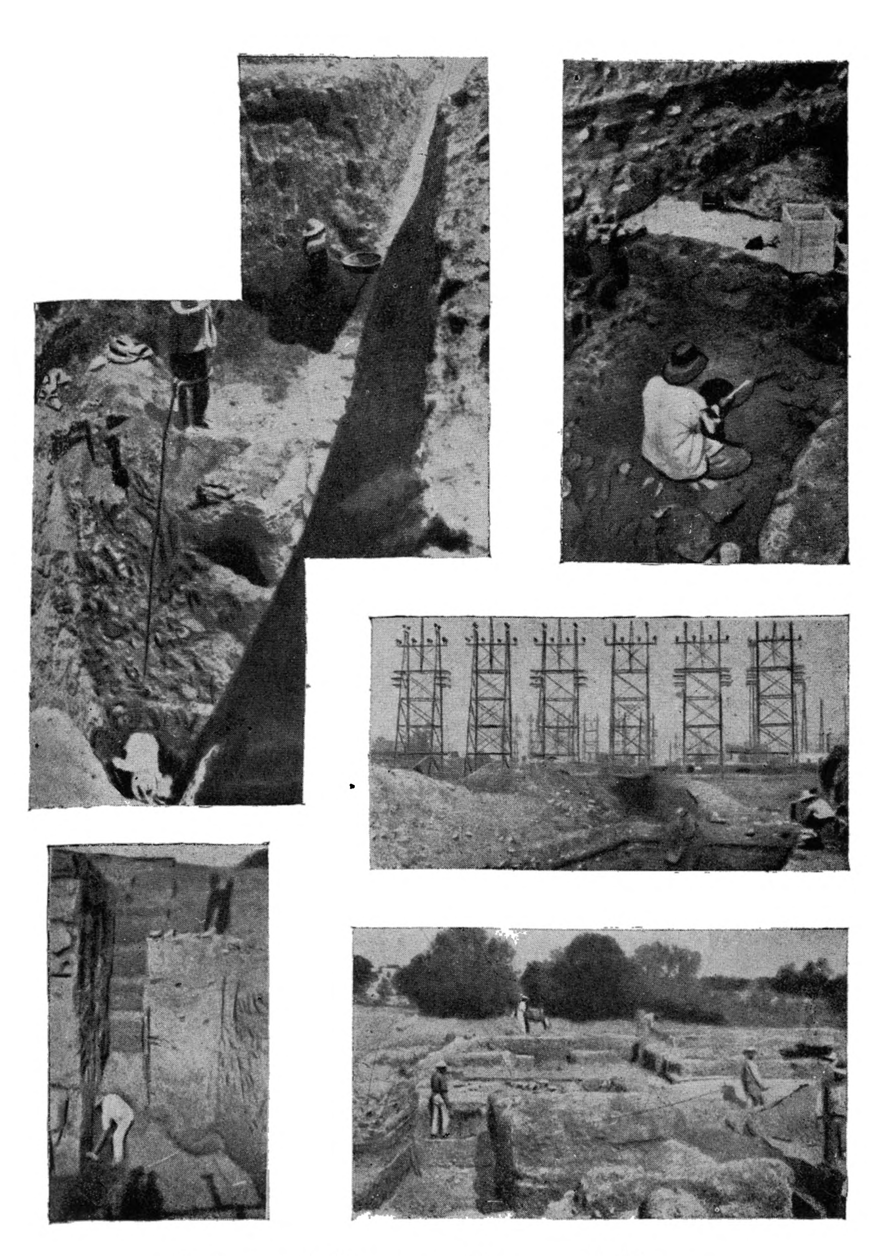

Таблица 1. Раскопки в Центральной Мексике.

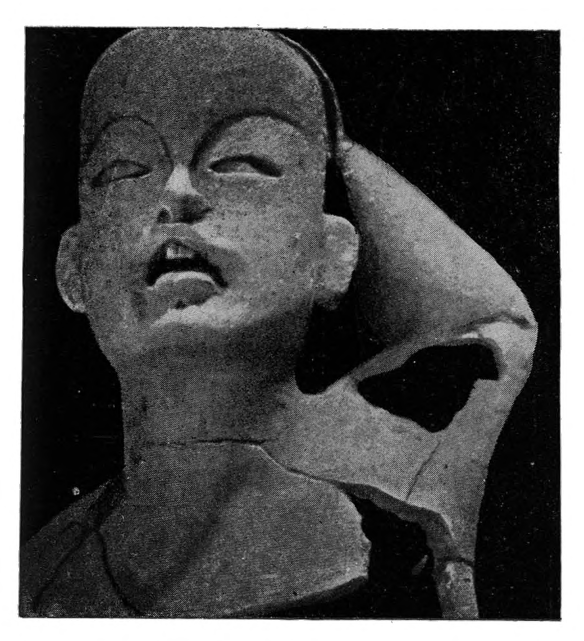
Вверху, слева: глубокая траншея в Эль Арболильо, Федеральный округ, Мексика. Наиболее ранние типы из найденных здесь статуэток (табл. 14) были обнаружены на дне этой траншеи. *Справа:* расчистка канала в Ноноалко, в г. Мехико: он был весь заполнен горшками, выброшенными в конце ритуального 52-летнего цикла в 1507 г. *Посредине:* раскопки в Ноноалко. *Внизу слева:* расчистка культурных слоев в Сакатенко, Федеральный округ. Работы в Сакатенко привели к построению схемы истории „Средней культуры", данной в главе II. *Справа:* раскопки дворца в Чиконаутле, штат Мехико; план, см. табл. 43.

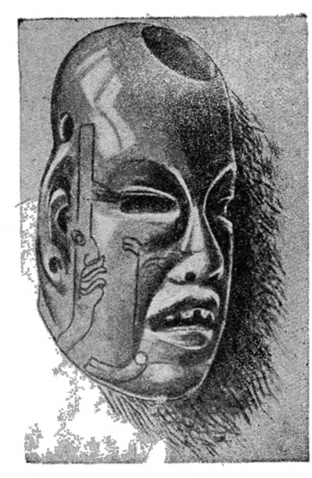

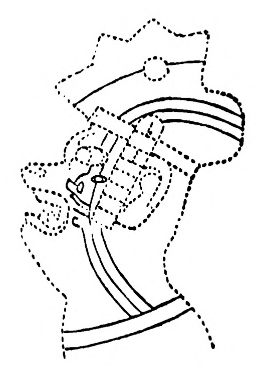

Таблица 2. — Глиняные статуэтки из могил в Западной Мексике.

Сверху: собака бесшерстной породы, употреблявшаяся в пищу, — предок современной карликовой собаки Чиуауа; статуэтка рядом с собакой выглядит свежо и живо. Она лишена характерных черт, присущих культовым изображениям. *Внизу:* статуэтка сидящей женщины из Западной Мексики, прекрасный образец реалистического искусства.

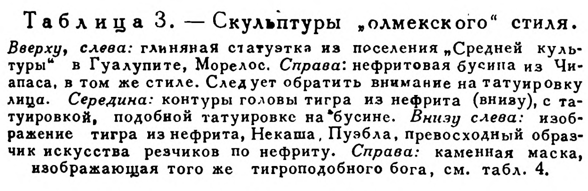
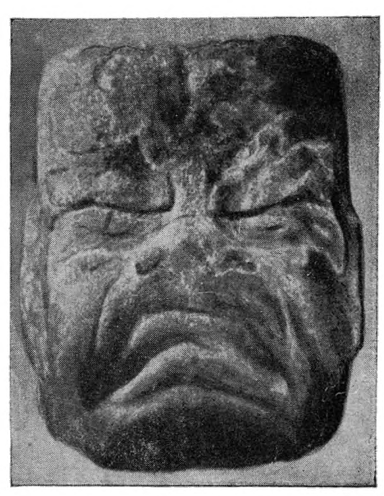

Таблица 3. — Скульптуры „олмекского“ стиля.

Вверху, слева: глиняная статуэтка из поселения „Средней культуры“ в Гуалупите, Морелос. *Справа:* нефритовая бусина из Чиапаса, в том же стиле. Следует обратить внимание на татуировку лица. *Середина:* контуры головы тигра из нефрита (внизу), с татуировкой, подобной татуировке на бусине. *Внизу слева:* изображение тигра из нефрита, Некаша, Пуэбла, превосходный образчик искусства резчиков по нефриту. *Справа:* каменная маска, изображающая того же тигроподобного бога, см. табл. 4.

4

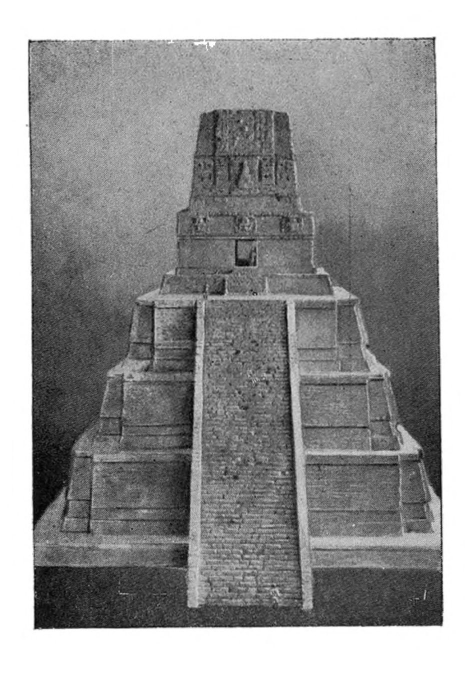

Таблица 4.—Скульптуры „олмекского“ стиля и ранних майя.

Сверху: порфировая маска из Табаско; следует обратить внимание на упрощение деталей изображения бога — тигра на табл. 3. *Середина:* модель храма E VII — sub в Уашактуне (Петен, Гватемала). Поздние перестройки покрывают ранние сооружения, сделанные из булыжников, покрытых штукатуркой. Маски второго яруса имеют близкое сходство со скульптурами, изображенными наверху этого листа. *Внизу:* храм E — VII — sub после раскопок. На стеле слева высечена самая ранняя дата, найденная в Уашактуне.

Таблица 5. — Архитектура и скульптура майя.

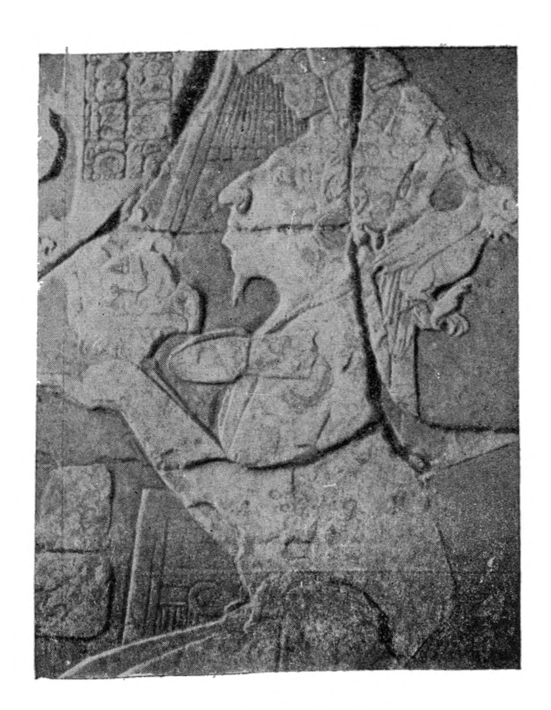
Вверху: макет храма II, Тикаль (Петен, Гватемала). Человеческие фигуры наверху дают представление о масштабах этого сооружения. *Середина:* статуя бога (Копан, Гондурас). Эта фигура показывает какого совершенства достигли скульпторы майя в резьбе округлых поверхностей. *Внизу:* гротескная голова из Копана, Гондурас.

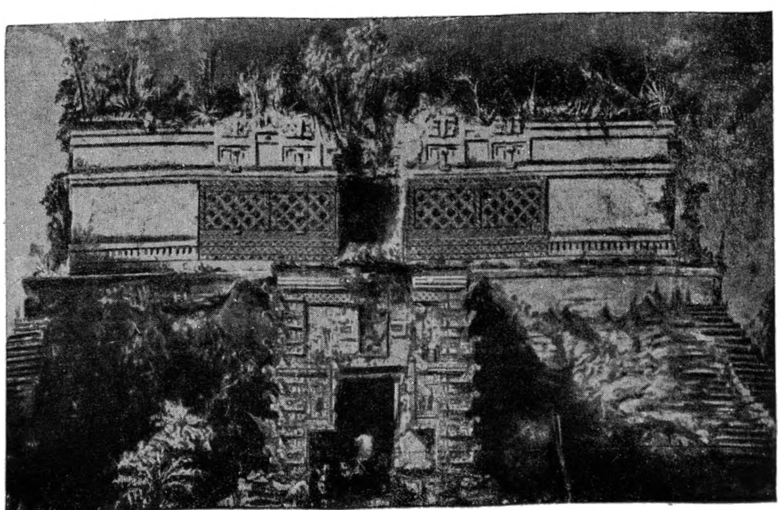

Таблица 6. — Архитектура и скульптура майя позднего периода.

Вверху слева: стела, вышиной в 7,5 м, из Киригуа, Гватемала. В надписи на ней перечисляются хронологические даты. *Справа:* барельефная фигура, хонута, Табаско. Замечательный образчик искусства майя. *Внизу:* „Дом карлика“, Ушмал, Юкатан. Стиль храмовой архитектуры позднего периода майя выразился в увеличении размеров комнат и богатой декоративной отделке фасадов.

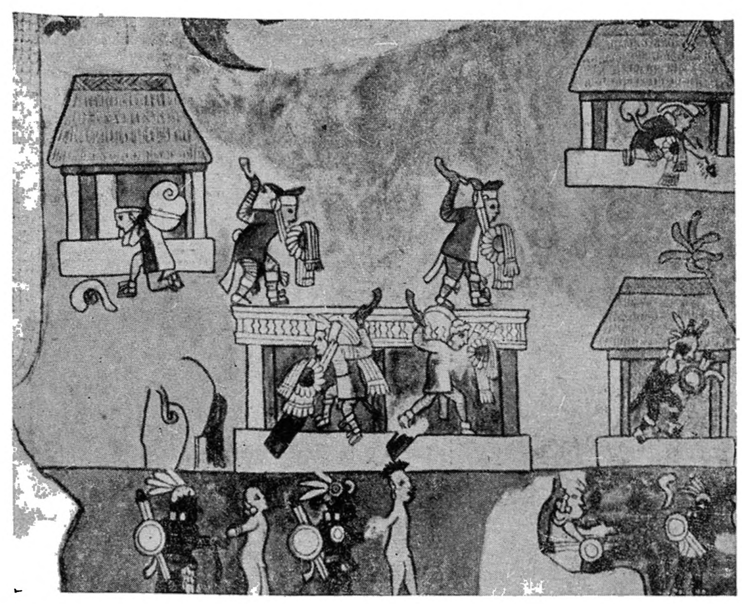

Таблица 7. Живопись майя.

Вверху: деталь вазы, Альта Верапас, Гватемала. Высокий сановник принимает подношение. Обращают на себя внимание уверенные контуры фигур, напоминающие мастерское изображение жреца на противоположной странице. Надпись имеет текстуальный, а не обычный календарный характер и до сих пор не дешифрована. *Внизу:* деталь стенной росписи мексиканского периода в Чичен Итце. Воины грабят город и берут пленных. Рисунок изображает, очевидно, один из эпизодов мексиканского завоевания.

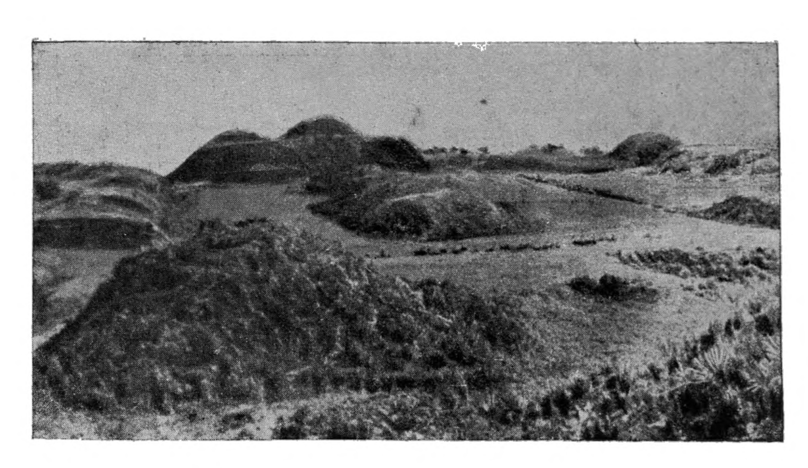

Таблица 8. — Сапотекская скульптура и архитектура' Оахака, Мексика.

Вверху: развалины Монте Альбан, вблизи Оахаки, штат Оахака. Здесь находился грандиозный культовый центр сапотеков — целый холм был расчищен под террасы, чтобы дать место для храмов и могил. *Посредине:* нефритовая бусина, Оахака. Бородатое лицо, часто повторяющееся в скульптурах и рисунках юго-восточной Мексики и Гватемалы. *Внизу:* рельеф, относящийся к первому периоду Монте Альбана. Это раннее искусство имеет некоторое сходство с „олмекским" стилем. Знаки, сопровождающие некоторые фигуры, свидетельствуют о существовании начатков письменности.

Таблица 9. — Сапотекские глиняные скульптуры.

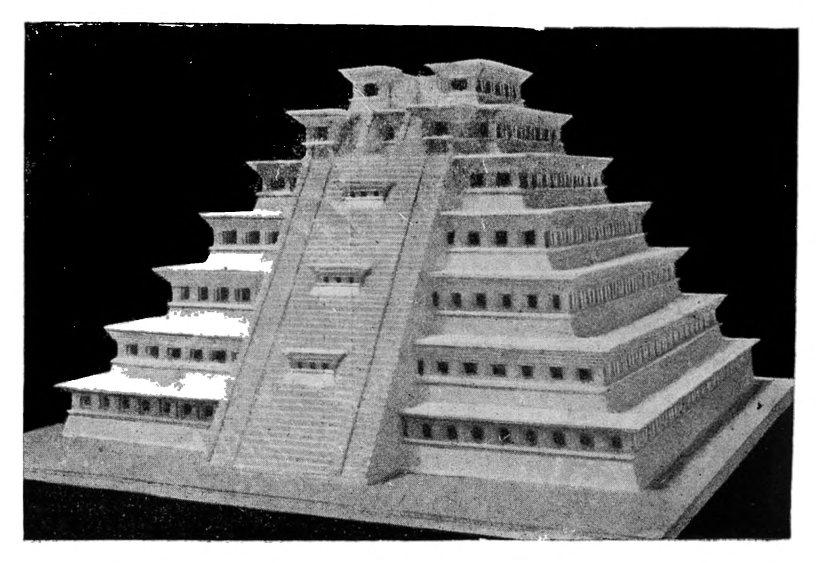
Вверху слева: погребальная урна, изображающая бога дождя. *Справа:* фигура из музея в Оахаке. Она показывает, что сапотекские скульпторы в иных случаях отказывались от условности и создавали прекрасные реалистические произведения. *Внизу:* тигроподобный бог, напоминающий „ольмекское“ божество на таблицах 2 и 3. Великолепный образец сапотекского стиля, сочетающего свободу трактовки с традиционной условностью обнаруживаемых в скульптурах, воспроизведенных наверху листа.

Таблица 10. — „Тотонакская" скульптура, Вера Крус.

В штате Вера Крус были найдены чрезвычайно интересные памятники искусства, которые не совсем правильно объединены под этим наименованием. *Вверху слева:* скульптурное изображение мертвого индюка из камня (так называемая „пальма", возможно служившая надгробным памятником). *Справа:* оборотная сторона сланцевого зеркала, вероятно, имевшая отражающую поверхность из железного колчедана. Следует обратить внимание на мастерство рисунка, которым она украшена. *Внизу:* макет храма в Тахине, Папантла. В нишах стояли маленькие статуи богов. Целла храма находилась наверху.

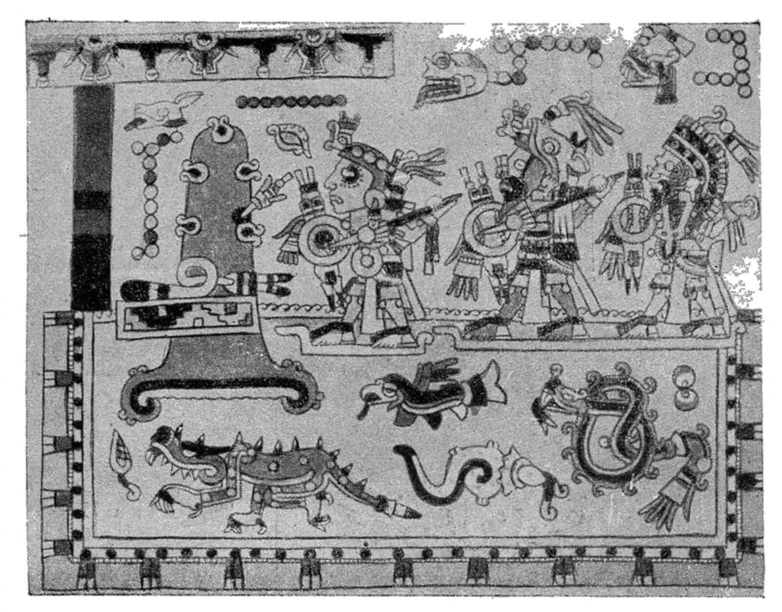

Таблица 11. — Искусство Миштека — Пуэбла.

Эта культура сделалась преобладающей с одиннадцатого века и имела широкое влияние на установившиеся местные стили, отдельные памятники которых показаны на предыдущих таблицах. *Вверху слева:* золотая ушная подвеска. Изображенный на ней падающий орел олицетворяет заходящее солнце. *Справа:* страница из кодекса Нэттолл, на которой имеются изображения воинов, атакующих город на озере. Полоса наверху налево обозначает небо, прочие знаки — имена и числа дней рождения изображенных лиц. *Внизу:* храм или дворец в Митле, самое большое перекрытое помещение в Центральной Америке. Следует отметить, что каждый камень фасада покрыт резьбой так, что все они вместе составляют мозаичный узор.

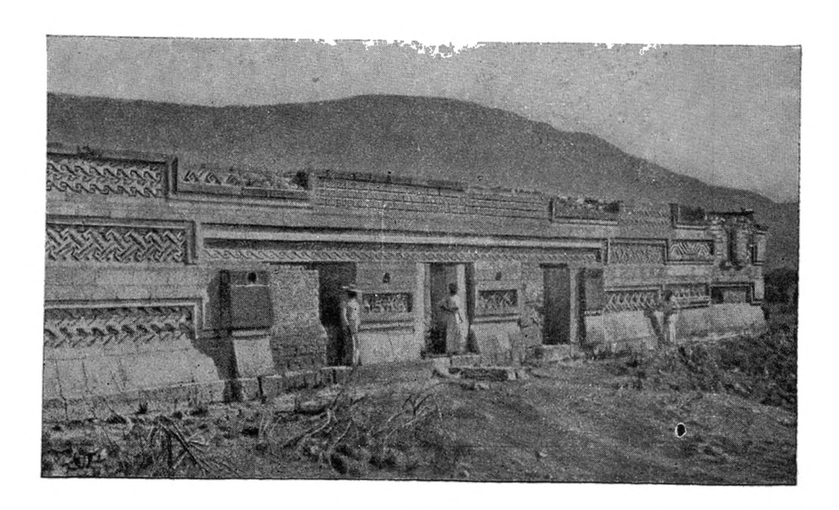

Таблица 12.— Влияние Миштека — Пуэбла в Юкатане.

На заре двенадцатого века мексиканские племена завоевали Юкатан и построили культовый центр на месте прежнего города майя в Чичен Ице. *Вверху:* реконструкция храма воинов по Кеннету Конанту. *Середина:* голова мексиканского бога дождя Тлалока. *Внизу:* Кастильо — величественный храм, в котором слились элементы стилей майя и мексиканского, центральное сооружение Чичен Ицы.

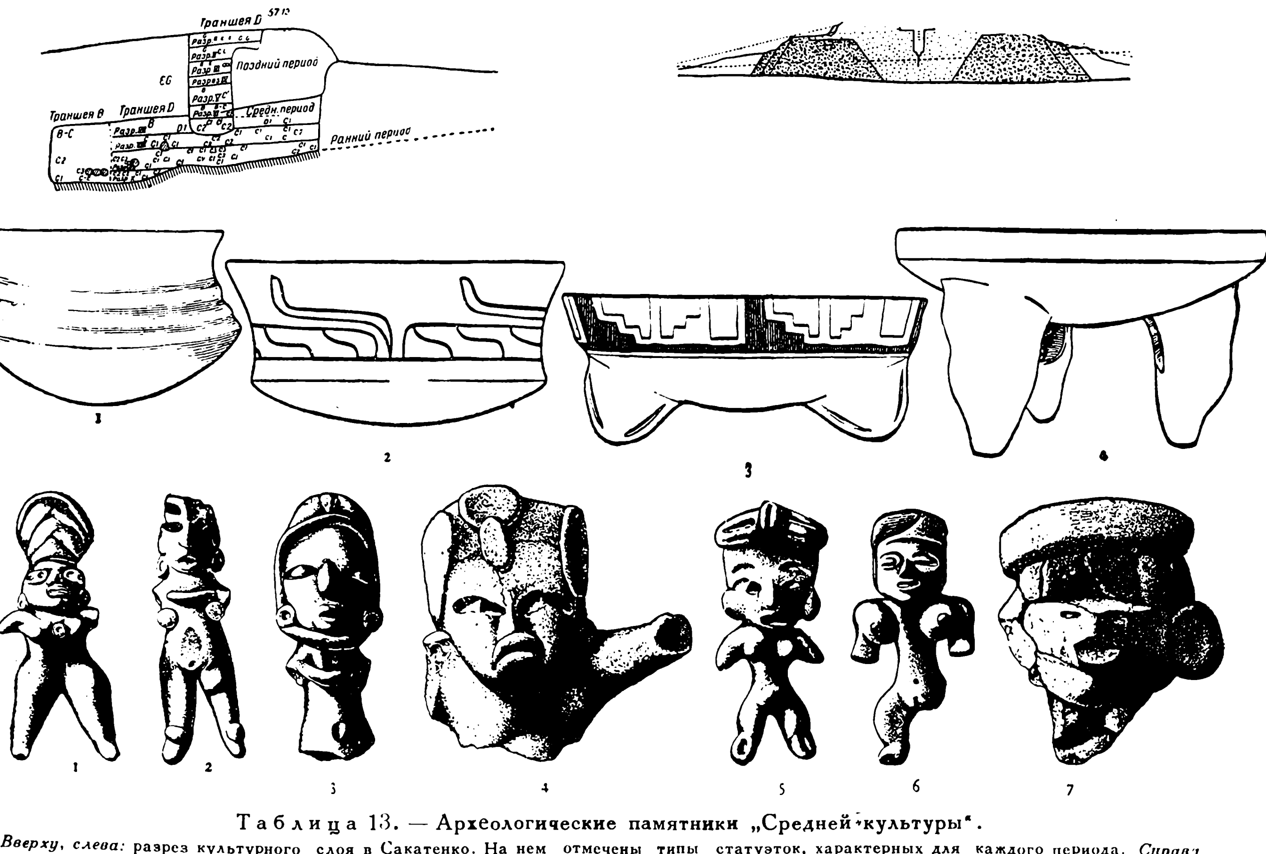
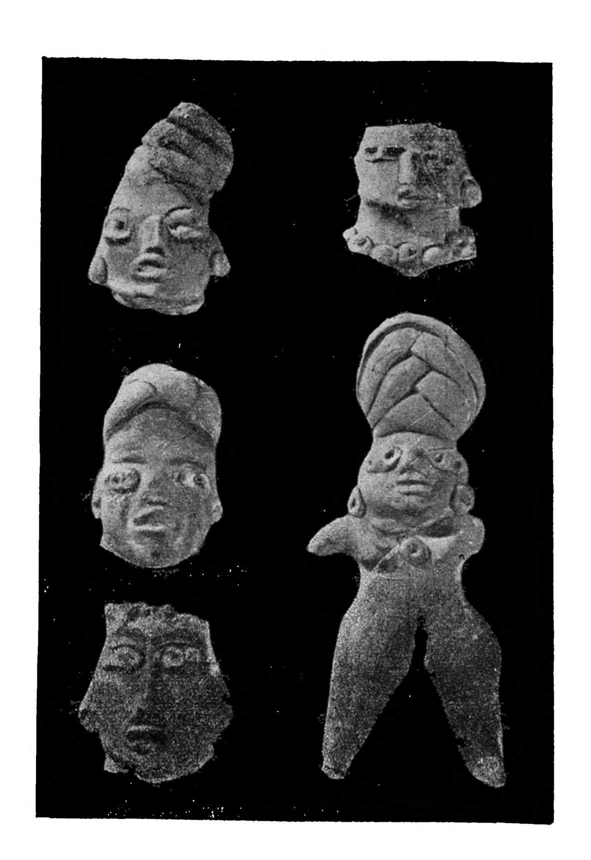

Таблица 13. — Археологические памятники „Средней культуры".

Вверху, слева: разрез культурного слоя в Сакатенко. На нем отмечены типы статуэток, характерных для каждого периода. *Справа:* поперечный разрез холма в Куикуилко. *Посредине:* №№ 1—2— глиняные изделия нижней „Средней культуры", №№ 3—4— глиняные изделия верхней „Средней культуры". *Внизу:* №№ 1—4—статуэтки нижней „Средней культуры". C, C, B—C, A; №№ 5—6—статуэтки верхней „Средней культуры". E. H 2; № 7 — статуэтка из Теотиуакана 1, E_4.

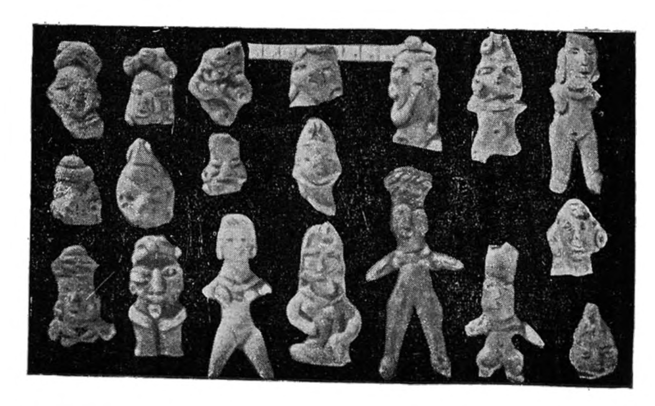
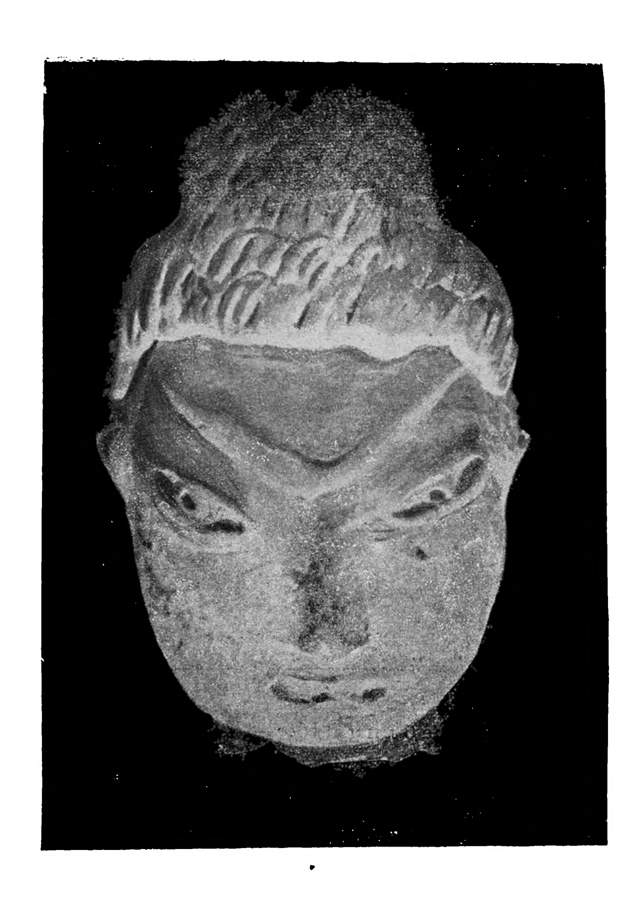

Таблица 14. — Статуэтки нижней „Средней культуры“.

Вверху: статуэтки (тип C_3) из самого раннего слоя. Черты лица переданы при помощи налепленных кусочков глины. Хотя общий вид их груб, техника изготовления свидетельствует о длительном периоде развития. *Внизу:* на представленных здесь статуэтках (типы C_1 и C_{1-2}) видно дальнейшее развитие типа, показанного наверху. Хотя они сделаны менее тщательно, в их формах больше разнообразия, чем в более ранних женских фигурках наверху.

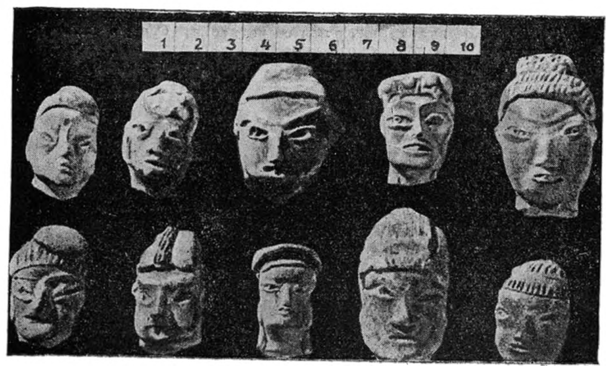

Таблица 15. — Статуэтки нижней „Средней культуры“.

Вверху: в стиле этой головы, изображенной в значительно увеличенном виде, сказывается более умелая манера и более тщательная работа мастера. Местом возникновения настоящего стиля был, повидимому, Морелос. *Внизу:* сходные по типу головки из Центральной Мексики, иллюстрирующие различные варианты одного и того же стиля. Масштаб дан в сантиметрах.

Таблица 16. — Керамика и орудия „Средней культуры“.

Вверху: керамика ранней фазы нижней „Средней культуры“; слева направо: привозной черепок, расписанный красным и оранжевым по белому фону чаши, расписанные белым по красному фону: сосуд (черная керамика). *Середина*: обсидиановые орудия. Верхний ряд: нижняя „Средняя культура“, средний нижний ряды — нижняя „Средняя культура“. Внизу слева: орудия кожевника верхней „Средней культуры“ — шилья, камни для обработки кожи, скребки и различные виды каменных ножей. *Справа:* изделия нижней „Средней культуры“, ушные подвески, бусы и свистулька. Заслуживают особого внимания украшения из нефрита, вторые слева в обоих рядах.

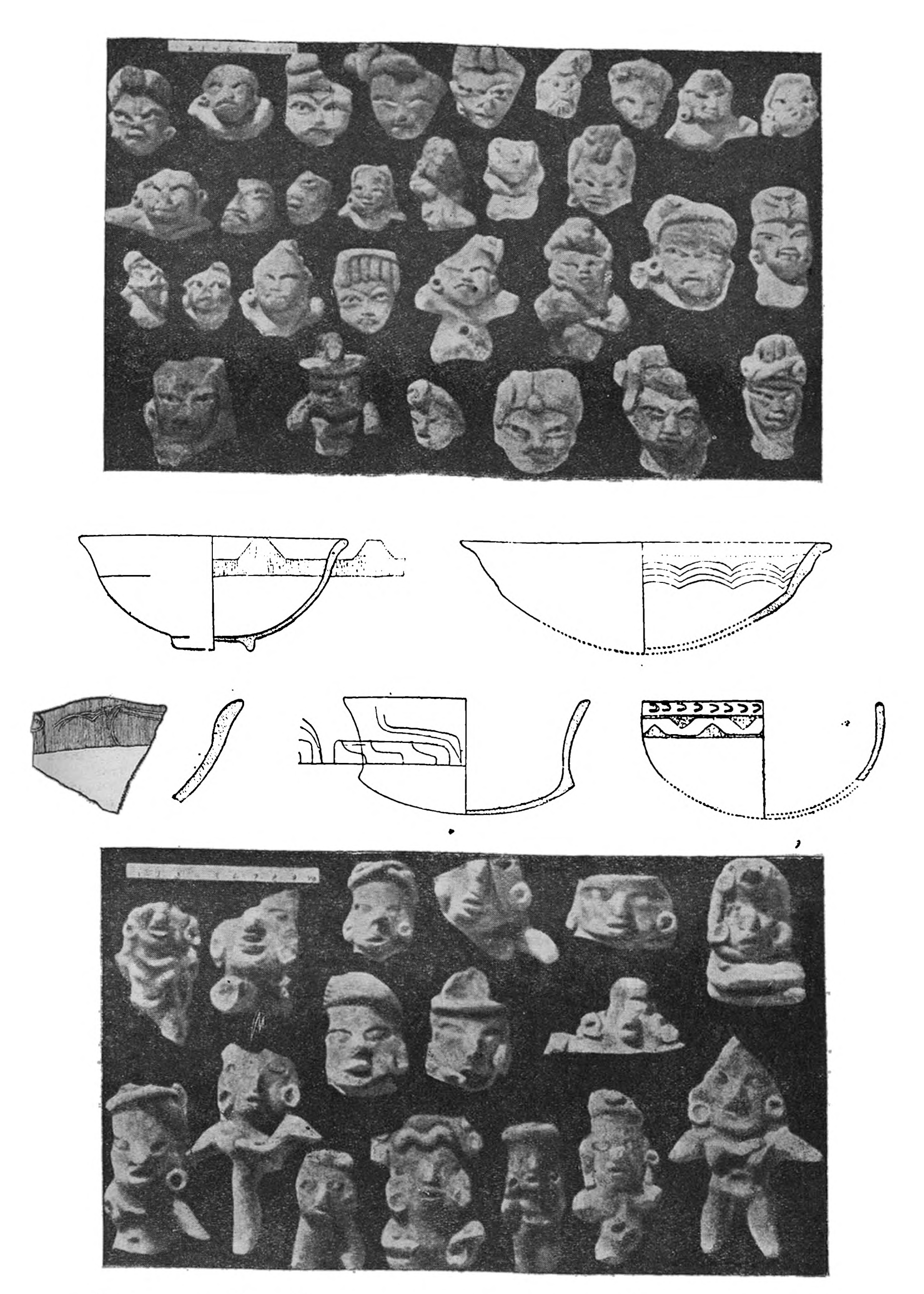

Таблица 17. — Керамика и статуэтки поздней нижней „Средней культуры“.

Вверху: статуэтки (тип А). Тщательное изучение их показывает, что они принадлежат к иному стилю, чем предыдущие. Родина их, возможно, — Трес Сапотес, Вера Крус. *Второй ряд:* расписанные красным по желтому и черные чаши с процарапанным узором. *Третий ряд:* черепок и чаши: с процарапанным узором, расписанные красным по белому, Для этого периода характерны особые формы. *Нижний ряд:* статуэтки (тип В), представляющие пережитки местной традиции, современные типу А (вверху). В них сказывается вырождение стиля.

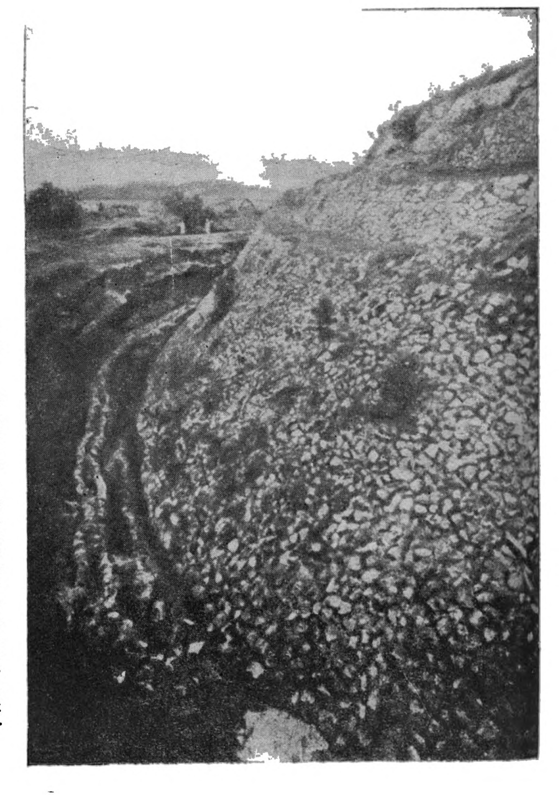
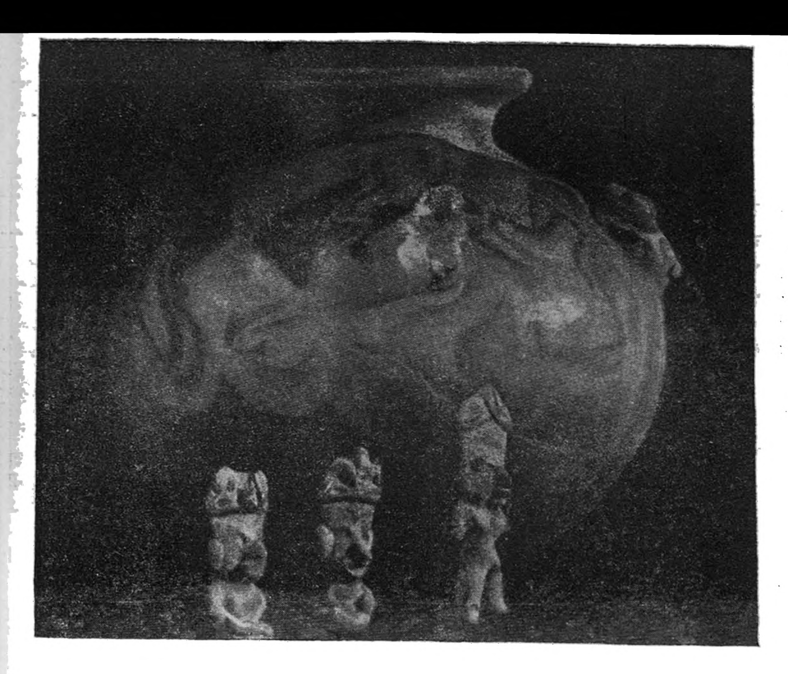

Таблица 18. — Памятники верхней „Средней культуры“.

Вверху, слева: курильница из лавы, самый древний образец резьбы по камню, из найденных до сих пор в долине Мехико. Чаша укреплена на спине согнутой человеческой фигуры. *Справа:* ушная подвеска из обожженной глины. Хомутик с задней стороны вставлялся в отверстие, сделанное в мочке уха. *Внизу:* платформа в Куикуилко. Это овальное сооружение из адобов, облицованное камнем, стало разрушаться еще до того, как лава (видная вверху налево) залила его развалины. Слева у основания платформы можно видеть окружающий его параллельный ряд камней, назначение которых не установлено.

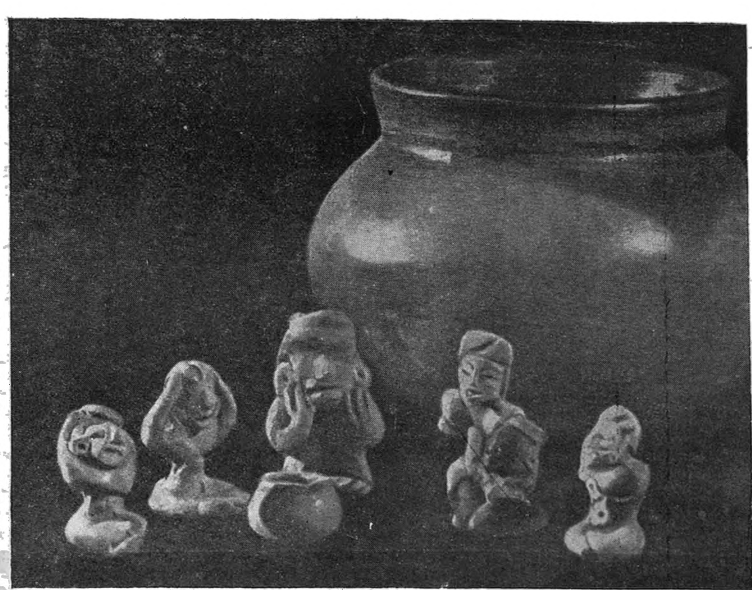
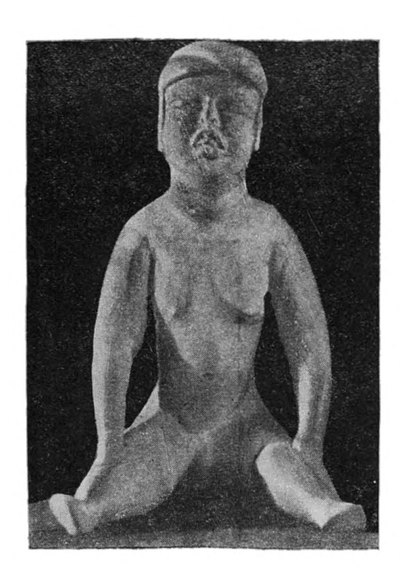

Таблица 19. — Керамика и статуэтки верхней „Средней культуры“.

Вверху: три статуэтки (E), представляющие раннюю **пластику** **искусства этого времени.** Сосуд полихромный и украшен рельефными изображе**ниями птиц.** *Внизу:* **фигурки** типа H последней фазы верхней „Средней культуры“. Они загрунтованы белым ангобом и раскрашены. Сосуд сзади окрашен красным по коричневому фону с дополнительным черным узором, наведенным способом „батик“. Маленький горшочек — из кварцита.

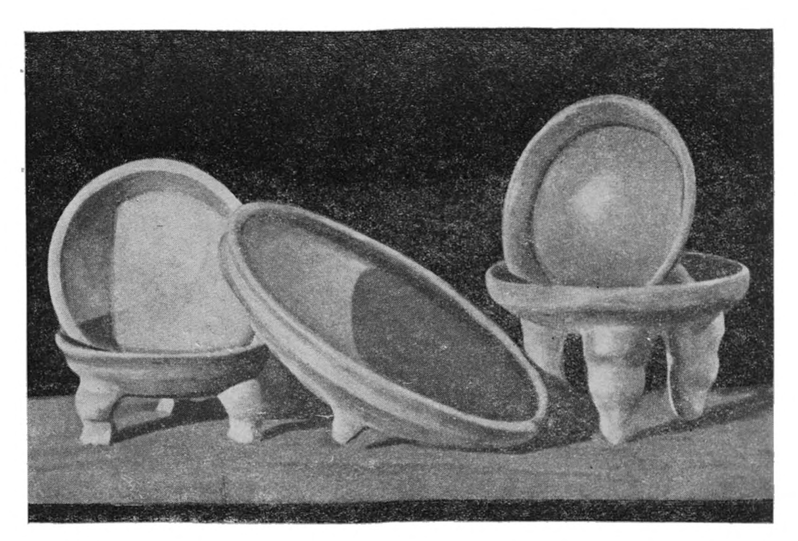

Таблица 20. — Глиняные изделия и статуэтки верхней „Средней культуры“.

Вверху, слева: большая глиняная фигура человека в сидячем положении из Гвалупиты, Морелос, представляет единственный в своем роде тип, не встречающийся на всем протяжении развития скульптуры. Она принадлежит к той же школе, что и другая фигура (справа), уже показанная на табл. 3 в связи с „олмекской“ скульптурой. *Внизу:* чаши из Тикомана. Они принадлежат к наиболее обычным типам этого времени. Обращают внимание тщательно сделанные треножники, отличающие эти сосуды от предшествующих типов керамики нижней „Средней культуры“.

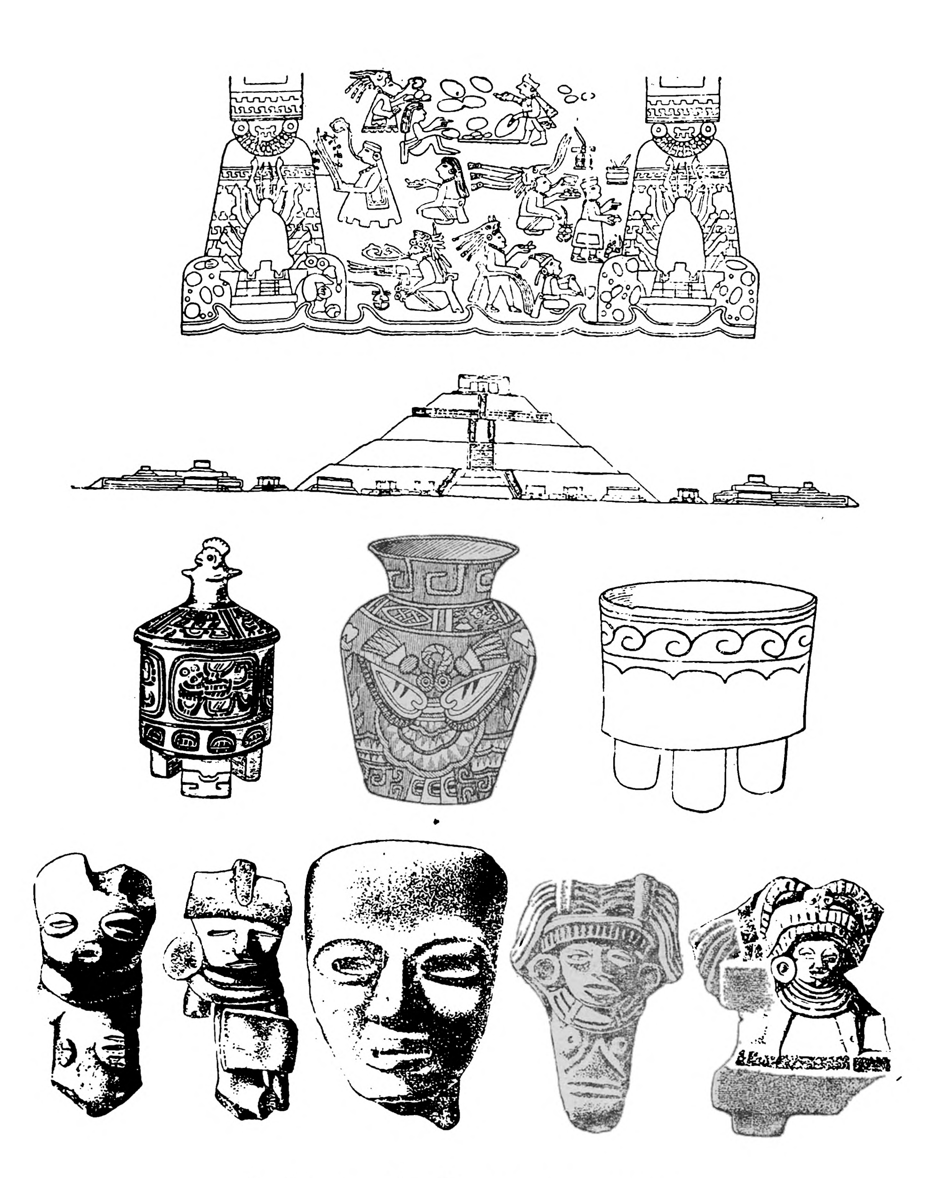

Таблица 21. — Толтекские памятники.

Вверху: фреска из храма земледелия (Теотиуакан), изображающая людей, принимающих участие в жертвоприношении. *Второй ряд:* реконструкция комплекса религиозных зданий, окружающих Пирамиду солнца. *Третий ряд:* культовые вазы, Теотиуакан II, одна — с выемчатой эмалью; другая — с росписью, изображающей бабочку; лощеная красная ваза Теотиуакан V с упрощенным узором. *Нижний ряд:* статуэтки, отражающие пять стадий развития толтекского искусства. Две последние фигурки формованы.

13

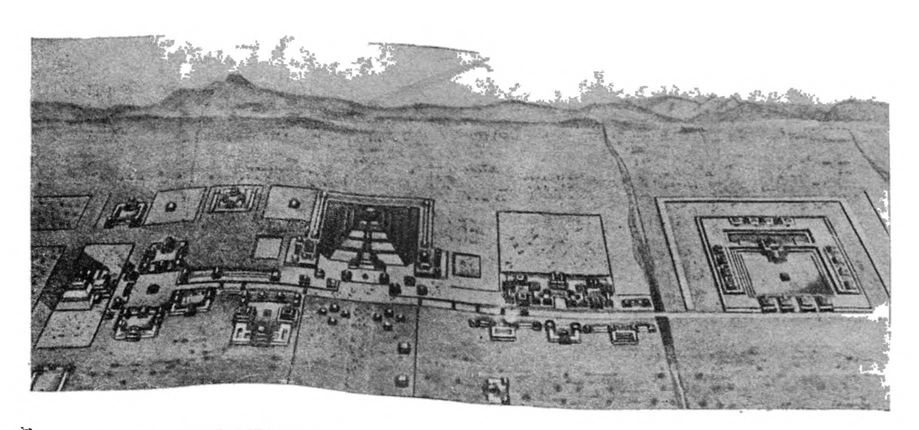

Таблица 22. — Архитектура толтеков.

Наверху: реконструкция Теотиуакана Гамио и Маркины. Продольная ось города простирается с севера на юг, и на ней расположены: храм Луны, площадь Луны, комплекс зданий храма Земледелия, группа колонн пирамиды Солнца, надстроенные здания и цитадель. Интересен принцип планировки по комплексам зданий и по поперечным осям. *Внизу:* вид пирамиды Солнца с восточной стороны с птичьего полета. Смежные здания показывают размеры этого гигантского сооружения, сделанного из адобов, облицованных камнем.

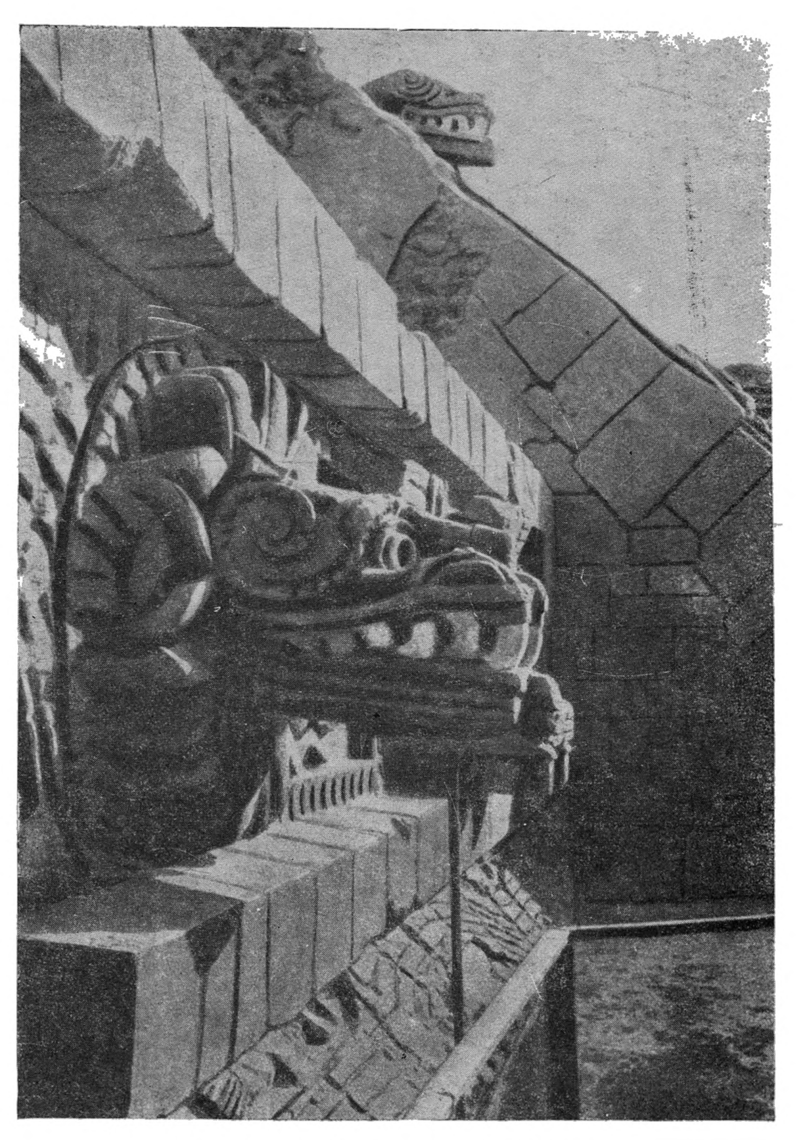
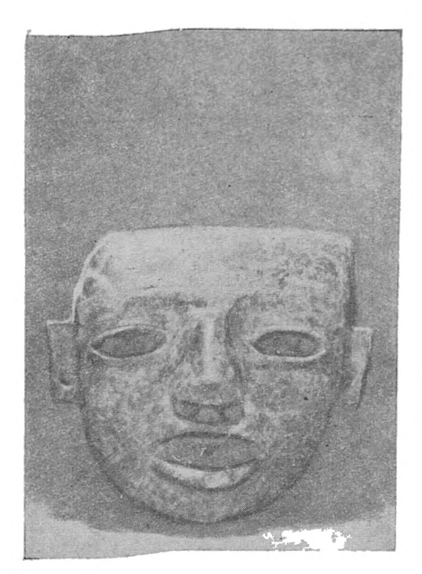

Таблица 23. — Архитектура толтеков.

Деталь храма Кецалкоатла, засыпанного впоследствии для создания цитадели. У массивных змеиных голов были вставлены глаза из полированного обсидиана.

14

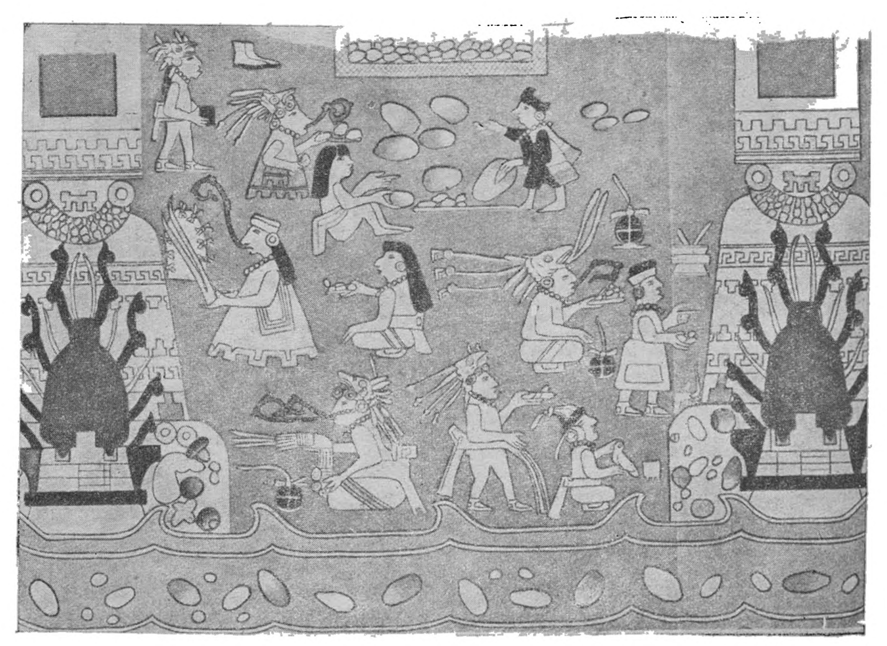

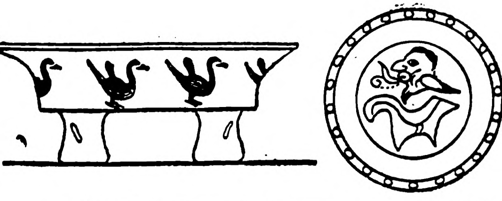
Таблица 24.—Искусство толтеков.

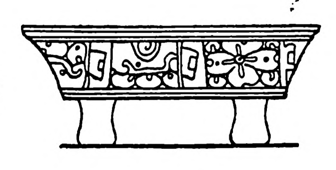
Вверху слева: массивная фигура в 3 *м* вышины, повидимому, представляла богиню вод. Обращает на себя внимание монументальность скульптуры. *Справа:* порфировая маска, показывающая изумительное мастерство толтеков. *Внизу:* сцена жертвоприношения, фреска из храма земледелия. Фигуры с обеих сторон напоминают богинь вод. На алтарях перед ними пылает огонь, а народ и жрецы в длинных облачениях приносят им в жертву перья, пищу, нефрит, раковины и птиц. Интересны ленты, выходящие изо рта и символизирующие речь.

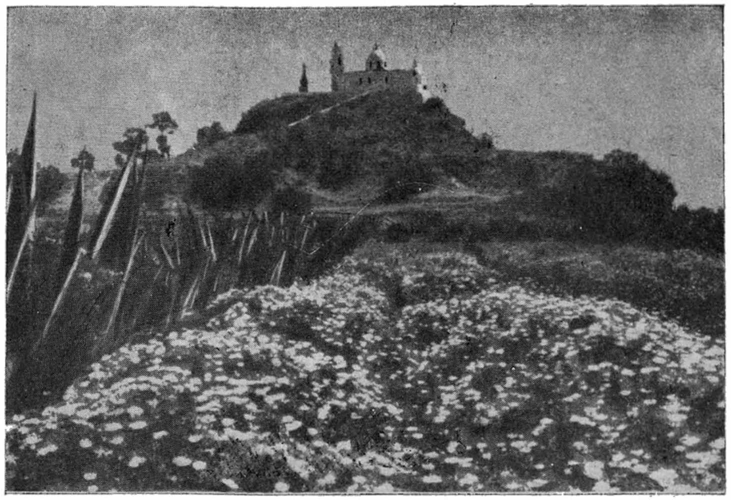

Таблица 25.—Памятники чичимекского периода.

Верхний ряд: пиктографическое письмо, относящееся к этому времени. *Слева:* чичимекский охотник (из картины Кинацин). *Центр:* теночки начинают свои странствования и находят статую бога (из кодекса Ботурини). *Справа:* восемь племен, поселившихся в Центральной Мексике (из кодекса Ботурини) (см. табл. 7). *Второй ряд:* первые три здания в Тенаюке. Интересны наклонные стены сооружения III, в котором заметно ацтекское влияние. *Третий ряд:* характерные стили керамики из Масапана, Койотлателко и Кулуакана — 1 ацтекского периода. *Четвертый ряд:* штампованные статуэтки, стиль Койотлателко. *Нижний ряд:* штампованные фигурки, стиль Масапана.

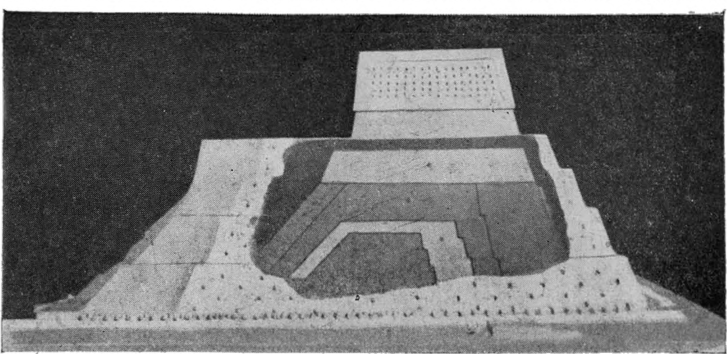

Таблица 26. — Керамика и архитектура чичимекского периода.

Вверху: чаши типа 1 ацтекского периода — Чолула III, найденные в Чичен Ице, Юкатан. *По середине:* храм в Чолуле, Пуэбла. Большая церковь, построена на древней платформе из адобов, на месте комплекса культовых зданий времен толтеков. *Внизу:* макет храма в Тенаюке, показывающий первоначальное здание и пять последующих перестроек, возможно, отвечающих циклическим празднествам 1299, 1351, 1403, 1455 и 1507 гг.

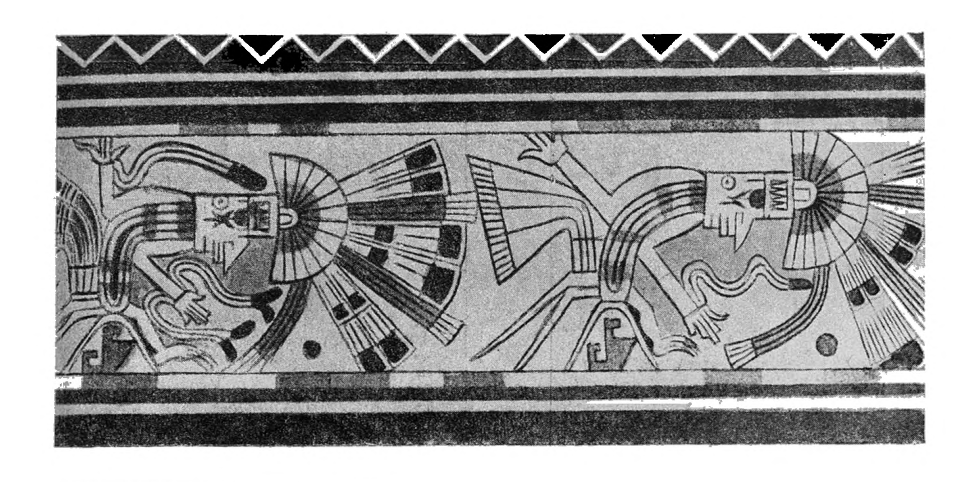
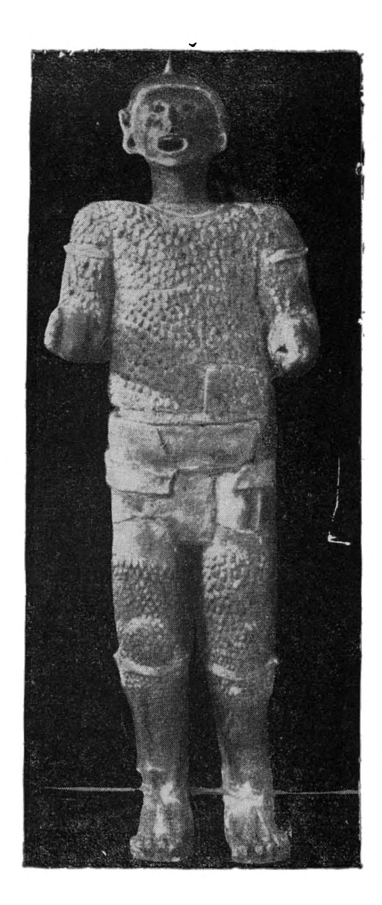

Таблица 27. — Керамика чичимекского периода.

Вверху и посредине: рисунок с вазы и кувшин, украшенный гипсом по способу перегородчатой эмали, из Халиско. Подобные сосуды служили распространенным предметом торговли в XII — XIII веках. *Внизу:* глиняный кувшин, выполненный в технике, напоминающей по виду фактуру стекла. Такие кувшины изготовлялись в Сальвадоре и Гватемале, и в этот период также широко распространялись по всей Центральной Америке. Производство их, очевидно, совершенно прекратилось приблизительно за столетие до испанского завоевания.

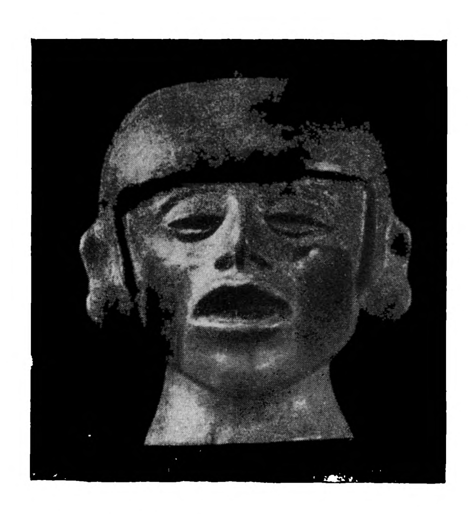
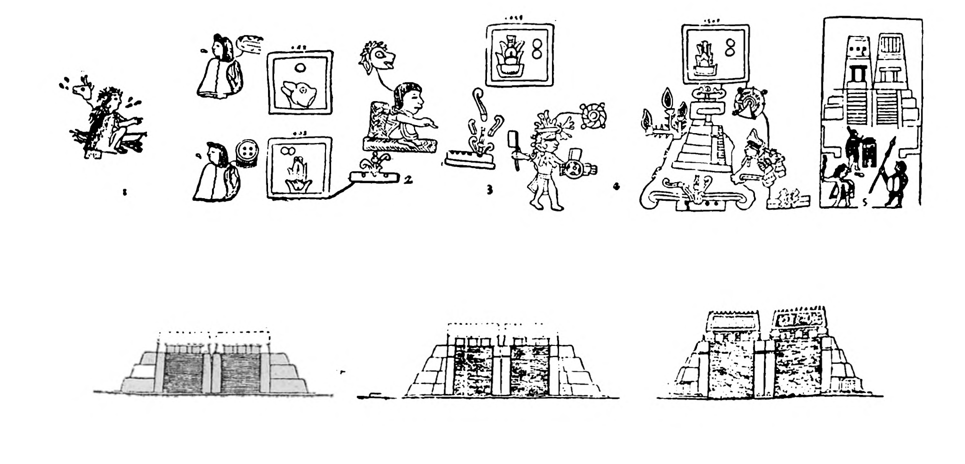

Таблица 28.—Керамика и архитектура Чичимекского периода.

Вверху слева: статуя в человеческий рост, Масапанской культуры, из Коатлинчана, долина Мехико. Она изображает бога Шипе, одетого в человеческую кожу. *Справа:* Портретная ваза, масапанской культуры, из могилы в Масапане. Она представляет, повидимому, голову мертвого человека. Эти две фигуры показывают, что в Масапане глиняная пластика достигла высокого уровня развития. *Внизу:* храм в Теопансалко, Куэрнавака. Остатки ступеней и стен — позднейшего времени — видны на переднем плане, на фоне первоначального храма и лестницы; размеры их превышают первые два здания того же стиля в Ганаюке. Поздний храм, судя по лестнице и нижним стенам, принадлежит к тому же типичному ацтекскому стилю, как и три последних храма в этом поселении на л. 29

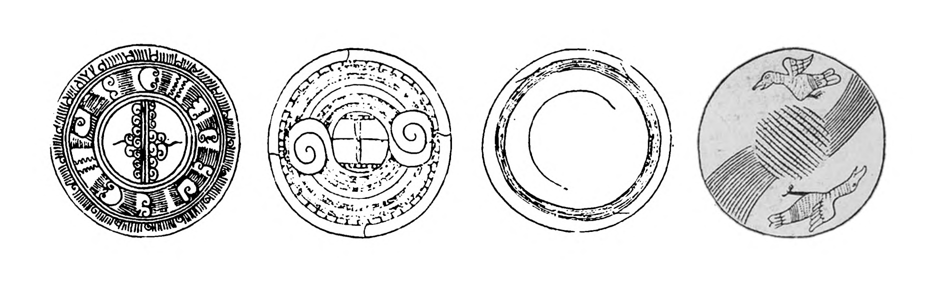

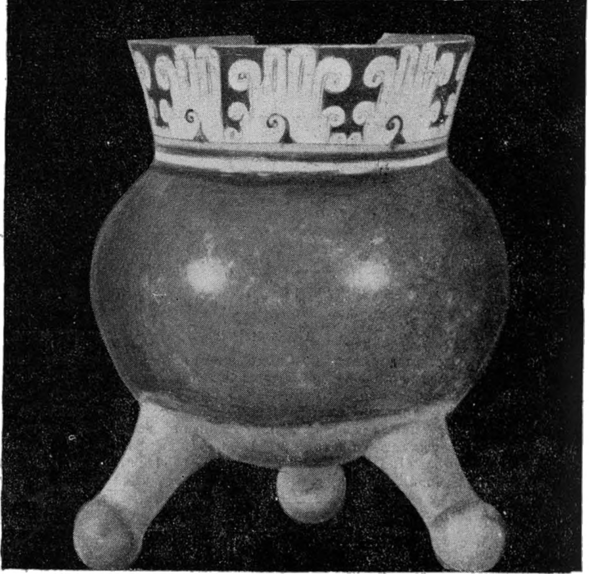

Таблица 29. — Памятники ацтеков.

Верхний ряд: выдержки из исторических пиктографических рукописей. 1) Прибытие в 1300 г. племен в долину Мехико (карта Кинацин); 2) Празднество нового огня в 1403 г.; 3) Празднество нового огня в 1455 г. ; 4) Празднество нового огня в 1507 г. (2 — 4 из кодекса Телериано-Ременсис); 5) Взятие Теночтитлана в 1519 г. (Кодекс 1578 г.). *Второй ряд:* последние три перестройки Тенаюки, возможно, соответствующие концам ацтекских циклов в 52 года в 1403, 1455 и 1507 гг. *Третий ряд:* ацтекские глиняные изделия, типы II, IIIa, IIIв, IV — 1403—1521 гг. *Четвертый ряд:* две ацтекские статуэтки, сделанные до 1403 г., и четыре статуэтки, сделанные между 1403 и 1520 гг. Они изображают Шочикецал, Шипе, Шочипилли и Тонацина.

Таблица 30.—Привозные глиняные изделия, ацтекский период.

Чаши, подобные этим, из Пуэблы и Тлашкалы, очень ценились в Центральной Мексике и либо привозились торговцами, либо доставлялись в качестве дани. Наверху рисунок веера из перьев и концентрических кругов, взятый с полусферической чаши. Кубок посередине украшен простым узором, тогда как на вазе, изображенной внизу, на горлышке нанесен иероглиф дня Тростника по черному фону, а корпус — краской.

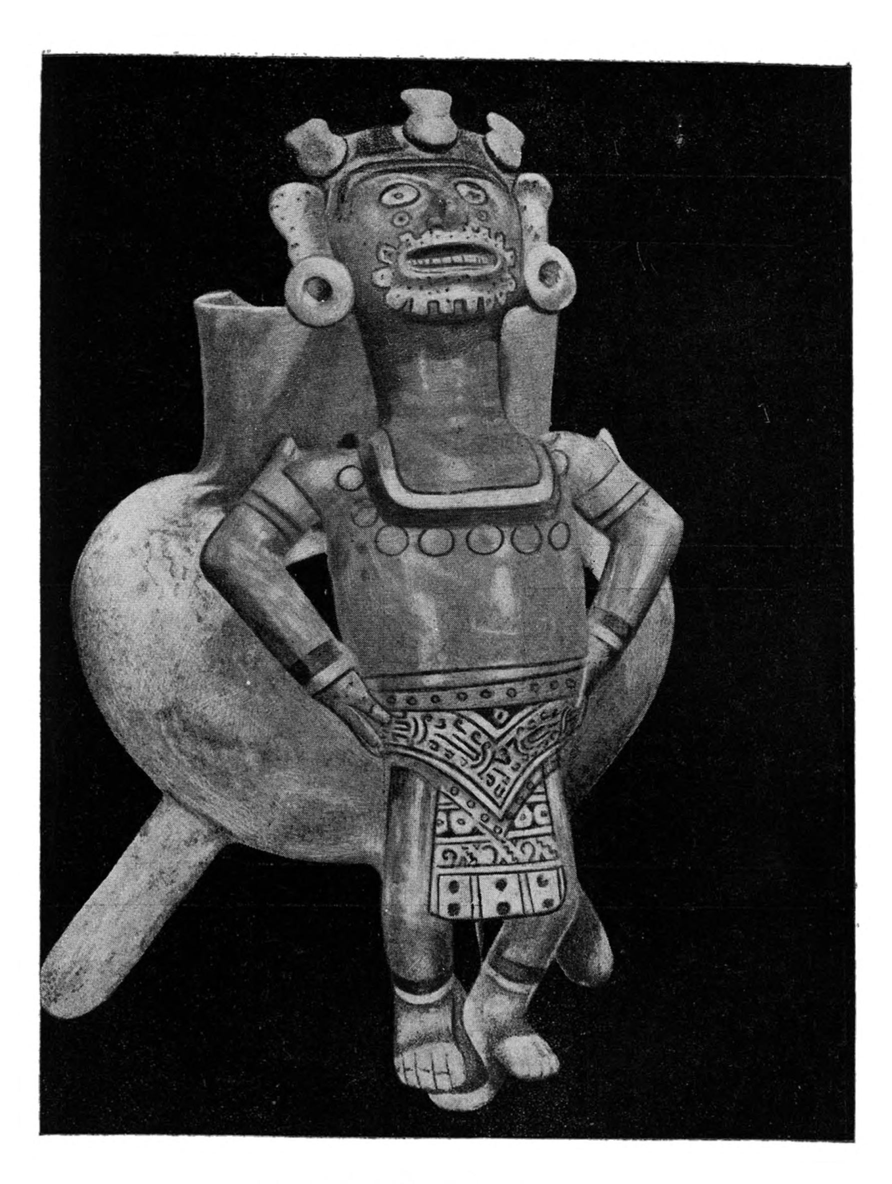

Таблица 31. — Культовая ваза.

Ваза из Миуатлана, Оахака, представляет шедевр керамического искусства Миштека — Пуэбла. Она изображает бога Макуилшочитл („Пять цветков“), бога игр и празднеств. Его одежда, ожерелье и татуировка тщательно воспроизведены в красках, а над левой ключицей вставлена бирюзовая бусина, символизирующая сердце бога. Нефрит и бирюза считались драгоценностями, как и сердце бога.

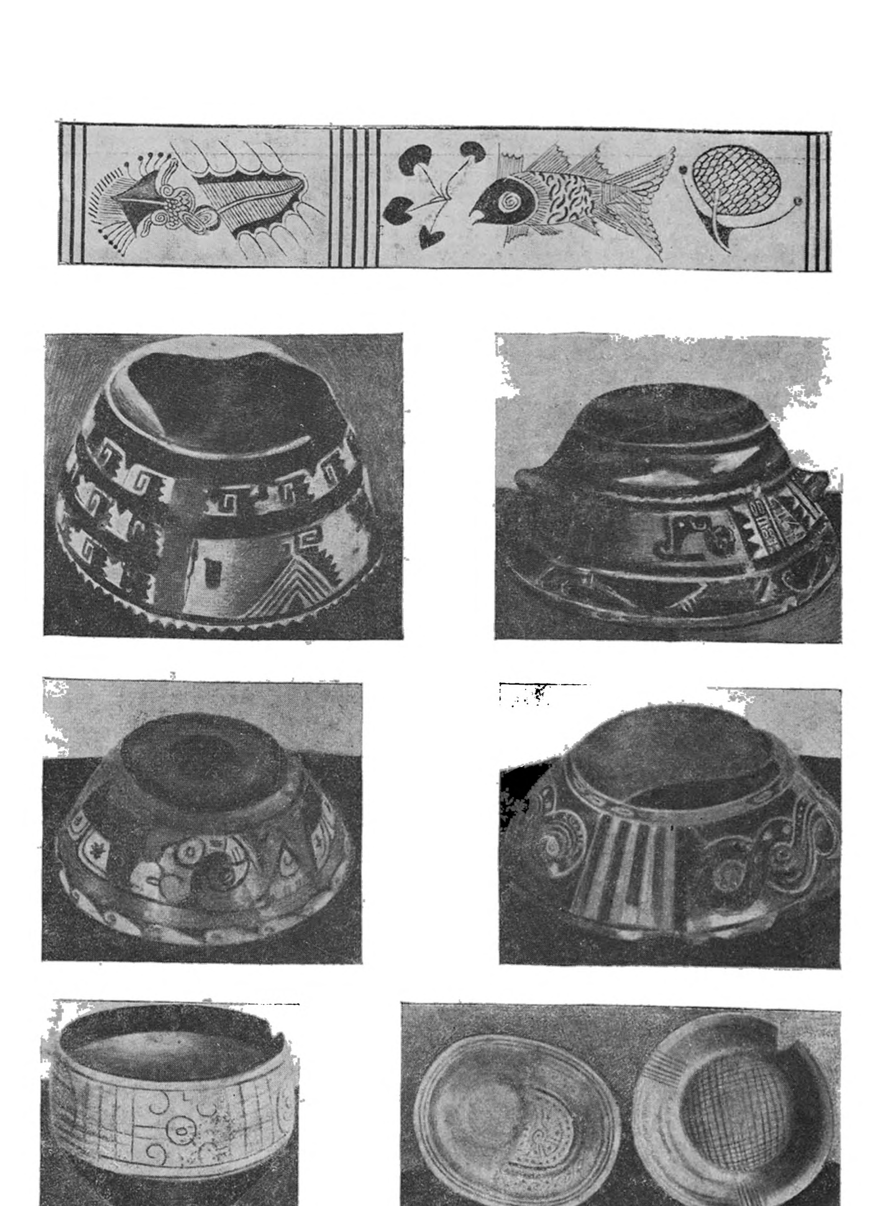

Таблица 32. — Изделия ацтеков из глины.

Вверху: рисунок на чаше IV ацтекского периода изображает морского червя, водяные растения и рыбу. *Второй ряд*: трехцветные сосуды из Чиконаутле (1403 г.) *Третий ряд*: слева — пятицветная привозная ваза, найденная в Чиконаутле (1507 г.) *Справа*: местная трехцветная чаша оттуда же. *Нижний ряд*: чаша с оранжево-черным рисунком на красном фоне и два блюда, расписанные черным по оранжевому в Ноноалко (1507 г.).

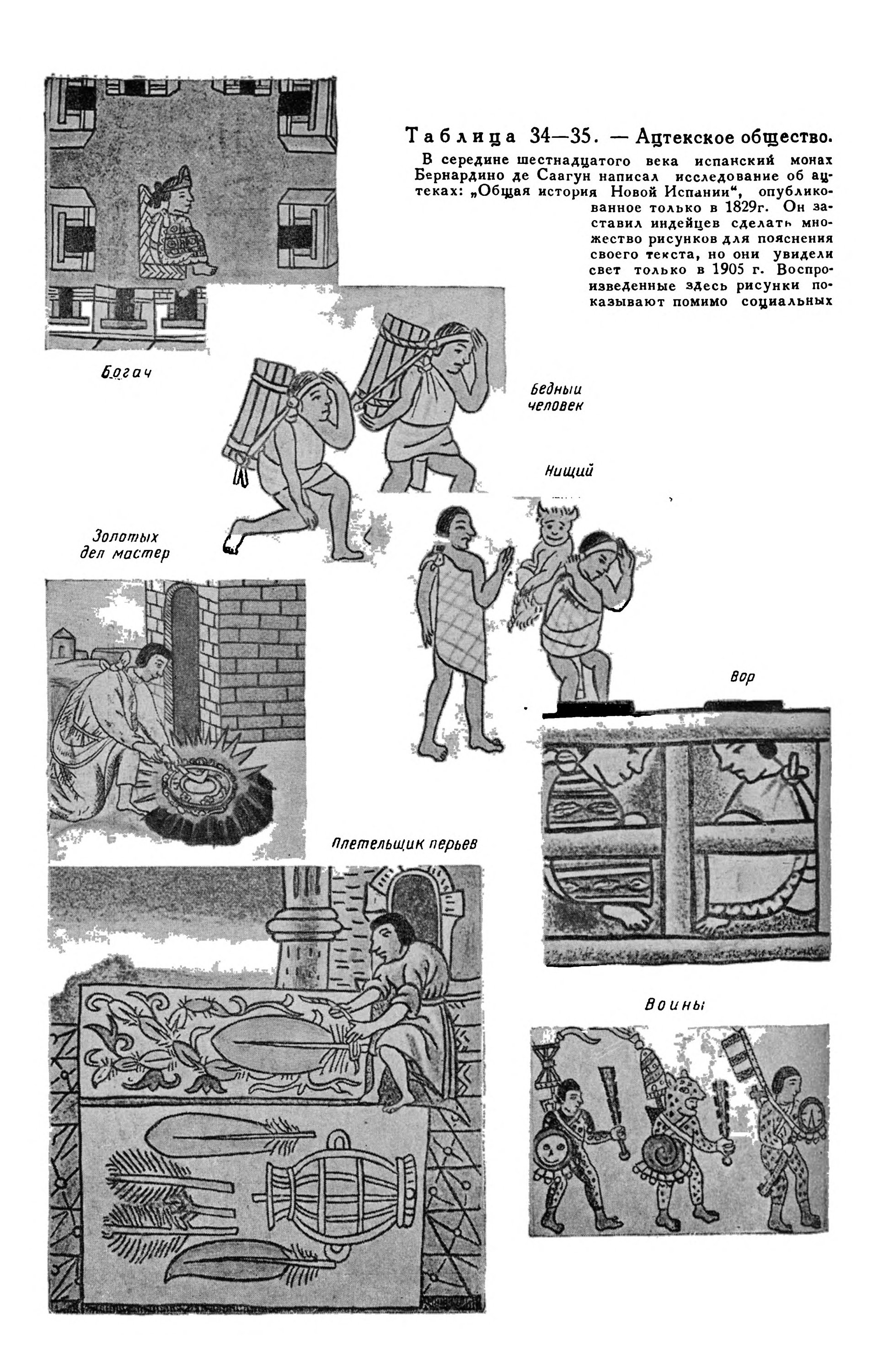

Таблица 33. — Процессия видных должностных лиц, чествующих Монтесуму.

Рисунок Гендерсона в издании „Завоевание Мексики“ Прескотта, основан на рисунках служебных рукописей

Таблица 34—35. — Ацтекское общество.

В середине шестнадцатого века испанский монах Бернардино де Саагун написал исследование об ацтеках: „Общая история Новой Испании", опубликованное только в 1829г. Он заставил индейцев сделать множество рисунков для пояснения своего текста, но они увидели свет только в 1905 г. Воспроизведенные здесь рисунки показывают помимо социальных

Богач

Бедный человек

Нищий

Золотых дел мастер

Вор

Плетельщик перьев

Воины

(по **Флорентинскому** кодексу).

различий между богатыми и бедными, множество других отличительных признаков, соответствующих общественному положению. Различные типы схвачены живо и с большим чувством юмора. Хотя некоторые детали и указывают на то, что испанское влияние уже сильно сказывалось через поколение после завоевания, но общий характер говорит о строгом соблюдении ацтекских традиций.

вождь

Адвокат

Торговец

Женщины

Врач

Моряк, остерегайся

Укус муравья

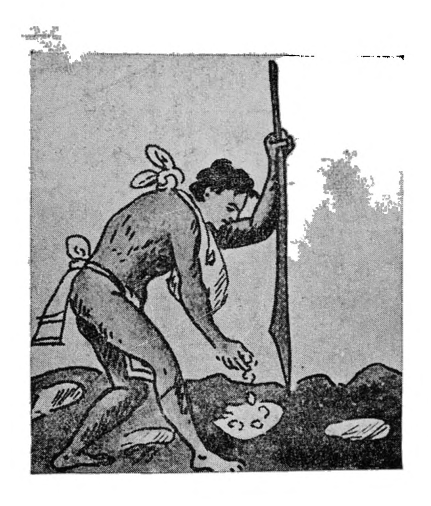
Таблица 36. — Ацтекские женщины.

Как показывает этот рисунок, К. Гендеросоп, богатые вышивки оживляли простые платья ацтекских женщин.

Таблица 37. — Город Мехико во времена ацтеков.

Вверху: реконструкция Теночтитлана, каким он был в 1519 г., сделанная Игнасио Маркиной. Вид на юго-восточную часть города. Налево поднимается большой храм; справа стоит стойка с черепами: на переднем плане—северный бассейн для лодок. Слева и справа от большого храма видны дворцы Ашайакатла и Монтесумы. Центр композиции занимает жертвенный камень, за ним—круглый храм бога ветра, Ээкатла—Кецалкоатла. *Внизу*: „Пловучие сады“ Мексики и ныне имеют тот же вид, как и до завоевания. Шочимилко, где был снят этот вид, до сих пор населен народом, говорящим на языке ацтеков, которые жили здесь задолго до появления теночков в долине Мехико.

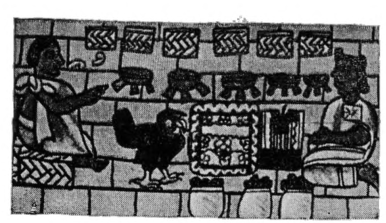

Таблица 38.—Хозяйство ацтеков (по Флорентинскому кодексу).

Верхний ряд, слева: земледелец сажает кукурузу, пользуясь остроконечной палкой; *справа*—он с женой убирает урожай на зиму. Методы сельского хозяйства ацтеков в основном и ныне применяются индейцами. *Средний ряд, слева*: продовольственный рынок, товары на котором разложены также, как у современного индейского торговца. *Справа*: Правитель Ауицотл принимает приношения с побережья: раковины, шкуры ягуаров, перья, нефрит и какао. *Нижний ряд, слева*: члены семьи раба с палками, привязанными к шее, в знак их зависимого положения. *Справа*: торговец с побережья покупает изделия жителей плоскогорья: одежду, золотые украшения, медь, инструменты из обсидиана и канат из волокон агавы.

Таблица 39. — Быт ацтеков.

Вверху, слева: отцы отводят своих мальчиков в школу „Калмекак". Они принадлежат к беднейшим слоям населения. *Справа*: четыре вождя приговаривают к смерти через удушение и избиение дубинками за тяжкие преступления. *Середина слева*: избранные воины вступают в культовый поединок. Они носят одежды воинских орденов или вождей. *Справа*: правитель племени выдает двум должностным лицам значки и одежду, присвоенные их званию. *Внизу справа*: профессиональные шуты, горбуны, жонглеры и музыканты Монтесумы.

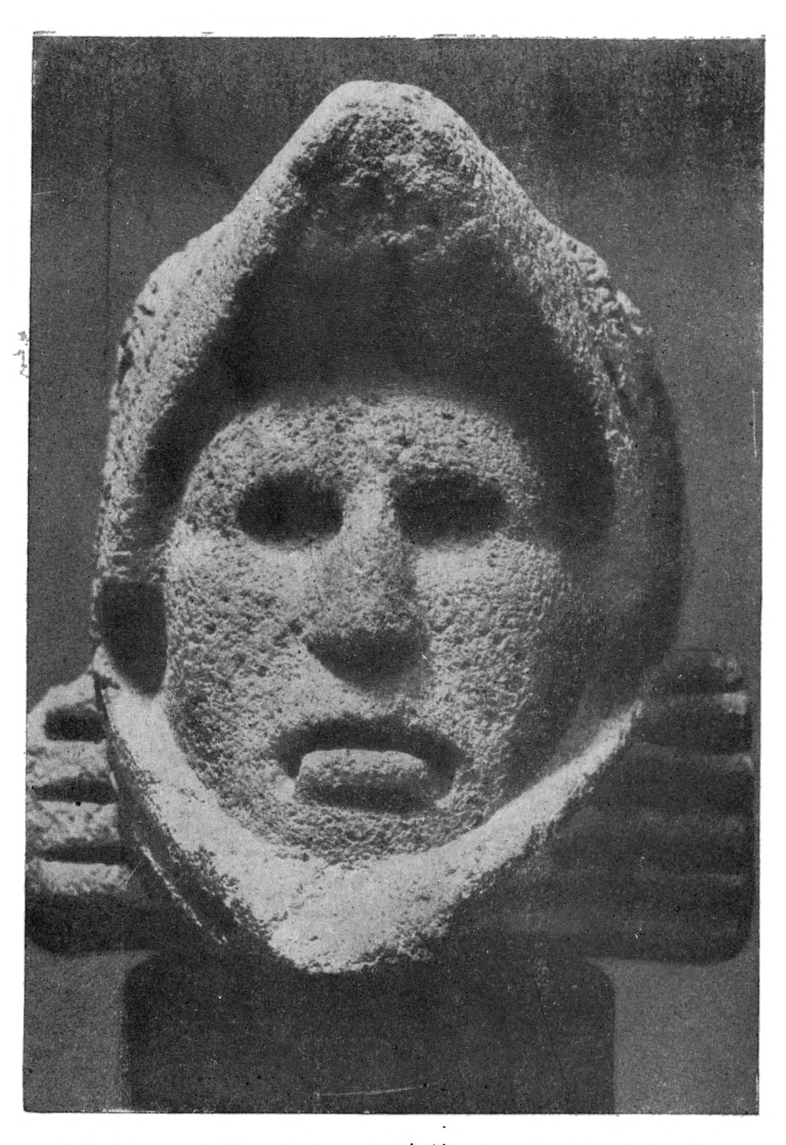

Таблица 40. — „Рыцарь“ Орла, Национальный музей.
Изображение головы воина.
Одно из лучших произведений скульптуры ацтеков.

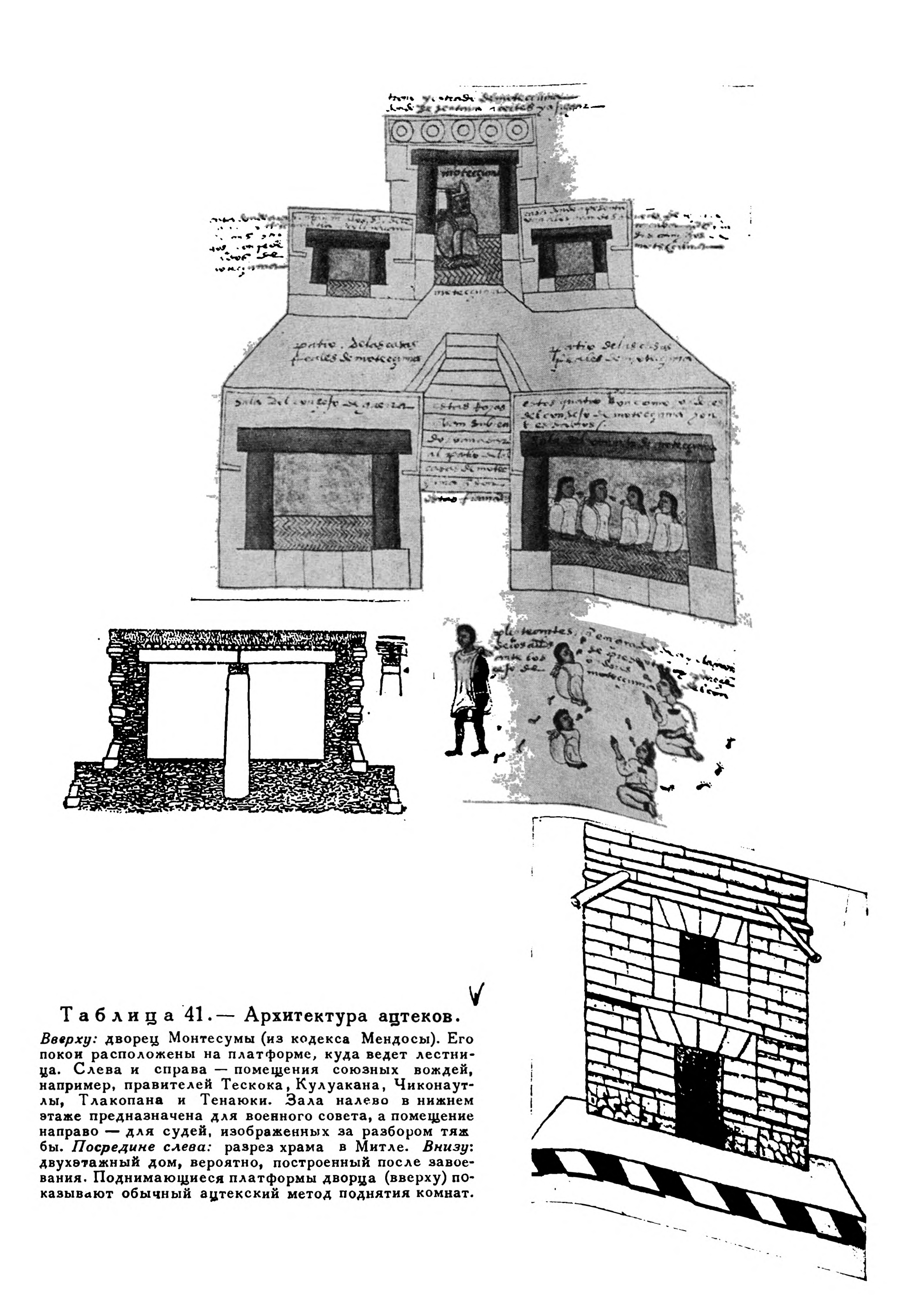
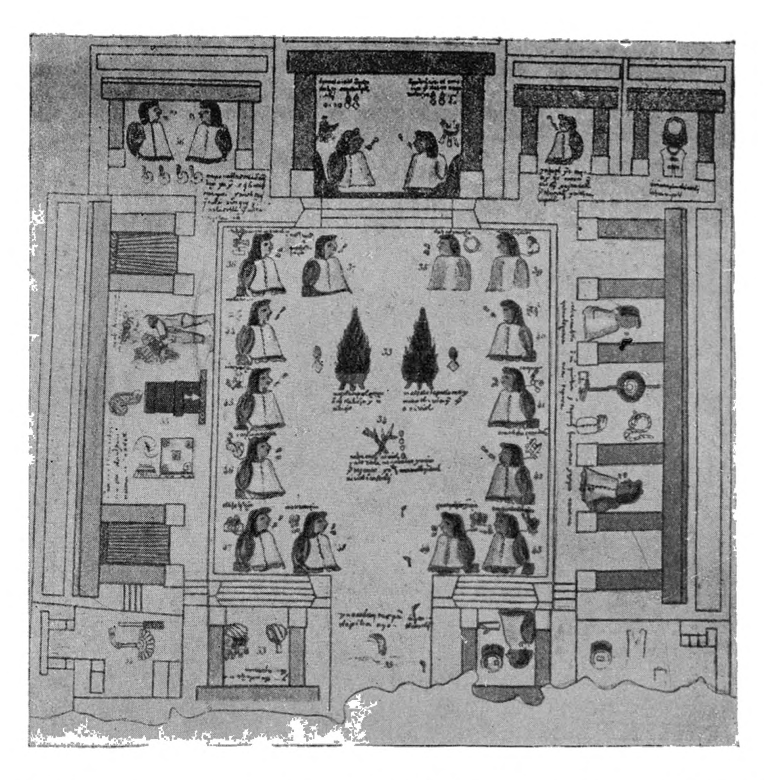

Таблица 41.— Архитектура ацтеков.

Вверху: дворец Монтесумы (из кодекса Мендосы). Его покои расположены на платформе, куда ведет лестница. Слева и справа — помещения союзных вождей, например, правителей Тескока, Кулуакана, Чиконаутлы, Тлакопана и Тенаюки. Зала налево в нижнем этаже предназначена для военного совета, а помещение направо — для судей, изображенных за разбором тяжбы. *Посредине слева:* разрез храма в Митле. *Внизу:* двухэтажный дом, вероятно, построенный после завоевания. Поднимающиеся платформы дворца (вверху) показывают обычный ацтекский метод поднятия комнат.

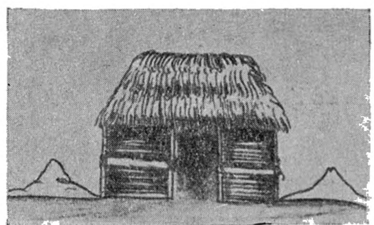

Таблица 42.—Архитектура ацтеков.

Вверху: ацтекский дворец в Тескоко (по карте Кинацин), нарисованный в вертикальном плане без перспективы. Несауалкойотл и Неуалпилли, отец и сын, сидят друг против друга в тронном зале. Во дворе мелкие зависимые вожди, в том числе и правитель Чиконаутлы (№ 46). Правую сторону двора ограждают стены кладовых для хранения дани; налево находится храм, о котором писец говорит, как о помещении для занятий науками и музыкой. Верхние комнаты отведены судьям (налево) и под арсенал (направо). Нижние комнаты служат для приема послов и совещаний военного совета. *Внизу, слева:* дом из плетня с глиняной обмазкой, встречающийся до сих пор в Мексике. *Справа*: дом вождя со стенами из адобов на каменном фундаменте, с деревянными столбами для прихожей и украшенным фреской фасадом.

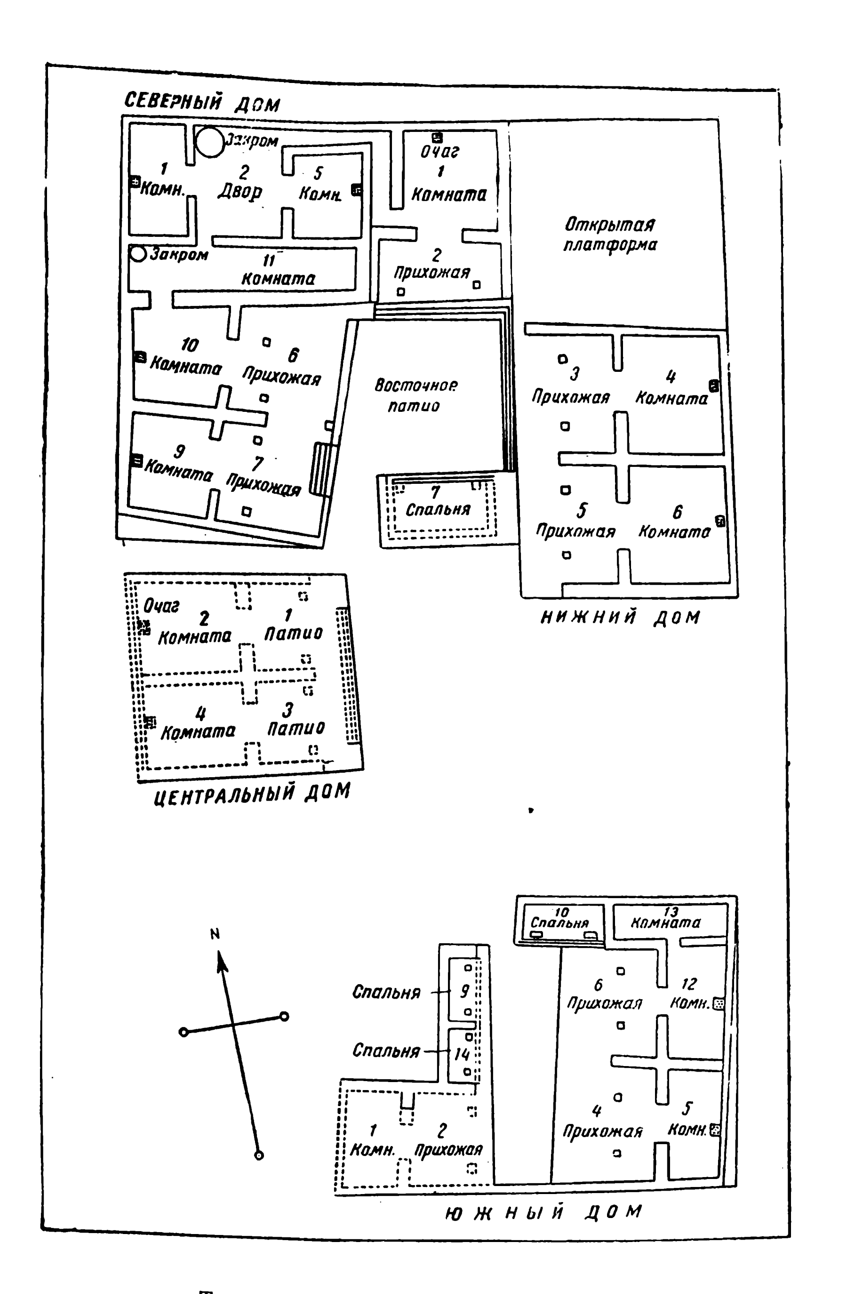
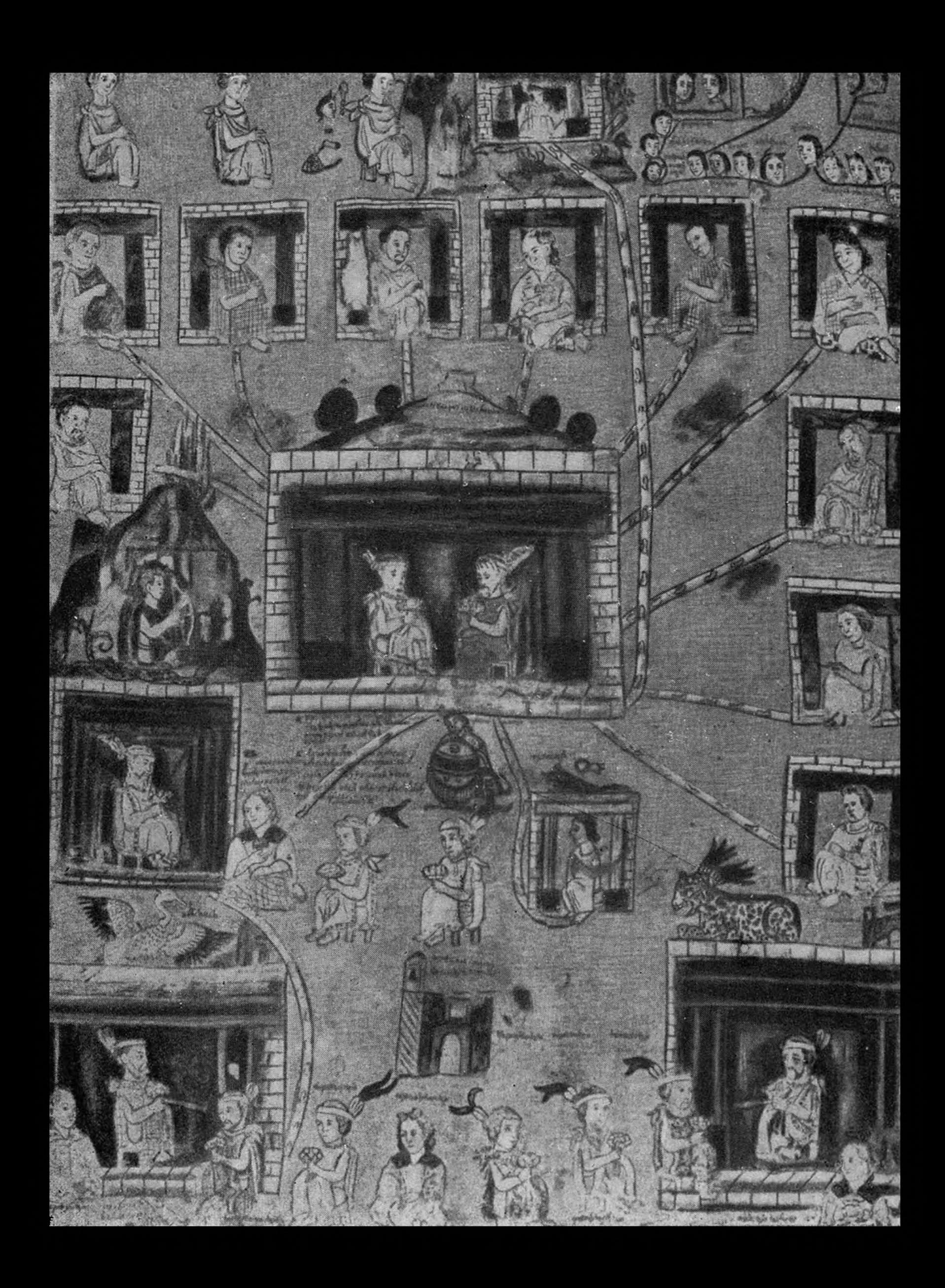

Таблица 43. — Архитектура ацтеков.

Дворец в Чиконаутле. План его очень сходен с расположением в Тескоко на таблице 42.

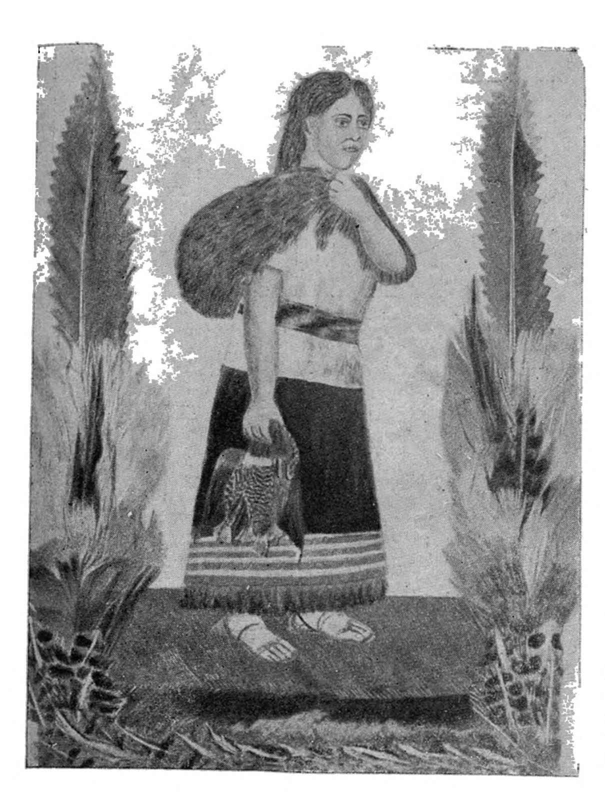
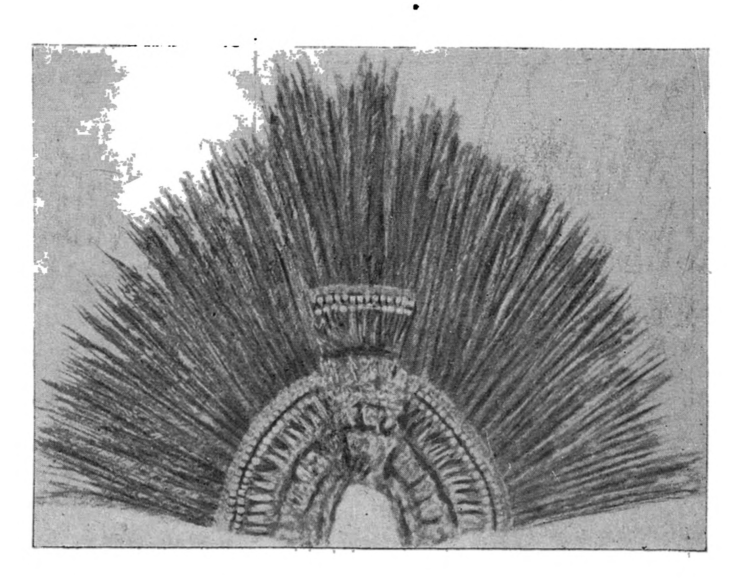
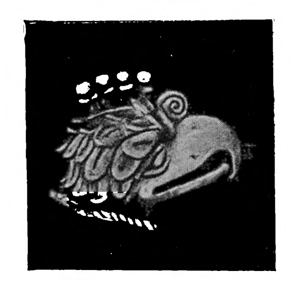
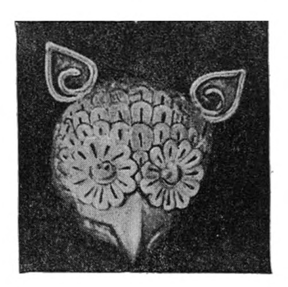

Таблица 45. — Изделия ацтеков из перьев.

Вверху: картина из перьев. Ацтекская работа XIX в. *Внизу*: головной убор Монтесумы, хранящийся в Венском музее. Кортес послал этот убор императору Карлу V, который подарил его своему племяннику.

25

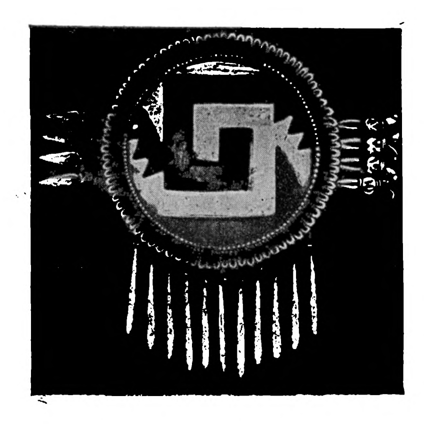

Таблица 46.— Изделия ацтеков из золота.

Верхний ряд: небольшие золотые украшения из Оахаки. *Середина*: пряжка, изображающая бога Шипе. *Внизу, слева*: золотых дел мастер (Флорентийский кодекс) делает мозаичное украшение, похожее на изображение щита и стрел — знаков войны.

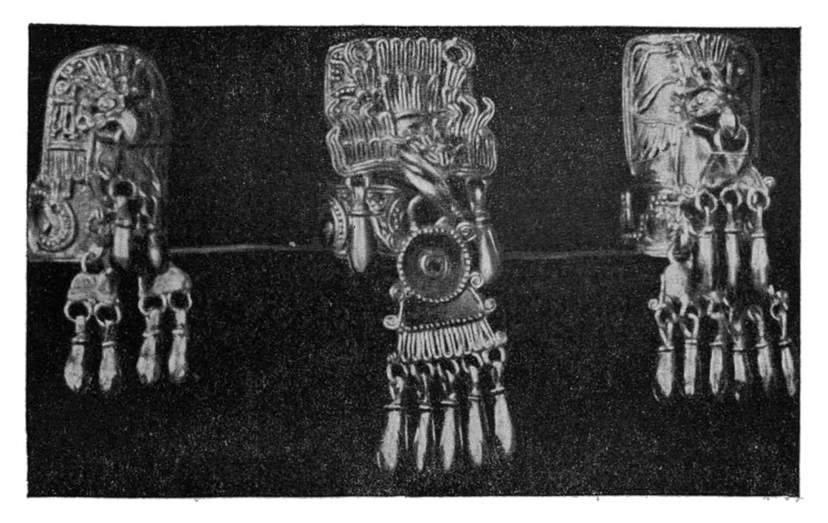

Таблица 47. — Изделия ацтеков из золота.

Почти все ацтекские золотые изделия были переплавлены испанцами. Большинство сохранившихся предметов найдено в Оохаке, причем количество их удвоилось после открытия археологом Касо могилы № 7 в Монте Альбан. Образцы их представлены наверху налево и внизу, а также на таблице 46, посредине. Украшение для губ, вверху, справа, имеет подвижный язык, что придает живость змеиной голове. Эти несколько образцов дают представление о разнообразии форм и мастерстве ацтекских ювелиров.

Таблица 48. — Мозаичные изделия ацтеков.

Мозаика — искусство, требующее большой изощренности. Для нее необходимы тонкий подбор красок, чтобы создать нужное впечатление. Маска из нефрита и бирюзы, ныне находящаяся в Риме, составляла часть добычи конкистадоров. Внизу — светлые полосы из бирюзы и темные — из лигнита покрывают человеческий череп, срезанный сзади. Эта маска, возможно, изображает Тескатлипоку (Британский музей).

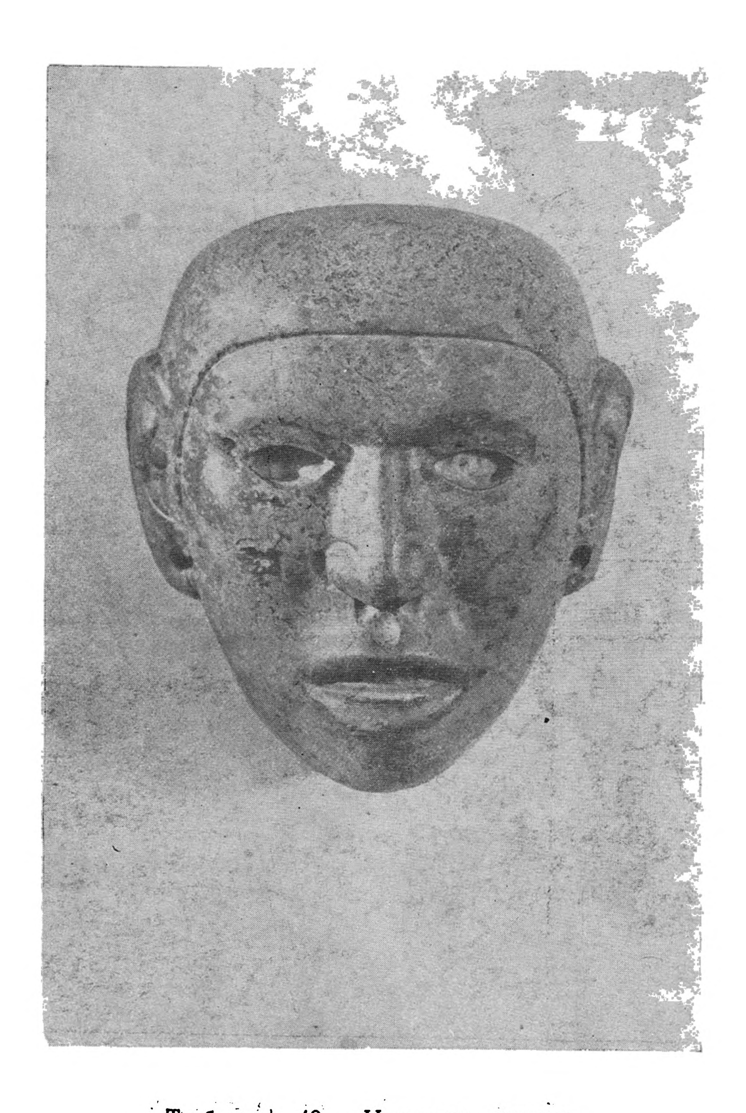
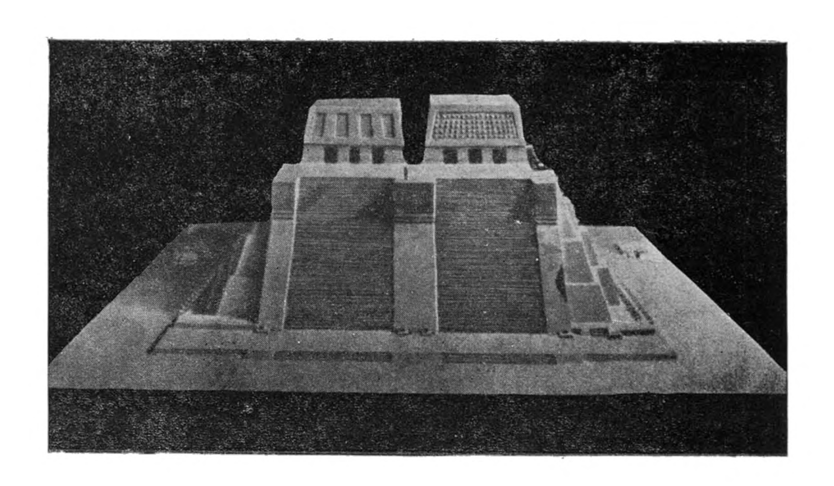

Таблица 49.— Искусство ацтеков.

Порфировая маска из Теайо, Вера Крус. Выдающийся образец ацтекского искусства, хотя она и сделана за пределами владений ацтеков. Эта маска и скульптурная голова на таблице 40 представляют, пожалуй, наилучшие произведения светской пластики ацтекского периода.

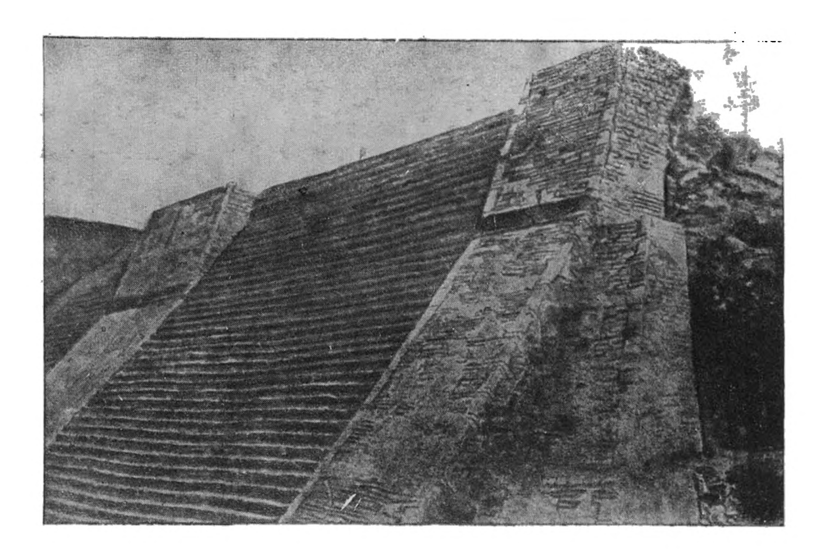
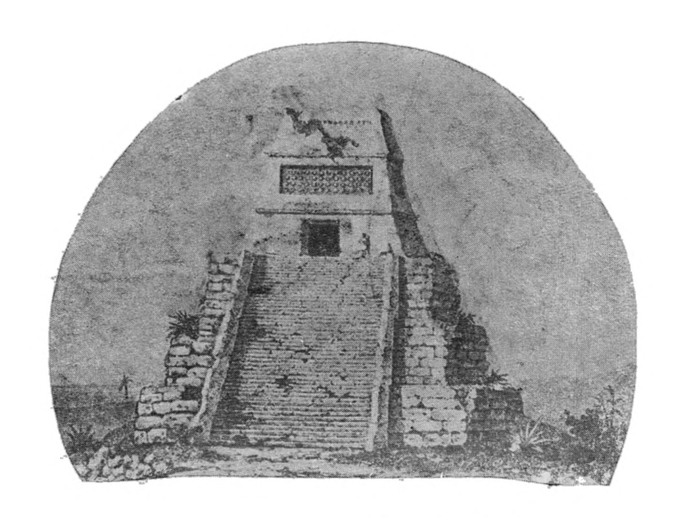
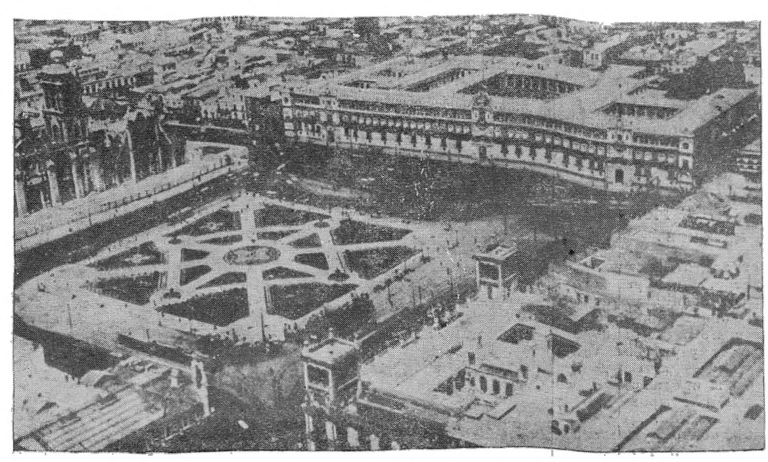

Таблица 50. — Архитектура ацтеков.

Архитектура ацтеков нашла свое наиболее совершенное воплощение в храмах. *Вверху*: макет храма в Тенаюке, как он выглядел во времена испанского завоевания. *Внизу*: храм в Тенаюке во время раскопок. Сравните таблицы 60 и 61.

V

Таблица 51. — Искусство ацтеков.

Вверху: скромное святилище в честь бога войны, находящееся на границе территории ацтеков в Сант Яго Уатуско, Вера Крус. Храм мало пострадал за последние сто лет с тех пор, как была сделана эта гравюра Дюпе, хотя немногие другие здания устояли от разрушений, вызванных войной и проповедью христианства. *Внизу*: Сокало, г. Мексико, вид на северо-восток. Здесь находилась большая площадь Теночтитлана. Дворец президента (наверху справа) покоится на фундаменте чертогов Монтесумы. Большой храм богам войны и дождя стоял на восток от собора. В месте скрещения трамвайных линий на переднем плане еще и сейчас лежит под землей большой каменный диск вроде календарного камня (таблица 52). Площадь разбита над остатками теночкского города, на 6 *м* выше прежнего уровня.

Таблица 52.—Искусство ацтеков.

Вверху: Календарный камень, 3, 9 *м* в диаметре, с изображением истории сотворения мира. Он разбит на концентрические круги, в центре которых находится солнце, внутри знака четырех движений — даты нынешней эры. Даты предшествующих эпох даны в четырех выступах знака движения. Двадцать названий дней окружают центральные знаки, и в свою очередь заключены в пояс знаков из бирюзы и нефрита, означающих „драгоценный“ и цвет неба. За этот пояс простираются лучи солнца и символы звезд, а внешним окаймлением служат две большие огненные змеи, символизирующие время. *Внизу*: так называемый „Национальный“ камень, монолитная глыба в Мексиканском национальном музее. Вероятно, это уменьшенная модель храма, на платформе которого был установлен календарный камень. Знаки на этом памятнике символизируют священную войну, вечный конфликт между противоположными и соперничающими силами природы.

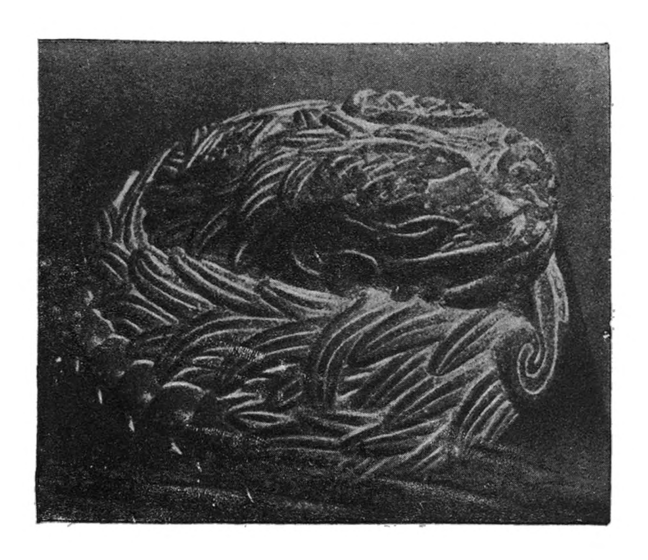

Таблица 53. — Искусство ацтеков.

Вверху: изображение пернатой змеи в Мексиканском национальном музее, весьма вероятно, олицетворяет Кецалкоатла, бога науки, покровителя жрецов. Оно отличается от изображений огненной змеи тем, что у него нет возвышающегося над головой гребня. *Внизу*: громадная змея у подножия балюстрады большого храма в Мексико — архитектурное украшение, часто встречающееся в ацтекском храмовом зодчестве. Змеи составляли главное украшение в Тенаюке (таблица 50, наверху), и во многих других ацтекских зданиях. Они встречаются и дальше на восток, вплоть до мексиканского периода Чичен Итцы.

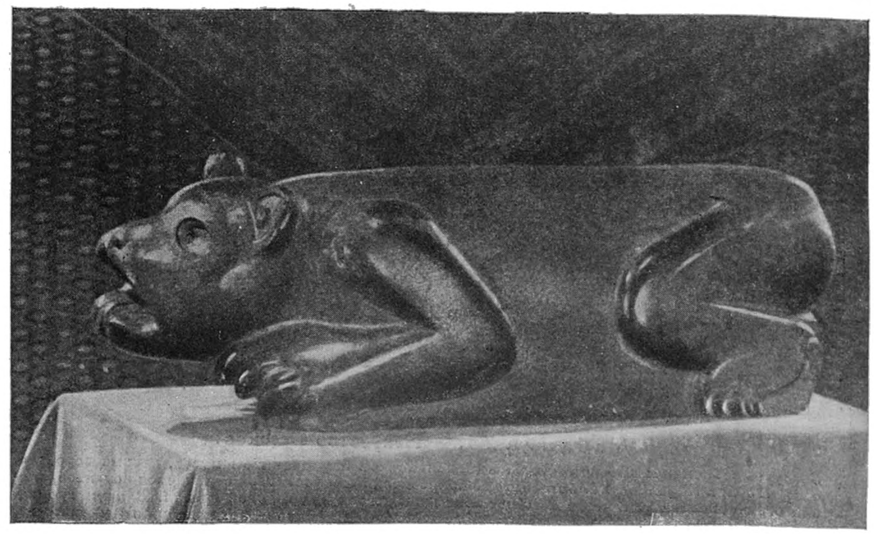
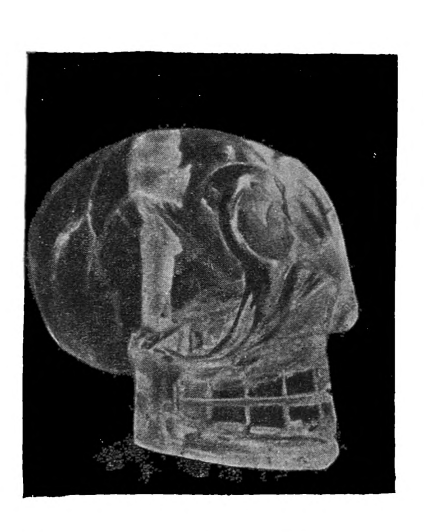

Таблица 54. — Искусство ацтеков.

Вверху: коатликуэ, мать богов, занимавшая видное место в пантеоне ацтеков. Изображение, более 2,4 м высоты, показывает могущество этой богини, символизируемое устрашающими атрибутами вроде двух голов змей, ожерелья из черепа, рук и сердца, платья из извивающихся змей и когтей на ногах. Ноги покрыты внизу резьбой, чтобы показать, что Коатликуэ — богиня земли. *Внизу*: деревянный барабан с двумя языками (тепонастли) в форме оцелота. Гладкие, простые контуры составляют разительную противоположность мрачному нагромождению деталей у вышеописанной статуи

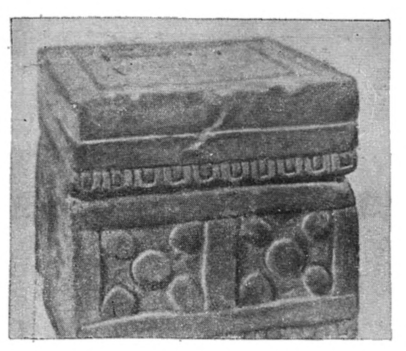

Таблица 55. — Искусство ацтеков.

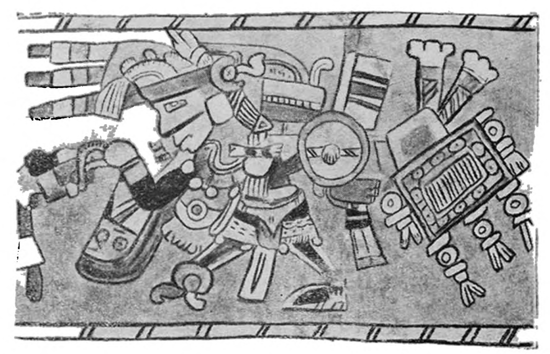
Справа: другое изображение Коатликуэ, матери богов. В качестве богини земли она связана со смертью, поэтому вместо головы у нее человеческий череп. *Слева, вверху*: небольшой череп из горного хрусталя, изображающий бога смерти. Прекрасный образец работы ацтекских резчиков по камню. *Слева, внизу*: ящик с символической резьбой для хранения человеческих сердец. Знак „нефрит", т. е. символ „драгоценности", окаймляет боковые стенки ящика.

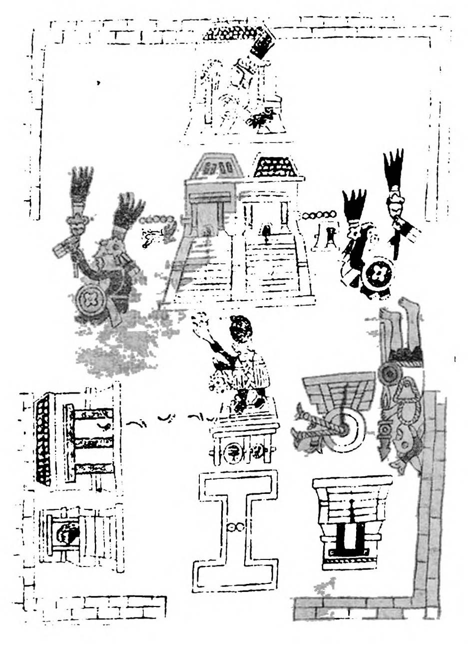

Таблица 56. — Искусство ацтеков.

Вверху: богиня кукурузы, представленная в виде молодой девушки. *Внизу*: колоссальная голова, около метра в высоту, сестры бога войны — Койолшауки. Она изображена мертвой. Простая трактовка деталей усиливает монументальность всей композиции.

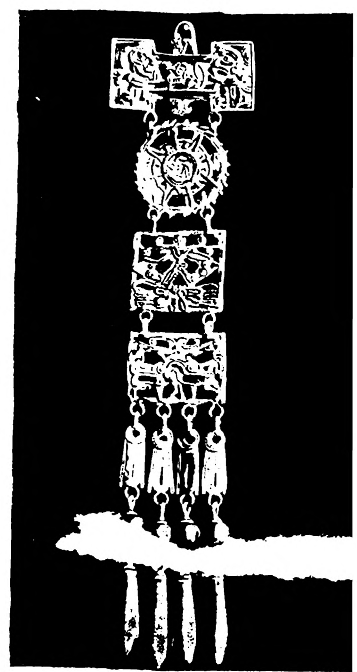
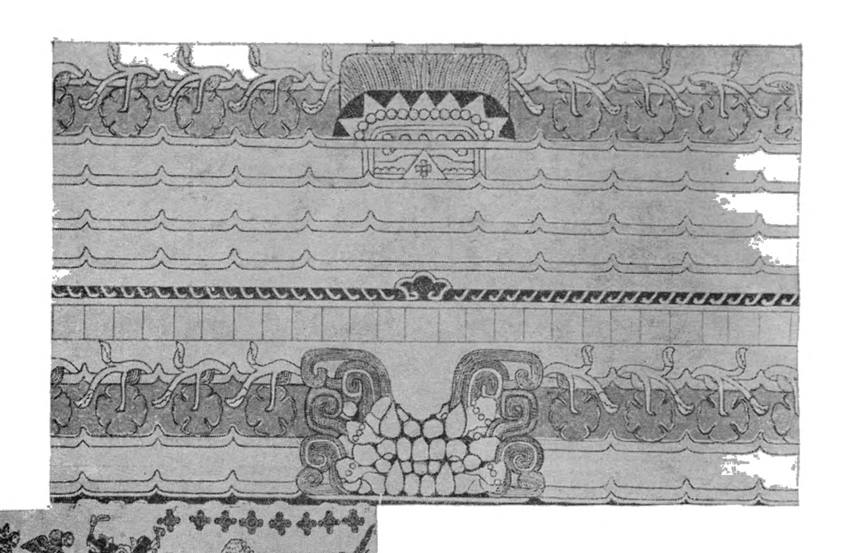

Таблица 57. Религия ацтеков.

Вверху: Тескатлипока, „курящееся зеркало“, с Фрески в Тисатлане. *Внизу, слева*: план Теночтитлана из Флорентинского кодекса (ср. табл. 37). В центре — святилище Уицилопочтли и Тлалока, под ним — жрец. Слева от него — помещение жрецов. Под ним — помещение „рыцарей“ орла. Под жрецом — стойка для черепов. Под ней—двор для игры в мяч. В нижнем правом углу — храм Шипе. Над ним — жертвенный камень. Вверху — старый храм Уицилопочтли. Справа от жертвенного камня—изображение Шипе. *Справа:* золотое украшение, представляющее вселенную в вертикальном разрезе. Вверху боги играют в мяч, символизируя небо и движения планет, под ними — солнечный диск, затем кремневый нож, олицетворяющий Луну, и, наконец, чудовище-земля.

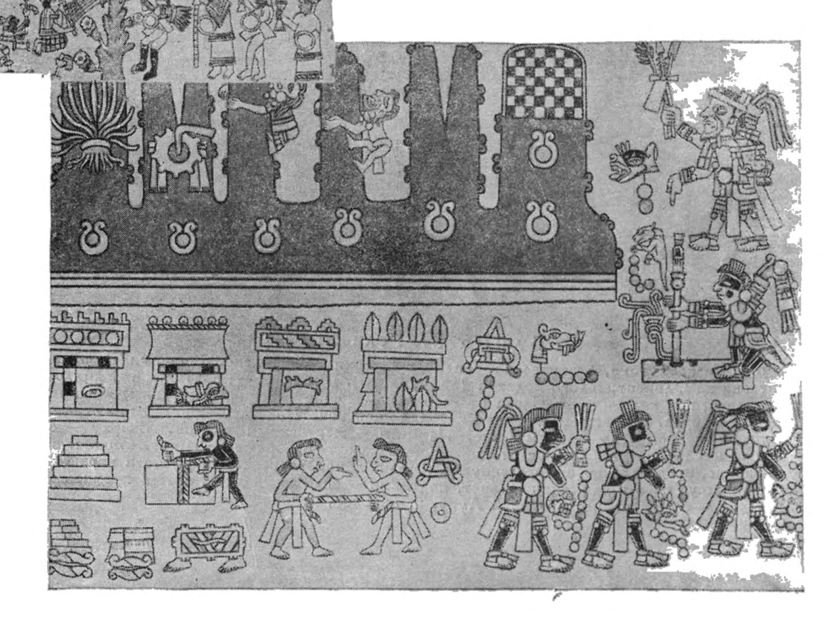

Таблица 58. — Религия ацтеков.

Вверху: алтарь в Теотиуакане с символами земледельческого культа. Следует обратить внимание на знак в центре наверху. ***Середина:*** обряд, символизирующий схождение богов и их свиты на землю. Жрецы одеты в костюмы главных богов (Флорентинский кодекс). ***Внизу:*** полукультовая полуисторическая сцена. Изображены боги, даты, храмы, вожди и разжигание огня (Венский кодекс).

Габлица 59. — Религия ацтеков.

В верху, слева: Тлалок, бог дождя. *Справа:* Кецалкоатл, бог науки, в образе Эекатла, бога ветра. *Внизу:* страница из Тоналаматла в Бурбонском кодексе. Богиня Ицпапалотл, покровительствующая пятнадцатой неделе (первый день дома), показана в большом квадрате. Сломанное дерево обозначает Тамоанман, мифическую родину; дом внизу, с человеком на крыше, знаком ночи на двери и пауком сверху, означает царство тьмы. Остальные знаки обозначают дары. Маленькие четырехугольники относятся к дням и их богам. Знаки и числа дней начинаются в самом низу налево с первого дня дома и кончаются наверху налево тринадцатым днем Орла. В каждом дневном квадрате нарисован ночной бог, начиная с Пилцинтештла и кончая Чалчиуитликуэ (табл. XVI). Квадраты над ним рядом и справа от вертикального ряда показывают богов дневных часов и их птиц, начиная слева от Шиуткутли и кончая сверху Иламатекутли (табл. XV).

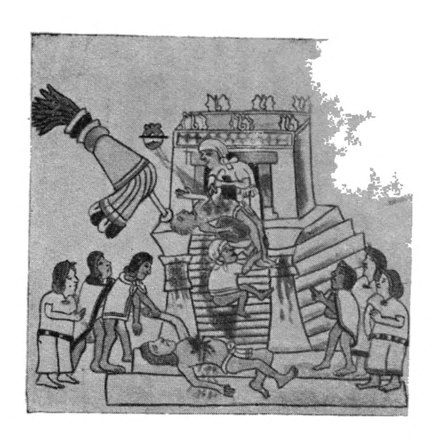

Таблица 60. — Религия ацтеков.

Вверху, слева: жрецы и народ приносят в жертву двух людей в честь бога войны. *Справа:* военнопленный на жертвенном камне защищается в ритуальном бою от членов „рыцарских“ орденов. *Внизу, слева:* жертвенный нож с мозаичной рукояткой, изображающей „рыцаря“ Орла (Британский музей). *Справа:* жертвоприношение Солнцу.

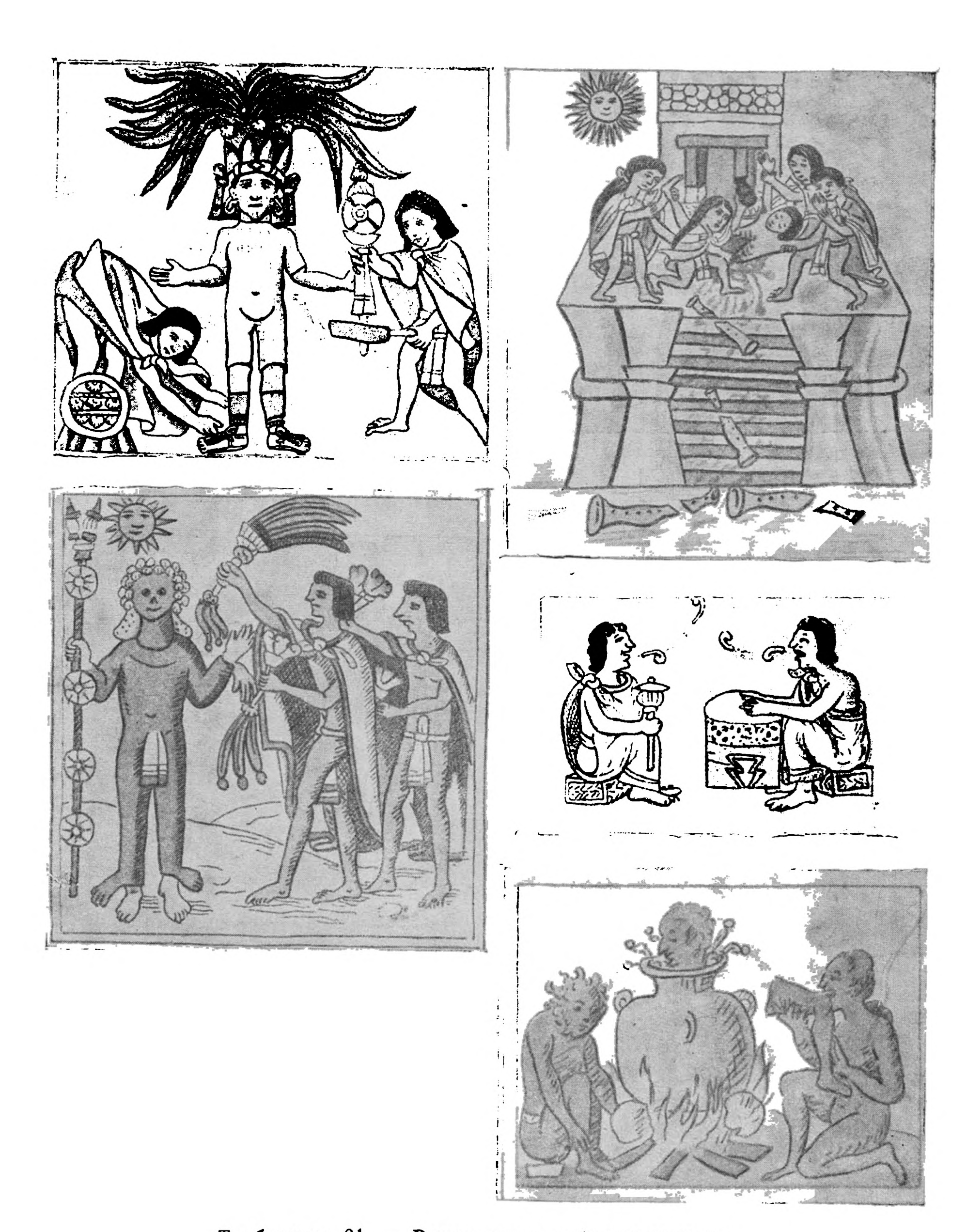

Таблица 61. — Религиозные обряды ацтеков.

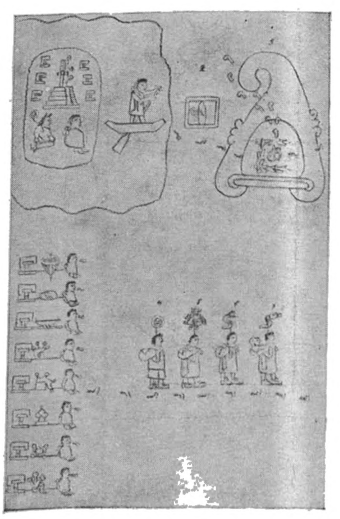
Вверху, слева: человека, предназначенного для принесения в жертву, наряжают, надевают соответствующий головной убор, снабжают щитом и магическим зеркалом для исполнения роли тескатлипоки. *Справа:* по прошествии года жертву убивают. На лестнице и у подножия ее видны флейты, брошенные при подъеме к алтарю. *Посередине, слева:* одевание жреца в костюм Шипе (человеческую кожу). *Справа:* музыканты с трещеткой и обтянутым кожей барабаном „уэуэтл". *Внизу, справа:* обрядовое людоедство. Художник флорентийского кодекса, очевидно, никогда не принимал участия в таком пиршестве, довольно частом до завоевания.

33

Таблица 62. — Рукописи ацтеков.

Вверху, слева: завоевания Монтесумы II; см. табл. 63. *Посредине, слева:* странствования ацтекских племен. Они покидают остров на лодке и достигают холма с пещерой, где живет Уицилопочтли. Здесь они делятся на несколько кочевых групп. В приведенном списке перечисляются, сверху вниз: матлацинки, тепанеки, шчимеки, милапалки, куитлауаки, шочимилки, чалки и уэшоцинки (кодекс Ботурини). *Справа:* свидание Монтесумы, Кортеса и Марины (Полотно Тлашкала). *Внизу, слева:* ежемесячный обряд (Бурбонский кодекс). *Справа:* опись дани (кодекс Мендосы).

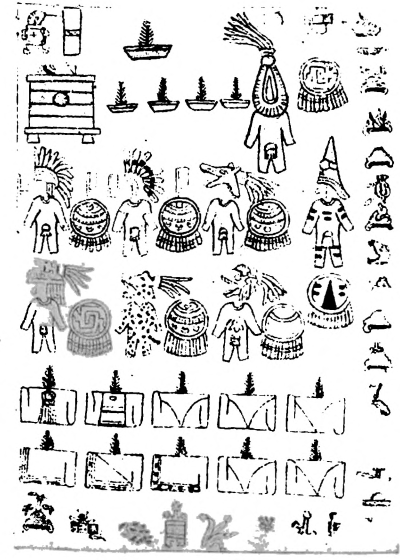

Таблица 63. — Письмо ацтеков.

Страница из кодекса Теллериано Ременсис, описывающая период с 1424 по 1439 гг. В квадратиках даны названия годов, в которых чередуются четыре названия и тринадцать чисел. Легко проследить их последовательность: десятый день ножа, одиннадцатый день дома, двенадцатый день кролика, тринадцатый день тростника, первый день ножа, второй день дома и т. д. Смерть Чималпопоки („курящийся щит“) отнесена к году двенадцатого дня кролика (1426), так же как и вступление на трон Ицкоатла („змея ножей“). Каждый правитель обозначен своим иероглифом. Поражение Маштлы изображено в виде затмения Солнца. Цифры и надписи были сделаны после испанского завоевания двумя священниками (судя по почерку) при помощи туземных писцов (ср. табл. 62, наверху, налево).

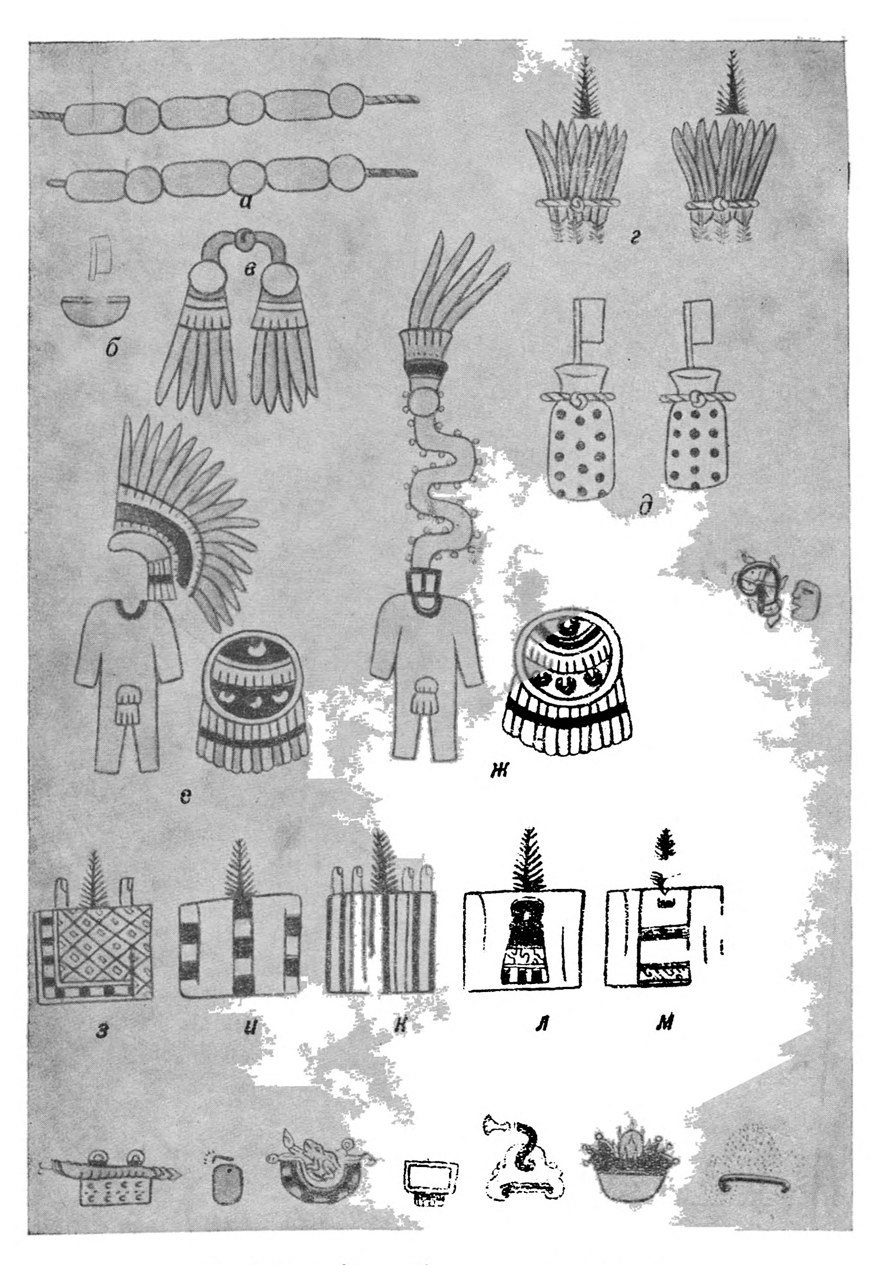

Таблица 64. — Письменность ацтеков.

Страница из описи дани Монтесумы (по Спиндену, 1928). Города-данники помещены внизу. Дань состояла из: а) двух ниток нефритовых бус; б) 20 тыквенных блюдец золотой пыли, в) царского головного убора, г) 800 пучков перьев, д) 40 мешков кошенильного красителя, е—ж) 2 костюмов воинов, з) 402 хлопчатобумажных одеяла такого рисунка, и) 400 одеял; к) 404 одеяла, л) 400 одеял, м) 400 одеял. Единицы передавались изображением пальцев — двадцать передавалось при помощи флажка, а древоподобные знаки обозначали четыреста. Значок для восьми тысяч можно видеть на табл. 62 (внизу, направо), в верхнем углу, налево, он указывает число сосудов с медом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава I. **Исторические и культурные основы ацтекской цивилизации** 19

Теоретический обзор социальных и экономических условий развития индейской культуры.

Глава II. **„Средняя культура“ в долине Мехико** 37

Попытка восстановления на основании археологических данных истории и социального устройства народов, населявших в древности Центральную Мексику.

Глава III. **Теотиуокан и классические толтеки** 51

Описание культуры, которой Мексика обязана своими поразительными памятниками, и попытка восстановления истории создателей этой культуры по имеющимся скудным и искаженным источникам.

Глава IV. **Чичимекский период и династические толтеки** . . 65

Политические, социальные и культурные события, способствовавшие созданию цивилизации ацтеков.

Глава V. **Ацтекский период** 75

Изложение истории теночков и характеристика политической стороны культуры ацтеков.

Глава VI. **Человек и племя** 86

Основные принципы воспитания, управления, права и социальных установлений ацтеков.

Глава VII. **Экономика** 97

Экономика семьи и племени ацтеков.

Глава VIII. **Ремесло** 108

Как ацтеки достигли в ремесле высокой ступени искусства при помощи ограниченных технических средств.

Глава IX. **Изящные искусства** 119
Рассмотрение элементов ремесла ацтеков, которые мы относим к области «изящных искусств».

Глава X. **Религия** 129
Краткий обзор вселенной и населявших ее богов по представлениям ацтеков.

Глава XI. **Культ** 138
Религиозная организация, празднества и связь между культом, календарем и письменностью.

Глава XII. **Внешние сношения и война** 151
Отношения ацтекских племен между собой во время мира и войны. Характер господства ацтеков. Военная организация и способы ведения войны.

Глава XIII. **Описание Теночтитлана** 159
Что увидели испанцы, когда они вошли в этот великий город ацтеков.

Глава XIV. **Агония ацтекского народа** 169
Причины, обусловившие успехи испанцев и гибель ацтеков.

Глава XV. **Ацтеки после завоевания** 191

Р. В. Кинжалов. **Археологическое изучение Мексики за последние годы** 219

Библиография 234

Фототаблицы—в конце книги

Редактор *А. В. Старостин*

Переплет, титул и заставки
М. В. Борисовой-Мусатовой

Технические редакторы
А. Н. Никифорова и *Б. И. Корнилов*

Корректоры
Н. А. Булгаков и *О. А. Ковалевская*

*

Сдано в производство 9/VIII 1949 г.
Подписано к печати 3/XII 1949 г.
А 14781. Формат $60\times92^1/_{16}$.
Издат. № 6 532.
Печ. л. $15^1/_4$+2 вкл.+4 л. фото-таблиц.
Уч.-издат. л. 20,3. Цена 19 р. Зак. 1136.

*

20-я типография „Союзполиграфпрома“
Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.

Москва, Ново-Алексеевская, 52